

ТАЙНЫ
XX
ВЕКА

ТАЙНЫ
XX
ВЕКА

ИОСИФ ДАЙЧМАН

«МОССАД»

ИОСИФ ДАЙЧМАН

«МОССАД»

История лучшей в мире
разведки

ТАЙНЫ
XX
ВЕКА

ИОСИФ ДАЙЧМАН

«МОССАД»

*История
лучшей в мире
разведки*

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
2001

УДК 32
ББК 66
Д 12

5715

Серия основана в 1999 году

Книга публикуется в авторской редакции

Дайчман И.

Д 12 «Моссад». История лучшей в мире разведки. – Смоленск: «Русич», 2001. – 464 с. (Тайны XX века). ISBN 5-8138-0223-1

Израильская разведка «Моссад» считается одной из самых эффективных в мире. История создания «Моссада», его структура и методы работы, ключевые фигуры, разведывательные операции, ставшие достоянием гласности и связанные с ними политические скандалы – обо всем этом читатель узнает на страницах этой книги, увлекательного повествования о тайнах прошедшего века.

УДК 32
ББК 66

מעמותה לקליטת עליה בחיפה
ר"י ל. פרץ 20 חיפה 3304
ספריה 5715
מס

© И. Дайчман. 2001

© Составление, оформление и разработка серии «Русич». 2001

ISBN 5-8138-0223-1

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО «ШАИ»

Разведка — это всего лишь продолжение политики. Если политика плохая, то даже самая лучшая в мире разведка ее не спасет.

Иосиф Мелман

В этой книге предпринимается попытка историко-политологического исследования полувековой истории разведки и контрразведки Израиля.

В этой стране, как и в большинстве других, существовало и существует несколько организаций и учреждений, обеспечивающих разведку, внутреннюю безопасность, секретные операции и отстаивание специфическими средствами интересов государства, в том числе и не присущих другим странам мира. Некоторые из них претерпели за полвека значительные изменения, стали главенствующими или, наоборот, слились с другими подразделениями, некоторые же продолжают действовать и развиваться, порою не так сильно отступаясь от принципов, заложенных в первые годы их существования. Некоторые ведомства, как, например, военная разведка, практически ничем принципиальным не отличаются от подобных служб в том

большинстве стран, которые ощущают военную угрозу со стороны соседей или, наоборот, стремятся к достижению военного превосходства. Другие ведомства более специфичны и если имеют аналоги в других странах, то достаточно далекие. Например, трудно найти прямой аналог той части разведывательного сообщества, которое обеспечивает, иногда «легально», на государственном уровне, а иногда только путем специальных операций, иммиграцию евреев из всех стран диаспоры.

Говоря об израильской разведке, нельзя ограничиваться только «Моссадом» или «Шерут Модииин», точно так же как контрразведка страны — это не только «Шин Бет». Пожалуй, как в никакой другой стране, здесь действует именно разведывательное сообщество (с довольно широкой ротацией кадров между подразделениями), что не исключает конфликтов между его ветвями, несколько напоминающих постоянные трения между, например, ЦРУ и ФБР в США или КГБ и ГРУ в СССР. И уж наверняка ни в одной другой стране не было ситуации, когда перестройка и развитие разведслужб было бы столь тесно увязано со стремительными сменами политической обстановки, а порой и внутренней конъюнктуры, которые происходили в этой молодой и небольшой стране.

Как во всех странах и регионах, разведка здесь существовала и действовала с незапамятных времен. Те государственные, социально-политические, экономические и клерикальные образования во всех уголках мира, которые не уделяли достаточного внимания разведывательным действиям, как правило, безвозвратно канули в небытие — или выстояли на каком-то конкретном историческом этапе только ценою чрезмерных страданий и усилий.

Длительная история тяжелейшей, наполненной перипетиями борьбы семитских народов на Ближнем Востоке, борьбы, в которой постоянно осуществлялся

целый ряд разведывательных и контрразведывательных, диверсионно-террористических, пропагандистских, дезинформационных и прочих тайных и явных операций, достаточно подробно описана в общедоступном источнике — Библии и Евангелии. Некоторые специальные операции тех времен (скажем, акция по устранению крупного военного лидера с помощью Юдифи или весьма подобная ответная — против Самсона, психологические атаки и спецоперации Моисея, применение спецсредств под Иерихоном) стали классикой, реально исходной точкой формирования идеологии для большинства, почти для всех разведслужб мира.

В новейшие же времена официальную историю разведки отсчитывают с 1948 года, причем это было бурное начало, поскольку борьба Израиля за право на существование началась уже в день создания государства — тогда на его территорию вторглись армии соседних арабских государств. Но конкретная, практическая история израильской разведки как формирования, как штатной профессиональной службы началась раньше — точно так же, как борьба за будущее государства началась не в 1948 году, а почти на тридцать лет раньше, когда по решению Всемирной Сионистской Организации в Палестине была создана подпольная армия «Хагана». В ней — это парадигма существования и деятельности армии — были выделены структуры разведки и контрразведки. И точно так же, как сформированные в 1941 году в составе «Хаганы» ударно-диверсионный отряд «Палмах» и морские силы «Пал-Ам», эти структуры стали основой, на которой и создавались армия, ВМФ, разведывательное сообщество — и, фактически, почти все государственные структуры Израиля.

Со времени, так сказать, «эмбрионального» развития государства проявилась важная специфическая черта или тенденция, которая не всегда выявляется в конкретных исследованиях, но всегда наличествует.

Большинство из первых лидеров Израиля были

помимо того что сионистами (это настолько общая для практически всех фигурантов исследования характеристика, что повторять ее каждый раз просто совершенно излишне), еще и социалистами демократического толка, т. е. приверженцами построения демократического общества; но, создавая его основы, надо было обеспечивать безопасность и оборону своей страны.

Эта сложная и несколько противоречивая задача — обеспечение строго управляемого, но одновременно и свободного демократического общества — решалась всю историю Израиля и решается поныне, хотя к власти в последующие годы приходили и приходят лидеры со значительно более удаленными от социал-демократии ориентирами.

Кроме того, совершенно очевидно, что в таком специфическом государственном образовании на социально-политическую ситуацию в стране влияют религиозные процессы и тенденции; позиции религии — неоднородной, кстати, хотя и государственной, — очень сильны. Точно так же политические действия, векторы иммиграции (алии) и реалии всех основных государственных институтов постоянно изменяют обстановку — точно так же, как сами они зависят от ситуации и подвержены ее влиянию.

О некоторых из социальных институтов, например о роли армии в израильском обществе, в других исследованиях сказано уже немало. Здесь пойдет речь о службах, обеспечивающих безопасность государства методами разведки и контрразведки, — не потому, что таких исследований не существовало или автор располагает принципиально иными сведениями, переворачивающими уже сложившиеся представления, а скорее всего потому, что историческая дистанция дает больше оснований для их беспристрастной оценки и анализа. Некоторые из процессов, попросту не замеченных, не проявленных в должной мере, сейчас, на рубеже веков, развернулись вполне очевидно. Другие же явления за-

малчивались в исследованиях или давались с большими натяжками и оговорками, скорее всего из опасения выглядеть «непатриотичными». Но по нашему глубокому убеждению, патриотизм никак не предполагает зашоренность и замалчивание негативных явлений.

ЧАСТЬ 1

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО...

Глава 1. ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ

Итак, официальное начало.

...30 июня 1948 г. шестеро мужчин в хаки поодиночке нырнули в здание № 85 по улице Бен-Иегуда в Тель-Авиве, где на втором этаже дома под вывеской «Консультационные услуги» располагалась штаб-квартира организации, известной под названием «Шаи». ¹ Это была служба разведки подпольной армии палестинских евреев, армии, известной ранее, до получения Израилем независимости, как «Хагана» («Оборона»). Управление «Шаи» также называли аббревиатурой РСЕА – разведывательная служба Еврейского агентства.

Собственно «Шаи» на то время занималась общей разведкой и сбором информации, а другое управление при ЕА, управление «Моссад» – контрразведывательными и специальными операциями; еще, так сказать, в «эмбриональном периоде» израильские службы разведки и контрразведки уже были весьма знамениты как своей эффективностью, так и жесткостью действий.

Теперь пришло время изменить не только название, но и структуру и особенности действий. Через

6 недель после официального провозглашения (15 мая 1948 г.) Государства Израиль «Хагана» вошла в состав вооруженных сил страны (точнее, стала их основой), что ознаменовало конец организации «Шай» — и рождение нового израильского разведсообщества.

Люди, собравшиеся в тот день в Тель-Авиве, были руководителями (а иногда и основателями) секретных служб, составляющих современное израильское разведывательное сообщество. Эти люди, служащие только-только рожденного государства, все без исключения были далеко не новичками, все обладали огромным, как правило, многолетним опытом проведения тайных операций: шпионаж, контрабанда, сбор информации любыми, даже сверхжесткими методами — они делали все, что требовали обстоятельства, во имя создания страны и обретения ею независимости, а также утверждения в ней идеалов сионизма. Немного примеров в истории, когда страна (а не просто форма государственности, как, скажем, иерократия, коммунизм или нацизм) создавалась как воплощенная идея.

О реальном участии руководителей разведки во внутренней политике Израиля, или, как считают более уместным сказать некоторые авторы, «в процессе становления и развития демократии», сведений не так много.

Апологеты утверждают, что руководители спецслужб «всегда оставались на позициях наблюдателей и никогда не принимали полноценного участия в политическом процессе». Равнялись, дескать, на англичан: с одной стороны, на английских контрразведчиков, которые в свое время достаточно жестко и эффективно вели борьбу с подпольным движением евреев в Палестине, а с другой стороны — на лондонских политиков. Им нравились и те и другие. Но весь исторический опыт, накопленный в мире, свидетельствовал о том, что не существовало рецепта, как защитить страну во время войны, не подавив одновременно демократию, — особенно на Ближнем Востоке, чуждом западным представлениям и ценностям.

Пожалуй, только у англичан накопился кое-какой опыт; теперь надо было попытаться им воспользоваться — и те, мягко говоря, резкие и кардинальные действия, которые предпринимались разведчиками и вызывали самую неоднозначную реакцию, были исканиями, предпринятыми с самыми добрыми намерениями.

Есть и другие мнения. Наверное, никак нельзя сбрасывать со счетов, что многие высшие руководители Израиля — вплоть до премьер-министров и президентов — достаточно долго проработали на руководящих постах в разведывательном сообществе или хотя бы служили в каком-либо из его подразделений, а у прочих ведущих политиков опытные разведчики были постоянными консультантами и штатными советниками. Важнейшие департаменты правительства, в частности Министерство иностранных дел, не говоря уже о МВД, работало и работает в настолько тесной взаимосвязи с разведчиками, что порой трудно различить официальную и тайную политику. И более чем сомнительными кажутся предположения об их «демократических» ориентирах. Разведчики всех уровней исповедовали скорее тоталитарные нормы и просто ограничивались в действиях идеологическими (сионизм) мотивами.

Итак, вернемся к истории.

Крайне напряженная — шла война с превосходящими силами арабских государств — обстановка и скудость ресурсов, которыми располагало только-только созданное государство, требовало принятия срочных стратегических решений.

Они были выработаны руководством правящей партии «Мапай» — основные стратегические концепции определялись самим «Стариком»² и его доверенным помощником Рувеном Шилоем. Затем лидер партии, первый премьер Давид Бен-Гурион на их основе провозгласил секретную доктрину обеспечения жизненных интересов государства.

Исходя из нее, он сообщил на встрече с нынешним шефом «Шаи», что разведка должна быть реорганизована и развита с тем, чтобы стать важнейшей частью обороны Израиля. Причем она должна быть не просто хорошей, а превосходной.³ И вот теперь в штаб-квартире «Шаи» проводилось совещание для практической реализации намеченных принципов.

На этом последнем совещании «Шаи» председательствовал руководитель этой высокоэффективной организации подполковник Иссер Беери. Это был рослый, чернобровый мужчина с запоминающейся внешностью: подбородок с глубокой ямочкой, резкие черты лица, кустистые брови и венчик седых волос вокруг большой лысины. За высокий рост его называли «Большой Иссер».⁴

Он ознакомил присутствующих (а это были руководители или специальные полномочные представители основных ведомств, осуществляющих разведывательную и охранно-контрразведывательную деятельность) с директивами, полученными от «Старика».

Следовало выполнить указание премьер-министра: распустить «Шаи» — но использовать кадры этой организации как основу нового разведсообщества.

Дело было не в том, чтобы дать «Шаи» новое название. Вместо этого бывшая разведслужба «Хаганы», но не только она, а и отдельные структуры других сионистских организаций и некоторые из этих организаций целиком должны были стать основой для создания следующих четырех самостоятельных специальных служб.

Военная разведка

В соответствии с общей доктриной и специальным решением премьера, Беери объявил, что отныне он будет возглавлять военную разведку, «Шерут Модиин», ведущую и важнейшую службу в разведсообществе,

подчиненную Министерству обороны. В то время она называлась Разведывательным отделом армии, а позже она стала называться короче: «Аман», что означало «разведывательное крыло».

Перед этой службой стоял широкий круг задач: сбор информации о вооруженных силах, прежде всего, соседних арабских стран как наиболее вероятного противника, цензура израильских средств массовой информации, безопасность вооруженных сил и военная контрразведка.

Служба внутренней безопасности

Беери объявил ветерану «Шаи» Иссеру Харелу, что тот назначается вместо Хаима Герцога, перешедшего в военную разведку, руководителем контрразведывательного агентства, известного в настоящее время как «Шин Бет», то есть Службы общей безопасности.

Иссер Харел как раз в то время проходил юридическую процедуру смены фамилии (вместо «Гальперин», под которой он родился в России в 1912 году). В организации «Шаи» он занимался наблюдением за правым крылом еврейских организаций, многие из которых вели активную террористическую деятельность, а также — что весьма было важно — отвергали авторитет Бен-Гуриона и «Хаганы».

Предложенный пост был по душе Харелу⁵, так как он был убежден, что внутренние враги Израиля могут быть так же опасны, как и внешние; он также был твердо убежден, что истинные защитники Израиля должны строго придерживаться определенного кодекса поведения — и практически всегда и во всем проводил в жизнь эту убежденность.

Достаточно скоро оказалось, что обеспечением внутренней безопасности его интересы и возможности не ограничиваются.

Служба внешней разведки

Здесь произошли самые серьезные изменения. Собственно говоря, как структура она создавалась впервые — в предшествующий период сведения от многочисленных источников во внешнем мире обобщались и анализировались по мере возможности всеми членами политического руководства. С формированием МИД было признано целесообразным осуществлять координационно-аналитическую работу в его рамках.

Беери сообщил Борису Гуриелю, что в качестве нового начальника политического департамента Министерства иностранных дел он будет входить в состав разведсообщества и отвечать за сбор информации за пределами Израиля.

50-летний уроженец Латвии Борис Гуриель (Гурвич) уже имел большой опыт работы с иностранцами; во время Второй мировой войны он служил в английской армии и был взят в плен немцами, но уцелел. В «Шаи» он отвечал за ведение разведки за представителями английских властей в подмандатной Палестине.

Вскоре в составе МИД и его политического департамента под руководством Гуриеля был создан специальный «исследовательский отдел» («Махлекет Хамикар»), непосредственно организовывавший проведение разведывательных операций под прикрытием дипломатических представительств нового государства.

Эта структура просуществовала недолго.

Институт «Алия-Бет»

По решению премьер-министра «Институт Алия-Бет», включающий, наряду с центральными и региональными структурами, службу «Бриха», ведающую эмиграцией (алией) евреев из стран социалистического лагеря, дол-

жен продолжать свою тайную деятельность под руководством Шауля Авигура, хотя предполагалось, что первоначальная миссия «Алии-Бет» — тайная доставка в Палестину еврейских эмигрантов — будет скорректирована, так как эмиграция в Израиль, как полагали в тот период, стала вполне легальной⁶.

Руководитель «Алии-Бет» Саул Мейеров родился в 1899 году в Латвии. В 1934 году он помогал создавать «Шаи» и в 1948 году был одним из заместителей Бен-Гуриона как министра обороны. Его главная задача заключалась в закупке оружия за рубежом (служба «Рекеш»; в первые послевоенные годы закупалось и ввозилось преимущественно немецкое и чешское оружие через Балканы и Италию).

В Израиле Саул принял имя Авигур — «отец Гура» — в память своего сына Гура, погибшего в Первой израильской войне.

Авигур не присутствовал в Тель-Авиве в момент рождения израильского разведсообщества, так же как не присутствовал там и другой основатель организации «Шаи», Рувен Шилой. Однако именно Шилой как специальный советник премьер-министра по внешней политике и стратегическим вопросам задумал реорганизацию разведслужб. О нем и об основных принципах, положенных им в основу деятельности, в следующей главе. Здесь же считаем необходимым обратить внимание на вот какую важную сторону «исторического начала». Да, все руководители были людьми опытными, закаленными в многолетней борьбе. Да, все основные структуры разведывательного сообщества, под теми или иными названиями, уже существовали, и речь шла об организационно-структурных факторах, а иногда просто о бюрократических процедурах. Да, в каждой службе уже были более-менее опытные и высокопрофессиональные работники — и практически все они без

исключения продолжали работу в разведке еще несколько десятилетий. Все время приходили новые люди, но «старики», когда появлялись отделы, становились руководителями отделов; когда формировались подразделения, становились их руководителями, или же оставались ответственными оперативниками, резидентами, кураторами, старшими агентами. Это были, в общем-то, люди одного поколения, одного призыва, одной идеологии или, как модно сейчас говорить, менталитета. И если первые руководители определяли, так сказать, «лицо» соответствующих служб, то эти — в большинстве своем неизвестные, связанные подписками пожизненного молчания — работники обеспечивали функционирование механизмов разведки. Их личные взлеты и их личные слабости, уникальное сочетание таланта, интуиции, профессионального мастерства, идейности — и в то же время характерной для самоучек ограниченности и верхоглядства в сочетании с известным комплексом превосходства — и определили многие особенности действий разведки примерно до середины шестидесятых.

А естественная смена поколений, приход во все ветви разведсообщества на заметные посты людей с другим опытом, другим образовательным уровнем и, шире, с другим менталитетом лежит в основе специфики истории разведсообщества в семидесятые годы.

Но не будем пока забегать вперед. Поговорим о Разведчике №1.

Глава 2. ПОСЛАННИК НЕБЕС

Это имя — Рувен Шилой (в другой транскрипции — Шилоах) — пока еще по большому счету не приобрело национальную известность и не вошло в сонм героев, уважаемых евреями всего мира. Такова реальность: люди из теневой сферы, например шпионажа, редко получа-

ют (при жизни) признание, которое они заслуживают, если вообще становятся известными. Имя Шилой, тем не менее, следует запомнить как олицетворение разведки Израиля.

Кстати, за пределами государства благодаря своей многогранной деятельности он был достаточно известен — хотя его известность больше касалась легальных сторон его работы. Многие политические и деловые партнеры Шилоя считали его прежде всего не разведчиком, крупнейшим стратегом разведывательного сообщества Израиля, а дипломатом и политическим организатором, «очень деловым человеком», близким к первым руководителям страны.

Вот как о нем вспоминают: «Невысокого роста, с голубыми глазами, поблескивающими за стеклами «профессорских» очков, Шилой обладал пронзительным, давящим взглядом».

«От него исходило ощущение силы и таинственности».

«Он отличался ненасытной любознательностью и всегда вникал в мельчайшие детали вопросов, которыми занимался».

На правой щеке этого невысокого, сдержанного, всегда аккуратно одетого человека змеился шрам — памятка от взрыва арабского автомобиля, начиненного взрывчаткой, в марте 1947 года неподалеку от иерусалимского представительства Еврейского агентства.⁷ Те, кто его знал, говорят, что Шилой умел задавать вопросы, но сам редко давал ответы. Это был одинокий волк, который занимался своим делом, предпочитая оставаться за кулисами, пунктуальный и методичный аналитик, представлявший свои рекомендации без какой-либо эмоциональной окраски. Он был очень реалистичным, точным и прагматичным человеком, но в личной жизни предпочитал оставаться загадочным.

«Шилой любил в своих интервью и при заполне-

нии всякого рода анкет сообщать о себе противоречивые сведения, даже когда эти детали не имели особого значения, как если бы он хотел создать вокруг себя обстановку тотальной секретности», — отмечал его биограф Хагай Эшред.

«Когда Рувен Шилой садился в такси, — вспоминает его друг, выдающийся дипломат Абба Эбан, — он никогда не называл водителю адрес. Только лаконичный приказ: «Поехали». И когда водитель спрашивал: «Куда?», Шилой смотрел на него таким пронизывающим и недоверчивым взглядом, будто тот был опасным шпионом»⁸.

Шилой пришел в этот мир под именем Рувена Засланского.

Его семья жила в ортодоксальном еврейском районе Иерусалима, который в то время управлялся Оттоманской империей. Отец Рувена, Ицхак Засланский, был раввином, который передал своим детям — двум сыновьям и двум дочерям — стремление к знаниям, далеко выходящее за рамки традиционного религиозного образования. Кстати, ортодоксальные семейные традиции не оставили большого следа — Рувен отказался от многих специфических обычаев, например, от употребления кошерной пищи.

Учителя Рувена отмечали, что он был серьезным и талантливым студентом. Он обладал чувством юмора (хотя редко его выказывал), а также обнаружил актерский талант, который впоследствии весьма пригодился в разведывательной работе.

Рувен мог быть обаятельным, если ему хотелось таким казаться. Когда он преподавал иврит новым иммигрантам из Америки, то стал ухаживать за активисткой социального обеспечения Бетти Борден из Нью-Йорка. В 1936 году они поженились.

...Но главной его «любовью» была «Хагана», где Бен-Гурион и другие лидеры, быстро заметив его та-

ланты, продвигали Рувена вверх по командной лестнице — и он отвечал им беспредельной преданностью.

По мере подъема в руководство сионистского движения он сократил свое имя с Засланского до Заслани, а впоследствии взял в качестве имени свой подпольный псевдоним «Шилой».⁹

Ему действительно приходилось выполнять деликатные поручения, прежде всего Бен-Гуриона. Это еще не была настоящая разведывательная работа, но с самого начала деятельности его тайные миссии предполагали четкое определение противников, сбор полной информации о них и вечный поиск союзников.

Свое первое настоящее разведывательное задание Шилой получил в августе 1931 года, когда ему еще не исполнилось 22 лет. «Еврейское агентство» внедрило его в столицу Ирака Багдад. Официальным прикрытием его внедрения была работа школьным учителем в еврейской школе. Преподавание не отнимало слишком много времени и сил, поэтому выглядело вполне естественно, что способный молодой педагог Рувен Засланский-Шилой в свободные дни также подрабатывал как журналист — что, естественно, позволяло ему совершать и даже предполагало многочисленные поездки по стране.

За три года такой «журналистской» работы Шилой сумел создать внушительную информационную сеть. Особенно полезны оказались вылазки в горный Курдистан, на севере Ирака, где ему удалось установить контакты с горцами, не имевшими своего государственного образования. Опыт успешного сотрудничества с курдами в дальнейшем лег в основу «периферийной философии», одного из важных догматов израильской разведки. Так называлась стратегия тайных (в редких случаях — и явных) союзов с неарабскими меньшинствами на Ближнем Востоке.

Шилой небезосновательно считал, что евреи могут

найти себе друзей и «внутри» арабских стран, и на периферии арабского мира.¹⁰

Работа в Ираке прошла успешно, опыт и идеи Шилоя стали пользоваться все большим вниманием в руководстве. В 1934 году «Хагана» поручила ему создание профессиональной разведывательной службы — «для защиты долгосрочных интересов еврейской общины» в Палестине. Эту работу он выполнял вместе с Саулом Мейеровым (Авигуром), и вскоре они создали «Шаи».

Официальной работой Шилоя в те годы считалось поддержание связи между Еврейским агентством Бен-Гуриона и британской администрацией в Палестине, отношения между которыми складывались далеко не безоблачно.¹¹

Когда в Европе началась Вторая мировая война, Шилой много сделал для улучшения и углубления еврейско-британских отношений. Наконец-то самые консервативные британские политики осознали, что нацистская Германия была общим врагом как евреев, так и англичан, и, хотя не без ряда сложностей, начали устанавливать конструктивное сотрудничество.

Шилой помог создать еврейскую бригаду в составе британских вооруженных сил. Это был дальновидный шаг: впоследствии бригада явилась одной из основ израильской армии. Немалое число посланцев «Хаганы» сражались в составе отдельных, в том числе и разведывательно-диверсионных подразделений британской армии; те, кто прошел сквозь огонь войны, со временем вышли на важные рубежи в структурах страны, стали основой истеблишмента государства. Многие из них успешно работали в разведке — факты военной биографии нередко встречаются в биографических справках фигурантов этой книги.

Война стала тяжким испытанием для палестинских евреев, которым удалось спасти очень немногих своих

братьев от гибели в нацистских лагерях смерти, но для Шилоя и соратников военные годы стали периодом особенно напряженной работы и позволили приобрести большой и полезный опыт.

Ведя борьбу всеми доступными способами, они приобретали бесценную практику проникновения во вражескую среду, иногда с применением прямо-таки маскарадных средств ведения разведки.

Людей с арийской внешностью направляли в оккупированные немцами европейские страны, а те, кто был похож на арабов и владел арабским языком, проникали в Сирию и Ливан, находившиеся под контролем пронацистского вишистского режима Франции.¹² Так, например, 26 завербованных Шилоем еврейских парашютистов были заброшены в немецкий тыл на Балканы. Некоторые из них, как, например, Ханна Сенеш и Энзио Серени, были арестованы и как шпионы расстреляны — их имена причислены к сонму героев Израиля. Другие, как Ешайху (Шайке) Трахтенберг-Дан, выжили и впоследствии сделали немало полезного в израильской разведке.

Во время войны Шилой не только учился действовать, но и приобретал влиятельных друзей, которые впоследствии будут помогать борьбе за контроль над Палестиной. Он также установил тесные отношения с представителями английской военной разведки в Иерусалиме и Каире.

Еще важнее, что во время войны были установлены первые контакты между сионистским движением и американской разведкой.

Именно Рувен Шилой сблизился с представителями Управления стратегической службы, которые в 1947 году составили ядро Центрального разведывательного управления.

После войны эти связи укрепились и стали основой для жизненно важных отношений между ЦРУ и разведкой Израиля.

Шилой называл разведку «наиболее важным политическим инструментом». В этой сфере, где намерения редко провозглашаются открыто, Р. Шилой так определял тайные цели израильской внешней политики и задачи дипломатии:

«Арабы являются врагом номер один еврейской общины, и в арабскую среду надо внедрять профессиональных агентов.

Израильская разведка не должна ограничиваться рамками Палестины. Она должна выполнять роль еврейско-сионистского гаранта безопасности евреев по всему миру.

Тайная деятельность должна основываться на современной технологии, использовать новейшие достижения в области шпионажа, поддерживая связи с дружественными службами США и европейских стран.

Шилой не участвовал во встрече в особняке на улице Бен-Иегуда, на которой была распущена «Шаи» и созданы основы разведки нового государства — он считал эту встречу чисто формальным актом, — но как автор стратегии и как ангел-хранитель издали наблюдал за рождением новой израильской разведки.

И у него сразу же появились основания для серьезного беспокойства; это было связано с действиями Иссера Беери.

Падение Большого Иссера

30 июня 1948 г., всего через несколько часов после вступления на пост руководителя, Большой Иссер совершил не первый в истории Израиля, но ставший самым скандальным «суд кенгуру», по существу самосуд, который вынес смертный приговор офицеру израильской армии, и этот приговор был немедленно приведен в исполнение, причем приговоренному было отказано даже в последнем письме¹³.

Обвиняемый, капитан Меир Тобиански (Тубянски),

служил в организации «Хагана» и после получения Израилем независимости занимался созданием одной из стационарных военных баз в Иерусалиме. Одновременно он служил в Иерусалимской электрической компании, и отношения Тубянски с британским руководством компании вызвали подозрение (хотя, возможно, это была просто зависть) его израильских коллег. Кроме того, Меир до поступления в «Хагану» служил в английской армии и поддерживал дружеские отношения с английскими офицерами. В досье контрразведки отмечались его многочисленные встречи и дружеские попойки с британцами.

В начальный период войны 1948 года иорданская артиллерия наносила поразительно точные удары по израильским базам. Даже когда в темное время суток войска меняли место расположения, на следующий день иорданская артиллерия накрывала новые позиции. Командир иерусалимского подразделения «Шаи» майор Биньямин Джибли пришел к выводу, что в рядах израильтян действует шпион. К такому же выводу пришел Бен-Гурион; вызвав Беери, он возмущенно сказал: «Чем вы занимаетесь? Немедленно найти этого шпиона!»

Контрразведчикам показалось вполне логичным, что этим шпионом может быть Тубянски, передающий информацию своим британским хозяевам и что те, в свою очередь, сообщали эти данные английским офицерам, которые командовали Трансиорданским арабским легионом. 30 июня Беери получил донос на Тубянски; в нем были только косвенные улики, но их сочли достаточными. В «Шаи» почему-то всерьез не задались вопросом — а каким образом получает, да еще в таком объеме и так оперативно, информацию сам Меир Тубянски.

Специальный военный трибунал заседал в каком-то полуразрушенном здании около дороги, ведущей из Иерусалима в Тель-Авив. В качестве судей выступали

Беери, Джибли и еще два офицера «Шаи». Протокол заседания не велся. По свидетельству участников, Меир Тубянски признал, что действительно поддерживал дружеские отношения с англичанами, но категорически отрицал передачу им или кому-то другому военных секретов.

Все члены суда, кроме Беери, впоследствии утверждали, что они просто допрашивали подозреваемого и не знали, что выносят приговор, который будет приведен в исполнение. Однако в тот же день Тубянски был расстрелян.

Один из свидетелей вспоминает: «Предатель! Они собираются расстрелять предателя!» — воскликнул мой сослуживец. Мы присели на каменистом склоне и стали смотреть. Шесть или семь солдат вывели молодого человека в защитной форме. Это были всего-навсего небрежно одетые мальчишки. Молодого человека усадили на стул. Его лицо даже не закрыли платком. Потом они отошли на несколько шагов. Мы услышали лязганье затворов чешских винтовок. Все затихло. Сияло солнце. Короткий залп разорвал тишину. Человек упал со стула...»

Через несколько часов Беери информировал премьер-министра, что военно-полевой суд приговорил к смерти предателя. Вскоре в газетах была опубликована официальная информация о расстреле. Однако жена Меира, Лена Тобианская (сотрудники «Шин Бет» арестовали Тубянского прямо в доме) была абсолютно уверена в невиновности мужа. После обращения в несколько служб она написала письмо лично Бен-Гуриону. Как позднее сказал один из помощников премьера, Бен-Гурион сразу усомнился в правильности акции. А получив эмоциональное обращение от вдовы казненного, пересмотрел это дело¹⁴.

В тот же день, 30 июня 1948 г., люди Беери подвергли пыткам ранее арестованного Йегуду Амстера, друга мэра Хайфы, северного портового города со смешан-

ным арабско-еврейским населением, — еврея Коуши, которого некоторые радикальные деятели считали слишком либеральным. Агенты «Шай» добивались от Амстера показаний о том, что мэр Абба Коуши был не только излишне «мягок» по отношению к арабам, но что он предал дело сионизма.

Жюль (Иегуда) Амстер, владелец такси и, неофициально, правая рука мэра Коуши (существовали версии также об уголовных связях Амстера), был арестован еще 15 мая 1948 г., в день провозглашения независимости Израиля. Амстера поместили в секретный лагерь и обвинили в шпионаже. Его имущество было конфисковано; допросы становились все жестче и превратились в жестокие пытки. Ему приставляли пистолет к виску, били, ему капали, по старокитайскому методу, воду на голову, вырывали зубы, поджаривали пятки, вкалывали медицинские препараты. В конце концов, 1 августа его выпустили без официального предъявления каких-либо обвинений. Этот незаконный арест и пытки в течение многих лет хранились в секрете.¹⁵

С самого начала было ясно, что Беери пытался выбить из Амстера признания, которые бы скомпрометировали его друга Коуши. Вскоре выяснилось в ходе внутреннего расследования, что Беери даже сфабриковал доказательства того, что Абба Коуши якобы занимался шпионажем против «Хаганы» в пользу англичан.¹⁶

Последней каплей в оценке деятельности Большого Иссера стало убийство богатого араба летом 1948 года. Жертвой стал Али Касем, двойной агент, которого военная разведка использовала для проникновения в арабскую милицию Палестины. Несколько агентурных провалов израильских разведчиков стали основанием для того, чтобы подозревать Касема в том, что он все-таки работал на арабов — и Беери поручил своим агентам убить Касема.

У руководства страны появились основания забить

тревогу. Бен-Гурион как премьер-министр и как министр обороны приказал провести расследование дела Касема и других дел, в которых усматривались тревожные признаки.

Расследование в считанные дни установило явные нарушения, поспешности и преступления в действиях спецслужб. Беери был отстранен от должности, и в ноябре того же года военный суд признал его виновным в убийстве. Его разжаловали в рядовые и после дополнительного расследования снова предали суду за убийство Тубянски и за применение пыток к Амстеру. Беери отрицал все обвинения, но был признан виновным и приговорен к тюремному заключению на дневное время суток¹⁷. Вот так и получилось, что человек, который был первым руководителем израильской военной разведки и наиболее активной фигурой в новом израильском разведывательном сообществе, продержался на своем посту только 6 месяцев.¹⁸

Беери до самой своей смерти от сердечного приступа в январе 1958 года продолжал утверждать, что он был ни в чем не виновен. Его сын, Итай Беери, спустя много лет категорически утверждал, что Большой Иссер только выполнял тайные приказы Бен-Гуриона.

Первое пришествие Герцога

Обстановка не позволяла допустить даже кратковременные ослабления в руководстве спецслужбами. Бен-Гурион назначил новым начальником «Шерут Модиин» (военной разведки) полковника Хаима Герцога, бывшего начальника «Шин Бет».

Тот факт, что Герцог был заместителем Беери, обеспечил преемственность в руководстве службой. Кроме того, дружба Герцога с Рувеном Шилоем, умевшим держаться в стороне от внутренних дразг и сосредоточивать свои усилия на вопросах стратегического планирования и внешней политики, но в то же время близ-

кого соратника премьера и члена правительства, способствовала реализации усилий Герцога по становлению более современной разведслужбы.

Хаим Герцог, один из самых одаренных и энергичных руководителей, пробыв на посту начальника военной разведки около двух лет (1948–1950 гг.), но успел оснастить свою службу новой техникой. Это были еще не современные компьютеры, а счетно-вычислительные машины. Таким образом Хаим Герцог и его молодые энтузиасты, в частности Ювал Неeman, сделали Израиль одним из первых государств, которое стало использовать передовые технологии в сфере шпионажа.

БЭСМ работали вполне прилично и позволили израильтянам, в частности, легко раскрыть простые коды, использовавшиеся вооруженными силами Египта, Сирии и других арабских государств¹⁹.

Глава 3. КОМИТЕТ «ВАРАШ» – С ТЕХ ПОР И НАВСЕГДА

Стремясь осуществлять более предметное руководство разведывательным сообществом, Р. Шилой создан специальный координационный орган и стал его председателем.

Этот представительский и важнейший стратегический орган стал называться Комитетом руководителей служб.

Впервые Комитет собрался в апреле 1949 года, после первой победы Израиля над арабами. Вместе с Шилоем и Герцогом в работе этого комитета принимали участие Иссер Харел, назначенный вместо Герцога начальником «Шин Бет», и Борис Гуриель из Политического отдела министерства иностранных дел. Руководители израильских спецслужб, а вслед за ними доверенные оперативники, называли этот комитет по его сокра-

ценному наименованию на иврите «Вараш», хотя это название никогда открыто не упоминалось.

Повестка дня «Вараша», место и время его заседаний с первого дня и до сей поры являются большим секретом. Однако его главная цель ясна: обеспечение эффективной координации деятельности различных спецслужб, сведение к минимуму возможности ошибок, вызванных недопониманием или дублированием.

По большому счету все то, что ставится в заслугу отдельным ветвям разведывательного сообщества, исходит от «Вараша», главного стратегического штаба; впрочем, справедливость требует считать «Вараш» ответственным и за большие просчеты разведывательного сообщества, в частности за войну Судного дня. Так оно и есть; нельзя только забывать узость этого комитета — что и сказалось в упомянутый период, когда в нем оказалось минимум двое неподходящих членов.

Когда комитет собрался в первый раз, Р. Шилой назвал его просто «координационным комитетом».

На заседание был также приглашен начальник национальной полиции Ехезкель Сахар.

Традиционно за всю историю государства полицию без крайней необходимости не посвящали в важные секреты, но она была и остается фактически самой многочисленной спецслужбой Израиля и при необходимости — а эта необходимость не раз возникала и в мирное, и в военное время — привлекалась к спецоперациям на территории государства²⁰. Кроме того, в составе полиции было в последующие годы создано Следственное управление Национальной полиции Израиля, работающее в тесной взаимосвязи с «Шин Бет», «Моссадом», «Аманом» и другими спецслужбами. Фактически можно считать, что существует в рамках Национальной полиции еще одна спецслужба, которая работает в тесной взаимосвязи с другими ветвями

разведывательного сообщества, прежде всего с «Шин Бет». При общей израильской манере засекречивать все и вся здесь режим секретности особенно жесткий; на сегодняшний день известно только, что это ведомство действует в структуре общего Следственного управления и называется Особый отдел специальных расследований и заданий (МАТАМ). В функции МАТАМ входит проведение расследований, задержание и привлечение к суду лиц по делам государственной безопасности, как правило, по поручению других секретных служб Израиля, не наделенных такими полномочиями.

МАТАМ занимается также сбором информации о многочисленных новых общественных организациях, прежде всего о «новых», возникающих по итогам волн иммиграции, а также об отдельных лицах; ведет борьбу с организованной преступностью, в рядах которой все чаще появляются международные связи, финансовыми махинациями и контрабандой наркотиков²¹.

Из руководства специальными службами не принимал участия в этом заседании только Саул Авигур из «Алии-Бет», которого интересовала не столько разведывательная информация как таковая, сколько ее практическое применение для нужд главной своей задачи — обеспечения иммиграции. Впоследствии он, по неофициальным данным, не раз присутствовал на заседаниях комитета — и его служба нуждалась в сотрудничестве с другими, и он пользовался большим уважением и авторитетом.

Красавчики и бунтари

Комитет руководителей спецслужб, «Вараш», стоящий непосредственно над всеми службами, на первом этапе своего существования выполнил еще одну важнейшую работу — подавил то, что сейчас вспоминают как «бунт шпионов».

Бунт возглавил Ашер Бен-Натан, оперативный псевдоним «Артур». «Красавчик Артур» — так часто называли привлекательного, щеголеватого и пользующего большим успехом у женщин Бен-Натана в тесном кругу руководителей израильских спецслужб.

Бен-Натан родился в Австрии в 1921 году. В 1938 году ему удалось бежать от нацистов. Он вступил в «Алию-Бет» и занимался переправкой евреев на историческую родину. Потом он, выступая под именем журналиста Артура Пиера, был координатором по линии разведки в послевоенной Вене, а позже возглавил оперативный отдел в Политическом департаменте Гуриеля.

Этот департамент Министерства иностранных дел, несмотря на его безобидное название, выполнял функции внешней разведки²². Оперативные работники Гуриеля внедряли своих агентов в арабские страны, работали в европейских странах и помимо всего прочего успешно устанавливали связи с иностранными разведывательными службами.

Напомним, что это был период становления всей государственной системы Израйля, когда каждая информация представлялась первым израильским шпионам новой и важной.

Оперативные работники политического департамента использовали прикрытие посольств и консульств Израйля в европейских странах, прежде всего в Лондоне, Риме, Париже, Вене, Бонне, Женеве. Это давало определенные преимущества в плане безопасности, но и ограничивало оперативные возможности, поскольку сотрудник посольства или консульства был открыто связан со своим правительством и мог нанести неловкими действиями ущерб политическому престижу своей страны; шпионаж традиционно считается занятием, несовместимым со статусом дипломата, хотя власти многих стран исходили и исходят из посылки, что все иностранные дипломаты являются шпионами.

До 1950 года израильские агенты в Европе замыка-

лись на парижский офис Бен-Натана, который действовал довольно независимо от Гуриеля. Позже Бен-Натан стал проводить большую часть своего времени в Тель-Авиве, получая информацию от агентов и отдавая приказы.

Резидентуры в различных европейских странах имели свою агентурную сеть — в основном состоявшую не из граждан Израиля, — которая за деньги или из морально-идеологических соображений поставляла необходимую информацию. Некоторые сведения, поступавшие от этих агентов, действительно позволяли проводить успешные операции — например, по срыву поставок вооружения в арабские страны. Наиболее значительным достижением политического департамента стало получение через агента в Дамаске военных планов сирийской армии. Эта информация была жизненно важной для Израиля.

Кроме того, эта служба «в свободное от работы время» занималась контрабандой — как они сами утверждали, не личной корысти ради, а для финансирования различных тайных операций после того, как министерство иностранных дел отказалось оплачивать счета, представляемые людьми Бен-Натана. Естественно, не все из посвященных соглашались с такими утверждениями.

В целом, однако, информация, добываемая Бен-Натаном и его работниками, получала невысокую оценку политического руководства. Отчасти это было связано с самим стилем работы Бен-Натана. Он сам и его старшие оперативные работники, включая Герсона Переса, брата будущего премьер-министра Шимона Переса, вели себя так, как, по их представлениям, должны были вести себя «настоящие» шпионы. Они ужинали в престижных ресторанах Парижа и Женевы, посещали самые модные бары и встречались со своими связными в вестибюлях самых фешенебельных отелей Европы. Их экстравагантность была прямой противо-

положностью духу пуританства и социализма, господствовавшему в тот период в Израиле.

Это вызывало недовольство, особенно Авигура и Шилоя, двух основателей израильской разведки. Одним из проявлений этого недовольства, кстати, стало уже упомянутое ограничение бюджета МИД, вызвавшее отказ министерства от широкого финансирования «Красавчика Артура» и его людей. Циркулировали упорные слухи о том, что работники политического департамента сумели добраться до некоторых счетов в швейцарских банках, принадлежавших евреям, погибшим в газовых камерах Холокоста²³.

Гуриель отметал все утверждения о том, что его люди в Европе прикарманивали деньги, что они фальсифицировали финансовые отчеты. Но ему все труднее становилось доказывать, что работа политического департамента достаточно эффективна. «Аман» (военная разведка), «Моссад» и «Алия-Бет» считали работников Гуриеля самонадеянными дилетантами, которые пыжились, но редко добывали что-либо существенное для обороны Израиля. Кроме того, Рувен Шилой как председатель комитета «Вараш» испытывал большое давление со стороны Бен-Гуриона и военного командования, требовавших точных данных о возможностях армий арабских стран. Гораздо меньше руководителей еврейского государства, располагавших всей полнотой информации о внешних и внутренних делах, интересовало то, на чем фактически специализировались Гуриель и Бен-Натан: политические планы арабских государств, их экономические проекты и альковные утехы арабских лидеров.

Наиболее рьяным противником политического департамента МИД был Биньямин Джибли, получивший к тому времени звание генерал-лейтенанта.

Он был заместителем у Хаима Герцога, а потом стал его преемником на посту директора «Аман», когда

Герцог в апреле 1950 года был назначен военным атташе Израиля в Вашингтоне.

Руководство одной из важнейших ветвей разведсообщества, впрочем, не обеспечило Джибли высокого авторитета. Против Джибли в глазах руководителей и многих ответственных работников разведки было то, что он являлся одним из «судей», приговоривших Меира Тубьянски к смерти. Многие считали, что Бен-Гурион назначил Джибли руководителем военной разведки после отставки Беери только для того, чтобы обеспечить преемственность руководства, давая понять, что эффективность управления превышает этических соображений.

Несомненно, Джибли прикладывал массу усилий для повышения эффективности разведки; однако реальным результатом стала беспрецедентная (к счастью для Израиля, временная) неразбериха в работе разведслужб. Джибли решил начать полномасштабное наступление на политический департамент; союзником его стал тогдашний руководитель «Шин Бет» Иссер Харел²⁴. Фактическим выражением этого стало то, что Джибли и Харел стали направлять своих собственных сотрудников за рубеж с заданиями, которые иногда дублировали те, над выполнением которых работали люди Гуриеля, а иногда весьма радикально им противоречили.

Результат не замедлил сказаться: стали плохо выполняться задания по всем ведомствам. Особенно страдали партнерские отношения: службы безопасности, например, Италии и Франции, особенно дружелюбно настроенные по отношению к Израилю, приходили в форменное замешательство от огромного количества противоречивых запросов от израильских офицеров связи. Разгорались ссоры и скандалы, в которых представители сторон не слишком стеснялись в выражениях. «Красавчик Артур» и другие европейские оперативники Гуриеля считали себя членами эксклюзивного

клуба внешней разведки и шумно высказывали презрение «неотесанным» военным разведчикам Джибли и «полицейским» Харела. Бен-Натан саркастически замечал, что представители этих служб никогда не смогут войти в культурное и утонченное европейское общество.

Ринулся в драку и сам Гуриель: его служба вторглась «на территорию», доселе отданную безраздельно «Шин Бет», — специалистам политического департамента было поручено осуществить негласное проникновение в посольства стран советского блока в Тель-Авиве. Харел был в ярости...

Это была типичная борьба за власть, и друзья Израиля не знали, как на это реагировать. Они хорошо понимали, пожалуй, лучше, чем ослепленные склокой руководители разведсообщества, что окруженный врагами Израиль не мог позволить себе междоусобную борьбу, — и при возможности делились своим мнением с руководством страны. Голоса эти звучали так громко, а неразбериха и снижение эффективности разведки стали такими явными, что Бен-Гурион пришел в бешенство и приказал Рувену Шилою положить этому конец.

«Господин Разведка», как иногда звали Шилоя, получил возможность столкнуть лбами соперников и реорганизовать разведсообщество.

Шилой добился, чтобы премьер отправил Бориса Гуриеля в отставку и объявил, что политический департамент будет как таковой распущен с дальнейшей передачей функций другим ветвям разведсообщества. Европейской сети Гуриеля сообщили, что она должна ждать приказов нового руководства.

Однако Бен-Натан отказывался капитулировать. Несколько дней спустя после заявления Шилоя он собрал на берегу Женевского озера совещание своих оперативных сотрудников²⁵. Оказалось, что «Красавчик Артур» и его коллеги, знатоки хороших вин и европейской кухни, оскорбились и... подали в отставку.

Они объявили, что не считают возможным продолжать прежнюю работу — хотя и никогда не будут работать на другую разведслужбу, а просто соберут свои вещи и отправятся домой, не испрашивая санкции руководства.

Кстати, вернулись не все и не слишком мирно: Бен-Натан остался на некоторое время в Швейцарии и «начал изучать международные отношения», а его люди отказались передавать свои документы Шилою и сообщать информацию о текущих операциях. В некоторых европейских заграничках они даже уничтожили кое-какие секретные документы.

Шпионы Израиля в Европе просто объявили забастовку.

Этот бунт не имел никаких шансов на успех²⁶. Шилой при полной поддержке премьер-министра провел реорганизацию через головы руководителей спецслужб, которые отказывались играть по правилам.

Теперь вся работа по организации (и естественно, вся ответственность за проведение специальных операций) была передана «Аману» — военной разведке, которой руководил Джибли.²⁷ А «на руинах» политического департамента возник «Институт по разведке и специальным задачам», более известный под названием «Моссад».²⁸

Глава 4. «МОССАД», ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

День реорганизации, проведенной Шилоем 1 апреля 1951 г., считается днем рождения «Моссада».

Директором «Моссада» Бен-Гурион назначил самого Рувена Шилоя и определил, что эта служба (предполагалось, что прежде всего это будет представительски-координационная структура) должна подчиняться непосредственно премьер-министру.

Это было первым проявлением американского влия-

ния в израильском разведсообществе.. Действительно, такое подобие прослеживается и, скорее всего, возникло по инициативе весьма тесно контактировавшего с разведкой США Р. Шилоя. Имеющееся отличие связано с типологией государственного устройства: если в стране с президентским правлением, в Соединенных Штатах Америки ЦРУ подчиняется непосредственно Белому дому, то в Израиле, где Президент исполняет более представительские, чем руководящие функции, «Моссад» подчиняется непосредственно премьер-министру. Прежняя «британская» система, где руководитель зарубежной разведки подчинялся министру иностранных дел, была отменена.

Было, однако, одно значительное отличие.

В ЦРУ всегда существовало оперативное управление. Однако при создании «Моссада» в его структуре не было предусмотрено такого подразделения. «Моссаду» некоторое время приходилось привлекать специалистов из «Шин Бет» или довольствоваться участием в совместном с «Аманом» комитете («Решут»), который контролировал деятельность и использование оперативников «подразделения 131». Так и получилось на первом этапе, что функция «Моссада» заключалась в координации действий спецслужб и сборе фактов, но предпринимать какие-либо активные разведывательные действия эта служба достаточно долго не могла, не привлекая оперативные подразделения из «Шерут Модин» или из «Шин Бет».

В дальнейшем проходила внутренняя структурализация «Моссад» — в 1958 году, например, для координации деятельности разведслужб в тех странах Азии и Африки, с которыми существовали нормальные дипломатические отношения, образован специальный комитет «Тевель», а также комитеты по работе в Америке и Западной Европе, и строго законспирированная служба «Натива», специализированная на работе против стран Восточного Блока.

Первый директор. Успехи Рувена

Шилой пробыв на посту директора недолго, но успел внедрить принципы, которыми «Моссад» руководствовался на протяжении последующих десятилетий. В частности:

— Были установлены рабочие отношения с иностранными спецслужбами, особенно с ЦРУ.

— Создано было подразделение экономической разведки, которое искало способы обхода эмбарго, введенного в отношении Израиля арабскими странами.

Одним из постоянных приоритетов, которыми напрямую руководствовался «Моссад», считалась необходимость поддержания тесных отношений Израиля с евреями по всему миру.

Шилой также провел тщательный анализ работы зарубежной израильской агентуры, поскольку секретные агенты продолжали работать, несмотря на «забастовку» старших оперативных работников и офицеров связи — внутренние конфликты и перестройки в руководстве не скоро становятся достоянием гласности.

Анализ был настолько тщательным, что Р. Шилой удалось выявить предателя в среде внешней разведки.

Давид Маген родился в начале 1920-х годов в Венгрии, где его звали Теодором Гроссом. Семья Гроссов эмигрировала в Южную Африку, и Теодор отправился в Италию учиться музыке. Превосходный певец, он выступал в опере в Италии и в Мексике. Вторая мировая война привела его в английскую армию. Он стал офицером разведки и, сменив свое имя на Тед Кросс, выполнял опасные задания в Италии и Германии.

Когда в 1948 году в Палестине началась война, Гросс-Кросс возвратился в Израиль, принял имя Маген²⁹ и поступил в армию. С учетом его опыта, а также того, что он владел английским, немецким, итальянским, испанским и французским языками, его напра-

вили в политический департамент Бен-Натана. Под именем Теда Кросса его заслали в Италию для руководства агентурной сетью из числа проживающих в этой стране арабов, которые собирали политическую и военную информацию для Израиля. В период нахождения в Италии он занимался торговлей наркотиками и даже был арестован за это, но в тогдашней обстановке это не привело к прекращению агентурной работы.

В 1950 году Маген-Кросс был направлен в Египет, где он также руководил работой местной агентуры.

«Моссад» некоторое время получал сообщения от своего каирского резидента, но характер этих донесений, а также сведения из других источников и от других агентов заставили серьезно насторожиться. В 1952 году он был отозван и через Рим возвратился в Тель-Авив, где и был немедленно арестован, предан суду, признан виновным и приговорен к 15 годам лишения свободы.

Оказалось, что Маген-Кросс установил контакт с египетской разведкой. В свое оправдание он утверждал, что установил контакт с египтянами в целях их дезинформации — он хотел предложить себя в качестве двойного агента, сохраняя лояльность к Израилю. Аргументы Магена были отвергнуты обвинением и судом³⁰.

В 1959 году после 7 лет тюремного заключения Маген был освобожден. В очередной раз сменив имя, он женился, завел семью и до самой смерти в 1973 году жил в Израиле; в частных беседах говорил о допущенной в отношении него несправедливости. Мало кто из соотечественников знал его подлинное имя или его подлинную историю.

Просчеты Рувена

Несомненные удачные стратегические решения и определенные тактические успехи не отменяли каждодневной работы. Но скоро стало ясно, что Шилой,

официальный шеф «Моссада» и одновременно председатель комитета «Вараш», был так занят внутренними вопросами и бюрократическими процедурами, что не уделял достаточного внимания событиям за рубежом.

Рано или поздно должен был случиться громкий провал, что было очевидно, — ни одна спецслужба в мире от него не застрахована. Но этот, произошедший в Ираке как раз в период, когда произошла реорганизация и был создан «Моссад», представляется прямым отражением неразберихи в спецслужбе, и его следует поставить прежде всего в вину Шилою: решение внутренних организационных вопросов не должно приводить к таким просчетам в организации разведывательных операций.

...Однажды два человека в одинаковых рубашках с короткими рукавами и без галстуков, посетили менеджера тель-авивской фабрики компании «Техно-Кфитц» Якова Франка и сообщили: «С тобой хочет поговорить Рувен Шилой».

Франк слышал о Шилое и без колебаний согласился встретиться с легендарным шпионом.

Франк, тридцатилетний крепыш-блондин, был активистом «Хаганы» и в свое время, спасаясь от британских властей, бежал из Палестины в Нью-Йорк, где работал по линии «Алии-Бет». Во время Второй мировой войны он в рядах американской армии воевал на Тихоокеанском театре с японцами и в 1944 году был тяжело ранен на Филиппинах. В 1948 году, после получения независимости, он с американским паспортом в кармане и с ежемесячной пенсией от Пентагона возвратился в Израиль.

Здоровье позволило ему принять участие в войне с арабами на стороне Израиля. И вот теперь, в 1951 году, вновь предстояла действительная служба.

В Кирии, в так называемом «Городском центре», обширном правительственном и военном комплексе в

восточном секторе центральной части Тель-Авива, Франка провели в одно из зданий, где не было ни одной вывески с упоминанием разведки, и он оказался в кабинете Шилоя.

Руководитель разведсообщества изучал досье на Франка.

— Послушай, Яков, — обратился он к Франку, пронизывая его острым взглядом, — я вижу, что ты помогал «Алии-Бет» возвращать евреев в Израиль, а потом хорошо воевал и получил звание майора. Ты как раз такой человек, который нам нужен.

— Что я должен буду делать? — спросил Франк, всегда готовый служить Израилю.

— Я хочу направить тебя в Ирак, — ответил Шилой. — Наш человек в Багдаде завершает свою работу там, и мы хотим, чтобы ты возглавил нашу резидентуру.

— Я согласен, но при одном условии, — ответил Франк, будто предчувствуя возможные осложнения. — Если я получу все необходимые полномочия.

— Разумеется, — согласился Шилой. — Ты будешь отвечать за эмиграцию евреев оттуда, а также за сбор информации.

— А разве не «Алия-Бет» занимается проблемой эмиграции евреев? — Франк, ветеран этой службы, хотел точно знать, на кого он теперь будет работать.

— Не беспокойся, — заверил его Шилой. — Все координируется.

Затем Франк был приглашен на беседу к министру иностранных дел Моше Шаретту, который подчеркнул важность багдадской операции и заверил Франка, что за ним будет Государство Израиль.

И вот, после обязательной профессионально-технической подготовки, спустя три недели Яков Франк уже летел из Тель-Авива в Тегеран с паспортом на имя Ицхака Штейна.

В столице Ирана он встретился с местным резидентом «Алии-Бет» Сионом Коэном.

— Скажи, Сион, — спросил Франк, — на кого я работаю? На Шилю? Тогда какая это служба?³¹ На «Алию-Бет»? На политический департамент Гуриеля? На военную разведку Джибли?

— Не имею представления, — ответил Коэн. — Я сам теряюсь в догадках. Мне кажется, что Тель-Авив занят чем-то другим...

Франк провел в Тегеране два месяца в полном бездействии. О новом резиденте, похоже, забыли — никаких новых инструкций; тогда Коэн проявил инициативу — достал Франку другой паспорт как основу для новой легенды.

Теперь ему следовало стать Исмаилом Ташбакашем, торговцем коврами из Бахрейна. Далеко не лучшая легенда: Франк готовился работать в образе канадского бизнесмена, поскольку хорошо владел английским, неоднократно бывал в Канаде и был уверен, что годы, прожитые в США, помогли бы ему поддержать эту легенду в любой ситуации. А теперь он должен был выдавать себя за араба из зоны Персидского залива.

«У меня европейская, а не арабская внешность. Правда, я немного говорю по-арабски, но с палестинским акцентом, — вспоминал позже Франк, — очень сложно работать в таких условиях. Я кипел от бешенства. Как они могли так со мной поступить? Разве так должны работать разведчики?»

А инструкций от «Моссад» все не было. Разумнее всего в таких условиях было прервать миссию и вернуться в Израиль, но чувство гордости и патриотизма заставили Франка попробовать выполнить задание.

Прежде всего он сжег все документы, которые как-то связывали его с Израилем. 20 апреля 1951 г. «Ташбакаш» договорился с контрабандистами о нелегальной переправке из Ирана в Ирак — задача сама по себе не простая из-за многочисленных полицейских постов на границе.

Когда наконец изнурительное путешествие закон-

чилося и он постучал в дверь явочной квартиры, то выяснилось, что там его никто не ждал³².

Резидент, Мордехай Бен-Порат, был в числе гостей семьи на явочной квартире, где отмечали традиционным ужином первый день Пасхи. Хозяева квартиры, естественно, опасались, что неожиданный гость может оказаться агентом иракской полиции, и отказались оставить пришельца на ночлег. Франк вынужден был практически в присутствии гостей, сидевших за праздничным столом, объяснить Бен-Порату, что он прибыл ему на замену. Но и это не прошло без осложнений: резидент заупрямился, ссылаясь на то, что его агенты и лидеры еврейской общины, знавшие о его тайной деятельности, не согласятся на эту замену.

Бен-Порат был главным агентом «Алии-Бет» в Багдаде. Еврей, родившийся в Ираке и эмигрировавший в Палестину, он служил в израильской армии и потом осенью 1949 года снова был направлен в Ирак для организации нелегальной эмиграции. Он пользовался именами двух евреев, которые уже выехали в Израиль: Заки Хаби и Моше Нассима. Однако он не был полностью на нелегальном положении, так как многим было известно его подлинное имя. В той неразберихе, которая царила в период реорганизации разведсообщества, Бен-Порат отвечал также и за другие операции разведки. С точки зрения безопасности было бы более оправданным использовать успешно применяемый разведками метод, известный как «компартаментализация»³³, но вместо этого полуправильный организатор эмиграции также руководил работой агентурной сети, состоявшей главным образом из евреев, которая добывала политическую и военную информацию. Эта сеть была связана с Тель-Авивом двусторонней коротковолновой радиосвязью. Багдадская радиостанция использовала позывной «Берман». Громадный объем работы и большая ответственность не могли не сказаться на и без того сложном характере Мордехая.

Смертельно уставший Франк с трудом сдерживал

гнев, но когда Бен-Порат отвез его в отель «Семирамида», Франк просто взбесился, поскольку знал, что паспорт любого иностранца, остановившегося в этом отеле, немедленно попадет в полицию — а это могло привести к провалу.

И действительно, уже в ближайшие дни он обнаружил за собой слежку иракской службы безопасности. Меняя такси, Франк сумел оторваться от слежки и бросился к людям Бен-Пората с просьбой помочь ему бежать. Но ему было отказано. Франк обратился в бюро путешествий, где за взятку служащий организовал для него визу. У Франка хватило здравого смысла лететь в Бейрут, а не в какую-либо европейскую столицу, так как иракская тайная полиция наиболее строго контролировала авиарейсы в Европу.

Из Бейрута он вылетел в Турцию, надеясь там пересечь на рейс в Тель-Авив.

Однако, когда Франк обратился в консульство, израильский консул в Стамбуле не поверил ему и отказал в визе «бахрейнскому торговцу коврами». Ведь у Франка был документ только на это имя, а никаких секретных инструкций от «Моссад» в консульстве не имелось. Консульству потребовалось три дня на то, чтобы выдать «Ташбакашу» израильскую визу. Франк пытался уговорить консула не ставить по крайней мере в бахрейнский паспорт штамп израильской визы.³⁴ Но бюрократ консул все же проставил штамп.

Перелет в Тель-Авив прошел без осложнений. В аэропорту Лод Франка никто не встречал, и, к его изумлению, когда он на следующий день явился в «Моссад», в офис Шилоя, тот отказался его принять.

Даже сейчас, спустя много лет, Франк не может без гнева говорить о своих бывших руководителях, обвиняя их в «...дилетантизме, который почти стоил ему жизни. Правая рука не знала, что делала левая. Кругом царил дезорганизация. Нам просто повезло, что у иракцев был еще больший хаос».

Однако на самом деле иракская контрразведка не была столь уж некомпетентной. Месяц спустя после бегства Франка она разгромила подпольную сеть Израиля в Багдаде.

Провал этой сети был неизбежен.

Еще за год до конфликта с Франком у Мордехая Бен-Пората возникли разногласия с одним из руководителей «Алии-Бет», прибывшим в апреле 1950 года из Европы с важным заданием. Это был Шломо Хайлльель, выступавший как английский бизнесмен Ричард Армстронг, представлявший интересы американской компании «Ниэр ист транспортэйшн» на переговорах с иракским правительством. Эта авиакомпания тщательно маскировала свою связь с Израилем. По крайней мере никто в Ираке не знал, что в 1948 и 1949 годах в ходе тайной операции «Ковер-самолет», проведенной по линии «Алии-Бет», она вывезла в Израиль 50 тыс. евреев из Йемена.

После двух лет жесткого антисемитизма в марте 1950 года парламент Ирака принял закон, разрешавший евреям покидать страну. Для этого им нужно было отказаться от иракского гражданства. Это выглядело довольно либерально для режима, который объявил войну Израилю и арестовал сотни евреев за связь с сионистским движением.

Объяснялось это тем, что у премьер-министра Туфика-аль-Савиди, открывшего ворота для эмиграции евреев, были для этого определенные мотивы. Он был президентом туристской компании «Ирак турз», которая «случайно» оказалась главным дилером компании «Ниэр ист транспортэйшн». Другими словами, таким кружным путем премьер-министр Ирака фактически получал взятки от израильской разведки.

Хайлльель-Армстронг и его коллеги из «Алии-Бет» позаботились о том, чтобы оппонент и предшественник Савиди, ветеран иракской политики Нури-ас-Саид, который, как небезосновательно предполагалось, ввос-

ледствии снова займет пост премьер-министра, — тоже не остался внакладе. Авиалиния заключила контракт на техническое обслуживание с компанией «Ирак эйру-эйз», которой руководил полковник Сабах-ас-Саид, сын Нури.

Теперь же из-за неоправданно активного и сварливого Бен-Пората, который неоднократно вмешивался в дела компании и спорил с ее руководителем, вся эта операция оказалась под угрозой. Мордехай уже был «засвечен» иракской контрразведкой, за ним следили — и его секретные связи едва не привели к расшифровке «Ниэр ист транспортейшн». Пришлось из штаб-квартиры «Алии-Бет» в Тель-Авиве направить Бен-Порату строгое указание держаться в стороне от деятельности «авиакомпаний», и с мая 1950 года по январь 1951 года по этому каналу в Израиль выехало около 150 тыс. евреев.

Надо сказать, что самому Бен-Порату после провала основной разведывательной сети пришлось тяжело. Иракская служба безопасности неоднократно арестовывала его и подвергала пыткам. По иронии судьбы, спасла его «Ниэр ист транспортейшн», деятельности которой Бен-Порат едва серьезно не помешал: ему удалось бежать на одном из рейсов, организованных Хайлелем.

Вместе с Бен-Поратом был арестован израильтянин Иегуда Таджар. Ветеран «Палмах», элитной штурмовой группы, входившей в состав «Хаганы», он был направлен в Ирак политическим департаментом — еще до роспуска этой службы — в качестве руководителя группы молодых иракских евреев и их арабских наемников, добывавших стратегическую информацию для Израиля.

Бен-Порат и Таджар должны были работать параллельно, но не вместе. Но на практике, нарушая даже элементарные правила конспирации, они часто встречались, говорили между собой на иврите и даже, путеше-

ствуя в случайных автомашинах, пели израильские песни. Ряд нарушений правил конспирации был допущен при организации встреч с информаторами и связниками, плохо были подобраны явочные квартиры. В результате этих и подобных ошибок еврейская агентурная сеть посыпалась как домино. Иракцы арестовали одного за другим около 100 агентов и захватили большое количество оружия. В ноябре 1951 года 20 иракских евреев были преданы суду и 2 из них повешены. Таджар был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Только спустя 9 лет, когда агенты «Моссада» сумели установить контакт с новым правителем Ирака, полковником Абделем Каримом Касемом, Таджара удалось освободить в обмен на предоставленную Касему информацию о заговорах против него иракской оппозиции.

Поспешность Рувена

Еврейская эмиграция была особенно важна в первые годы существования Израиля, этой крохотной страны, окруженной со всех сторон морем арабов. Это был не столько вопрос географии, сколько демографии. Быстрый прирост населения был одним из важнейших залогов выживания. Не было ни времени, ни реальных возможностей уповать на естественный прирост — государству требовалась «алия», массовое переселение евреев из других стран. Частично эмиграция осуществлялась по официальным международным канонам, но далеко не все эмиграционные законы в разных странах, разделенных серьезными политическими противоречиями, были достаточно благоприятны. Наряду с легальными требовались и специальные операции. Благодаря тайным операциям агентов «Алии-Бет» за первые четыре года независимого существования население Израиля удвоилось и достигло одного миллиона.

Получила ли «Алия-Бет» за это какую-нибудь бла-

годарность? В марте 1952 года эта служба была распущена. Рувен Шилой решил, что она больше не нужна.

Формальные аргументы для принятия этого решения очевидны: зачем осуществлять тайные или полуполигальные операции, если можно действовать в открытую, от имени государства. Но углубленный анализ столь же очевидно показывал, что упование на быструю гармонизацию международных отношений в части эмиграции чрезмерно оптимистично и неофициальной работы хватит еще не на одно десятилетие. Сотрудники «Алии-Бет» возражали против такого решения — вроде бы так же, как за год до этого Артур Бен-Натан и сотрудники его политического департамента. Они утверждали, что Шилой и его «Моссад» стремились прибрать к рукам их солидные активы и что политический прогноз относительно только легальной иммиграции необоснованно оптимистичен.

Что касается активов, то здесь действительно было о чем говорить. К началу пятидесятых «Алия-Бет» представляла собой огромную организацию, которая в глобальном масштабе занималась перемещением самого ценного, что было у евреев, — людей. Это было гигантское тайное «агентство путешествий», располагавшее более чем шестью десятками судов и самолетов, бесчисленным количеством автомобилей и грузовиков. Движение транспортных средств координировалось полуполигальной глобальной системой радиосвязи.

«Алия-Бет» с самого начала взяла на вооружение методы подкупа и тайной дипломатии. Её агенты устанавливали прямые контакты с политическими лидерами, нередко во враждебных странах: с иракскими премьер-министрами Савиди и Нури-ас-Саидом, с венгерскими лидерами, с шахом Ирана и королем Трансиордании Абдуллой — все это делалось для того, чтобы обеспечить массовый безопасный выезд евреев в Израиль.

Бюджет «Алии-Бет» измерялся десятками миллио-

нов долларов — сумма по тем временам настолько значительная, что она оказала существенное влияние на развитие некоторых европейских портов в послевоенной Европе³⁵.

«Масштабы операции «Алии-Бет» не знали себе равных в истории нашего государства, и с тех пор никто не смог сравниться с нашими достижениями», — вспоминал один из ветеранов «Алии-Бет».

Теперь огромное «хозяйство» по решению правительства, инспирированному Шилоем, переходило в распоряжение государства. Некоторые из авиалайнеров, принадлежавших этой службе, стали первыми самолетами государственной израильской авиакомпании «Эль-Аль». Ее суда стали основой государственной пароходной компании «Зим». Опыт крупномасштабных морских операций оказался полезен в становлении военно-морского флота Израиля.

В «Алии-Бет» также выросли весьма способные агенты и мастера по изготовлению фальшивых документов, которые впоследствии успешно использовались «Моссадом» и другими ветвями разведсообщества.

До сих пор существует мнение, что решение о ликвидации службы было слишком поспешным. Возможно, следовало сохранить оперативное ядро и часть материальной базы «Алии-Бет» как самостоятельной структуры еще на несколько десятилетий. Государственное руководство не проявляло необходимой гибкости и оперативности. Но нельзя исключить и дополнительную мотивацию, связанную с личностной позицией Авигура и еще нескольких руководителей «Алии-Бет». Они как минимум становились слишком независимыми. Реорганизацией службы их «поставили на место» — и спустя некоторое время лучшие работники были вновь призваны в разведку (уже на иных принципах) и с успехом продолжали там делать то, в чем показали свое мастерство и преданность делу.

Большой замысел Шилоя: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ

В начале 1951 года, впервые после достижения государством независимости, израильский премьер находился в США с «частным визитом». Формально считалось, что Бен-Гурион занимался сбором средств для Израиля и продвижением на американском рынке первого выпуска Государственных облигаций Израиля.

Совершенно естественно, что он также использовал этот визит в дипломатических целях — в частности, «Старик» встретился с президентом Гарри Трумэном и многими сенаторами.

Но и это было далеко не все.

Еще до отъезда Бен-Гуриона из Израиля Рувен Шилой, в то время еще занимавший пост директора «Моссаса», посоветовал премьеру предложить США сотрудничество между двумя странами в области разведки. И вот Бен-Гуриону была организована тайная встреча с директором ЦРУ генералом Уолтером Смитом и его помощником Алленом Даллесом.

«Мы заинтересованы в том, чтобы заключить с вами соглашение о сотрудничестве», — заявил Бен-Гурион директору ЦРУ. Этот разговор произошел в Вашингтоне в мае 1951 года в помещении старого комплекса ЦРУ, недалеко от памятника Линкольну.

Это было во многом неожиданное и далеко идущее предложение.

В Израиле в то время (и еще несколько десятилетий спустя) у власти были левые партии, и он считался социалистическим государством.

Киббуцы, сельскохозяйственные кооперативы, построенные на принципах коллективной собственности, считались воплощением коммунистической мечты.

Израильская экономика в целом основывалась на принципах коллективизма и общественной собствен-

ности на большинство (хотя и не все) средств производства.

«Капитализм» и «свободный рынок» в лексиконе Израиля считались грязными словами.

Сильны были симпатии Израиля к Советскому Союзу в связи со значительной помощью, которая была оказана Восточным блоком Израилю в первые дни после получения независимости. В Израиле по сей день считают, что без речи Андрея Громыко, в то время представителя СССР при ООН, в поддержку идеи создания Государства Израиль, может быть, и не состоялась бы «резолюция 181», определившая раздел Палестины на два государства — еврейское и арабское.

По подсказке Москвы Чехословакия и Югославия направили в Израиль вооружение и стали обучать израильских пилотов. Более того, готовность Румынии, Венгрии и Польши разрешить эмиграцию евреев способствовала их массовому притоку в Израиль. Немалое число «ашкенази» прибыло из СССР как в довоенные, так и в первые послевоенные годы. Казалось, есть все предпосылки на «привязку» Израиля к советскому блоку — но Шилой, похоже, предчувствовал тупиковое развитие сталинизма.

Во всяком случае, он последовательно выступал против распространенных в Израиле просоветских настроений и призывал переориентировать внешнюю политику на Соединенные Штаты. Конечной целью всех этих усилий он считал заключение договора об обороне с США и вступление Израиля в НАТО.

В качестве первого шага в этом направлении он предложил установить тайное сотрудничество между «Моссадом» и ЦРУ.

Многие ведущие политики Израиля не особенно верили, что американцы при учете всех обстоятельств сделают определенный шаг навстречу, но все-таки решили, что попробовать стоит. Однако генерал Смит и Аллен Даллес охотно поддержали эту идею и пошли

на практические шаги по осуществлению сотрудничества.

Израильские историографы считают, что большое значение имела личная позиция генерала Смита. В сорок пятом Уолтер Смит был начальником штаба Дуайта Эйзенхауэра, командующего вооруженными силами союзников в Европе, участвовал в обследовании лагерей и вынес тяжелейшие впечатления. «Фабрики смерти» — Освенцим, Трешлинка, Дахау и другие нацистские лагеря, горы «материала», оставшегося от миллионов уничтоженных, и вид сотен тысяч уцелевших беженцев произвели глубокое впечатление на него — равно как на многих американских солдат, воевавших в Европе. Израиль, со своей стороны, знал, как использовать память о жертвах Холокоста тогда, когда нужно было воздействовать на эмоции. Симпатии и чувство вины могли быть использованы и многократно использовались именно тогда, когда Израиль нуждался в политической или военной помощи.

Израильские дипломаты не уставали подчеркивать, что их страна должна быть сильной, чтобы не допустить нового Холокоста. Это была в известном смысле игра на кошмарных страданиях, которые принесла война, страданиях, которые навечно останутся в истории. И это приносило результаты. Среди тех, кого удалось убедить, были Смит и Даллес.

В июне 1951 года Р. Шилой в Вашингтоне окончательно согласовал детали официального, хотя и секретного соглашения. У него состоялись обстоятельные встречи с генералом Смитом, а также с Джеймсом Джизусом Энглтоном, который на долгие годы стал «ангелом-хранителем» стратегического партнерства.

Энглтон учился в Йельском университете, издавал там литературный журнал (в нем сотрудничали будущий Нобелевский лауреат Эзра Паунд и Арчибалд

Маклиш). В 1943 году Энглтон был приглашен работать в Управление стратегических служб США (организация, где до сей поры достаточно много эксцентриков и интеллектуалов). Большой приверженец конспирологии и человек, подозрительный от природы, Энглтон прекрасно прижился в УСС.

До окончания войны Энглтон служил в аппарате УСС в Великобритании и Италии, где занимался вербовкой агентуры и выявлением нацистских подпольных групп. В числе его лучших источников в Италии были агенты «Алии-Бет», занимавшиеся нелегальной эмиграцией евреев в Палестину.

Возможности еврейского подполья и его представителей в Европе произвели на Энглтоне большое впечатление. Так что Энглтон был удовлетворен, когда в 1951 году ЦРУ удалось заключить с Шилоем соглашение о сотрудничестве.

«Джим видел в Израиле верного союзника в наши времена, когда верность идее стала редкостью», — вспоминал как-то ветеран разведки Тедди Коллек.

Свой человек в Вашингтоне

Джим Джордж Энглтон, высокопоставленный американский разведчик, начальник службы внешней контрразведки, осуществлял работу по «израильскому счету», как конспиративно называют в ЦРУ двусторонние отношения.

«Помимо контрразведки, Энглтон имел еще одну важную обязанность — Израиль, работу с которым он вел в традициях особой секретности, характерной для его службы», — вспоминал бывший директор ЦРУ Уильям Колби.

И действительно, в дополнение к своим обязанностям шефа внешней контрразведки, Энглтон стал самым рьяным сторонником Израиля в американском разведсообществе. Принимая во внимание сильные в те

годы проарабские настроения в Госдепартаменте и Пентагоне, а также среди некоторой части работников ЦРУ, это был, как выразились однажды журналисты, «оазис дружбы в американской пустыне».

В этом высказывании много преувеличения — про-израильское лобби в США весьма сильно, и, по сути, за полвека не было совершено со стороны правительства США ни одного определенно антиизраильского действия, — но и нельзя сказать, что на высоком уровне все было так безоблачно. Несомненно, сказывалась заинтересованность США в доступе к арабской нефти, капиталовложения богатых арабских стран приносили существенный вклад в экономику США, немало для американцев значило противостояние с СССР на ору-жейных рынках. И конечно же, важным фактором, влияющим на политику США, являлась тревога по поводу политической и военной нестабильности на Ближнем Востоке, которая неоднократно грозила раз-растанием конфликта до надрегиональных масштабов. «Пустыни» в отношениях, наверное, все-таки не было и нет, но верный друг и помощник в верхушке ЦРУ был очень важен.

Энглтон блокировал и даже искажал информацию, поступавшую из других источников, которая могла навредить Израилю. Когда военный атташе США в Тель-Авиве в октябре 1956 года направил в Вашингтон информацию о том, что Израиль планирует напасть на Египет, Энглтон заявил, что эта информация не соот-ветствует действительности. Намеренно или нет, но лучший друг Израиля в Вашингтоне помогал поддер-живать там дымовую завесу, под прикрытием которой Израиль готовил захват Суэца.

Восхищение еврейским государством превратилось у Энглтона в одержимость, и он был просто околдован израильской разведкой. Он ревностно добивался того, чтобы все контакты с израильскими службами шли через него, и приходил в ярость, когда кто-либо в ЦРУ

пытался установить контакт с Израилем, минуя его. Доходило даже до скандалов: в 1971 году, когда его коллега из британской контрразведки «МИ-5», Питер Райт, посетил Вашингтон, Энглтон заявил официальный протест директору «МИ-5» сэру Мартину Фэрнивалю Джоунзу по поводу того, что Питер Райт за его спиной вел тайные переговоры по Израилю с другими представителями ЦРУ. Англичане оставили этот протест без внимания.

Это, кстати, были не единственные претензии к англичанам. Энглтон не нравились контакты лорда Виктора Ротшильда, главы известной еврейской банковской династии, который во время Второй мировой войны служил в английской разведке, а после войны поддерживал тесные контакты со своими бывшими коллегами в Лондоне и одновременно, как это принято деликатно выражаться в отношении столь важных особ, «развивал дружеские отношения с руководителями израильских спецслужб».

Работавшие с Энглтоном израильтяне признают, что он был необычной и даже «свихнувшейся» личностью, но они благодарны ему за то, что он разрушил стену недоверия в отношении Израиля и проложил путь к жизненно важному стратегическому сотрудничеству двух стран.

В ноябре 1987 года, через год после смерти Энглтона, израильтяне открыли «мемориальный уголок» в честь своего бесценного американского друга. Напротив фешенебельного отеля «Кинг Давид» в Иерусалиме, где Энглтон останавливался во время своих многочисленных поездок в Израиль, был установлен большой камень с надписью на иврите, английском и арабском языках: «В память дорогого друга, Джеймса (Джима) Энглтона».

Этот мемориал был открыт в присутствии бывших и действующих руководителей израильского разведсообщества.

Практика взаимодействий

Соглашение о сотрудничестве, «израильский счет», предусматривало обмен стратегической информацией между ЦРУ и «Моссадом» и обязывало их информировать друг друга по вопросам, представляющим взаимный интерес. Стороны обязались не вести разведку друг против друга и обменялись офицерами связи³⁶.

Однако дружба и сотрудничество вовсе не предполагали полной открытости. Энглтон, начальник внешней контрразведки ЦРУ, был убежденным антикоммунистом и считал, что Израиль — с его социалистическими целями и связями с советским блоком — представлял серьезную угрозу безопасности США и стран Запада.

Определенные основания так считать у него были: не требовалось особой проницательности, чтобы понять — массовая эмиграция евреев из Восточной Европы наверняка позволит (что и получилось на самом деле) советским шпионам проникнуть в Израиль, а также, через реэмиграцию, в другие страны. Отражение этих опасений выразилось в одном из меморандумов Госдепартамента США: «Сложившаяся в Палестине смесь представителей всех стран Европы создает Советскому Союзу уникальные возможности для проникновения в стратегические районы. В этой связи американские военные атташе в Израиле должны хорошо знать советскую тактику и наблюдать за активностью Советского Союза в этом районе».

Вашингтон также считал — и также небезосновательно, — что русские целенаправленно проникали в вооруженные силы Израиля. Большой опасности для США в текущий момент это вроде бы не представляло, но (это пример Энглтоновских конспирологических идей) в перспективе могло стать опасным: отставные офицеры пользовались в Израиле особым статусом, перед ними открывались прекрасные возможности нового развития карьеры, служба в армии становилась как

бы окончательным гарантом особой благонадежности — и в результате агенты глубокого внедрения могли оказаться на важных, узловых местах.

Р. Шилой заверял американцев, что израильские службы безопасности будут проявлять бдительность. «Алия-Бет» и «Шин Бет» уже и так пристально следили за евреями, прибывающими из-за «железного занавеса». Слова не расходились с делом: Шилой убедил премьер-министра Израиля, что ради упрочения союза с Соединенными Штатами стоило заплатить большую цену — тщательно допрашивать всех иммигрантов и передавать информацию американцам, — пока не удастся полностью завоевать их доверие. В конечном счете Энглтона и ЦРУ убедили, что, говоря словами Библии, «из горечи может истечь сладость», то есть новых иммигрантов не надо бояться, их надо использовать.

Эти евреи представляли самые различные слои советского общества и были осведомлены по многим вопросам науки, советского оборонного строительства, политики и экономики.

Очень важным также оказалось использование квалифицированных специалистов в качестве референтов-переводчиков. Был создан (под патронатом Исследовательского отдела МИД Израиля) специальный «Институт научных переводов», который производил выборку научно-технической литературы из стран Восточной Европы, прежде всего из СССР — как открытых публикаций, полученных по официальным каналам, так и нелегально добытых копий. Размах этой работы был впечатляющ: ежегодно американцам передавалось более 25 тысяч страниц, насыщенных научно-технической информацией. Кроме того, специалисты ИНП оказывали помощь в становлении схожих подразделений в спецслужбах США.

Поддержание связей с ЦРУ было поручено руководящему работнику (впоследствии руководителю) «Шин

Бет» Амосу Манору, который сам был эмигрантом из Восточной Европы.

«Шин Бет» удалось установить, что страны советского блока пытаются использовать и израильские компании в качестве прикрытия для преодоления западного эмбарго на экспорт в Советский Союз некоторых видов оборудования и технологий. Об этом Манор постоянно информировал ЦРУ и министерство торговли США.

Американцы, со своей стороны, снабжали израильтян специальной техникой, включая подслушивающие устройства и средства дешифрования, и обучали «партизнов» их использованию.

Для наблюдения за таким сотрудничеством в Вашингтон были направлены два превосходных разведчика — оба союзники Шилоя: полковник Хаим Герцог, бывший шеф «Амана», который стал «военным атташе» в США, и близкий друг Шилоя Тедди Коллек, занявший пост советника израильского посольства.

Коллек уже обладал определенным опытом в этой сфере — до 1948 года он закупал оружие для сионистов и создавал в США группы сторонников Израйля.

Было ли сотрудничество таким безоблачным? Конечно, нет.

Разведки, как и нации, не имеют друзей, а только свои реальные, твердые интересы.

В начале 1952 года ФБР установило, что два дипломата посольства Израйля в Вашингтоне занимаются шпионажем. Израиль заверил, что дипломаты занимались слежкой только за арабскими представителями, и скомпрометированным израильским шпионам без какой-либо скандальной огласки позволили покинуть страну.

Особое мнение: Иссер Харел считал, что американцы по-настоящему не были заинтересованы в равно-

правном двустороннем сотрудничестве. Они хотели в одностороннем порядке получать информацию, которой располагала израильская разведка, и давали «взамен» лишь то, что считали нужным и выгодным для себя, но не для Израиля. Харел даже подозревал, что ЦРУ может организовать в стране заговор по типу того, что был осуществлен в 1953 году в Гватемале.

В Лондоне тоже подписали официальное соглашение о сотрудничестве с «МИ-6», подобное тому, которое уже было у них с ЦРУ. Практическими действиями по выполнению соглашения руководил знаменитый «Си».

С израильской точки зрения, «Си», Олдфилд стал английским вариантом Энглтона. Старший из 11 детей бедной фермерской семьи, Олдфилд проявил способности к разведке во время Второй мировой войны, когда он находился в зоне Суэца. Он знал Ближний Восток и знал Тедди Коллека. Они познакомились в конце 1940-х годов и подружились. Олдфилд признался Коллеку, что всегда восхищался сионизмом. Олдфилд также произвел на Коллека большое впечатление, и их дружба принесла серьезные плоды, когда в 1970-х годах Олдфилд был назначен директором «МИ-6» и стал известен под кодовым обозначением «Си»³⁷.

Олдфилд всегда заботился о защите интересов Израиля в британском истеблишменте, где многие чиновники и дипломаты придерживались проарабских взглядов. Шеф разведки мог указать на конкретную выгоду, которую Великобритания получала от тайных связей с еврейским государством.

Стратегические союзы-2

Наряду с работой по укреплению союзнических отношений с США и Англией, израильская разведка создавала стратегические союзы ближе к своему дому. В первые же годы независимости Израиля Шилой убе-

дился в возможности поддержания тайных контактов с соседними государствами, которые официально считались враждебными.

Израиль стремился к установлению открытых дружеских отношений, но вскоре стало ясно, что иностранные партнеры предпочитали тайные связи. Большая часть дипломатии считалась столь деликатной, что ее просто нельзя было отдавать на откуп министерству иностранных дел. Задача формирования союзов и обеспечения национальной безопасности была возложена на разведывательное сообщество.

Как главный неофициальный дипломат Бен-Гуриона³⁸, Шилой принимал участие во встрече с королем Трансиордании Абдуллой, его премьер-министром, высшими чиновниками и военачальниками.

Любой враг арабского национализма считался потенциальным союзником Израиля: маронитская община в Ливане, друзы в Сирии, курды в Ираке, христиане Южного Судана — все, кто страдал от угнетения со стороны исламского большинства. Даже иранские мусульмане, которые всегда с гордостью подчеркивали, что они не арабы, а персы, представляли интерес для тесного сотрудничества, и, забегая вперед, отметим, что это долгие годы, вплоть до «Исламской революции», приносило плоды.

Первую скрипку в тайной дипломатии играло разведсообщество Израиля.

Работу с курдским меньшинством в Южном Ираке начинал еще сам Заслани-Шилой в 1930-х годах. Горцы вели непрерывную борьбу с центральной властью за автономию. Наиболее тесные контакты с «Моссад» относятся к 60-м годам, когда «Моссад» обучал курдских боевиков. Курдские друзья помогли трем тысячам евреев бежать из Ирака.

Помощь курдам шла, естественно, не только по линии разведслужб: например, член кабинета министров Арьех Элиав, бывший оперативник «Алии-Бет», в

1966 году лично провез через горные перевалы полевой госпиталь для повстанцев.

Шах Ирана, поставленный в определенные политические и идеологические рамки как лидер исламской нации, никогда не устанавливал дипломатические отношения с Израилем — но он с уважением относился к борьбе Израиля с более крупными арабскими странами; из практических действий — он, в частности, разрешил прямые полеты из Тегерана в Тель-Авив для вывоза евреев из Ирака на историческую родину и санкционировал неофициальные межправительственные и межведомственные связи. Представитель «Алии-Бет» в Иране, Сион Коэн, рассматривался властями как фактический представитель правительства.

«Моссад» и «Шин Бет» помогали в подготовке иранских военнослужащих и агентов «Савак» — государственной службы разведки и безопасности Ирана. Представители «Савак» были частыми гостями в Израиле; помимо решения оперативных вопросов, они по просьбе спецслужб помогали переправлять помощь, предоставлявшуюся Израилем, в мятежные районы Курдистана.

Стратегические союзы-3. «Трайидент»

Второй этап развития системы союзов между разведслужбами относится ко второй половине пятидесятых годов.

В этот период в азиатском и африканском Средиземноморье и прилегающих районах произошли существенные политические изменения. К власти в ряде стран, в том числе и в крупнейших арабских, пришли радикально-националистические режимы, провозглашенные и осуществляемые курсы этих правительств отнюдь не гарантировали мира, стабильности и успешного развития огромного региона.

Национализм «насеровского» толка стал добиваться заметных успехов. Сторонникам арабского национа-

лизма фактически почти удалось взять под контроль Ливан.

В Ираке полковник Абдель Карим Касем захватил власть после убийства Нури-ас-Саида и членов королевского хашимитского двора.

Нависла угроза хашимитским правителям в Иордании — в разные годы отмечалось множество заговоров и покушений на «прозападного» короля Хуссейна³⁹.

К середине пятидесятых годов американцы, как и следовало предполагать, разочаровались в Насере и после Суэцкой кампании 1956 года прекратили тайное сотрудничество с режимом.

Англо-американские усилия по втягиванию Израиля в прозападный союз стали особенно заметными после 1958 года.

Израиль, вдобавок к существующим тайным и полускрытым союзам, стал участвовать в двух региональных группировках: «северном ярусе», связывающем Израиль, Турцию и Иран, и в «южном ярусе», связывающем Израиль с Эфиопией и Суданом.

Все эти страны были втянуты в пограничные конфликты с арабскими государствами, а также опасались «подрывной» деятельности со стороны Советского Союза. Особенно это относилось к Турции. В начале 1957 года прошли переговоры между премьер-министром Турции и специальным посланником Израиля Элиаху Сассуном; была достигнута принципиальная договоренность о сотрудничестве спецслужб. Сразу же за этим Турцию посетил Рувен Шилой — наиболее подходящий человек для такого рода тайных миссий. А 28 августа 1957 г. сам Бен-Гурион в сопровождении Шилоя и начальника штаба вооруженных сил вылетел в Анкару для встречи с Мендересом. Появление Бен-Гуриона в Анкаре объяснялось «вынужденной посадкой» в связи с тем, что у его самолета якобы возникли проблемы с двигателем.

Конкретным результатом этих переговоров явилось совершенно секретное соглашение о всестороннем сотрудничестве между «Моссадом» и Турецкой службой национальной безопасности.

Примерно в это же время «Моссад» заключил аналогичный пакт с иранским «Саваком».

В конце 1958 года три спецслужбы создали трехстороннюю организацию под названием «Трайидент», которая предусматривала регулярные, раз в полгода, встречи руководителей.

Турция делилась с «Моссадом» информацией о намерениях радикальных арабских режимов в отношении Израиля, которую ей удавалось получать в Сирии. «Моссад» оказывал содействие в подготовке кадров для иранской и турецкой спецслужб в области контрразведки и специальной техники. Все три службы обменивались информацией и проводили операции по противодействию советской разведке на Ближнем Востоке.

На «южном ярусе» обстановка была несколько сложнее. Судан находился в процессе обретения независимости. Хартумские политики были обеспокоены вмешательством Насера во внутреннюю избирательную кампанию с его призывами к «единению долины Нила». Они опасались, что Египет может просто «проглотить» Судан.

Политическая верхушка страны попыталась получить гарантии Великобритании от вмешательства Египта, но министерства иностранных дел и по делам содружества были склонны искать пути умиротворения Насера. В ходе переговоров с «МИ-6» посланники Хартума заявили, что они готовы «пойти на союз с дьяволом» ради того, чтобы поставить заслон экспансионизму Египта. Тогда британцы предложили им пойти на контакт с «шайтаном» арабского мира — Израилем и свели суданцев с израильским дипломатом Мордехаем Газитом.

Газит, первый секретарь посольства в Лондоне, ранее

был сотрудником Политического департамента министерства иностранных дел. Он продолжал работать в ходе «бунта шпионов» и даже после роспуска департамента.

М. Газит встретился с суданским посланцем Сидки эль-Махди и обсудил несколько вариантов совместных действий против Насера. После этого весьма оживились легальные связи, но вместе с этим продолжались тайные контакты. Своего апогея они достигли в августе 1957 года на встрече в Париже министра иностранных дел Израиля Голды Меир и премьер-министра Судана Абдуллы Халиля. Однако вскоре Халиль был свергнут и этот контакт прервался.

Успешнее развивалось сотрудничество с императорской Эфиопией.

Для этого было много предпосылок. Страна в 1950-х годах была достаточно стабильной и проводила прозападный курс. Кроме того, Эфиопия имела выход к Красному морю, что позволило ей контролировать подходы к Суэцкому каналу и израильскому порту Эйлат. Император Хайле Селассие, считавший себя потомком древнего еврейского племени Иуды и использовавший в качестве символа своей династии королевского льва, находился у власти уже более 20 лет и хорошо относился к израильскому государству.

Израиль помог императору в подготовке кадров для его служб безопасности — в ответ разведчикам было позволено создать мощный центр радиоперехвата для контроля линий связи соседних арабских стран.

«Моссад» также имел в Эфиопии крупную оперативную резидентуру. Эта резидентура продолжала работу, начатую Ашером Бен-Натаном в Джибути, только в значительно более крупном масштабе.

Установление прочных связей с иностранными спецслужбами было одним из серьезных достижений израильской разведки на начальном этапе развития

израильского разведсообщества, так же как и установление технологического и стратегического сотрудничества в рамках периферийных союзов.

За дипломатическими усилиями и активностью разведслужб стоял прежде всего Рувен Шилой. Если бы «стратегические союзы» были единственным, что он сделал в своей жизни, и этого было бы достаточно для благодарной памяти в разведсообществе и в истории государства.

Распустив «Алию-Бет» и политический департамент, Р. Шилой сосредоточил в своих руках огромную власть и создал более мощную разведывательную организацию.

Но и трудности возникли немалые.

К ним добавлялось еще и то, что со здоровьем у Рувена не все обстояло благополучно. В результате травм головы, полученных в автомобильной катастрофе, а также последствий давнего ранения в результате теракта, его работоспособность заметно ухудшилась. Бен-Гурион отмечал в своем дневнике 24 мая 1952 г.: «Ко мне зашел Иссер. Он считает, Рувен не справился со своими задачами».

20 сентября 1952 г., после полутора лет пребывания на посту руководителя «Моссада», первый директор в истории этой службы ушел в отставку. На вопрос о возможных преемниках он назвал вполне очевидных кандидатов: Левинского, Джибли и Харела.

Эпитафия Вестнику

Наиболее значительные достижения Шилоя как на посту руководителя «Моссад», так и в последующие годы, когда он оставался одним из ближайших советников и помощников премьера, связаны с установлением союзнических и партнерских отношений с американской и английской разведками, а также «союзов» с правительствами и спецслужбами ряда стран Азии и Африки.

Это были главные достижения разведсообщества под руководством Шилоя, фактически принесшие трудно переоценимую выгоду и разведывательному сообществу, и государству — и за последующие годы ставшие как бы естественной частью принципов функционирования разведки.

Однако когда в мае 1959 года Шилой внезапно умер от сердечного приступа как раз в тот момент, когда готовился совершить новую секретную поездку в Турцию и Иран, о нем быстро забыли. У него было мало политических союзников и много врагов; он предпочитал работать в одиночку и не любил рекламы.

Многие современные аналитики считают, что Шилой с его грандиозными планами был пережитком прошлого. Представляется, что не меньше оснований считать его провозвестником будущего; при наличии хороших помощников и в обстановке меньшей политической и финансовой жесткости, чем та, которая вынужденно существовала в пятидесятые годы в Израиле, он, несомненно, осуществил бы свои широкие стратегические планы.

Впрочем, они в основном и так были осуществлены — только известны стали по именам других людей, а не своего истинного создателя.

Глава 5. ВТОРОЙ, НО САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ДИРЕКТОР «МОССАД»

Итак, после отставки Р. Шилоя с поста директора «Моссад», Бен-Гурион остановил свой выбор на кандидатуре Харела.

Профессионализм, упорство и настойчивость, преданность делу и моральная чистота Харела произвели на премьер-министра большое впечатление. Бен-Гурион счел, что именно этому человеку следует поручить задачу, которую еще не все толком понимали.

Возглавив службу внутренней безопасности «Шин Бет» и внешнюю разведку «Моссад», Харел стал верховным главнокомандующим израильской разведки.

Большая тень Маленького Иссера

...Прошло четыре года с начала реорганизации израильского разведсообщества, четыре года лихорадочной работы в своей стране и за рубежом, но многие правильные ориентиры еще не были найдены. Постоянная суета не позволяла осмотреться вокруг. Каждая тайная миссия казалась жизненно важной для существования Израиля. Все делалось как-то лихорадочно, в обстановке постоянных импровизаций...

— Иссер, мне нужно пять тысяч долларов, — с такой просьбой в первый же день пребывания Харела на посту директора «Моссада» обратился к нему редактор лейбористской газеты «Давар» Дан Пайнз.

— Зачем тебе эти деньги? — спросил Харел.

— Как, ты не знаешь? — изобразил изумление Пайнз и стал пространно рассказывать историю о шпионской сети, которая у него якобы была в Советском Союзе.

Харел терпеливо слушал, но у него зародились подозрения.

— Дан, дай мне несколько дней на акклиматизацию, и я тебе отвечу.

Новый шеф «Моссада» почувствовал, что тут пахнет мошенничеством. За время работы в «Шин Бет» у него появилось какое-то шестое чувство. Вместо того, чтобы дать ветерану правящей партии требуемую сумму, Харел создал комиссию по расследованию того, что сильно походило на жульническую операцию⁴⁰.

Комиссии довольно быстро удалось установить истину: оказывается, Пайнз попросту «доил» «Моссад», выколачивая из разведслужбы легкие деньги. Еще в декабре 1951 года этот, вполне уважаемый в стране,

журналист сумел убедить Шилоя и министра иностранных дел Шаретта в том, что ведет работу по созданию «сионистского подполья» в России. Он сыграл на большой струнке политических руководителей: после роспуска тайной «Алии-Бет» и заметной переориентации советской политики в его отношении, Израиль был особенно озабочен тем, чтобы не потерять контакт с советскими евреями. А Пайнз рассказывал, что чуть ли не Лазарь Каганович готов тайно помогать Израилю. Пайнз демонстрировал письма, якобы полученные от потенциальных агентов из-за границы, — на самом деле эти письма отправляли его друзья. В течение девяти месяцев этот «шпион-любитель» выезжал за границу и затем рассказывал о тайных встречах с русскими, которые якобы имели место в Париже, Нью-Йорке и Копенгагене. Каждый раз, возвращаясь в Тель-Авив, он получал от «Моссада» полную компенсацию расходов...

Комиссия выяснила, что Пайнз придумал эту историю, потому что его больная дочь нуждалась в дорогих лекарствах, которые в те годы можно было достать только в Европе, — и решила всю эту аферу «замести под ковер». Старого партийного товарища пожурили за излишнее чадолюбие (не самый тяжкий грех с точки зрения израильтян) за государственный счет и решили не привлекать к уголовной ответственности.

Разоблачением аферы Пайнза уже в первый день своего пребывания на посту директора Иссер Харел показал свои способности. В конце концов, Бен-Гурион назначил его на этот пост не в последнюю очередь именно из-за его подозрительности. Премьер-министр хорошо узнал Харела еще в период его пребывания на посту директора «Шин Бет», и оба они обнаружили, что их взгляды во многом совпадают. После 1948 года, победы в Войне за независимость, Бен-Гурион сосредоточил свое внимание на внутренних проблемах: аб-

сорбции сотен тысяч новых иммигрантов, введении суровых мер экономии и жесткой фракционной борьбе.

С учетом смещения акцентов в сторону внутренних проблем Бен-Гурион, естественно, стал уделять больше внимания «Шин Бет», чем «Моссаду». Как руководитель «Шин Бет», Харел видел, что дверь кабинета премьер-министра была открыта для него гораздо шире, чем даже для Шилоя и его помощников.

Харел так же, как Бен-Гурион и другие основатели Израиля, был выходцем из Восточной Европы.

Иссер Гальперин родился в 1912 году в окрестностях Витебска, на территории Воложинского района царской России. Он был младшим из четырех сыновей богатого еврейского коммерсанта, знатока Талмуда. Но юного Иссера привлекала не только эта книга. Харел запомнил приезд в Витебск Льва Троцкого. Позже Иссер вполне мог увлечься коммунизмом, если бы не серьезное еврейское воспитание. Его отец читал своим детям иудейские книги и воспитывал их в духе сионизма, а не марксизма. Тем не менее, в юношеском возрасте Иссер вступил в левую организацию сионистской ориентации под названием «Га-Шомер Гацоир» («Молодая гвардия»), которая впоследствии преобразовалась в партию «Мапам»⁴¹.

В январе 1930 года Гальперин оказался в числе нескольких счастливцев, которых «Га-Шомер» направила в киббуц в Палестину (семья Гальпериных приехала туда на два года раньше). Иссер проявил первые конспиративные успехи еще на границе: смог незамеченным провезти револьвер через весьма жесткую английскую таможеню.

Работать он начал в киббуце близ Херцлия, на побережье недалеко от Тель-Авива. Вскоре он женился; какое-то время они с женой жили в палатке, разбитой среди песчаных дюн.

Он был среди пионеров социализма, но затем утра-

тил интерес к нему. Проработав (и очень успешно) около десяти лет в еврейском колхозе, Иссер вместе со своей веселой и энергичной женой Ривкой вышел из киббуца и открыл свое небольшое предприятие по упаковке апельсинов.

С началом Второй мировой войны он вступил в «Хагану» и с 1944 года работал в «Шаи», разведывательной службе этой организации.

В ходе и после Второй мировой войны он собрал огромный архив, в котором сосредотачивались документы о нацистских преступниках, материалы по внутренней и внешней безопасности и многочисленные сведения о странах-соседях. Слухи об этом архиве, который хранился в потайной комнате снятой в Тель-Авиве квартиры, вызвали большой интерес англичан. Тогда Иссер принял нестандартный ход: нашел подходящего рабочего, который оборудовал тайную комнату в строящемся многоквартирном доме. О тайнике не знал ни архитектор, ни другие рабочие. Там Харел хранил секретные документы вплоть до того времени, как англичане покинули страну и стало возможно использовать более подходящее охраняемое помещение в Яффе.

Годы подполья оказались отличной школой. В разгар войны 1948 года Бен-Гурион отметил разведывательный талант Харела и начал способствовать его продвижению по службе. В 36 лет Иссер стал первым директором «Шин Бет». А затем Бен-Гурион назначил Харела одновременно директором «Моссада»; так Иссер Харел, подотчетный только премьеру, на многие годы стал фактически вторым человеком в Израиле.

Ко времени назначения на пост руководителя «Моссад» ему было всего 40 лет, хотя он выглядел на все 50. Однако впечатление о нем как о пожилом и усталом человеке было обманчивым: Харел обладал неутомимой юношеской энергией.

В быту Иссер был предельно скромнен, почти аскетичен. Он не был замешан ни в одном скандале на

бытовой почве, был кристально честен — и насаждал атмосферу строгости и честности в обеих организациях, которыми он руководил.

Один из бывших сотрудников вспоминает: «...он смотрел прямо в глаза и никогда не отводил взгляда. Чем больше Харел смотрел на вас, тем суровее он казался. В разговоре с ним вы всегда чувствовали себя виноватым. Достаточно было малейшей оплошности, и вы могли потерять доверие Харела, даже если для этого не было серьезных оснований». Оплошности могли быть не слишком значительными: например, когда Иссер узнал, что один из лучших сотрудников под благовидным предлогом провел недельку на курорте с любовницей, он его немедленно уволил.

Харел был бессеребренником — и это при том, что распоряжался самостоятельно средствами «Моссад» и не отчитывался ни перед кем, даже перед правительством. В 50-е годы, когда разведчики были фактически единственными, кто мог вывозить из Израиля сравнительно крупные суммы в валюте, он подавал своим сотрудникам пример, сдавая по возвращению остатки средств прямо в аэропорту. А за малейшие финансовые злоупотребления карал жестко и неукоснительно. Но тем, кто работал добросовестно и был предан делу по настоящему, Харел оказывал поддержку во всем, что только было в его возможности. Если кто-то из агентов попадался, Харел предпринимал все усилия для его освобождения. И, кстати, вопреки практике большинства разведок, не считал арест агента и его тюремное заключение за границей основанием для прекращения сотрудничества. Многие агенты, «проваленные» не по их вине, с новыми легендами и в новых странах продолжали работу, порой очень успешную.

Стиль Харела в руководстве спецслужбами строился на сочетании жесткой требовательности с подчеркнутой престижностью, даже элитарностью. Харел старался воспитать у

разведчиков чувство гордости от принадлежности к некоему эксклюзивному братству. «Вы — редкие существа в заповеднике», — говорил он своим подчиненным.

Работа в израильской разведке, как было заведено с давних времен, велась не ради денег, а опираясь на чувство долга и личные качества. Зарплата сотрудников «Шин Бет» и «Моссада» ничем не отличалась от зарплаты сотрудников других госчиновников — по западным стандартам очень мало, — правда, во время зарубежных операций оплата была примерно в два раза выше плюс компенсация необходимых расходов. Работа была сложной и опасной, рабочий день — бесконечным. Единственное, что Харел мог сделать, — это создать у своих сотрудников ощущение, что они находились под защитой.

Одной из привилегий службы были поездки за рубеж, в пятидесятые годы почти недоступные для простых израильтян. Это распространялось не только на оперативников, но также и на сотрудников административного управления, техников, секретарей, механиков, которых периодически направляли за рубеж в качестве курьеров или охранников. За это Харел требовал абсолютной лояльности и полной преданности делу и сам подавал пример. Даже во время своих частых зарубежных поездок в Европу, США и Южную Америку он никогда не позволял себе останавливаться в дорогих отелях или обедать в дорогих ресторанах.

От оперативных работников не требовалось представления каких-либо документов, подтверждающих расходы. Кто же согласится дать расписку в получении взятки? Для подтверждения расходов достаточно было письменного отчета самого оперативного работника. За этой системой доверия, однако, была сильная рука. Самым страшным грехом в разведке считалась ложь. Один старший сотрудник «Моссада» вспоминает: «Нас учили лгать, воровать и строить козни против наших врагов, но мы не могли допустить в своих рядах кор-

рупции. Мы должны были следить за тем, чтобы наши моральные стандарты оставались высокими».

Если разведчик не мог дать удовлетворительного объяснения по поводу своих расходов, его случай становился предметом дисциплинарного разбирательства на заседании специального внутреннего суда разведки. Суд проходил под председательством профессионального гражданского судьи, который давал клятву о неразглашении секретов. Любой работник, признанный виновным в использовании своего служебного положения в целях контрабандного ввоза в Израиль предметов бытовой техники, подвергался штрафу и строго предупреждался. Случались и увольнения. Например, мossaдoveц, который поддерживал связь в Европе с двумя агентами-арабами, на протяжении нескольких дней угощал их в дорогих ресторанах и даже ходил с ними в бордель, а затем представил отчет о расходах, в том числе на проститутку. Харел взорвался: «Я понимаю, что агентам надо платить, но с какой стати Израиль должен оплачивать вам проститутку?» В финансовых отчетах этого оперативника за прошлые командировки выявили сомнительные расходы — и работник был уволен без выходного пособия...

Иссер Харел очень высоко ставил авторитет и мнение Бен-Гуриона. Говорили даже о «личной преданности» — хотя в конце концов дело закончилось резким разрывом. Но обычно Харел старался выполнить любые поручения Бен-Гуриона, что называется, любой ценой. Иногда достаточно было не прямого поручения, а так, полувопроса — как например в случае с Йосселе, когда Бен-Гурион только спросил Харела: «Ты можешь его найти?» — и не дожидался ответа.

«Тигр» прыгает для премьеры

...Йозефу Шумахеру было только 8 лет, когда в конце 1959 года его похитил его собственный дед,

Нахман Штарк, ультраортодоксальный еврей, обеспокоенный тем, что родители ребенка больше заботились о благах земных, чем небесных, вели «неправильный» образ жизни и давали ему слишком светское образование. Нахману помогали члены секты «Нетурей карта», яростные противники сионизма, считавшие, что еврейское государство может быть создано только после пришествия Мессии. Мальчик вдруг просто исчез, и первые попытки поисков ничего не дали.

Разгорелся нешуточный скандал, дело не сходило со страниц израильских газет, но никто не знал, где находился ребенок. Появилась даже популярная песня с припевом: «Где Йосселе?», в ход пошли шутки и анекдоты с критикой правительства за его неспособность найти похищенного ребенка. Из в общем-то не слишком важного дела возник самый настоящий внутриполитический кризис, все противники «Мапай» развернули острую борьбу, и дело действительно шло к падению правительства.

Нахман Штарк, конечно же, был посажен в тюрьму «до тех пор, пока не скажет, где Йосселе». Но переупрямить религиозного фанатика, который прошел в свое время даже через Сибирь, было невозможно — такие шли на мученическую смерть, но не отступались; освобождение старика стало поводом для еще большего шума, поднятого оппозицией.

Вот тогда по просьбе-намеку Бен-Гуриона «Моссад» начал операцию «Тигр» по поиску Йозефа Шумахера. Были основания предполагать, что мальчик находится за границей⁴². Израильским агентам за рубежом было приказано приостановить все другие операции, в том числе поиск Менгеле, пока не будет найден Йосселе.

Приказ был выполнен. Вскоре агенты вышли на Мадлен Фрей, француженку, награжденную медалью Сопrotивления, которая внезапно приняла иудаизм и превратилась в активистку «Нетурей карта» по имени Руфь Бен-Давид. Оказывается, француженка с ловкос-

тью опытного маки и вывезла Йосселе из Израиля, надев на него парик девочки, а потом пристроила ребенка у друзей за океаном. После долгих уговоров и lamentаций о страданиях родителей, она в конце концов сообщила Харелу (он лично выезжал ее допрашивать во Францию) и агентам «Моссада» адрес в Нью-Йорке, где укрывали мальчика.

Йосселе был найден в июле 1962 года в Нью-Йорке, в бруклинской квартире, снятой еврейскими фундаменталистами. Информация была передана ФБР, и мальчика с триумфом возвратили родителям в Израиле. Это дело выглядело не очень серьезно, но израильские спецслужбы были осыпаны благодарностями, и какое-то время тайные защитники Израиля снова купались в лучах славы.

Знаете, каким он парнем был...

Харел был, что называется, жестким начальником. Он избегал панибратства, легкости в отношениях, практически не шутил сам и плохо воспринимал шуточки и хохмы, столь присущие израильтянам. Единственное не совсем серьезное его высказывание — это фраза: «Из всех людей моих голубых глаз не боятся только дети и собаки». Однажды после жестокого Хареловского разноса высокопоставленный сотрудник «Моссад» сказал, выйдя из кабинета шефа: «Если бы Иссер остался в России, он стал бы теперь главой КГБ, а этого монстра Берию проглотил бы на завтрак и не поперхнулся».

Он получал истинное наслаждение от своей работы — и от руководства, и от непосредственного участия в операциях. В быту же вел жизнь скромного и тихого человека; любимыми развлечениями у него были опера и традиционные детективы (особенно Агаты Кристи); шпионские романы, за исключением разве что произведений Ле Карре, презирал — «таких шпионов ловили бы на третий день по дюжине».

Соседи по большому дому, где у Харелов была скромная квартирка и рядом — небольшой аккуратный садик, — долго не знали о роде занятий Иссера и считали, что этот тихий и скромный чиновник находится под каблуком у своей шумной и энергичной Ривки.

Таким был человек, который превратил «Моссад» в одну из сильнейших разведок мира, а «Шин-Бет» — в едва ли не самую эффективную контрразведку. Кроме того, он сумел достаточно серьезно изменить в пользу «своих» структур соотношение влияния различных ветвей разведывательного сообщества, прежде всего за счет военной разведки.

Одним из важнейших поводов для этого стало дело Кедара.

«Паршивая овца» израильской разведки Мордехай (Мотке) Кедар

Кедар родился в 1930 году в Польше. Тогда его звали Мордехай Кравицки. Мать бросила его в младенческом возрасте, и он вырос у деда, который привез его в Израиль. Кедар жил в Хадере, сельскохозяйственном городке неподалеку от автострады Тель-Авив — Хайфа. В юности он проявил себя как умный и способный парень, физически развитый и обладавший качествами лидера. В это же время у него проявились явные криминальные наклонности.

Во время войны 1948 года Кедар служил в военноморском флоте Израиля, но у него были, как выражаются на языке военной бюрократии, «проблемы с дисциплиной», и в конце концов он дезертировал. В начале 1950-х годов он вернулся в Хадер и сколотил небольшую банду. На счету банды были вооруженные ограбления, убийства, угоны автомобилей и сбыт краденого. Полиция несколько раз арестовывала Кедара, но доказательств для привлечения его к ответственности оказывалось недостаточно. Жители Хадера боялись банды

Кедара больше, чем местной полиции, и никто не хотел давать против него показаний.

Потом он переехал в Тель-Авив, где стал завсегда-таем кафе, в которых собиралась богема, проводил время в компании женщин и вообще вел праздную жизнь, причем никто не знал, откуда Кедар брал деньги. Повидимому, они давались не так легко, в результате чего Мотке стал настолько раздражителен, что вынужден был обратиться к психиатру, доктору Давиду Руди.

Доктор Руди, известный специалист и большой оригинал, состоял в штате разведки; почему-то он очень быстро пришел к выводу, что Кедар может стать вполне нормальным членом общества, и представил его генералу Исхошафату Харкаби, который счел его пригодным для «подразделения 131». Военная разведка, в состав которой входило это оперативное подразделение, завербовала Кедара с прицелом на его использование в Египте. После необходимой подготовки и отработки легенды началась операция документализации. Полковник Ювал Нееман, отвечавший в то время в «Амане» за оперативную технику, дал Кедару последние инструкции в тель-авивском кафе «Таам тов» («Хороший вкус»). Начинающий разведчик должен был сперва отправиться в Аргентину, обжить там свою легенду и только потом проникнуть в Египет.

Для своей семьи и друзей Кедар исчез после Суэцкой кампании 1956 года. Его жена и маленький сын, которых он просто бросил, периодически получали от него открытки из разных концов света. Они ничего не знали — но спецслужбы быстро узнали, что в ноябре 1957 года в Аргентине Кедар убил еврейского коммерсанта и присвоил его деньги. Жертве было нанесено 80 ножевых ран. Это был «контактер» Кедара, который должен был помочь ему в закреплении легенды-биографии для предстоящей работы в Египте. Часть денег убитого была обнаружена у Кедара, когда он прилетел в Тель-Авив⁴³.

Вербовка Кедара была явной ошибкой военной разведки, но тот, кто подобрал его, профессор Харкаби, в настоящее время — активный борец за мир, говорит, что «агенты разведки — всегда нестандартные люди, за каждым стоит какая-то история».

В ноябре 1957 года Кедара, естественно, не сообщая истинных причин, вызвали в Израиль. Он прилетел первым классом из Парижа — и тут же, в аэропорту Лод, его и арестовали.

Полтора года, вплоть до мая 1959 года, почти никто, в том числе в разведсообществе, не знал, что стало с Мотке Кедаром. Даже охранники в тюрьме Рамле не знали, кем был этот новый заключенный и почему он содержался в полной изоляции. Только после 6 месяцев содержания в одиночке ему разрешили получасовые прогулки во дворе, и тоже в одиночестве. Аври Эль-Ад, бывший офицер «подразделения 131» в Египте, который содержался в этой же тюрьме, рассказывает, что сам он был известен там как «Х-4». В соседней с ним камере в кандалах находился Мотке Кедар. Они перестукивались и с помощью азбуки Морзе играли в шахматы. «Отказывайся от лекарств, — однажды отстучал Кедар. — Если они деморализуют тебя — ты сломан».

Кедар не сломался. В тюрьме ему удавалось поддерживать себя в хорошей форме физическими упражнениями и углублением в ведическую философию. После 17 лет заключения, 7 из которых он провел в одиночной камере, в 1974 году Кедар вышел на свободу и потребовал пересмотра своего дела. Полиция, прокуратура и спецслужбы наотрез отказались от этого. Правительство хранило молчание — словно никакого дела и нет...

При всем драматизме, для Кедара это еще не самый худший исход. Иссер Харел спустя много лет признался, что некоторое время обсуждался вопрос о ликвидации Кедара с целью сокрытия его преступления. Счи-

талось, что это позволит замести следы и избежать осложнений с Аргентиной. «Я с самого начала стоял на том, что мы не можем брать правосудие в свои руки, — писал Харел в одной из книг своих воспоминаний. — Для этого есть суды и судьи. Англичане могут убирать людей, но мы — нет».

С точки зрения Харела, дело Кедара явилось еще одним подтверждением того, что разведка — слишком серьезное дело, чтобы ее можно было доверить «Аману». Этот провал стал одним из существенных аргументов требовать, чтобы вся агентурная работа была сосредоточена в «Моссаде». В конечном счете был достигнут компромисс. Ответственность за операции в арабских странах осталась в руках военной разведки; но Харел получил возможность расширить небольшой оперативный департамент «Моссад» и ориентировать его на проведение разведопераций в остальной части мира.

Во главе департамента были поставлены Рафи Эйтан и Аврахам Шалом, раньше носивший имя Вендор. Оба эти руководителя впоследствии станут известны как своими блестящими операциями, так и скандалами.

В последующие годы Харел принимал непосредственное участие в планировании и осуществлении операций: выезжал на место, изучал карты и планы, в последнюю минуту вносил какие-то изменения и получал от этого явное удовольствие. Его агенты действовали по всему миру: Лондон, Париж, Женева, Рим, Антверпен, Йоханнесбург, Нью-Йорк.

ЧАСТЬ 2

БЕЗ ИМЕНИ И, В ОБЩЕМ, БЕЗ СУДЬБЫ

Глава 6. АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА: УСПЕХИ И ПРОВАЛЫ

Пришло время вкратце проследить историю того, чем более всего знаменито разведывательное сообщество Израиля — агентурной разведки.

Самый известный из директоров «Моссада» Иссер Харел всегда гордился тем, что его агентство в отличие от других западных разведывательных служб полагается прежде всего на агентурные источники. Специалисты признавали, что разведка Израиля обладает лучшим в мире агентурным аппаратом. Харел свято верил в силу человеческих инстинктов. Сам он, несомненно, обладал превосходно развитыми инстинктами и отдавал предпочтение трудно поддающемуся объяснению вдохновению по сравнению с холодным расчетом и чистой технологией. Он с нескрываемым презрением относился ко всякой электронной технике, хотя в Израиле жили многие самые талантливые изобретатели-электронщики с мировыми именами.

Время и новые руководители постепенно изменяли концепцию работы «Моссада» и в последующие периоды как в нем самом, так и во всех практически сильных разведках мира происходило смещение акцента на другие направления и способы действий. Но, как говорится, и слава остается, и в самые что ни есть наисовременнейшие времена агентурная разведка действует и играет весьма немаловажную роль. И многочисленные успехи «Моссад» в этом направлении (естественно, далеко не все из них «раскрыты» — разведывательные тайны соблюдаются весьма строго, поскольку за ними — человеческие судьбы и жизни), равно как и просчеты, неудачи и провалы, требуют большого внимания.

Существует мнение, что всю зарубежную разведку, за исключением работы по некоторым военным объектам в соседних арабских странах, что является прерогативой «Амана», по существу монополизировал «Моссад». Это несколько излишне категоричное суждение не только потому, что агентурная работа по линии «Амана» не менее обширна и не менее важна, но еще и потому, что всем ветвям разведывательного сообщества доводится заниматься работой по той или иной форме проникновения в дружественные, враждебные и нейтральные страны — об этом еще будет в соответствующих разделах. Но «Моссад» действительно занимается координацией работы агентурной разведки, а с переподчинением себе «подразделения 131» — и подготовкой агентуры.

Немного о структуре «Моссада».

Из восьми имеющихся в «Моссаде» департаментов наиболее важными являются: информационный, оперативного планирования и координации, исследовательский, политических акций и связи с иностранными разведслужбами. Остальные департаменты — учебный, финансов и кадров и оперативно-технический — играют вспомогательную роль и обеспечивают работу основных подразделений.

В информационном и политическом департаментах имеются как географические, так и функциональные отделы. Весь аппарат «Моссада» не слишком велик, особенно по сравнению с такими гигантами, как ЦРУ или КГБ, — что, впрочем, естественно для маленькой страны. Но в области агентурной разведки возможности израильского разведсообщества уникальны.

Предпосылки

Тысячелетия «рассеяния», вынужденного проживания евреев в разных странах, среди самых разных народов, наложили на выходцев из «двенадцати колен Израилевых» гораздо большее, чем двенадцать, число этнических особенностей. Несмотря на предписанную религией жесткость, фактическая ассимиляция происходила всю историю (не только путем освященных законом браков); кроме того, представляются совсем не лишними оснований мнения о включении в еврейство групп иного этногенеза, но с тою же религиозною принадлежностью. Несомненно влияние и климато-экологических особенностей, которые воздействовали на десятки поколений.

В результате рослые голубоглазые блондины из Скандинавии, сухощавые темнолицые брюнеты из стран Магриба, темнокожие стройные олим из Эфиопии или Судана — все они практически не выделяются в «своих» странах.

К этому добавляется совершенное, естественное владение важными мелочами, на которых проваливается огромное число агентов крупных разведок, — манерой одеваться и вести себя в данной социальной среде, безукоризненное (неакадемическое, не закрепленное специальными тренировками, а органическое для респондируемого социального слоя) знание страны, ее истории, географии и культуры.

Большое значение имеет и владение языком, на

том уровне, что, как известно, многие евреи в диаспоре становились дикторами, артистами, логопедами — причем это всегда предполагало владение не только «нормативным» языком, но и диалектами. Совершенно естественно в диаспоре владение несколькими языками.

Получается так, что в среде эмигрировавших в Израиль всегда можно найти нескольких человек, которые потенциально чрезвычайно пригодны для работы в той или иной стране и при соблюдении определенных условий готовы в кратчайший срок безукоризненно внедриться. Кроме того, кадровый резерв с годами сохраняется — скажем, двенадцатилетний мальчик, вывезенный родителями из Чехии, со временем (при прочих условиях) способен вернуться если не в свою родную Прагу, то, скажем, в Брно под другим именем и прекрасно работать — но уже не только на оружейную промышленность этой страны.

И совершенно естественно, что «потенциальных агентов» полным-полно и в диаспоре, среди тех, кто пока еще не решил переселиться в Землю Обетованную, — и они, опять же при соблюдении определенных условий, могут выполнять задания в «своей» стране или в близком этнокультурном регионе.

В этом отношении работать в области агентурной разведки «Моссаду» было намного легче, чем кому-либо другому. Сильнейшие разведки мира достигали наибольших успехов в результате использования агентов очень долгого, растянутого порой на десятилетия, внедрения, причем «отсев» тех, кто пытался вжиться в чужую национальность и чужую этнокультурную среду, всегда был достаточно высок. В ряде случаев же срок внедрения израильских агентов был намного короче, порою ограничивался несколькими днями.

Кроме того, очень широко использовался принцип двойного или даже тройного перекрытия легенд — скажем, агент мог работать в Бельгии, выдавая себя за выходца из Южной Франции, хотя языковые и пове-

денческие навыки были им приобретены в детстве, проведенном в многоязычном квартале города в Северной Италии.

Удачно работали легенды иностранца, представителя какой-нибудь «нейтральной» страны — скажем, канадского или датского бизнесмена или специалиста, — для работы в арабской или африканской стране.

Важно так же, что в целом ряде стран, не слишком пораженных антисемитизмом и ксенофобией, не требовалось создания легенды нееврея, — а следовательно, не стоял так остро вопрос внешности и языка (или акцента)⁴⁴.

Есть еще один очень важный и очень сложный момент, особенно актуальный в последние десятилетия, когда кризис идеологии, о котором прежде говорили лишь немногие проницательные социологи, очевидно совершился. Речь идет о мотивации.

Автор вполне разделяет тезис о том, что в первой четверти века важнейшим мотивом драматической и героической работы сотен разведчиков из разных стран мира была глубокая и искренняя приверженность коммунистическим или же, напротив, антикоммунистическим идеалам.

Более чем убедительным представляется положение о том, что своеобразный комплекс идей «фашизма» и «большевизма» дал к середине века серьезную мотивацию к действиям разведчиков — и это было еще усилено военной обстановкой.

Патриотические настроения в немалой степени мотивировали разведработу представителей демократических стран; этому способствовала и значительная напряженность периода «холодной войны».

Совершенно очевидно для всякого, мало-мальски знакомого с историей, что серьезным и постоянно действующим мотивом была религиозность; долгие време-

на считалось, что некоторые церковные институты (например, орден иезуитов) являлись лучшими шпионскими организациями.

Прочие мотивы традиционно считаются общечеловеческими — авантюризм и театрално-игровое начало, власто- и корыстолюбие, и так — до неадекватной самооценки.

Но идеологические и патриотические мотивы в нашу эпоху глобального кризиса идеологий, равно как «обычные» факторы — постоянно присущи, постоянно определяют мотивацию большинства израильских агентов, и «шпионы Сиона», в отличие от представителей разведок большинства прочих стран, пока не подвержены особой эрозии духа. В силе мотивировки — важный фактор успехов агентуры.

Немалое значение в успехе агентурной работы имело и то, что жизненно важные вопросы связи, организационного и информационного обеспечения могли решаться и решались не столько путем дополнительного внедрения спецагентов, сколько использования (бывало, что практически «втемную») представителей диаспоры.

Здесь было, правда, большое ограничение. Использование для разведывательной, а уж тем более для диверсионной работы и саботажа представителей диаспоры могло привести и приводило к всплескам антисемитизма в некоторых странах и в конечном итоге оборачивалось страданиями и жертвами сотен и тысяч ни в чем не повинных людей, большими трудностями в дальнейшей деятельности, что порою значительно превышало ту относительную и специфическую «пользу», которую приносила первичная разведывательная операция.

Реальным и болезненным примером служит самый громкий шпионский скандал в истории Израиля — целая серия провалов и попыток скрыть их, — который известен как «дело Лавона», по имени министра обороны Пинхаса Лавона, которому этот скандал стоил дол-

жности. Из-за недостаточного учета жизненных интересов египетской диаспоры специальная операция принесла в конечном итоге гораздо больше вреда, чем «пользы».

Живущему в стеклянном доме нельзя швыряться камнями...

...Египет, как самая крупная арабская страна и близкий сосед Израиля, представлял первостепенный интерес и являл собой весьма плодотворное поле деятельности для военной разведки. «Отдел особых поручений», отделение «Шерут Модиин», ведающее делами проведения спецопераций и работой с агентурой, известное как «подразделение 131», спланировал большую разведывательную операцию, которая началась с отправки в Каир в мае 1951 года Аврахама Дара.

Дар в совершенстве владел английским языком и имел опыт оперативной работы в «Алии-Бет». Во время войны 1948 года он был в отряде «Палмах» и с точки зрения спецслужб был вполне надежным человеком; но, как оказалось, он не выделялся ни тактическим разведывательным мастерством, ни аналитическими способностями и не обладал качествами лидера — хотя нельзя отрицать, что это оказался не худший и не самый удачливый израильский разведчик и последующая (хотя менее ответственная, если так вообще можно сказать об агентурных операциях) работа не вызвала особых сомнений в его профессионализме.

В Египте он выступал под именем Джона Дарлинга, представителя английской электронной компании, хотя для работы под этой легендой у него был серьезный недостаток: внук еврея, родившегося в Адене, он был довольно смуглым, что, мягко говоря, не совсем вязалось с его английским паспортом. «Имя Дарлинга, — вспоминал впоследствии Дар, — было выбрано не случайно. В Египте был английский офицер с такой

фамилией, и мои «семейные связи» могли оказаться полезными». На первом этапе работа у Дара шла на удивление хорошо — просто даже иногда складывалось впечатление, что ему кто-то подыгрывал.

Учитывая дальнейшее, можно предположить, кто это был...

После того, как Дар обосновался в Египте под своей новой фамилией — даже настоящий англичанин, майор Дарлинг вроде бы поверил в то, что они являются родственниками, — он начал заниматься тем, ради чего его сюда направили: создавать агентурную сеть, которая в нужный момент будет выполнять секретные задания.

Дару удалось создать две агентурные группы из молодых сионистов. В 1952 году их даже тайно вывозили в Израиль для специальной подготовки, которая, кстати, прошла плохо: инструкторам «подразделения 131» с большим трудом удалось обучить их элементарным вещам вроде тайнописи, осуществления шифрованных радиопередач, которые оказались для этих парней чем-то вроде ядерной физики⁴⁵. Также следует отметить, что и руководство оперативного отдела срзботало плохо — нельзя было не обратить внимание на то, что агенты подобраны, за единственным исключением, плохо и перспективы работы их в Египте крайне сомнительны. Тем не менее все они были возвращены в Каир и Александрию; связь между группами и резидентом осуществляла любовница Дара, агент-женщина по имени Марсель Ниньо, которая на полученные от Израиля деньги открыла туристское агентство. Агентурные группы находились в состоянии «спячки» в течение трех лет, пока в 1954 году не получили посланный по радио условный сигнал к началу операции «Сусанна».

...К этому времени произошли существенные изменения в Египте. Еще в начале 1952 года группа националистически настроенных египетских офицеров, под-

держивавших тайные контакты с высокопоставленными сотрудниками ЦРУ на Ближнем Востоке — Кермитом (Кимом) Рузвельтом и Майлзом Коуплендом, — стала готовить государственный переворот с целью свержения короля Фарука. В июле того же года заговор увенчался успехом. Руководители заговора провозгласили республику и пригласили сотрудников ЦРУ в качестве своих наставников. В конечном счете из этой среды в 1954 году вышел подлинный лидер, подполковник Гамаль Абдель Насер. ЦРУ помогало обеспечивать личную охрану Насера.

Израильская разведка знала о таких «особых отношениях», и это совсем не вызывало положительных эмоций ни в комитете «Вараш», ни в политическом руководстве государства.

Очень не нравились и первые шаги и декларации новых лидеров Египта, которые предвещали дальнейшее усугубление ближневосточного кризиса. Безучастным к нагнетанию напряженности и усложнению ситуации соседнее государство, естественно, оставаться не могло. Но и способов влияния у Израиля на то время было, мягко говоря, немного. Вот тогда на самом «верху» было решено использовать методы разведки, в частности, для дискредитации националистического арабского руководства. Кем и как именно было решено — это покрыто непроницаемой завесой тайны, и обвинения, и самооправдания Пинхаса Лавона выглядят одинаково убедительно. По некоторым данным, больше всего на этой операции настаивал Джибли — тот самый Бенджамен Джибли, который участвовал в трибунале и расстреле Меира Тубянски.

Ко времени получения сигнала к началу операции агентурными группами военной разведки, «подразделения 131», в Египте теперь уже руководил не Дар, его сменил Аврахам Зайденверг.

Зайденверг был сыном австрийского политика-ев-

рея. Его отец погиб в нацистском концлагере. Аврахам переехал в Израиль, сменил имя на Аври Эль-Ад, и пошел на военную службу. Во время войны 1948 года он отличился в отряде «Палмах» и к 22 годам получил звание майора, но вскоре попал под суд за мародерство.

Опозоренный, разведенный и безработный, Эль-Ад, однако же, показался оперативникам «подразделения 131» Аврахаму Дару и Мордехаю Бен-Зуру превосходным материалом для шпионской миссии — вербовщики сочли, что ему нечего терять и он будет благодарен за возможность реабилитации.

Учитывая происхождение, образование, язык и внешность Зайденверга, лучшим вариантом легенды было выдавать его за немца или австрийца. Военная разведка позаимствовала имя одного из сравнительно недавних иммигрантов, киббуцника немецкого происхождения Пауля Фрэнк, и нарекла этим именем своего нового рекрута.

«Фрэнк» на 9 месяцев отправился в Германию, чтобы освежить свои знания о стране, обзавестись знакомствами, которые могут оказаться полезными в Египте, и, естественно, «обкатать» свою легенду. Там же он по рекомендации «Аман» прошел очень болезненную, хотя очень необходимую с точки зрения прикрытия, операцию по ликвидации следов обрезания — чтобы и в обнаженном виде никто не мог бы опознать в нем еврея. Немецкому хирургу Фрэнк объяснил свое желание восстановить крайнюю плоть тем, что ему очень не нравится, когда сексуальные партнерши принимают его за еврея. Доктор ему посочувствовал.

В декабре 1953 года Пауль Фрэнк под видом богатого немецкого предпринимателя выехал в Египет.

Его хорошо приняли в растущей немецкой колонии Египта, где в те годы скрывались многие нацисты и проживало большое число технических специалис-

тов, привлеченных египтянами к работе в оборонной промышленности⁴⁶.

Однако хорошее начало еще не всегда залог успешного финала. Зайденберг-Фрэнк, возглавив разведсеть в Каире, совершил едва ли не все возможные ошибки, зафиксированные в учебниках по разведке. С поразительной беспечностью игнорируя элементарные правила, внушенные ему во время подготовки, он «засветился» перед всей своей сетью: вместо конспиративного контакта с руководителями групп, «Роберт» — это был его оперативный псевдоним — познакомился со всеми своими агентами и даже посещал их дома, знакомился с членами семей. Система связи и сигнализации в его группах была поставлена на любительском уровне. Сеть эта неизбежно должна была провалиться, даже если бы не совершала особо острых действий — а операция «Сусанна», начатая 30 июня 1954 г., потребовала совершения диверсий и терактов.

Однако взрывать должны были не египетские военные объекты. Это были кинотеатры, почтовые отделения, американские и английские учреждения — по весьма сомнительному предположению руководства разведкой, это якобы должно было вызвать недовольство Вашингтона и Лондона, создать впечатление ненадежности и нестабильности нового правительства Египта.

Операция началась со взрыва почты в Александрии. Молодые агенты Филип Натансон и Виктор Леви подорвали небольшие взрывные устройства, спрятанные в футляры от очков. Причиненный ущерб был незначительным, а египетская цензура запретила печатать об этом в газетах. В результате имидж Египта несколько не пострадал — но египетская охранка усилила контрразведывательные операции.

Неделю спустя через одну из израильских радиостанций были поставлены новые и более амбициозные

задачи: заминировать александрийскую и каирскую библиотеки Американского информационного центра.

На этот раз местная и международная пресса сообщила о взрывах. В «подразделении 131» были довольны и дали задание продолжать диверсии. И вот 22 июля в Каире взорвались еще две бомбы, причем одна из них сработала в кармане Натансона...

Раненого юношу, конечно же, немедленно арестовали — и вся операция «Сусанна», призрак которой еще несколько лет будет преследовать Израиль, рухнула. Раненого Натансона жестокими пытками «раскололи» в первые же часы, а затем египетская служба безопасности арестовала практически всю сеть, состоявшую главным образом из местных евреев, знавших друг друга.

Вскоре была арестована и связник, Марсель Ниньо. Только немногим, в том числе Фрэнку (ему удалось бежать из Египта) и Эли Когену (он интуитивно соблюдал более строгие правила конспирации, чем другие молодые агенты, а кроме того, сумел построить убедительную линию доказательств на допросе), удалось избежать египетских застенков.

В 1955 году 2 египетских еврея были повешены, а еще 4 приговорены к длительным срокам лишения свободы.

После Суэцкой кампании 1956 года был предложен обмен арестованных агентов на египтян, находящихся в плену. Но начальник штаба израильской армии генерал Даян выступил против обмена, считая, что это скомпрометирует Израиль. Только в 1968 году, после Шестидневной войны, Марсель Ниньо, Филипа Натансона, Роберта Дасса и Виктора Леви обменяли на несколько тысяч египетских военнопленных.

У всех четверых были основания заявлять в израильской прессе, что их бросили, что государство могло значительно сократить срок их страданий в египетских тюрьмах.

Сам замысел операции «Сусанна» был бездарным — по сути, это была попытка механически перенести на совершенно другие исторические условия опыта диверсионно-террористической борьбы, которая осуществлялась в разных странах против оккупационных режимов. Из слабой нации, которая с трудом добилась независимости от Великобритании, к тому времени еврейское государство превратилось в активного и важного участника международной политики. Получившая огласку попытка использовать нелепые и провокационные методы, особенно против Египта, для того, чтобы настроить западные державы против арабов, принесла Израилю только вред.

Крайне непрофессиональным было и исполнение операции «Сусанна»; в числе пострадавших оказались и другие ветви разведсообщества. В частности, был провален также и важный израильский разведчик-нелегал, самый ценный в то время агент в Египте.

Под немецкой «крышей»

Это был Меир (Макс) Беннет, 36-летний уроженец Венгрии. В 1935 году его семья эмигрировала в Палестину. Беннет начал работать в «Алии-Бет», но вскоре его завербовали в «Аман». Знание шести иностранных языков позволило ему выполнять задания в различных странах. В 1951 году, когда Беннет попал в Египет, он имел уже звание майора.

Так же как и Зайденберг, Беннет работал под прикрытием немецкого паспорта. Работа под «немецким флагом» была очень удобна, поскольку многие в Израиле владеют немецким языком, а немца трудно заподозрить в том, что он работает на еврейское государство.

Но была и более глубокая причина: западногерманская разведка помогала израильтянам, снабжала их паспортами и другими документами.

У истоков этих особых отношений между еврей-

ским государством и «новой» Германией, по иронии судьбы, стоял бывший сторонник нацистов. Во время Второй мировой войны генерал Рейнгард Гелен возглавлял разведку на советском фронте. После поражения Третьего рейха он был арестован американцами, но вместе со штабом отпущен на свободу. Американской и английской разведкам понравился «план» Гелена по налаживанию американо-германского сотрудничества против Советской России. Гелена поставили во главе западногерманской разведки, и бывший гитлеровский генерал быстро установил глубокие профессиональные связи с Израилем — новым домом тех, кто пережил преследования нацистов.

Некоторые израильские разведчики считали, что им удастся удачно использовать комплекс вины немцев за уничтожение шести миллионов евреев. Однако ЦРУ, например, смотрело на отношения Гелена с израильтянами более цинично. Американцы считали, что разведка требует не смешивать эмоции и национальные интересы. Израильская разведка имела сведения о нацистском прошлом многих руководителей Западной Германии. В ЦРУ небезосновательно считали, что израильтяне дали понять немцам, что если те не будут с ними сотрудничать, эти сведения будут преданы огласке. Такой шантаж мог быть эффективным в отношении западных немцев⁴⁷, которые панически боялись обвинений в связях с нацистами, даже если в этом не было ничего особо компрометирующего.

Но кроме того, ФРГ и службу Гелена очень привлекал доступ к значительному потоку разведывательной информации, которую израильтяне получали от тысяч переселенцев из Советского Союза и стран Восточной Европы. Израильские разведслужбы уже показали класс своих аналитиков — умение использовать самую разрозненную информацию. Как уже отмечалось, информация широким потоком направлялась в ЦРУ; но если эта информация представляла интерес для Западной

Германии — например, если она касалась военной или дипломатической активности советского блока, — израильтяне могли передавать ее немцам.

По легенде, Беннет (в Египте он работал под именем Эмиля Витбейна) являлся бывшим нацистом и представлял реально существующую германскую компанию, изготавливавшую протезы. Позже он стал консультантом, затем главным инженером на египетском автомобильном заводе компании «Форд». Самым крупным клиентом «Форда» была египетская армия, и это давало Беннету широкий доступ в военные круги и на военные базы Египта.

Беннет был отличным разведчиком. Информация от него поступала весьма значительная и достоверная, а его прикрытия срабатывали очень успешно. Работа могла бы еще продолжаться долго и принести много пользы для страны; его провал произошел только из-за неправильных действий руководства.

Одним из первых симптомов ошибок «наверху» стала засветка местопребывания агента. Жена Беннета, Джин, оставшаяся в Израиле, не должна была знать, где он находится, и свои письма к ней он направлял на конспиративный адрес в Лондоне. Однажды один из его кураторов забыл отклеить египетские марки. Так Джин Беннет неожиданно узнала о том, где находится ее Макс⁴⁸. В агентурной разведке мелочей нет, уже этот «прокол» мог обернуться провалом, и уж во всяком случае следовало принять жесткие меры к усилению конспирации Беннета. Но на практике было допущено прямо противоположное. Не удивительно, что следующий «прокол» обернулся провалом и стоил жизни Беннету, который скрупулезно выполнял поступавшие ему задания.

«Это была идиотская ошибка его кураторов, — вспоминал впоследствии Аврахам Дар. — Оборвалась связь с группой Фрэнка, и они выбрали самый легкий путь

передачи ему денег. Правила конспирации запрещают контакты между различными разведгруппами, особенно если они выполняют разные задания. Но кураторы действовали глупо. Они Беннета заставили встречаться с Марсель Ниньо и Фрэнком и передавать им деньги».

После ареста Натансона и еще десяти членов разведгрупп до Беннета непременно бы добрались, вопрос был только во времени⁴⁹. Его хватило бы для эвакуации — но слабости в подготовке операции, прежде всего не проработанные пути «отхода» и весьма слабый инструктаж некоторых агентов, лишили его последнего шанса. Марсель Ниньо несколько дней находилась на свободе — но «под колпаком» египетской контрразведки. По неопытности не обнаружив слежку, растерянная Марсель явилась за советом и помощью прямо на квартиру Беннета. Египтяне ворвались вслед за ней к нему в квартиру и обнаружили Макса с включенным передатчиком на связи с Тель-Авивом.

Как и остальных арестованных, его подвергли жестоким пыткам (о их тяжести можно судить хотя бы по тому, что Марсель Ниньо дважды пыталась покончить с собой; один раз ей удалось выброситься из окна — но ее подлечили и продолжали пытать, пока не «сломали»). Так же не выдержали пыток и остальные арестованные. Не сломался только Беннет — и только ценой своей жизни. 21 декабря 1954 г. Макс Беннет в тюремной камере вскрыл себе вены и умер за день до того, как должен был предстать перед судом. Тело Беннета было отправлено в Италию для похорон, и только в 1959 году он был тайно перезахоронен в Израиле. Его жена узнала о перезахоронении за день до того, как оно состоялось.

Только в 1988 году Израиль официально признал Беннета своим агентом и на специальной церемонии в министерстве обороны в Тель-Авиве ему было посмертно присвоено звание подполковника.

Паулю Фрэнку удалось избежать ареста. После

провала сети он даже оставался в Египте (на нелегальном положении) еще в течение двух недель, а по возвращении в Тель-Авив снова превратился в Аври Эль-Ада, и «Аман» снова стал направлять его в различные европейские страны с заданиями военной разведки.

В результате «дела Лавона» (ответственность за провалы была возложена прежде всего на министерство обороны, которому подчинялся «Шерут Модииин»), были отправлены в отставку министр обороны и шеф «Амана», один из инициаторов операции «Сусанна». Дисциплинарные взыскания понесли и ряд работников военной разведки, которые курировали операцию. Но и после отставки Джибли и всего скандала, однако же, сменивший его на этом посту генерал-майор Ехошафат Харкаби продолжал верить Эль-Аду.

Дальнейшая «разборка» по этому делу — одна из самых темных страниц в истории разведсообщества.

По версии, поддерживаемой самим Маленьким Иссером, ему, обладавшему каким-то особым нюхом на предательство, удачный побег Эль-Ада из Египта показался подозрительным и возникли опасения, что Эль-Ад стал двойником — как за несколько лет до него Давид Маген.

Харел, твердо полагаясь на свою интуицию, тайно от Харкаби направил агентов «Шин Бет» в Европу для слежки за Эль-Адом. И вот через совсем немного времени агентам «Шин Бет» удалось установить, что в Бонне Эль-Ад встретился с офицером аппарата египетского военного атташе и якобы передал ему секретные документы израильской разведки. Доклад наружки сочли достаточным для того, чтобы Харел окончательно пришел к печальному выводу: агент «Шерут Модииин» оказался предателем.

Эль-Ада немедленно отозвали в Израиль и арестовали. Следствие продолжалось 9 месяцев, и в июле 1959 года он был предан суду за шпионаж в пользу

Египта. Суд проходил в условиях необычной даже для Израиля секретности и приговорил Эль-Ада к 10 годам тюрьмы.

Военная цензура запретила публиковать детали этого процесса и имена всех, кто был связан с этим делом. Газеты упоминали о нем как о «езек биш», то есть «гнилом деле». В этих публикациях Джибли назывался «старшим офицером», Бен-Зур был «офицером запаса», а Эль-Ад — «третьим человеком».

Но другая версия этого дела весьма значительно отличается от этой — и нельзя сказать, что не имеет права на существование. Неоспоримым остается факт, что мастерам допросов из «Шин Бет» так и не удалось «сломать» Эль-Ада и добиться от него признания в том, что он сотрудничал с разведкой Египта, или в том, что он предал своих товарищей в Каире и Александрии. Отрицал Эль-Ад свою вину и на суде — полной уверенности в его вине, по-видимому, у судей не было. Приговор кажется суровым; но если бы все обвинения против Эль-Ада соответствовали действительности, он бы получил как минимум вдвое больше, если не пожизненное заключение.

После выхода из тюрьмы Эль-Ад уехал в Калифорнию и там издал книгу о том, как Харел сфабриковал против него дело. Он также рассказал, что офицеры «подразделения 131» вступили в сговор, чтобы свалить вину за провал операции «Сусанна» на Лавона. Самооправдания «бывших» — не самый достоверный источник. Но логический анализ подсказывает, что сводить все к предательству одного человека — упрощенное решение. Характерные черты этой операции, например, причины и последовательность арестов, уход из-под удара нескольких важных агентов (а Элиаху Коэна, радиста, «обслуживавшего» разведгруппы, Эль-Ад уж «раскрыл» бы в первую очередь), довольно долгий период перед арестом Ниньо — все это свидетельствовало, что «раскрутка» шла не сверху, что египетская контр-

разведка раскрывала агентурную сеть вслепую, а не пользовалась наводкой предателя.

Следует также отметить, что в отношении более «давних» агентов в Египте, которые могли быть под наблюдением охранки, если она действительно контролировала Дана, разработка велась в несколько ином режиме, чем «новых».

Бен-Яир

Деятельность агента-нелегала «Моссад» Шаалтиеля Бен-Яира в Египте с 1958 по 1962 год оказалась наиболее благополучной — все эти годы он давал ценную информацию и, избежав расшифровки и ареста, покинул страну.

Этому во многом способствовало не только оперативное обеспечение — в нем не было ничего особенного: стандартная подготовка, надежное прикрытие, отработанная «легенда», простая, но устойчивая связь, — сколько личные качества самого Бен-Яира.

Он родился в Ливане, в районе на самой границе с Палестиной. Городок был со смешанным многоязычным населением; Бен-Яир уже с детства то играючи, то всерьез мог выдавать себя за араба. Вообще был очень смышленным пареньком с развитым актерским началом; легко изучал языки, вплоть до имитации акцентов, легко осваивал специальности. Храбрость и решительность сочетались с авантюрными наклонностями — но реализовал он их в удачном для Израиля направлении.

В конце 1930-х годов, еще в юношеском возрасте, он вступил в подпольную экстремистскую организацию «Иргун», возглавлявшуюся Бегиним, участвовал в террористических акциях и выполнял конспиративные задания, выдавая себя то за бродячего ремесленника, то за торговца скотом.

Отец Шаалтиеля отправил его в морскую школу во Францию, полагая, что в Европе, подальше от друж-

ков-экстремистов с их рискованными выходками, сын-ок будет в безопасности. Но Шаалтиель вскоре бросил школу, сошелся с женщиной значительно старше его и вел типичную жизнь богемы — но заодно с легкостью овладел превосходным французским.

Перед самой войной Бен-Яир возвратился в Палестину, по настоянию семьи для завершения обучения поступил в шотландскую школу — и научился говорить по-английски с безукоризненным шотландским акцентом.

Во время Второй мировой войны он воевал в Египте в составе британского отряда «коммандос», а после войны сражался в составе ЛЕХИ или «банды «Штерн»» Ицхака Шамира, которая боролась против англичан.⁵⁰ В 1948 году принимал участие в Войне за независимость.

После войны он долго не мог определиться с местом в мирной жизни (в армии, где задавали тон выходцы из «Хаганы», не жаловали «головорезов из ЛЕХИ»), перебивался случайными заработками; в 1955 году в одном из тель-авивских баров случайно узнал, что Шамир и другие его друзья по подполью работают в «Моссаде»⁵¹.

Бен-Яир охотно последовал их примеру, прошел стандартную процедуру подготовки и вскоре стал «Франсуа Ренанкурором», бельгийским «экспертом» по торговле скотом и успешно вел бизнес и налаживал связи в Европе. Достаточно скоро он ухитрился получить от египетского правительства приглашение на работу в Египет в качестве эксперта по животноводству.

Приглашение было принято, и вскоре «приятный во всех отношениях», общительный и веселый бельгиец уже колесил по Египту — по сельскохозяйственным предприятиям, племенным хозяйствам, часто оказываясь поблизости от расположения военных и других стратегических объектов.

В Египте Бен-Яир оказался одним из самых дерз-

ких и самых удачливых израильских агентов. Главной его задачей была разведка египетских аэродромов и других военных объектов, что включало и тайную фотосъемку, и установление контактов с персоналом, а иногда и проникновение на охраняемую территорию. Это была очень опасная миссия, но он оказался одним из тех, кто выполнил свое задание и благополучно возвратился в Израиль.

Успеху его агентурной работы способствовало, помимо весьма удачного набора личных качеств и хорошего конспиративного опыта, то, что по природе он был «одиноким волком» и представлял собой резидентуру в составе одного человека. У него не было партнеров, не было связников, которые знали бы его, не было помощников — никого, кто мог бы навести на него подозрения контрразведки. Те каналы связи, которыми он пользовался, не были ни засвечены, ни взяты под наблюдение контрразведкой, а сам Бен-Яир не терял бдительности при пользовании ими.

Правила конспирации он выполнял безукоризненно — но даже он не выдержал полного одиночества и в нарушение всех правил безопасности однажды раскрылся перед своим бывшим соратником Амосом Кенаном.

...Как-то в конце 1950-х годов в парижской квартире писателя Кенана зазвонил телефон, и голос, который он не слышал уже несколько лет, произнес: «Это говорит Шарль». Это было одно из конспиративных имен Бен-Яира в «банде «Штерн», в которой в свое время состоял и Кенан.

Через несколько минут бывшие соратники встретились на борту туристского пароходика на Сене.

Бен-Яир теперь был без усов, rispetабельно одет и упорно говорил только по-французски.

«Теперь я эксперт по скотоводству, и ты должен называть меня Франсуа, — объявил он Кенану. — Раз в

месяц я на один день приезжаю в Париж, затем отправляюсь в Брюссель и оттуда возвращаюсь в Каир».

Не раскрывая подробностей своей деятельности и специфику задания, Шаалтиель все же дал понять, что выполняет сложную конспиративную миссию. И пожаловался старому другу, быть может, единственному в то время, кому можно было доверить нечто личное: «Я очень одинок, мне даже не с кем поговорить, и у меня очень трудная работа. Я прошел специальную подготовку, и если даже среди ночи ты окликнешь меня на иврите, я никак не отреагирую. В Египте никто не подозревает, что я понимаю по-арабски, а в Бельгии меня считают бельгийцем. Мой южно-французский акцент совпадает с бельгийским. На всякий случай я говорю, что во время войны я жил на юге Франции»... Встреча продолжалась чуть больше часа; Кеннан рассказал о ней только спустя много лет.

По возвращении в Израиль в 1962 году Бен-Яир так и не смог адаптироваться: обычная гражданская жизнь показалась невыносимо скучной — довольно частый случай среди разведчиков, которым не хватает напряженности и интриг. Он сменил имя и уехал в Канаду; чем он там занимается, разглашать не следует.

Джек Леон Томас

История Джека Леона Томаса, который работал в Египте примерно в то же время, завершилась далеко не так благополучно.

Джек Томас (Товмасын) был армянином, уроженцем Египта. Симпатичный и образованный молодой человек, в совершенстве владевший арабским, французским, английским и немецким языками, вырос в Каире, в 1956 году переехал в Бейрут, а затем в Западную Германию, где пытался заняться коммерцией. Он начал работать на израильскую разведку, сам того не

подозревая, — вербовка была проведена «под чужим флагом».

В 1958 году в Германии он подружился с молодым ливанцем по имени Эмиль.

Эмиль, в понимании Томаса, был хорошо обеспечен и всегда оплачивал их счета в ресторанах и барах. Они говорили о женщинах, бизнесе и, наконец, о политике. Томас не скрывал своей ненависти к президенту Египта Насеру. Взаимное доверие возрастало, и наконец однажды настал момент, когда друг и единомышленник Эмиль предложил Томасу крупную сумму денег и попросил его вернуться в Египет для того, чтобы помочь в свержении египетского диктатора. При вербовке Томасу было сказано, что он будет работать на одну из стран НАТО. Израиль вообще не упоминался.

Томас, который был настроен прозападно, без долгих колебаний согласился.

На конспиративной квартире в Кёльне специалисты обучили его основам шпионского искусства: микрофильмированию и обработке фотопленки, маскировке негативов в тюбиках зубной пасты, корешках книг или коробках от ботинок, тайнописи, зашифровке сообщений, устройству и использованию тайников.

В том же году Томас возвратился в Каир и начал создавать агентурную сеть, опираясь на единомышленников из числа национальных меньшинств. Томас завербовал двух армян и одну еврейскую танцовщицу в ночном клубе. В числе его информаторов был один из его друзей детства, который стал артиллерийским офицером.

Периодически Томас выезжал в Европу для встреч со своими руководителями, которые выступали перед ним как высокопоставленные чиновники НАТО. Он передавал им военную информацию, а взамен получал деньги и новые задания.

Во время одной из таких поездок он познакомился

с молодой немкой по имени Кати Бендхоф. Вскоре они поженились. Кати переехала в Каир, и Томас включил ее в агентурную сеть — она стала его курьером.

Вскоре наступил момент, когда во время очередной встречи с руководством Томасу раскрыли, что на самом деле он работает на израильскую разведку; это не слишком его удивило — по характеру заданий он уже понял, что все, что он должен разведывать, может интересоваться в первую очередь и главным образом Израиль. Кроме того, опыта жизни и общения с представителями самых разных наций и стран хватило, чтобы почувствовать, что «хозяева», скорее всего, в Европе тоже гости.

То, что он узнал правду, несколько его не беспокоило. Он по-прежнему ненавидел Насера и возвратился в Каир едва ли не с еще большим энтузиазмом.

Это, в свою очередь, не удивило моссадовцев. Они знали, что имеют дело с умным человеком и Томас уже сам догадывался, что в действительности работает на Израиль.

Кати Бендхоф в Амстердаме обучили работе на радиостанции. В качестве кодовой книги использовался роман американской писательницы Перл Бак «Добрая земля». Деньги (разведгруппа получала неплохое, по меркам региона, содержание) направлялись им через бельгийский банк под видом помощи от родственников из Германии. Оперативная техника разведгруппы насчитывала пять фотоаппаратов, от миниатюрных до фоторужья, чемодан с двойным дном, электробритву с тайником для хранения документов, зажигалку с тайником для хранения микропленок и рацию, которая была замаскирована в ванной комнате. Все это хранилось в их квартире в Гарден-сити, откуда Кати каждые несколько дней связывалась с Тель-Авивом, передавая информацию и получая задания.

Все поначалу складывалось успешно, настолько успешно, что вызвало излишнюю самоуверенность у

четы Томасов. Они в какой-то момент почувствовали себя эдакими суперменами, которым подвластны дела и судьбы других. На вот этом «головокружении от успехов», как, к сожалению, часто происходит в агентурной разведке, все и рухнуло.

В мае 1960 года пара получила задание завербовать офицера египетской армии, желательно летчика. Это задание было предварительным, следовало ожидать детальных инструкций — но они не стали ждать ни ориентировки на конкретных лиц, ни даже четких методических разработок по вербовке. Исходя из своих представлений, они осуществили плохо подготовленный вербовочный подход к молодому египетскому офицеру, христианину коптского происхождения Адиву Хана Карлесу.

Карлес понял «намеки», не стал высказывать каких-либо определенных решений — но немедленно информировал о сделанном ему предложении свое командование. Египетская контрразведка, естественно, немедленно взяла шпиона в разработку; кроме наблюдения, было проведено классическое контрразведывательное мероприятие — СБ втянула Карлеса в двойную игру и сначала только через него, а затем и через другие «подставки» стала снабжать Томаса дезинформацией.

Вскоре, однако, Томас заметил наблюдение и вообще повышенный интерес ко всем своим действиям; кроме того, он ясно определил, что изменился и характер донесений, которые он стал получать от информаторов. Умный и наблюдательный человек, Леон почувствовал, что земля стала гореть под ногами и начал готовить сеть к консервации. Был проработан и путь отхода: им были заготовлены для себя и жены паспорта на чужие имена и проработаны маршруты эвакуации. К сожалению, отход несколько затянулся. Кати Бендхоф вместе с еврейской танцовщицей удалось бежать, но 6 января 1961 г. сам Томас и несколько его агентов и информаторов были арестованы.

Больше года длилось следствие, и затем состоялся суд. Томас заявил, что он шпионил для Израиля из авантюристических побуждений, ради денег и из чувства ненависти к Насеру — похоже, что все это было действительно так. На обвинение в предательстве он ответил так: «Я не предатель. Я никогда не считал себя египтянином. Армяне в Египте составляют меньшинство, подвергающееся дискриминации».

Военный трибунал приговорил Томаса и троих его сообщников к смерти, и они были повешены 20 декабря 1962 г.

Элиаху (Эли) Коэн

Этого человека все исследователи ставят в ряд самых выдающихся разведчиков; в Израиле он почитается в числе национальных героев-мучеников. Его именем названы улицы, парки и школы чуть ли не во всех городах страны.

Элиаху родился в 1924 году в Александрии в семье галантерейщика. Родители, Шауль и Софи, эмигрировали в Египет из Алеппо (Сирия). В детстве и юности Эли весьма строго придерживался религиозных традиций, изучал Талмуд и знал наизусть большие фрагменты. Вообще память у него была феноменальная, а интеллектуальный уровень очень высок. «Эли всегда был в числе первых учеников по любому предмету», — вспоминал один из его школьных друзей. Легко давались ему и языки, и практические занятия (скажем, по фотографии, которой он овладел в совершенстве).

Но тихим еврейским мальчиком-умником его нельзя было назвать: Эли делал большие успехи в плавании, легкой атлетике, хорошо играл в футбол и, как это говорят, был совсем не дурак подрасться.

С блеском он окончил Французский лицей, затем учился в школе Маймонида в Каире, а затем в Мидраш Рамбам — центре изучения Талмуда в Александрии.

Вот характерный отзыв о его умственных способностях. Когда Эли твердо решил стать не раввином, а специалистом в современных точных науках, его учитель из мидраша огорченно сказал: «Какая потеря. У Эли мозги гения. Он мог бы стать одним из великих ученых-талмудистов». Но выбор между религиозным и светским путем был сделан: Эли поступил на факультет электротехники Каирского Университета короля Фарука.

Но еще раньше произошло изменение его политических воззрений. Если в молодости он считал себя «таким же египтянином, как и все», участвовал в антибританских демонстрациях вместе с арабами и, не задумываясь о последствиях, лез в драку с теми, кто прохаживался по его национальной принадлежности, то затем его взгляды кардинально переменялись. Казнь молодых членов ЛЕХИ⁵² и серьезный рост антисемитизма в Египте определили его выбор.

Он принимал участие в операции «Гошен» по вывозу египетских евреев в Израиль (свободно владея полудюжиной языков, осуществлял контакты с посольствами, консульствами и чиновниками, обеспечивая получение виз), а с 1951 года стал членом подпольной шпионско-диверсионной организации, созданной Абрахамом Даром. Эли был в числе тех, кого вывозили в Израиль на спецподготовку; у него единственного были отмечены хорошие показатели по всем дисциплинам.

Когда из-за серьезных ошибок сеть, которой в то время уже руководил Эль-Ал, была разгромлена египетской контрразведкой в 1954 году, Коэн тоже не избежал ареста, поскольку данные «наружки» и документальная проверка указывали на его близкое знакомство с арестованными, — однако сумел убедить следователей, что арестован случайно и не причастен ни к каким шпионским играм. Улик, в сущности, против Элиаху (радиста одной из групп) не было, а слова и все поведение

оказались настолько убедительными, что Коэна отпустили.

Еще два года он, фактически оставленный в одиночестве, но не лишенный многочисленных личных дружеских связей, в первую очередь с молодыми египтянами, в большинстве своем считавшим Элиаху за «своего», — передавал сообщения из Александрии и только после Суэцкой кампании 1956 года осознал необходимость срочно выехать из Египта; отработанные за время работы на операцию «Гошен» связи помогли это сделать сравнительно легко. Родители и родственники к тому времени уже давно были в Израиле.

Оказавшись в Израиле, он немедленно предложил свои услуги израильской разведке, но ему твердо заявили: «Нам не нужны искатели приключений».

Одной из причин отказа была стандартная предосторожность: иммигранты во всех, практически без исключений, случаях какое-то время находились под наблюдением и лишь затем принимались решения по их использованию в таком серьезном деле, как разведка. Но была еще одна причина: специалисты все еще сомневались в целесообразности такого использования этого талантливого и неординарного человека. Коэн всегда производил хорошее впечатление на окружающих, но психологи «Амана», которые подвергли его стандартным тестам, выявили тревожные признаки. Они отметили высокий интеллектуальный уровень Коэна, феноменальную память и способность хранить секреты, но тесты также показали, что, несмотря на «скромные внешние данные, у него завышенная самооценка» и какое-то «внутреннее напряжение».

Тесты также показали, что Коэн не всегда адекватно оценивает опасность и в силу этого может идти на неоправданный риск...

Все это в конечном итоге подтвердилось и определило его судьбу, но это было позже.

Эли пошел на службу в торговую корпорацию, где прекрасно зарекомендовал себя, женился и успешно продвигался по службе. Но в мае 1960 года, когда напряженность на границе с Сирией достигла критической точки и в Дамаске понадобился шпион, Коэна привлекли к работе в разведке.

Его первым куратором⁵³ был старший офицер «Моссад» Исаак Залман («Дервиш»). Предстояло пройти серьезную переподготовку; «Дервиш» сказал: «По окончании курса вы можете отказаться работать в разведке. Это правило действует всегда: отставка будет принята в любое время и не надо страдать угрызениями совести. Наше сотрудничество — не католический брак, это не навсегда. Развод разрешен, и его можно получить без особых усилий. Единственное условие — ни одна живая душа не должна знать об истинном характере вашей работы».

Коэна обучили приемам рукопашного боя, владению стрелковым оружием, диверсионно-подрывному делу, взлому сейфов, шифровальному делу, использованию современной оперативной техники, четкой ориентировке в типах западного и советского вооружения. В выпускной характеристике особо отмечалась его блистательная память, находчивость и делался вывод: «Обладает всеми необходимыми качествами для оперативной работы».

Несмотря на форсированный режим, подготовка Коэна в Израиле заняла более полугода. Помимо занятий по спецпредметам, она включала и «практику» — выявление и неочевидный «отрыв» от наружного наблюдения, внедрение под чужим именем (однажды Эли несколько дней успешно «работал» в Тель-Авиве под временно похищенным паспортом французского туриста) и, что было особенно важно, отработку навыков правоверного мусульманина в арабском Назарете, где шейх Мухаммед Салмаан и понятия не имел, кем на самом деле является этот «студент Иерусалимского университета».

Разведка проявила максимальную аккуратность, выделив еще целый год на закрепление легенды в Аргентине, которая к этому времени стала излюбленным местом «документации» израильских агентов.

Во многом успешная работа Коэна была предопределена именно хорошей аргентинской натурализацией.

Коэн покинул Израиль 3 февраля 1961 г. и вылетел в Цюрих. Там под руководством старшего офицера-моссадовца Эзры Сэлинджера прошел необходимый курс подготовки в европейском бизнесе, включая изучение коммерческой лексики. 1 марта он прибыл в Буэнос-Айрес из Цюриха как сирийский бизнесмен Камель Амин Таабет⁵⁴. Контактером у него был агент по кличке «Абрам», но встречались они крайне редко — Эли старался работать один.

Он должен был войти в среду южноамериканских предпринимателей арабского происхождения, и ему удалось блестяще выполнить эту задачу. Кроме бизнесменов, Коэн сблизился с журналистами, дипломатами и военными; военный атташе сирийского посольства Амин аль-Хафез порекомендовал ему «поставить на партию БААС» и пригласил его перебраться в Сирию, куда он собирался вскоре вернуться. Обязательная проверка, проведенная Вторым Бюро (контрразведка Сирии), не нашла ничего подозрительного — легенда была подготовлена и отработана безукоризненно.

К моменту приезда в Дамаск Коэн уже имел целую пачку рекомендательных писем. Казалось, что все влиятельные сирийцы Аргентины были его друзьями, а влияние мощной аргентинской колонии было значительным. Большое влияние приобрел и «друг» — вскоре майор Амин аль-Хафез стал президентом Сирии.

Между выездом из Буэнос-Айреса и приездом в Сирию прошло четыре месяца, легендированные как улаживание дел в Европе.

Коэн побывал на отдыхе и переподготовке в Израиле, а перед Новым годом вылетел в Мюнхен. Там

Сэлинджер снабдил его оперативным набором — мощной ракетой, чудом миниатюризации для своего времени, прекрасной фотоаппаратурой, компонентами взрывчатки, упакованной в тюбики зубной пасты и крема для бритья, сильнодействующими снадобьями в упаковках невинного аспирина. Из Мюнхена Коэн выехал в Геную и 1 января 1962 г. отправился в Бейрут в первом классе итальянского лайнера «Амазония».

Задержка с выездом была связана не только с техническими причинами: в «Моссад» справедливо опасались, что кто-то из египтян (в то время их было много в Дамаске) может «расшифровать» Коэна. Но 28 сентября 1962 г. в Сирии произошел очередной (и ожидаемый) государственный переворот и практически поголовно все египтяне были высланы из страны — дескать, Египет чрезмерно вмешивается во внутренние дела.

...На корабле Эли-Камиль познакомился и вошел в расположение богатого и знатного шейха Магда аль-Арда; знакомство принесло практическую пользу — важная персона провезла Коэна из порта в Дамаск на своем автомобиле, который не подвергался таможенному досмотру.

В Дамаске Эли снял апартаменты на четвертом этаже в здании прямо напротив здания Генштаба сирийской армии. На крыше, среди множества телевизионных антенн, Коэн пристроил и свою, от ракеты.

В считанные недели в Дамаске он организовал легальный бизнес — стал экспортировать в Европу сирийскую мебель ручной работы, ремесленные поделки и ювелирные изделия. Бизнес, которому помогал «Моссад», шел очень успешно; помимо решения задач легализации и «отбеливания» финансового обеспечения, он был важен и для секретной работы: в столиках для игры в нарды время от времени оборудовался тайничок, в котором Эли переправлял в европейскую резидентуру микропленки.

Занимаясь коммерцией, Коэн одновременно под-

держивал обширные контакты в военных и политических кругах Сирии. Близкими друзьями стали Маази Захер Эль-Дин, племянник начальника генштаба Сирии, Жорж Саиф, диктор правительственного радио, полковник Селим Хатум, командир ударного парашютно-десантного полка. Обаятельный, компанейский и щедрый, всегда готовый предоставить «другу» роскошную холостяцкую квартиру, он все больше оказывался в самой гуще светской и политической жизни столицы. Его часто приглашали на военные базы и однажды устроили ознакомительную поездку вдоль сирийских укреплений на Голанских высотах, причем, вопреки строжайшему режиму секретности, Эли вволю фотографировал сам, а также с готовностью давал поснимать Маази, который был организатором этой поездки.

Информация, которую он передавал по радио в Тель-Авив, освещала все стороны жизни в Сирии. В ней содержались интересные подробности о противоречиях внутри правящей группировки, а также большое количество сведений военного характера, которые пополняли компьютерные массивы военной разведки. Израильская разведка получила довольно полную картину обстановки во враждебной стране, которая до этого считалась недостижимой⁵⁵. Его оценки политической ситуации и военной обстановки были настолько оперативны и точны, что часто через несколько часов после передачи прочитывались руководством страны. Бен-Гурион нередко принимал важнейшие решения, опираясь на сведения, полученные от Коэна.

Через Европу Коэн передал документальные материалы, раскрывавшие дислокацию войск вдоль границ Сирии, и схемы противотанковых укреплений, которые должны были затруднить продвижение израильских войск в случае начала войны (несколько раз он приезжал с «друзьями» из генштаба в Кунейтру, где располагался штаб Южного командования сирийских войск; он видел карты и масштабные макеты укреплений. Побы-

вал он и на РЛС, и на отдельных базах и укреплениях. Многое удалось сфотографировать, многое он очень точно запомнил). Он передал список всех сирийских пилотов и довольно точные зарисовки вооружения, установленного на самолетах.

В активности он был готов перешагнуть границы — так, однажды он был представлен важному гостю, Францу Райдмахеру, нацистскому преступнику, который участвовал в карательных операциях в Бельгии и Югославии, а после войны стал советником Второго Бюро в Дамаске. Элиаху-Камиль, весьма определенно заявлявший о своих пронацистских симпатиях, был вынужден пожать руку нацисту — и тут же потребовал от своего руководства санкции на ликвидацию Райдмахера. В Тель-Авиве едва отговорили Коэна — а информацию о местонахождении разыскиваемого военного преступника передали властям ФРГ.

В июне 1963 года к власти в Сирии пришла партия БААС, а ее лидер, генерал аль-Хафез, стал президентом. Перспективы Коэна стали расти — его приглашали войти в правительство, высказывалась даже возможность его назначения министром обороны. Во всяком случае, о возможности назначения на должность заместителя министра сказал ему сам президент.

Фактически Коэн вошел в правящую верхушку. По заданиям президента он выезжал в Буэнос-Айрес (пропагандировал партию БААС и собирал средства у богатых сирийцев), в Иорданию (вел секретные переговоры с одним из влиятельных оппонентов аль-Хафеза). Это расширяло его возможности доступа к секретной информации.

Летом 1964 года Коэн выполнил важную и срочную задачу — достал и переправил в Тель-Авив материалы по придуманному сирийцами весьма опасному для Израиля проекту отвода вод рек, питающих Галилейское море, фактически единственный источник водоснабжения страны.

В ноябре 1964 года он выехал (по отработанной схеме, через Европу) в отпуск в Израиль, где у него к этому времени должен был родиться третий ребенок. Он очень тосковал по семье и по каналам разведки часто посылал домой открытки, не раскрывавшие, однако, его местопребывания. Во время отпуска Коэн познакомился со своими новыми руководителями.⁵⁶

Коэн затягивал свой отпуск и намекал работникам «Мосслада», что после четырех лет нелегальной работы он хотел бы вернуться домой. Коэн рассказал, что особое беспокойство у него вызывает начальник военной разведки сирийской армии полковник Ахмед Суэдани. Но напряжение на границе с Сирией усиливалось, и опасность новой войны росла с каждым днем. Потребность в разведывательной информации была весьма острой, и «Моссад» заставил Коэна вернуться в Дамаск, хотя специалисты-психоаналитики предупреждали, что разведчик переутомлен и находится на грани психологического срыва.

В последующие два месяца Коэн допустил серьезные нарушения правил безопасности. Вполне возможно, что невероятная легкость, с которой он вошел в руководящие круги Сирии, притупила его бдительность.

Он немедленно возобновил свои радиопередачи — и сирийская контрразведка могла связать этот факт с возвращением Коэна из-за границы.

Внимание же к передатчику в престижном районе Дамаска привлекли (безо всякого умысла) индийские дипломаты — близость частот и совпадение обычного времени передач мешало радиосвязи индийского посольства, и они пожаловались властям. Сирийцы поняли, что какой-то передатчик осуществляет несанкционированные выходы в эфир в районе посольства, но самостоятельно обнаружить его не смогли. По их просьбе специалисты ГРУ прислали совершенные пеленгаторы и опытных специалистов.

Круг возможных мест все время сужался, но это

могло бы еще затянуться и, не исключено, окончилось бы как-то по-другому, если бы по возвращению из «отпуска» Эли не развернул самоубийственную активность. Передатчик Коэна практически не умолкал. За пять недель он отправил в Тель-Авив тридцать пять радиogramм. С какой-то обреченностью Коэн выходил в эфир в одно и то же время, в 8.30 утра, что намного облегчало поиск радиопередатчика. Иногда он выходил в эфир два раза в день.

Круг сужался; опытными пеленгаторщиками были применены некоторые специальные приемы: несколько раз по району во время сеансов выборочно отключалось электроснабжение и Коэну приходилось переходить на автономное питание — что не могло не сопровождаться некоторыми изменениями в характеристиках передачи.

16 января 1965 года был окружен и тщательно обыскан соседний дом — а Коэн потерял всякую бдительность и работал на рации, как будто находился в своей стране.

18 января 1965 г. утром снова был обесточен район — и передатчик Коэна, с автономным питанием, оказался единственным, который нарушил радиомолчание.

Круг предельно сузился. На крыше была обнаружена «персональная» антенна Элиаху; люди полковника Суэдани ворвались в квартиру Коэна — и захватили его с поличным во время радиосеанса. При тщательном обыске в квартире был обнаружен и второй передатчик и все шпионское оборудование.

Начались интенсивные допросы.

Суэдани пытался использовать Коэна для радиоигры; радисты тщательно следили, чтобы Коэн не вставил в текст передачи какой-нибудь условный знак, но «знак» был передан — это было заранее условленное изменение ритма, никак не фиксируемое непосвященными. Было получено условленное подтверждение прие-

ма; после второй, так же «кодированной» передачи, из Тель-Авива пришло сообщение: «Ваши последние два сообщения недостаточно полные. Пожалуйста, повторите их сегодня вечером». Это был знак того, что в Тель-Авиве знают о попытках радиогры.

24 января сирийцы приказали Коэну направить последнюю радиограмму, адресованную премьеру Леви Эшколу: «Камиль и его друзья некоторое время погостят у нас. Мы сообщим вам об их дальнейшей судьбе».

Было арестовано несколько сотен человек, связанных с Коэном, в том числе Маази Захер ад-Дин, Жорж Саиф и шейх Аль-Ад. Президент Хафез Асад оказался в крайне неловком положении. Коэн признался, что был израильским шпионом, но несмотря на жестокие пытки, которым его подвергали четыре недели, не сказал больше ничего полезного для сирийцев. Суд военного трибунала приговорил Коэна к смертной казни, а нескольких его «соучастников» — к пяти годам каторги.

Обращения Папы Римского Павла, королев Великобритании и Бельгии, целого ряда европейских правительств и даже Москвы с ходатайством о помиловании Эли Коэна не дали результата. На рассвете 18 мая 1965 г. Коэн под восторженные крики толпы был публично повешен на площади Эль-Марга (Мучеников) в Дамаске. Казнь транслировалась по телевидению.

Вольфганг Лотц

Лотц родился в 1921 году в Германии, в Мангейме. Его мать Елена была еврейской актрисой, а христиан-отец Ганс — директором театра в Гамбурге, затем менеджером берлинского театра. К счастью для Вольфганга, в детстве он не был подвергнут обрезанию.

После прихода к власти Гитлера родители Лотца в 1931 году развелись, и Елена уехала с сыном в Палестину, где работала в театре «Хабаима». Там Вольфганг

взял себе имя Зеев Гур-Арей. Обучаясь в сельскохозяйственной школе Бен Шемен, он стал отличным наездником и так полюбил лошадей, что сам получил прозвище «Сус».⁵⁷ Он свободно владел ивритом, немецким, английским и арабским языками.

В 1937 году Лотц вошел в подпольную группу «Хагана», ему была поручена охрана единственного автобуса, связывающего школу Бен Шемен с районом, населенном евреями, а также конное патрулирование территории у школы. С началом Второй мировой войны вступил в британскую армию и воевал в тылу Африканского корпуса Роммеля; в конце войны в звании сержанта работал в Каире военным переводчиком. В 1948—1949 годах Лотц в звании лейтенанта принимал участие в войне за независимость. В 1956 году он, уже майор, командовал ротой, которая захватила египетские позиции на Суэце.

Сразу после войны контакт с Лотцем установила военная разведка. Кандидат произвел положительное впечатление прежде всего тем, что совсем не походил на еврея. Позже Лотц вспоминал: «Я был блондином... много пил и был воплощением бывшего немецкого офицера». Общительный по натуре, с хорошими актерскими данными, храбрый и готовый на риск, он представлялся очень перспективным. Вербовщики не ошиблись: Лотц действительно оказался прекрасным агентом.

После очень напряженной подготовки Лотц — как за десять лет до него Макс Беннет — был направлен в Германию для закрепления легенды.

Лотц должен был стать немецким бизнесменом, который во время войны служил в гитлеровской армии в Северной Африке (Лотц много знал о корпусе Роммеля — участвовал в свое время и в боевых действиях против него, и в десятках допросов немецких пленных), а потом 11 лет занимался разведением скаковых лошадей в Австралии. Он в течение года жил сначала в Западном Берлине, потом в Мюнхене, часто менял адреса.

В декабре 1960 года Лотц прибыл в Геную, а оттуда на корабле в начале 1961 года приехал в Египет. «Туристу-коннозаводчику» были выделены весьма значительные (по израильским меркам) денежные средства. Это позволило ему войти в привилегированные круги, в частности попасть в элитный Кавалерийский клуб на острове Жезира (там он чуть ли не в первый день познакомился и «подружился» с шефом египетской полиции Аль-Гаухрабом). Вскоре Лотц занялся на египетской земле любимым делом — разведением и выездкой лошадей. С Аль-Гаухрабом ежедневно он совершал конные прогулки; контакты среди военных и богатых египтян успешно развивались. Израильская разведка считала, что египетский «Мухабарат эль-Амма», или управление общей разведки, вряд ли будет глубоко проверять немецкую легенду Лотца. Определенный риск, конечно, существовал, но Лотц позже вспоминал, что он был одним из немногих агентов разведки, кто работал под своим именем и по подлинным документам⁵⁸.

Лотц, общительный и компанейский, стал часто устраивать у себя приемы для старших египетских офицеров и других «нужных» людей из египетского общества. Он курил с ними гашиш и любил поговорить на военные темы.

Через полгода Лотц ненадолго выехал в Европу — «уладить свои дела в Германии». Возвратился он с крупной суммой денег, миниатюрным радиопередатчиком, скрытом в каблуке жокейского сапога, подробными инструкциями и красавицей-блондинкой Вальтрауд, без которой он не собирался возвращаться. Лотц встретил эту «восхитительную голубоглазую блондинку с фигурой, какие больше всего всегда нравились» в июне 1961 года в ночном экспрессе, шедшем из Парижа.

Вальтрауд была беженкой из ГДР, жила в США и ехала в ФРГ навестить родителей. Через две недели Вольфганг и Вальтрауд поженились⁵⁹. Лотц не информировал разведку о знакомстве с Вальтрауд, а поставил

руководство перед фактом — просто взял ее с собой в Каир. Более того, Лотц раскрылся перед своей новой женой как израильский шпион — и ей это понравилось, она согласилась помогать и действительно хорошо помогала. Они даже выработали между собой специальный код: «Мы всегда называли Израиль Швейцарией, а израильскую разведку — «дядей Отто».

Не правда ли, история со столь поздней горячей любовью и беззаветной преданностью друг другу и смертельно опасному делу кажется несколько неестественной? Но во всяком случае Лотцы работали хорошо.

На своем ранчо, расположенном неподалеку от египетской ракетной базы, они вели наблюдение за бывшими нацистами и немецкими учеными, помогавшими Египту в создании современного оружия. Лотц также принимал участие в печально известной кампании Харела против немецких ученых в Египте. Именно он сообщил их адреса в тель-авивскую штаб-квартиру «Мосслада» и направил немцам несколько анонимных писем с угрозами и требованием прекратить работу по ракетной программе. Лотц также хранил у себя взрывчатые вещества, которые, судя по всему, предназначались для использования против немецких ракетчиков.

Следует признать, что опасения руководителей Израиля и особенно тогдашнего шефа «Мосслада» И. Харела относительно деятельности немецких ученых в Египте были совсем небезосновательны.

Во второй половине пятидесятых Насер и египетская верхушка поняли, что делать ставку только на импорт оружия неправильно — в том числе и из экономических соображений.⁶⁰ К тому времени и относится решение египтян привлечь немецких ученых и инженеров для разработки и налаживания производства собственного оружия, прежде всего ракетного.

Для привлеченных специалистов была установлена высокая оплата в валюте, которая к тому же не облагалась налогами, были предусмотрены еще различные

льготы. Несколько видных ученых — в их числе знаменитый авиаконструктор Вилли Мессершмитт, бывший ведущий конструктор фирмы «Юнкерс» профессор Александер Бранднер, ракетчики из Пенемюнде Эуген Зингер и Вольфганг Пильц, равно как несколько десятков менее известных ученых и инженеров, осуществили разработку нескольких типов сверхзвуковых самолетов для египетских ВВС, а также баллистических ракет «земля-земля», в том числе ракеты «Аль-Кафир», способной нести боеголовку весом в тонну. Все это более чем ясно объясняет «нацеленность» израильских спецслужб и их отдельных агентов на противодействие деятельности немецких ученых и наци в Египте.

Однажды супруги Лотц были задержаны за то, что якобы сбились с пути и случайно заехали на военную базу. Лотц добился, чтобы командование базы связалось с его друзьями в египетской полиции и военной разведке (он «подружился» с генералом Фуад Османом и полковником Мохсеном Саидом из руководства военной разведки, а также Х. Эль-Шейфи, вице-председателем Совета Министров Египта и приближенным советником Насера). Это произвело очень сильное впечатление на командира, который устроил Лотцу экскурсию по ракетной базе. «Когда-нибудь у нас тоже будет арабский рейх, — высокопарно заявил египетский офицер. — Но пока надо быть осторожными. У израильтян отличная разведка. И они ничего не должны знать до момента окончательного удара. Пойдемте — я покажу вам базу».

Лотц однажды предупредил провал агента израильской разведки, который действовал недостаточно профессионально. На одной из вечеринок в Каире он познакомился с некой Кэролайн Болтер, общительной особой голландско-венгерского происхождения, женой немецкого археолога, которая не столько интересовалась профессиональными делами мужа, сколько любила говорить с немецкими учеными из сферы точ-

ных наук и когда осторожно, а когда и старательно расспрашивала их о египетской ракетной программе. Однажды Лотц заметил, что после крепкой выпивки она перешла с немецкого на идиш, которого вроде бы совсем не должна знать. Потом кто-то застал ее, когда она фотографировала карты в доме немецкого ученого. Все стало ясно; Лотц направил в Тель-Авив срочное сообщение, что агент Кэролайн Болтер находится на грани провала и ее нужно отозвать. Болтер немедленно исчезла.

Помимо контактов с египтянами, Лотц завел обширные знакомства в немецкой колонии. Особенно теплые отношения сложились с супругами Францем и Надей Киесов. Частым гостем был Герхард Баух, о котором генерал Фуад Осман специально предупредил Лотца: «Вольфганг, этот Баух постоянно увивается вокруг тебя и ловит каждое слово. Будь осторожен — Баух работает на БНД и, возможно, на ЦРУ. Возможно, тебя тоже попытаются завербовать».

Среди немецких «друзей» было множество бывших нацистов, в том числе Иоганн фон Леерс, близкий помощник Геббельса, и доктор Эйзеле, известный медицинскими экспериментами над узниками концлагерей; контакты с ними укрепили «репутацию» Лотца как антисемита и нациста. Репутация была настолько крепкой, что один из перспективных агентов «Моссад» в Египте, вызванный в Тель-Авив для переподготовки и проработки легенды, предложил руководству: «Почему бы мне не открыть конюшню, как фашистская свинья Лотц? Его школа просто кишит офицерами, которые всю катаются на лошадях этого нациста. Давайте устроим такую же школу для меня — и я вышибу этого типа из Каира».

В 1963 году ответственность за работу с Лотцем перешла от «Амана» к «Моссаду». Кураторы в штаб-квартире «Моссада» не сразу разобрались, как им быть с многоженством ценного агента, и долго колебались,

прежде чем сообщить его израильской жене, что ее муж в очередной раз женился. Что касается чрезмерного увлечения Лотца алкоголем и вольной траты денег на подарки египтянам, то при одной из встреч в Париже руководители, взволнованные слухами о приготовлениях Египта, заявили буквально следующее: «Мы понимаем, что для получения информации от египтян и наци вам необходимо было огромное количество алкоголя и деликатесов. Мы шли вам навстречу и не скупилась на затраты. Но от вас нужна срочная информация, в частности, о немецких ракетах».

В последующий период поступавшая от Лотца информация была еще более ценной, а порой просто незаменимой. В 1964 году он, с помощью хорошего друга полковника Омара Эль-Хадари, открыл новую конюшню прямо на территории крупнейшей военной базы в Абассии. Еще один ипподром был устроен в дельте Нила, неподалеку от стратегического полигона, где испытывали ракеты «земля-земля». Радиопередатчик в доме Лотцев работал регулярно...

И похоже, что радиопередатчик Лотца, замаскированный в весах для ванной комнаты, был запеленгован точно так же, как у Эли Коэна в Дамаске. Советская военная разведка — ГРУ — помогала перекрывать каналы утечки секретной информации своих основных союзников — Египта и Сирии.

Накануне первого визита Вальтера Ульбрихта в Каир по «наводкам» ГРУ, КГБ и своей контрразведки в Египте были проведены превентивные задержания большой группы (свыше 30 человек) западных немцев, подозреваемых в работе на БНД и ЦРУ. В их числе были и «настоящие шпионы», и случайные люди типа супругов Киесов. В списке числились и супруги Лотц — основания для подозрения их в шпионаже уже существовали, а в последнее время и усилились в связи с пеленгацией рации. 22 февраля 1965 г. агенты «Мухабарата», египетской контрразведки, ворвались в квартиру Лотцев.

Вольфганг не знал о превентивных арестах и считал, что просто провален как израильский шпион. Не только его жизнь, но и жизнь Вальтрауд и ее родителей, которые, как на грех, приехали погостить в Египте, оказалась в опасности. Тогда Лотц избрал не единственно верную, но все же достаточно удачную линию поведения. Он признался в шпионаже, но упрямо твердил, что он был немцем, который помогал Израилю ради денег. Проверки «немецкой легенды» и «арийской сущности» (с осмотром деликатных частей тела) не дали четких опровержений показаний Лотца. Египтяне пришли к выводу, что имеют дело с завербованными гражданами ФРГ — а с нею, несмотря на теснейшие связи насеровского режима с Москвой, отношения чрезмерно не обострялись. В результате родителей Вальтрауд просто выслали из страны, а супругов судили открытым судом.

«Моссад» удалось направить в Египет немецкого адвоката для защиты Лотца и его жены. Адвокат публично заявил, что видел Лотца в компании немецких офицеров. «Поскольку я никогда не служил в немецкой армии, — вспоминал позже Лотц, — я сразу понял, кто послал этого адвоката». Вольфганг Лотц был приговорен к пожизненному заключению, его жена — к трем годам лишения свободы и штрафу, Франц Киесов оправдан. Из египтян пострадал генерал Гаухраб, которого разжаловали и бросили в тюрьму.

Через три года Лотцев и еще восьмерых израильских агентов обменяли на военнопленных (на девяти египетских генералов и пятьсот старших офицеров), взятых в ходе Шестидневной войны. Секретные переговоры под патронатом Генерального секретаря ООН и его спецпредставителя Гуннара Ярринга завершились тем, что египтяне выдали всем из «черной десятки» медзаключения о неизлечимых болезнях и, как акт гуманизма, выслали из страны. Израиль тоже, «как акт гуманизма», освободил сначала египетских

генералов, а затем и прочих военнопленных. Никакой огласки стороны долго старались не допустить.

Последующая судьба Вольфганга сложилась не слишком удачно. Через несколько лет заболела и умерла Вальтрауд. Школа верховой езды, которую Сус открыл в Тель-Авиве, прогорела. Работа в ФРГ оказалась неинтересной и бесперспективной. Прогорело (правда, не по его вине, а из-за недобросовестности партнера) и частное агентство, которое он открыл в Лос-Анжелесе. Лотц вернулся в Израиль и жил с семьей на скромную пенсию.

Барух Мизрахи

Важным агентом «Моссад» в арабской стране был Барух Мизрахи⁶¹. В начале шестидесятых он успешно работал в Сирии в качестве директора школы иностранных языков, но после ареста Коэна Тель-Авив немедленно отозвал его.

Семь лет спустя Мизрахи был направлен в Йемен. Основным направлением его разведывательной деятельности был сбор информации по египетской армии, которая все еще была втянута в гражданский конфликт в этой стране. Он также должен был передавать в Тель-Авив информацию по морским перевозкам в Красном море. «Моссад» давно интересовался Йеменом, поскольку поблизости проходили морские коммуникации с Египтом.

Кроме сугубо разведывательных, в этом регионе были и актуальные политические интересы: в 1963–1965 годах Израиль вместе с Великобританией и Саудовской Аравией – довольно странный тройственный союз – снабжали деньгами и оружием королевское правительство Йемена, которое вело боевые действия против республиканской оппозиции, поддержанной частями египетской армии. Тель-Авив был заинтересован, возможно, не столько в победе над оппозицией,

сколько в продолжении гражданской войны в Йемене, потому что это отвлекало египтян от Израиля.

В мае 1972 года Мизрахи был арестован йеменскими властями, которые выдали его Каиру, где он был предан суду по обвинению в шпионаже в пользу Израиля. Однако ему повезло: в марте 1974 года его обменяли на двух арестованных израильских арабов, которые работали на разведку Египта.

Последней в вынужденно кратком обзоре деятельности агентов военной разведки и «Моссад» расскажем о весьма редком в практике израильских спецслужб использовании агента-женщины, работа которой проходила в значительно более поздние времена, но информация оказалась достоянием гласности.

Агент Амина аль-Муфти

Она родилась в черкесской семье в Иордании в 1935 году, получила медицинское образование.

Амина Муфти была завербована «Моссадом» в Вене в 1972 году, где она, по версии открытых источников, якобы влюбилась в израильского пилота. Гораздо больше оснований предположить, что «пилот» был просто вербовщиком. Черкесы, жившие в Израиле, уже хорошо зарекомендовали себя на службе в израильской разведке, и молодая, образованная и энергичная Амина была идеальным выбором. Во всяком случае, никаких сведений о «романе с пилотом» больше в ее биографии не было. А вот многочисленные сведения о ее ненависти к ООП и экстремистам, которые, по ее мнению, продляли ближневосточный конфликт, имелись.

После вербовки и курса подготовки «Моссад» помог ей перебраться в Бейрут и открыть там клинику. Несколько лет она проработала, выполняя долгосрочные задачи: легализацию и сближение с верхушкой ООП.

Клиника Муфти заработала на полную мощность, когда в 1975 году в Ливане вспыхнула гражданская война и к ней стало поступать много раненых палестинцев. Ирония судьбы: получилось так, что «Моссад» тайно финансировал медицинскую помощь раненым бойцам ООП в Ливане. Впрочем, в узкопрактических разведывательных целях финансирование было осуществлено не зря: Амина Муфти сумела познакомиться с многими лидерами ООП и по ночам писала пространные донесения в «Моссад» обо всем, что слышала и видела днем.

Информация представляла немалую ценность; в разведсообществе принимали меры к тому, чтобы обезопасить работу ценного агента. Амина никогда не встречалась с агентами «Моссада» в Ливане и держала связь с разведкой через «почтовые ящики» — тайники в вестибюлях отелей и туалетных комнатах ресторанов. Она также передавала срочную информацию с помощью излюбленного израильского средства — миниатюрного радиопередатчика.

Но меры предосторожности оказались недостаточны; «служба 17» ООП взяла под подозрение Амину, когда внимательно проследила за одним из раскрытых «почтовых ящиков». При обыске в клинике и на квартире Муфти были найден и передатчик, и другие улики.

Амина была арестована; ее пытали и допрашивали палестинцы, а также «специалисты» из КГБ и «Штази». В течение пяти лет Муфти содержалась под стражей в пещере около ливанского порта Сидон, пока через «Красный крест» ее не сумели обменять на двух палестинских террористов, приговоренных к пожизненному заключению.

Обмен состоялся на Кипре. Амина Муфти получила новые документы и работает врачом на севере Израиля.

Достаточно подробный рассказ об агентурной работе в восьмидесятые и девяностые годы попросту не-

возможен. Информация имеется только о провалах, да и то не о всех; агенты же, которые благополучно выполнили задание и вернулись в страну, строжайшим образом засекречены — любая «утечка» ставит под угрозу и их жизни, и судьбы людей, порой очень многих, с кем они были связаны. Такова специфика работы разведок всего мира.

Глава 7. «МОССАД» ПРОТИВ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Это — одна из самых, если можно так сказать, «правильных» страниц истории разведки; началось это в военные годы и наибольшего развития достигло в два послевоенные десятилетия. Руководитель «Моссада» в те годы, Иссер Харел не мог примириться с тем, что самые заклятые враги евреев все еще были на свободе.

Как известно, оставшиеся в живых главные немецкие военные преступники предстали в 1946 году перед международным трибуналом в Нюрнберге, но тысячи нацистов и их пособников избежали правосудия. Некоторые из них оказывали западным разведкам помощь в борьбе с коммунизмом, но Харел считал, что возмездие Израиля должно настичь и их.

Еще до окончания Второй мировой войны в Европе в Еврейской бригаде, которая сражалась в составе британской армии, была организована специальная часть⁶² для розыска и поимки нацистских преступников. Командование оккупационных войск, прежде всего союзнических, оказывало деятельности «Карающих ангелов» постоянную помощь. На основании свидетельств бывших узников концлагерей и документов из нацистских архивов, захваченных при наступлении, были составлены списки нацистов, наиболее активно участвовавших в «окончательном решении еврейского вопроса».

Члены «Ханокмина» обнаружили и захватили сотни нацистов, в основном эсэсовцев и карателей, виновных в Холокосте. Выявленных и захваченных преступников сначала просто передавали оккупационным властям; многие из них были осуждены и понесли наказание в процессе «денационализации» Германии. Однако осуждение и наказание иногда задерживалось — в условиях военного времени перед оккупационными властями стояло еще множество других задач.

Были просто вопиющие, хотя, возможно, и не предумышленные случаи небрежности оккупационных властей. Так, однажды два старших офицера-эсэсовца были выявлены среди пленных и переданы советской оккупационной администрации, но от них просто отмахнулись: потом разберемся, мол, соберем доказательства и так далее — куда они денутся, раз уже в плену. Тогда отпущенных из комендатуры эсэсовцев просто расстреляли на месте бойцы «Ханокмина».

С тех пор «Карающие ангелы» сами приняли на себя функции суда и применения наказания. Выявленных нацистских преступников «вызывали в комендатуру» по какому-нибудь пустячному вопросу бойцы «Ханокмина» (в форме и со всеми повадками английских офицеров) и провожали до ближайшего укромного места, где оглашали приговор и приводили его в исполнение. Таким образом только за 1945 год было уничтожено свыше тысячи нацистов.

Слухи о «Карающих ангелах» или «Мстителях Израиля» летели по всей Европе и даже спустя десятилетия заставляли нацистов искать укромного убежища⁶³.

Некоторым наиболее известным преступникам удалось скрыться: в частности, Адольфу Эйхману, нацистскому функционеру, осуществлявшему «окончательное решение» еврейского вопроса, который позаботился о том, чтобы шесть миллионов евреев были уничтожены наиболее эффективным способом, и доктору Йозефу

Менгеле, который проводил жестокие медицинские эксперименты на узниках Освенцима. Их искали и государственные службы, и энтузиасты типа Шимона Визенталя, венского архитектора. Поиск длился более десятилетия; Харел дал понять своим партнерам в немецких и других сотрудничающих с «Моссад» спецслужбах, что будет признателен за любую информацию о местонахождении Эйхмана и Менгеле.

Несколько раз поступали «наводки», в том числе экзотические типа того, что Эйхман обосновался в Кувейте и занят на нефтепромыслах, но все они при проверке оказывались ложными. И только осенью 1957 года генеральный прокурор земли Гессен, еврей Фриц Бауэр, получил сообщение от своего знакомого, слепого еврея Л. Хермана из Буэнос-Айреса о том, что его дочь стала встречаться с неким Николасом Эйхманом — похоже, что сыном нацистского преступника; во всяком случае, Николас хвастался дочери Хермана выдающимися заслугами своего отца перед Рейхом.

Бауэр сообщил Харелу, что располагает достаточно убедительной информацией о том, что Эйхман живет в Аргентине (Буэнос-Айрес, Оливос, улица Чакабуко, 4261).

Харел направил агентов в Аргентину, и они установили наблюдение за домом. Но из-за неосторожности наблюдателей слежка была обнаружена и семейство Эйхманов скрылось.

В марте 1958 года в Аргентину была отправлена новая группа опытных поисковиков во главе с Эфраимом Элромом.⁶⁴

Поиск занял больше года; осложняло его и то, что все военные и послевоенные фотографии Эйхмана отсутствовали — нацист позаботился о конспирации. Кроме того, задуманная операция по нелегальной экстрадиции должна была исключить ошибку: нужен был Эйхман и только он. И вот в декабре 1959 года был найден некий Рикардо Клемент, разорившийся владелец пра-

чечной, который проживал с семьей в Буэнос-Айресе на улице Гарибальди. За домом была установлена круглосуточная слежка; агенты скрупулезно изучали внешность, детали поведения, даже голос лысеющего господина в очках, хозяина дома.

По всему получалось, что это Эйхман, но решающие доказательства были получены только в марте на основании полученной от Бауэра дополнительной информации. По данным досье, с которым ознакомился Бауэр, 21 марта 1960 года чета Эйхманов должна была праздновать серебряную свадьбу. И действительно, торжество в доме «Рикардо Клемента» состоялось — с цветами, поздравлениями, застольем.

Все сомнения были рассеяны.

Харел информировал Бен-Гуриона, к тому времени вновь ставшего премьером, и немедленно получил санкцию на похищение Эйхмана и его вывоз в Израиль для предания суду.

Для непосредственного руководства операцией И. Харел лично вылетел в Париж, где был организован передовой командный пост, а затем в Аргентину.

Вот что вспоминает сам Харел: «Это была самая сложная и тонкая операция, которую когда-либо проводил «Моссад». Я чувствовал, что обязан взять ее выполнение под личную ответственность».

Была сформирована специальная оперативная группа, в которую вошли два десятка работников «Моссада» и «Шин Бет», в том числе одна женщина. Все они были добровольцами, почти все потеряли родственников в Холокосте и ненавидели Эйхмана. Харел специально предупредил их о необходимости сдерживать эмоции — преступника надо было не просто уничтожить, а вывезти в Израиль и предать показательному суду.

«Моссад» направил в Европу своего лучшего специалиста по изготовлению фальшивых документов, где он должен был изготовить паспорта и другие докумен-

ты для всех членов опергруппы, отправлявшихся в Аргентину различными рейсами под именами, которые больше никогда не будут использоваться. Этот «художник», фигурирующий в публикациях под вымышленным именем Шолом Дани, затем вместе со своими бланками, перьями и печатями сам отправился в Аргентину, чтобы на месте обеспечивать группу, а при удачном исходе операции — и самого Эйхмана необходимыми документами. Было создано небольшое европейское туристическое агентство с тем, чтобы «организованной группе» было проще с выездом из Аргентины.

Всего в операции участвовало более тридцати человек. Двенадцать составляли группу захвата, остальные — поддержки и специального обеспечения. В Буэнос-Айрес оперативники прибывали в разное время, из разных стран и городов; опергруппа сняла около полудюжины конспиративных квартир, арендовала несколько автомобилей для бригады наружного наблюдения. Женщина-оперативник выполняла роль домохозяйки и повара в квартире, где намечалось после похищения укрыть Эйхмана.

Физическое задержание Эйхмана осуществили Эйтан, Шалом и Петер (Цви) Малкин. 11 мая 1960 г., вечером, они подкараулили Эйхмана у его дома и, ослепив светом фар, скрутили и втолкнули в автомашину. Там ему воткнули кляп, связали, набросили на голову мешок и привезли на конспиративную квартиру. «Рикардо Клемент» не сопротивлялся и на первом же допросе признался, что является Адольфом Эйхманом. Татуировка с указанием группы крови, которую всегда делали в Германии офицерам СС, была выведена — Эйхман сделал это еще в пересылочном лагере, остался только небольшой шрам. Но зато пленник безукоризненно помнил свои номера в СС, а также номер партбилета члена НСДАП. Он рассказывал практически все, что от него требовали, подписывал все, что следовало, в том числе заявление с согласием предстать

перед израильским судом. У моссадовцев мороз прошел по коже, когда однажды Эйхман перешел с немецкой молитвы на иврит и с хорошим произношением прочел молитву «Ш*ма Исроэль», с которой в концентрационных лагерях евреи шли в нацистские газовые камеры: «Услышь, о Израиль, наш Бог, единый Бог».

Эйхман также пообещал, что если ему сохранят жизнь, то он раскроет все секреты Гитлера — однако весьма важный и постоянно испытываемый моссадовцами секрет о местопребывании Иозефа Менгеле так и не выдал. А многие аналитики (и работники спецслужб) полагают, что Эйхман об этом хорошо знал; велика вероятность, что разбогатевший за годы войны и благополучно вывезший немалые деньги в Аргентину Менгеле оказывал финансовую помощь небогатому Эйхману. След Менгеле в Буэнос-Айресе был «горячим», розыскники «Моссада» вычислили его дом — но едва по немецкой колонии прошел слух об исчезновении Эйхмана, Менгеле исчез⁶⁵. Николас Эйхман вспоминал: «Друзья отца по нацистской партии немедленно исчезли. Многие нашли убежище в Уругвае, и мы больше ничего о них не слышали».

Позже сам Харел и его соратники признавались, что самым трудным оказалось содержать Эйхмана в ожидании самолета в течение девяти дней на конспиративной квартире, кормить и ухаживать за ним. Некоторые члены опергруппы уже были готовы забыть приказ и прикончить палача на месте.

Весьма сложной частью операции был выезд из страны. Единственным реальным путем ухода из далекой Аргентины было использование воздушного транспорта, рейсового гражданского самолета израильской авиакомпании «Эль-Ал».

Рейсы совершались нечасто и планировались заранее; всякое изменение в расписании могло привлечь нежелательное внимание аргентинской службы безопасности. Авиалайнер «Эль-Ал» прилетел в столицу

Аргентины 19 мая, доставил официальную делегацию во главе с Аббой Эбаном⁶⁶ на празднование 150-летия республики и на следующий день должен был возвращаться в Израиль. Вывоз Эйхмана был приурочен к этому рейсу.

В Буэнос-Айресе Харел организовал то, что можно назвать «блуждающим штабом» — он постоянно перемещался из одного кафе в другое, но старшие оперативные работники всегда знали, где его можно найти в данный момент. Ни в одном кафе его не запомнили. 20 мая он развернул свой «штаб» прямо в кафетерии аэропорта Эзейза. Рядом с ним за столиком Шолом Дани заполнял и выдавал документы, необходимые для безопасного выезда опергруппы из страны.

Еще за несколько дней до того оперативник Рафаил Арион, якобы пострадавший в автомобильной аварии, был помещен в госпиталь. Там с помощью врача, сотрудничавшего с «Моссад», он «подлечился» и получил медицинское заключение и письменное разрешение на вылет в самолете в Израиль. Подлинное письменное разрешение приравнивалось к выездной визе; оставалось только заменить в нем фотографию Рафаила на фото Эйхмана.

Тем временем на конспиративной квартире оперативники переоделись в форму экипажа компании «Эль-Ал» и так же переодели пленника. Врач «Моссада» сделал Эйхману инъекцию транквилизатора; в аэропорту весь «резервный экипаж» старательно изображал последствия праздничного веселья. Один из охранников только и сказал: «Этим ребятам Буэнос-Айрес наверняка пришелся по вкусу».

Не вызвав ни у кого подозрений, Эйхмана провели на борт самолета.

Командир авиалайнера только после взлета узнал о необычном пассажире. Узнал об этом и настоящий экипаж, и тут не обошлось без психологической драмы. Бортмеханик самолета, ашкенази родом из Польши,

пережил многие ужасы террора — несколько раз сам спасался только чудом, был свидетелем убийств и истязаний. Узнав, кто находится на борту самолета, он рвался собственноручно уничтожить преступника. С большим трудом его удалось удержать...

В целях безопасности дозаправка самолета производилась в спокойном Дакаре, куда самолет долетел на последних каплях горючего. Там еще никто ничего не знал и не разыскивал пропавшего «аргентинца германского происхождения». Дозаправка прошла нормально, и в 7 часов утра 22 мая самолет доставил самого известного из оставшихся на свободе нацистского преступника в Израиль.

На следующий день Бен-Гурион проявил редкую открытость и признание заслуг израильских спецслужб, когда заявил в кнессете: «Я должен сообщить вам, что некоторое время назад секретной службой Израиля захвачен один из главных нацистских преступников Адольф Эйхман, который наряду с руководителями фашистской Германии несет ответственность за уничтожение шести миллионов евреев в Европе... Адольф Эйхман арестован и находится в Израиле, в скором времени он предстанет перед судом». Это заявление было встречено единодушными аплодисментами.

Суд начался спустя год, 11 апреля 1962 г. Внимание мировой прессы было приковано к «человеку в стеклянной будке», который слушал душераздирающие показания свидетелей о его преступлениях и о преступлениях нацистской машины в целом. Эйхман утверждал, что всего лишь выполнял приказы, но его признали виновным в совершении преступлений против человечества. 31 мая 1962 г. он был повешен в тюрьме Рамле — единственный человек, который был казнен в Израиле, если не считать капитана Тубянски.

Похищение Эйхмана и связанный с этим взлет престижа «Моссад» был, несомненно, звездным часом Иссера Харела. В течение последующих 30 лет его

всегда приветствовали как человека, который похитил Эйхмана. Вообще-то похищения и вывоз людей — не такая редкость в практике разведслужб; весьма часто и в прошлом, и до настоящего времени для преодоления границ используются каналы дипломатической пере-сылки, не проходящей таможенный контроль. Но по совокупности факторов и «чистоте» операции она оста-ется уникальной.

Эта самая яркая операция израильской разведки, проведенная без каких-либо современных технологий и технических средств, была также превосходным приме-ром классической агентурной разведки, которой всегда славился Израиль.

Важен и этический момент. Секретные службы других государств предпринимают похищение против-ников лишь тогда, когда они представляют реальную угрозу интересам государства, которые они призваны защищать. Для Иссера Харела же наказание военных преступников было священной миссией — это был его долг перед шестью миллионами погибших евреев. По-казательно, что в «Моссад» было создано специальное подразделение с задачей поиска нацистов, которые пытали и убивали евреев. Возглавил это подразделение Шмуель Толедано. В списке 10 наиболее важных ра-зыскиваемых нацистов, составленном с помощью спец-служб ФРГ, числились доктор Менгеле, заместитель Гитлера Мартин Борман, шеф гестапо Генрих Мюллер и бельгиец Леон де Грель, который служил в штурмо-вых отрядах «СС».

В большинстве случаев поиски не принесли резуль-тата; одна из операций — охота на де Греля — была организована и проведена крайне неудачно. В ней было много «самодеятельности», а организатор, бывший опе-ративник «Шин Бет» Цви Алдуби, слишком мечтал о том, что именно ему удастся найти бельгийского наци-ста и слишком мало заботился о конспирации и подго-товке операции.

Цви Алдуби, не имея реальных полномочий, привлек к операции известного израильского писателя, бывшего капитана полиции Игала Моссенсона.

Сам Алдуби подрабатывал журналистикой и использовал свои контакты для вербовки старых знакомых во французских службах безопасности, включая личного охранника президента де Голля. Надеюсь в дальнейшем написать на основе этой самостоятельной операции киносценарий — и даже получив аванс от нескольких крупных журналов, — эта «сборная» отправилась в Испанию. Они отыскивали де Греля на его вилле в Севилье и намеревались похитить его и затем передать бельгийским властям. Предполагалось также, что де Грель может вывести их на Бормана, так как им удалось перехватить переписку между этими нацистами⁶⁷.

Наружное наблюдение и конспирация осуществлялись по-дилетантски. Алдуби и его французский напарник Жак Финстон 14 июля 1961 г. были арестованы в момент пересечения франко-испанской границы. Через несколько дней испанские детективы арестовали и Моссенсона на борту яхты, на которой предполагалось вывезти де Греля.

Моссенсон вспоминает: «За нами, видимо, с самого начала следили, потому что Алдуби был большим трепачом. Он мог обсуждать эту операцию по телефону. Все его подружки, а их у него было великое множество, знали о его планах».

Моссенсону повезло — через несколько часов его освободили. «Старик», премьер Бен-Гурион, которому нравилось творчество Моссенсона, лично позвонил Франко и попросил освободить писателя. За прочих «охотников» никто из профессионалов вступаться не собирался. Алдуби и Финстон были приговорены к семи годам лишения свободы и содержались в испанской тюрьме...

Это происшествие отрицательно сказалось на отношении к «Моссад». После провала «операции» по по-

хищению де Греля не только пресса, но и парламенты, и правительства ряда «лояльных» западноевропейских стран стали выражать возмущение и озабоченность откровенно игнорирующей международные нормы деятельностью израильских агентов.

В это время Израиль уже приобретал статус внушительной региональной державы, лидера на Ближнем Востоке в плане военной силы и той самой стабильности, которую хотелось видеть Западу.

США, Великобритания и особенно Франция уверенно шли на сближение с Израилем.

Глава 8. «МЕМУНЕХ» НА ПОРОГЕ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

За первые десятилетия существования Израйля настоящих предателей не было выявлено ни в дипломатической службе, ни в израильском разведсообществе — если не считать уже упомянутых разведчиков, над которыми висело подозрение в двойной игре.

«Это неудивительно, — считает бывший директор ЦРУ Уильям Колби, — страна постоянно находилась в состоянии войны. Трудно ожидать, например, что на американском Диком Западе ковбои будут переходить на сторону индейцев».

Иссер Харел сумел обеспечить высокую надежность своих служб. На протяжении десятилетия, полностью контролируя «Моссад» и опекая «Шин Бет», он выработал определенный стиль обеспечения безопасности Израйля. Заслуженно много говорили об авторитаризме и жесткости Харела; так оно и есть, только нельзя никогда забывать специфику периода, когда он руководил разведывательным сообществом. Мировая война переросла, почти без перерыва, в войну холодную; во всей Восточной Европе наблюдался самый расцвет то-

талитаризма со всей присущей этой форме правления жесткостью и неразборчивостью в средствах; в ближайшем окружении самого Израиля шло становление религиозно-националистических и диктаторских режимов, большинство из которых принимали сам факт существования Израиля оскорбительным вызовом. Не понесли наказания многие нацистские преступники, а уже поднималась волна неонацизма. Обстановка была весьма напряженная и требовала действительной мобилизации всех сил.

Сфера деятельности разведывательных служб и особенно контрразведки была чрезвычайно обширной. Очень большое внимание уделялось работе против советской разведки, настолько, что злые языки говорили о «крестовых походах».

В этой работе и сейчас, по прошествию десятилетий, чувствуется некоторая специфичность.

С одной стороны, все происходило по нормам и правилам тайной войны. Американцы, вне всякого сомнения, были правы, предупреждая о том, что среди прибывающих в Израиль иммигрантов из Восточной Европы будет советская агентура. Более того, коммунистические агенты направлялись в Палестину чуть ли не с семнадцатого года, часть оседала в стране, а часть следовала далее, в страны своего окончательного назначения. До разрыва дипломатических отношений между СССР и Израилем в стране действовала мощная советская резидентура. Вообще Советский Союз имел колоссальные разведывательные ресурсы: тут умели выжидать, складывать вместе мелкие детали головоломок, тщательным образом прорабатывать задания и действовать без эмоций. Короче говоря, русские были отличными разведчиками и деятельность советских разведслужб представляла наибольшую угрозу и на Западе, и на Ближнем Востоке⁶⁸.

Харел, выходец из России (кстати, в КГБ его называли по старой фамилии, Гальпериным), умел оценить

достоинства своих противников и был уверен, что они имеют своих шпионов в Израиле. Он, естественно, ничего не мог сделать с теми, кто, занимаясь неквалифицированным трудом в промышленности и сельском хозяйстве, отправлял своим хозяевам в КГБ сообщения о жизни в Израиле. Приходилось сосредоточиваться на тех, кто мог достичь важного положения в Израиле.

Так, например, Харелу удалось установить, что два заметных деятеля, члены левой партии «Мапам», являются советскими агентами.

В одном случае контрразведывательный отдел «Шин Бет» установил, что эксперт партии «Мапам» по Ближнему Востоку Аарон Коэн регулярно встречается в Тель-Авиве с советским дипломатом, который был известен как работник КГБ. В 1958 году Коэн был арестован — но возмущенные члены партии «Мапам» встали на его защиту и обвинили Харела в фабрикации дела. В суде обвиняемый признал встречи с советским дипломатом, но отрицал передачу ему секретной информации. Тем не менее он был признан виновным и осужден на пять лет лишения свободы, но Верховный суд Израиля сократил этот срок наполовину.

Второй видный член партии «Мапам», подполковник Израиль Беер, пользовавшийся неограниченным доверием Бен-Гуриона, находился в опасной близости к премьер-министру, но как выяснилось позже, работал на разведслужбу другой страны (до сих пор окончательно не выяснено, на какую именно, но предполагается работа на КГБ); во всяком случае, с точки зрения Израиля он оказался предателем.

Беер, по его утверждению, родился в 1912 году в Вене и с юных лет был социалистом. Он рассказывал, что в 1938 году дрался на баррикадах с фашистами, пока Гитлер не оккупировал Австрию.

Беер также говорил, что он учился в австрийской военной академии и был добровольцем в интернациональных бригадах в Испании.

В 1938 году он выехал в Палестину и с его военным опытом был охотно принят в ряды «Хаганы». Социалистические взгляды, хорошее образование и опыт в военной области позволили ему стать своим человеком в руководящих кругах еврейской общины.

После завоевания независимости он был близок к тому, чтобы стать заместителем начальника штаба вооруженных сил. Когда эта должность досталась другому, он вышел в отставку и стал военным обозревателем одной из израильских газет.

В это же время он отошел от партии «Мапам», где возглавлял партийную службу безопасности, и примкнул к более центристской партии Бен-Гуриона — «Мапай».

У него сложились дружеские отношения с видными военными руководителями Израиля, включая Саула Авигура, Шимона Переса и даже самого премьера. Вскоре Бен-Гурион передал Бееру свой дневник и поручил ему написать официальную историю Войны за независимость.

Эта работа давала Бееру прекрасную возможность познакомиться с самыми секретными документами, касавшимися обороны Израиля.

Первые подозрения возникли в 1956 году. Генерал Моше Даян был удивлен, увидев Беера на секретном сборном пункте, хотя сам Беер в Париж⁶⁹ не летел. Даян, указывая на военного историка, спросил: «А что этот шпион здесь делает?»

Но серьезных доказательств связи Беера с другими разведками не было найдено. Единственное, на что обратил внимание Харел, это на то, что Беер установил несанкционированный контакт с шефом западногерманской разведки генералом Рейнгардом Геленом.

Это, с разведывательной точки зрения, представлялось достаточно интересным. В оборонительных планах НАТО Рейнгарду Гелену и его организации отводилось особое место. Во время Второй мировой войны Гелен руководил подразделением германской военной

разведки (Абвера) на Восточном фронте и засылал шпионов в Советский Союз. Теперь, работая в тесном контакте с ЦРУ и «МИ-6», Гелен активизировал свою старую агентуру, оставшуюся в России. В Москве, несомненно, понимали эту угрозу и хотели проникнуть в секреты ведомства Гелена.

Харел заподозрил, что Беер, как высокопоставленный представитель Израиля, пользовавшийся доверием в Бонне, мог получить что-то интересующее его хозяев из КГБ. Кроме того, в ФРГ он мог собрать много другой важной информации. Западные немцы, стремившиеся использовать любой повод для налаживания отношений с Израилем, предоставили Бееру на удивление широкий доступ к объектам НАТО, а также германским и американским военным базам в Европе.

Бееру удалось выяснить подробности контрактов на строительство ракетных баз для американского ядерного оружия. А кроме того, Беер имел широкий доступ к информации о закупке Израилем вооружений, поездках израильских военных по странам Европы и состоянии морального духа в израильской армии.

Но решающие доказательства шпионажа удалось получить позже, в марте 1961 г.

В Тель-Авиве бригада наружки «Шин Бет» зафиксировала необычную встречу. Неизвестный человек передал папку с документами установленному⁷⁰ сотруднику КГБ Виктору Соколову, работавшему под дипломатическим прикрытием. Бригада «Шин Бет» взяла контактера под наблюдение, и скоро «наружка» пришла прямо к дому Беера. Через несколько часов друг премьера был арестован. В папке, которую он передал Соколову, находились выдержки из дневника Бен-Гуриона и секретный доклад о военной корпорации.

Харел подозревал, что Беер с самого начала был направлен в Израиль советскими спецслужбами, некоторое время не осуществлял никаких разведывательных действий, внедряясь в общество и работая как весьма

одаренный журналист, и начал активно действовать как агент только в 1956 году, после получения условного сигнала от корреспондента ТАСС в Тель-Авиве. Русские, как было отмечено обвинением, платили Бееру наличными, которые он тут же тратил в барах, ресторанах и на женщин.

История его жизни удивительно напоминала историю другого предателя, англичанина Кима Филби. Оба симпатизировали коммунизму, оба были завербованы во время гражданской войны в Испании как перспективные агенты.

Беер, как и Филби, еще даже не завершив своей карьеры успешного журналиста, сумел проникнуть в самый центр системы безопасности своей страны и стал ценным источником (по убеждению спецслужб) советской разведки.

Однако, в отличие от Беера, Филби поймать не удалось, хотя в раскрытии Кима сыграла свою роль и израильская разведка.

О Киме ФИЛБИ:

Тедди Коллек⁷¹ в сентябре 1950 года в штаб-квартире ЦРУ натолкнулся на англичанина, которого он знал как Гарольда (Кима) Филби. В изумлении Коллек вернулся в кабинет Энглтона и спросил:

— А что здесь делает этот Филби?

— Ким наш хороший друг, и он представляет здесь британскую «МИ-6» — ответил Энглтон.

Коллек, который давно знал и, мягко говоря, недолюбливал Филби (возможно, в связи с тем, что отец Филби принял ислам и стал советником саудовского королевского двора), рассказал Энглтому, что встречал Филби в 1930-х годах в Австрии и в тот период Филби явно придерживался левых взглядов. Коллек был даже приглашен на его бракосочетание с молодой еврейской коммунисткой⁷².

Энглтон выслушал рассказ своего израильского кол-

леги, но ничего не предпринял до тех пор, пока в 1951 году в Москву не сбежали два высокопоставленных английских дипломата — Гай Берджесс и Дональд Маклин. Тогда только ЦРУ информировало «МИ-6» о том, что поведение Филби вызывает подозрение и его дальнейшее пребывание на посту офицера связи между «МИ-6» и ЦРУ нежелательно. Однако углубленную «разработку» Филби ни контрразведка Энглтона, ни британцы не произвели. Впоследствии Энглтон весьма сожалел, что не придавал серьезного значения рассказу Коллека.

Еще одна наводка, которой не было придано должного значения, поступила в 1961 году от Флоры Соломон, дочери богатого еврейского банкира из России, который эмигрировал в Англию. На светском приеме в Тель-Авиве она встретила своего старого знакомого — лорда Виктора Ротшильда. Флора Соломон очень резко высказалась о Филби, который в то время был корреспондентом в Бейруте. Внимание Ротшильда привлекла ее реплика: «Он, как всегда, делает то, что приказывают ему хозяева в России». Флора Соломон рассказала Ротшильду, что еще в 1940 году Филби попытался завербовать ее для работы на советскую разведку. Филби говорил ей о своей работе как «секретной и опасной» и, когда Флора отказалась, попросил ее никому об этом не рассказывать.

Виктор Ротшильд довел эту информацию до сведения «Моссада» и до английских спецслужб, но «МИ-6» действовала недостаточно оперативно; от англичан ли, или от «Моссада» прошла утечка информации. В Ливане Филби узнал, что он попал под подозрение, и в январе 1962 года просто исчез (не забыв прихватить прекрасную библиотеку, которую собирал много лет). Через несколько месяцев он объявился в Москве уже в качестве увешанного орденами генерала КГБ...

...В ходе нескольких недель изматывающих допросов от Беера было получено немного сведений, но «Шин Бет» сочла, что их достаточно для суда.

Процесс дал много пищи для кривотолков. Говорили, что Иссер находился под воздействием каких-то спецсредств, выдвигались предположения о тайной сделке, которая была заключена им с Харелом, приводили аналогии с самообвинениями в злопамятных московских процессах 30-х годов.

В самом деле, что-то было не так. На суде поначалу Беер признал, что выдумал свое прошлое, что никогда не получал ученой степени в области истории и никогда не бывал в Испании, — но так и не изложил связную историю о своем происхождении и деятельности.⁷³ Но очень скоро Беер не только объявил, что все его первоначальные показания о фактах биографии соответствуют действительности, но и что сам процесс фальсифицирован.

Далее. Израильский суд, обычно весьма тщательный, на этот раз не установил ни подлинного имени, ни прошлого, ни еще ряда важных моментов — но счел, что доказательства шпионской деятельности неопровержимы, и Беера приговорили к 15 годам лишения свободы.

Но до самой смерти в тюрьме в 1966 году Беер продолжал утверждать, что он был не шпионом, а настоящим патриотом, мечтавшим видеть Израиль не прозападным, а нейтральным; еще один очень интересный нюанс — после осуждения Беера, а особенно после его смерти (смерть эта была «естественная», от сердечной недостаточности, но если бы человек содержался в других условиях, неизвестно, когда бы наступила эта «недостаточность». Тюрьма — не санаторий) заметно охладели отношения между Бен-Гурионом и Харелом. Время шло к отставке «мемунеха»...

Авторское отступление. Возможно, что все не так просто. Можно ведь осуществлять действия, квалифицируемые как шпионаж, и не быть шпионом «по службе», по статусу представителя иностранного государ-

ства, в чьих интересах и по чьему заданию производятся действия. Человека ведь можно использовать, причем даже «втемную», так что он и не будет знать, на кого и как он работает.

Нельзя исключить, что высокопрофессиональные и умные разведчики (возможно, что из Москвы, а может быть, и нет) сумели правильно сыграть на демократических и гуманистических идеалах Беера, а также на его явном стремлении к «красивой жизни». Истину теперь установить трудно — Беер мертв, а его «хозяева» не торопятся, естественно, раскрывать секреты...

Первый исход Харела. Оглянись во гневе...

Самым серьезным ударом по «Моссад» и лично по И. Харелу стала «война» против немецких ученых, которые были наняты Египтом для проведения разработок в военной области, прежде всего в ракетостроении.

Конечно, среди этих немецких ученых и инженеров было достаточно много оружейников Третьего рейха — но в Нюрнберге достаточно четко провели различие между военными преступниками и теми, кто выполнял, пусть так же эффективно, как Вилли Мессершмитт или Вернер фон Браун, свои служебные обязанности. Конечно, и щедро расточаемые в те годы угрозы, и практические действия Египта против Израиля (и не только него) в те годы действительно требовали бдительности и контрмер — но способы осуществления этого, избранные И. Харелом, оказались не слишком адекватными.

Харел, похоже, искренне верил, что помощь специалистов из ФРГ в создании ракетного оружия для Египта была частью нового плана немцев по уничтожению евреев. Он ответил операцией «Дамокл» — и это уже был меч, который он повесил над головой каждого немецкого ученого в Египте.

Израильские агенты стали направлять немецким

ученым письма со взрывными устройствами — по аналогии с операцией 1956 года, когда по приказу шефа «Амана» Харкаби письма-бомбы направлялись египетским офицерам, связанным с выводом террористических групп из сектора Газа в Израиль.

В ходе кампании против немецких ученых было больше страха, чем жертв. Кроме того, Харел направил группу своих сотрудников в Испанию для встречи с бывшим нацистским офицером Отто Скорцени⁷⁴, который поддерживал дружеские отношения с некоторыми немцами в Каире. Выступая под «чужим флагом» как представитель разведки одной из стран НАТО, израильтяне попытались убедить его помочь в выдворении из Египта немецких специалистов ради интересов Запада. Трудно представить такую наивность несомненно проницательного Маленького Иссера: на самом деле Скорцени, пощаженный в Нюрнберге, продолжал еще далеко не «расшифрованную» деятельность на дело, которому он так эффективно служил в ходе Второй мировой...

К катастрофическому финалу операции «Дамокл» привело также использование австрийца доктора Отто Йоклика, одного из ракетчиков, которые работали у Насера в Египте.

Скорее авантюрист, чем серьезный ученый и эксперт в области баллистики, Йоклик сумел убедить египтян, что может создать сверхмощную «кобальтовую бомбу». Харелу удалось убедить Йоклика работать на Израиль из материальных соображений — «чтобы куче денег, получаемых от египтян, добавить такую же кучу от израильтян». Из Египта Йоклик приехал в Израиль, где подробно информировал «Моссад» о состоянии секретной египетской ракетной программы.

Йоклик предупредил, что Египет полным ходом идет в направлении создания ударной силы под кодовым названием «NBC». Сокращение означало «атомное, биологическое и химическое оружие» — достаточно зловещий смысл. Боеголовками такого типа

предполагалось оснастить создаваемые при участии немецких специалистов ракеты.

Харел не стал информировать других представителей разведсообщества о приезде в Израиль Йоклика. Однако заместитель министра обороны Шимон Перес узнал по своим каналам, что Харел скрывает «австрийского ученого», и потребовал, чтобы экспертам министерства обороны была предоставлена возможность встречи с ним. Харел заупрямился — члены разведсообщества должны сохранять полный контроль над своими источниками. Можно делиться получаемой информацией, но не источниками. Чем меньше людей знает эти источники, тем лучше для их безопасности.

Перес, однако, пожаловался Бен-Гуриону и даже угрожал уйти в отставку. Премьер-министр приказал Харелу предоставить министерству обороны возможность встречи с Йокликом и поручил работу с ним Биньямину Бламбергу, шефу сверхсекретного агентства «Лакам»⁷⁵.

Эксперты Бламберга отметили, что научная квалификация Йоклика представляется весьма сомнительной и отвергли утверждения Йоклика и его оценку степени опасности, которую этот проект представлял для Израиля.

Харел, однако, по-прежнему был убежден в том, что Насер готовится уничтожить Израиль и верил Йоклику. Вместе с моссадовцем Йозефом Бен-Галом Харел тайно отправил Йоклика в Швейцарию с весьма недостойной миссией: запугать дочь Пауля Гёрка, видного немецкого специалиста, работающего над египетской ракетной программой. Хейди Гёрк, в ответ на угрозы и требования заставить отца немедленно покинуть Египет, немедленно сообщила об этом швейцарским властям, и 15 марта 1963 г. оба агента «Моссада» были арестованы в базельской гостинице⁷⁶. Йоклик и Бен-Гал были осуждены и приговорены к тюремному заключению, правда, непродолжительному.

Помимо секретных операций, Харел решил при-

бегнуть к гласности. Он надеялся убедить мировое общественное мнение в том, что последователи нацистов используют Египет в качестве базы, представляющей смертельную угрозу государству, созданному людьми, пережившими Холокост.

Агенты «Моссада» начали давать интервью западным журналистам, а три ведущих израильских журналиста — по заданию Харела — принялись производить журналистское (хотя отчасти и шпионское) расследование в отношении немецких ученых. Статьи, появившиеся в результате этой операции, вызвали в Израиле настоящую панику по поводу ракетной угрозы со стороны Египта.

Бен-Гурион резко раскритиковал Харела за несанкционированную утечку информации, обвинив его в том, что он осложнил отношения Израиля с ФРГ, и потребовал немедленного прекращения «личного крестового похода».

Харел попытался заручиться поддержкой Голды Меир и министра финансов Леви Эшкола.

Впервые с 1958 года Харел выступил против Бен-Гуриона. С точки зрения премьера, это было равносильно предательству.

25 марта 1963 г., через 9 дней после ареста в Швейцарии Йоклика и Бен-Гала, Харел подал заявление об отставке. Он надеялся, что Бен-Гурион отклонит эту просьбу и оставит его на посту «мемунеха». Но премьер-министра уже всерьез беспокоило, что Харел сосредоточил в своих руках слишком большую власть и стал чрезмерно самостоятельным. Иссер Харел сам уверовал в созданный им миф: маленький еврейский мальчик из Витебска стал одним из главных действующих лиц на мировой шахматной доске. Он полагал, что как «мемунех» незаменим.

Бен-Гурион далеко не бесосновательно придерживался другого мнения, и отставка состоялась.

ЧАСТЬ 3

«МОССАД» И «ЛАКАМ»

Глава 9. БОМБА ДЛЯ ДАЯНА

Генерал Моше Даян, один из военных руководителей армии в 50–60 годы, в ядерном оружии видел мощное средство сдерживания арабов, избавляющее Израиль от необходимости «иметь танк в каждом дворе». Содержание большой армии непременно привело бы государство к банкротству.

«Нам нужна небольшая профессиональная армия, эффективная и недорогая, способная обеспечить текущие проблемы безопасности и ведение ограниченных кампаний и обладающая ядерным оружием на случай полной конфронтации. В противном случае мы скатимся в экономическую стагнацию», — говорил Даян.

Бен-Гурион тоже мечтал сделать Израиль ядерной державой. Это, по его мнению, означало бы действительную независимость, учитывая, что Израиль практически лишен сырьевых ресурсов. И конечно же, он понимал, что как бы не было важно производство электроэнергии без импортного угля или нефти, приобретение ядерного оружия еще важнее.

Уже через семь месяцев после обретения независимости Бен-Гурион вызвал из Парижа эксперта, ко-

тогого он называет в своем дневнике, в записи от 20 декабря 1948 г. «создателем французской ядерной печки».

Этим экспертом был Морис Сурдин, еврей, родившийся в 1913 году в Крыму. После выезда в Палестину он взял себе имя Моше Сурдин, затем переехал во Францию, где изучал физику. После окончания Второй мировой войны работал в Париже в Комиссии по атомной энергии, которая осуществляла создание французского ядерного оружия.

«Бен-Гурион проявлял большой интерес к атомной энергии, его очень интересовали детали», — вспоминает Сурдин.

Правительство Израиля создало комиссию по атомной энергии, которую возглавил Эрнст Давид Бергман, блестящий ученый-химик, родившийся в 1903 году в Германии и в 1930-х годах переселившийся в Палестину. В Израиле он основал исследовательскую службу вооруженных сил. Работая в области исследования проблем борьбы с раком, он одновременно возглавлял научный отдел министерства обороны и был рьяным сторонником ядерного оружия.

В 1955 году в ходе начатой президентом США Дуайтом Эйзенхауэром программы «Атом для мира» Израиль получил небольшой атомный реактор мощностью 5 мегаватт.⁷⁷

Этот объект регулярно инспектировался американцами, а сам по себе реактор был слишком мал, чтобы на нем можно было создать что-то, имеющее серьезное военное значение. Создание же собственного реактора, что называется, «с нуля» было государству не под силу — требовался высокий, в те годы еще далеко не достигнутый в стране технологический уровень, промышленный потенциал и сырье; требовались и очень большие исследования, учитывая, что все работы по данной теме во всех странах были тщательно засекречены.

Реально требовалось полагаться на усилия дипло-

матов и разведчиков, которые помогли бы стране обеспечить доступ к ядерным технологиям и, как следствие, к ядерному оружию.

Начальник департамента министерства обороны Шимон Перес⁷⁸ сосредоточил усилия на Франции, где в апреле 1955 года к власти пришло правительство социалиста Ги Молле. Париж в то время занял жесткую линию в отношении Алжира, что в какой-то мере перекликалось с антинасеровской политикой Израиля; для сближения имело значение и то, что в Израиле также было социалистическое правительство. Шимон Перес стал настойчиво просить разрешения у французов на покупку реактора и действовал одновременно как дипломат, разведчик и торговец оружием. Голда Меир⁷⁹ жаловалась, что Перес превращает министерство обороны в параллельный МИД.

Но естественно, что для жалоб и протестов были более серьезные основания: Меир и «старая гвардия» правящей партии «Мапай» не считали, в отличие от Бен-Гуриона или Даяна, необходимым получение ядерного оружия для Израиля; спор о том, что такое атомная бомба — оружие возмездия, оружие сдерживания, фактор стабильности или действительная угроза человеческому существованию, — не завершен до сих пор.

Перес, однако, пользовался полной поддержкой Бен-Гуриона и мог продолжать свои усилия. Но в таком серьезном деле, как создание предпосылок распространения ядерного оружия, требовалось нечто большее, чем усилия одной из сторон. Согласие тогдашней Франции надо было купить — не за деньги, естественно; нужно было предложить французам нечто, отвечающее серьезным государственным интересам Четвертой Республики.

Этим стал вопрос о Суэцком канале, который теперь начал контролироваться Египтом.

Отношения Израиля с Францией в военном плане в тот период были настолько важны, что Бен-Гурион поручил их развитие министерству обороны.

Харел пытался доказать, что все тайные связи с иностранными государствами должны быть сосредоточены в руках «Моссада», но премьер-министр оставил французское направление за «Аман», военной разведкой.

Бен-Гурион обратился к генералу Даяну, к своему главному советнику по военным вопросам Шимону Пересу и даже к человеку, который пять лет назад организовал «бунт шпионов», — Ашеру Бен-Натану.

В тот период международная обстановка и ближневосточная ситуация складывались в некоторых аспектах весьма перспективно для Израиля.

Британский премьер Энтони Иден, люто ненавидевший Насера, надеялся восстановить британский контроль над каналом, который новый египетский лидер национализировал. Иден ожидал, что унижительное поражение приведет к свержению Насера — который, с точки зрения большинства европейцев, олицетворял арабский радикализм, направленный против интересов Запада.

Франция также была заинтересована положить конец «насеризму», вдохновлявшему Алжирский фронт национального освобождения, который вел борьбу с французскими оккупационными силами, — и, естественно, тоже была крайне заинтересована в восстановлении дешевого и удобного водного пути.

Французы рассчитывали на участие Израиля в этой войне и надеялись, что израильская армия сделает за них «грязную» работу — вытеснит египетскую армию с Синайского полуострова.

И вот Франция стала вооружать Израиль для новой войны. Начиная с апреля 1956 года под покровом тем-

ноты в Израиль стали прибывать самолеты и суда с оружием: танками, боевыми самолетами, пушками и боеприпасами.

Для обеспечения этой операции требовалось тесное взаимодействие разведок; тогдашний шеф «Амана», генерал Харкаби, часто бывал в Париже и вел переговоры со своими коллегами во французских разведслужбах. Но этого было недостаточно. Для большей оперативности в Париж был направлен специальный представитель «Амана», «Красавчик Артур», бывший участник «бунта шпионов» Ашер Бен-Натан, который теперь занимал должность управляющего одной из израильских государственных компаний в Африке⁸⁰.

Несмотря на попытки Харела сохранить за «Моссадом» функцию поддержания связи хотя бы с гражданскими разведслужбами, ему пришлось уступить тем, кто готовил планы этой войны.

Справка:

Работа в фирме под названием «Ред си инкода», которая находилась в Джибути, означала, что Ашер Бен-Натан не был окончательно изгнан из разведсообщества, после того, как Бен-Гурион простил ему прежний «бунт».

Расположенный рядом с Аравийским полуостровом, Джибути являлся идеальным наблюдательным постом для разведки.

Официальная работа Бен-Натана заключалась в закупке мяса в Эфиопии и отправке его морским путем по Красному морю в Эйлат, самый южный порт Израиля.

Тайная миссия Бен-Натана, прибывшего в 1953 г. в Джибути, крохотную французскую колонию на Африканском Роге, которую отделял от Йемена узкий Баб-эль-Мандебский пролив, заключалась в наблюдении за морскими перевозками в стратегически важном регионе Африканского Рога — здесь перевозились грузы и

для прибрежных, и для соседних арабских стран. Французские власти смотрели сквозь пальцы на шпионаж, которым занималась мясная компания.

Полученная Бен-Натаном радиограмма была сигналом дальнейшего углубления французо-израильских отношений.

По прибытии в Тель-Авив Бен-Натана отвезли прямо в министерство обороны. Его встретил молодой генеральный директор министерства Шимон Перес и дал Бен-Натану новое задание:

«Старик» хочет, чтобы ты немедленно отправился в Париж, возобновил свои контакты, оставшиеся со времен политического департамента, и стал специальным представителем министерства обороны по всей Европе. И лучше не задавай сейчас много вопросов. Вскоре все прояснится».

21 сентября 1956 г. на вилле в сотне миль к югу от Парижа было заключено соглашение между Пересом и министром обороны Франции, социалистом Бурже-Манори, который планировал войну с Египтом.

29 октября 1956 г. израильские парашютисты и сухопутные войска начали движение по Синаю в сторону Суэцкого канала. Израиль и его партнеры также распространяли дезинформацию: за несколько дней до вторжения на Синай израильские спецслужбы распустили слух, что Израиль готовится провести карательную акцию в отношении Иордании, откуда совершали налеты на Израиль палестинские партизаны. Дезинформация была поддержана и в ЦРУ: Энглтон прямо заявил, что все слухи о возможном нападении на Египет лишены оснований.

Затем в соответствии с разработанным в Севре планом Франция и Великобритания предъявили Египту и Израилю ультиматум с требованием остановить движение войск в нескольких милях от канала. Как и

было предусмотрено планом, Израиль согласился, но Египет отверг ультиматум.

5 ноября англичане и французы использовали это как предлог для высадки воздушного десанта и захвата важного стратегического морского пути.

Тем временем израильская армия за четыре дня оккупировала весь Синай. Ее целью считались поражение египетской армии, деблокада порта Эйлат и прекращение террористических налетов с территории сектора Газа.

Но не только пронасеровски настроенная Москва, а и Соединенные Штаты выразили полное пренебрежение успехом Израиля на Синае; они и СССР заставили трех агрессоров отступить — раз и навсегда доказав, что Англия и Франция утратили право даже на свой старый титул «великих держав». Возможно, это и было главной, стратегической целью их весьма резких дипломатических демаршей.

Так что Израиль уже в ноябре начал отступление и в марте 1957 года оставил последние захваченные им анклавы: Шарм-аш-Шейх и сектор Газа.

Престижу Израиля как прогрессивного и миролюбивого государства социалистической ориентации был нанесен огромный ущерб. Мировое сообщество пришло к выводу, что Израиль стал участником неумного империалистического заговора.

Но израильтяне совершенно четко осознавали, что делали. Они стали участником трехстороннего суэцкого заговора прежде всего из-за жгучего желания Бен-Гуриона приобрести ядерное оружие. С точки зрения авторитета страны, результат оказался нулевым, если не отрицательным, но была достигнута важная стратегическая цель, которую ставил израильский премьер, — создан прочный военный союз с Францией, который стали называть «мостом через Средиземное море».

По этому мосту в Израиль пришло почти все, что нужно было для создания ядерного оружия. Так что в

чисто военном плане — особенно в том, что касалось Израиля, — синайская операция была осуществлена блестяще, хотя в политическом плане это была катастрофа.

Катастрофа, от которой выиграли планы Израиля на приобретение реактора: это было тайное условие, за которое Перес и Бен-Гурион пошли на вовлечение страны в войну.

От имени французского правительства министр обороны предложил Израилю «пряник» в виде атомного реактора. Впервые в истории одно государство предложило поставить другому государству ядерный реактор, не ставя никаких условий безопасности и не требуя инспекций.

Но практическое осуществление поставки реактора потребовало отчаянных усилий и Переса, и разведчиков. Обстановка требовала предельной настойчивости и быстроты решений и действий: к осени 1957 года сама Четвертая Республика была на грани коллапса.

Бурже-Манори, однако, стал последним премьер-министром Четвертой Республики и был преисполнен решимости выполнить свое обещание. В последний день своего пребывания у власти, за несколько часов до вынесения Национальным собранием вотума недоверия, он удовлетворил просьбу Израиля.

3 октября Бурже-Манори и министр иностранных дел Пиню подписали два совершенно секретных документа с Пересом и Бен-Натаном.

Это были политический пакт о сотрудничестве в научной сфере и техническое соглашение о поставке в Израиль атомного реактора мощностью 24 мегаватта вместе с персоналом и необходимой технической документацией.

В самом Израиле этот успех вызвал далеко неоднозначную реакцию. Семь из восьми членов Комиссии по ядерной энергии Израиля в конце 1957 года в знак протеста подали в отставку. Они заявили, что

израильские ядерные исследования приняли слишком явный военный характер и создали Комитет за «деатомизацию» ближневосточного конфликта. Правда, режим секретности был таким жестким, что этот конфликт никогда не вышел наружу.

Вообще во всем, что касалось «ядерной сферы», были приняты беспрецедентные даже для склонного к засекречиванию всего и вся Израиля. Это считалось самым важным секретом еврейского государства.

Перес, понимавший, что знание есть сила, старался не допускать в эту сферу посторонних. Это был его любимый проект. Вопреки ожиданиям, он не стал обращаться к разведсообществу Израиля за помощью в обеспечении безопасности ядерной программы. Он считал, что ядерная мощь Израиля должна иметь свою ядерную разведывательную службу.

До сих пор ответственность за добывание за рубежом научной и технологической информации лежала на «Амане» и «Моссаде». Перес, однако, в 1957 году создал независимую секретную службу, во главе которой он поставил человека по имени Биньямин Бламберг⁸¹.

Время собирать камни: «Лакам»

В обязанности Биньямина Бламберга входило поддержание режима безопасности в министерстве обороны и на предприятиях, выполнявших оборонные заказы.

Большой новый реактор был ни чем иным, как оборонным объектом, а Бламберг — как раз тем человеком, который мог гарантировать, что работы на этом объекте будут проходить в обстановке секретности и все его сотрудники будут отвечать требованиям надежности. Бламберг всегда боролся с болтунами и не нуждался в наставлениях о том, как обеспечить режим молчания. Он сам был высшим жрецом секретности.

Бламберг назвал свой офис «Бюро специальных задач».

Через несколько лет это название было изменено на «Бюро научных связей», и те немногие, кто знал о существовании этой организации, использовали ее аббревиатуру на иврите — «Лакам».

Вскоре после своего создания «Лакам» был конспиративно размещен в центральной части Тель-Авива на улице Карлбах. При полной поддержке Переса Бламберг старался скрыть существование «Лакам» даже от других израильских спецслужб, даже от самого «мемунеха», Иссера Харела.

Бламберг также привнес в работу «Лакама» традиционные методы спецслужб: компартиментализацию и использование в оперативной работе прикрытий. Бламберг не стал членом комитета «Вараш», но его «Лакам», несомненно, был частью разведсообщества.

«Лакам» был создан за моей спиной и без моего ведома, — вспоминал позже Харел. — Я подозревал, что какие-то люди в министерстве обороны занимались какими-то делами, но когда они видели представителей «Моссада», то старались перейти на другую сторону улицы. Это была тайная организация, построенная на конспиративных началах, созданная обманным путем. Даже Бен-Гурион не знал о создании экспериментального бюро, из которого выросла эта организация».

Скорее всего, Харел искажал истину. Новый французский реактор был самым секретным из того, что имелось в Израиле, — но и одним из самых важных и дорогостоящих проектов маленького государства. Трудно поверить, что премьер-министр, который постоянно вникал даже в детали происходящего в стране и был одним из основных инициаторов всей ядерной программы, не знал, что и как делается и не знал о существовании «Лакама».

Для реактора было выбрано место в самом центре пустыни Негев — между Мертвым морем и Беер-шебой,

«столицей» пустыни, которая упоминается в Библии как оазис, в котором отдыхал Авраам. В контрактах, которые заключались с французами, говорилось о «теплом климате и пустынной обстановке», что само по себе довольно слабо маскировало местонахождение реактора: Израиль очень невелик.

Главной заботой Бламберга стала защита от информационных утечек.

Практически невозможно было скрыть проведение большого строительства — можно было разве что попытаться дезинформировать общество и враждебные спецслужбы о его целях и задачах. Чтобы хоть как-то если не скрыть, то во всяком случае сделать более невинным широкомасштабное строительство неподалеку от иммигрантского городка Димона, распространялась легенда о том, что там строится крупный текстильный комбинат.

Учитывая, что вместе с реактором в Израиль прибыли сотни специалистов и строительных рабочих, дезинформация и секретность были непростыми задачами. Жесткая цензура не только периодики, но и личной переписки, меры по охране территории — все это, конечно, давало свои результаты, но не давало больших гарантий.

Это беспокоило и французскую разведку. Французы, зная болтливость евреев, не очень им доверяли и направили на обеспечение безопасности и пресечение «утечек» своих агентов⁸².

В то время как шеф «Лакама» защищал реактор на земле, опасность нависла с воздуха. В 1960 году самолет-разведчик U-2 сфотографировал объект, и аналитики американской разведки без труда определили его предназначение. С этого момента американские шпионы (как правило, по должности — сотрудники посольства, пользующиеся дипломатическим иммунитетом) начали шнырять вокруг Димоны, а американские политики стали выражать беспокойство. Разговоры в

Конгрессе и в Белом доме — это было еще далеко не все. По наводке из Вашингтона американская и британская пресса сообщили, что Израиль работает над созданием атомной бомбы, — и на основании самостоятельно инспирированного газетного шума, как не раз уже бывало, американское правительство потребовало от Израиля разъяснений.

Было также оказано давление на Израиль со стороны президента де Голля. Французский лидер стремился к примирению с арабским миром и даже предложил предоставить Алжиру независимость — все эти перемены, как полагали в Тель-Авиве, были не в пользу Израиля. Более того, де Голль небезосновательно подозревал, что реактор в Димоне используется для военных целей⁸³, и это его раздражало. Конкретным выражением этого в мае 1960 года стал приказ де Голля своему министру иностранных дел информировать посла Израиля в Париже, что Франция прекращает поставки урана в Димону.

Угроза самому важному оборонному проекту Израиля стала очевидной, и 13 июня 1960 г. Бен-Гурион вылетел в Париж для встречи с де Голлем. В Елисейском дворце президент Франции напрямую спросил:

«Для чего Израилю нужен атомный реактор?»

Бен-Гурион заверил, что реактор будет использоваться исключительно в мирных целях и не будет развиваться в направлении производства оружейного плутония. 21 декабря 1960 г. он с трибуны кнессета объявил, что Израиль строит второй исследовательский ядерный реактор, но заверил парламент, что реактор будет использован исключительно в мирных целях.

Это было именно то заявление, которого ждал де Голль. Теперь французы вроде бы могли беспрепятственно и в полном соответствии со складывающимися нормами международных отношений поставить последнюю партию оборудования, необходимого для завершения строительства реактора.

Но «могли» и «хотели» — глаголы разные. Шарль де Голль отнюдь не был сторонником распространения ядерного оружия — и требовались определенные усилия для продвижения дела. И вот тогда для сохранения отношений с Францией израильтяне, у которых, если серьезно, был не такой уж богатый выбор средств, вынуждены были пойти на то, что разведывательные службы делают редко: они «сожгли» свой разведывательный источник.

16 марта 1961 г. военный атташе посольства Израйля в Париже полковник Узи Наркисс узнал о подготовке покушения на президента де Голля. Источником этой информации был Клод Арно, иезуит и бывший полковник антинацистского Сопротивления. Он сообщил, что в попытке ликвидации планируется задействовать киллера-араба — в планы заговорщиков входило обострение антиалжирских настроений во Франции.

Сам Клод Арно, как и его коллеги, придерживался правых взглядов; несомненно, он не одобрял вывод французских войск из Алжира, — но считал идею убийства президента совершенно неприемлемой. Возможно, передавая информацию «естественному врагу арабов», он надеялся на то, что поимка террориста скомпрометирует Алжир, и этого ему было вполне достаточно.

Наркисс немедленно направил шифровку с этой информацией и собственным мнением (он считал, что теракт можно сорвать силами израильских спецслужб) в министерство обороны в Тель-Авив, где анализом подобных сообщений занимался «Аман».

Харел вспоминает, что Шимон Перес и начальник штаба генерал Цви Зур были согласны с Наркиссом, считавшим, что об этом не следует информировать де Голля. Но сам Харел настаивал на том, чтобы сообщить французам эту информацию. Бен-Гурион поддержал его — и через две недели де Голлю сообщили о заговоре; президент, естественно, принял меры безопасности,

но одновременно решительно потребовал от израильтян раскрыть ему источник этой информации — что и было сделано.

Французы арестовали Арно и подвергли его допросу — но не получили никаких доказательств, и его пришлось отпустить. Арно обозлился на «Аман», и израильтяне потеряли ценный источник.

Но это была цена, которую надо было заплатить. Тайные отношения между двумя странами были гораздо важнее. Реактор на тяжелой воде мощностью 24 мегаватта мог производить «оружейный плутоний» в количестве, достаточном для изготовления в год одной атомной бомбы мощностью 20 килотонн.

...Но для самостоятельной работы в этом направлении требовалось оборудование для обогащения урана. И здесь сложилась двойственная ситуация. Руководитель научных исследований французской комиссии по атомной энергии Франсуа Перрин и возглавлявшаяся им комиссия отказывалась поставлять оборудование для обогащения урана — но не препятствовала попыткам Израиля приобрести это оборудование из других источников. После напряженных переговоров комиссия Перрина разрешила частной французской компании «Сен-Гобен», которая поставляла подобное оборудование французской военной промышленности, продать техническую документацию и необходимое оборудование Израилю.

Но «Сен-Гобен» не располагала полным комплектом всего, что необходимо, — и Бламберг занялся поиском и приобретением компонентов для установки, а затем материалов и сырья. Подробнее об этом — в следующей главе. Сейчас следует высказать одно существенное соображение по инспирированной секретными службами теме: ученые и разведка. Вообще надо отметить, что «Лакам» не проявил особой изобретательности в выборе прикрытий. Сотрудники агентства

направлялись за рубеж под прикрытием дипломатического иммунитета — как атташе по вопросам науки посольств Израиля в крупных странах Европы и Америки. Но разница была: они подчинялись непосредственно штаб-квартире «Лакама» в Тель-Авиве, а не министерству иностранных дел, как обычные дипломаты.

Они должны были закупать за рубежом все научные публикации и поддерживать светские и профессиональные контакты в научных кругах стран аккредитации. Естественно, что все они попадали в поле зрения служб безопасности соответствующих стран — и хотя особых контрразведывательных и дипломатических мер в Европе, за редким исключением, не предпринималось, слухи и сплетни о «шпионах-дипломатах» всюду попадали в периодику.

Израильские ученые, находившиеся в научных командировках и на стажировках за рубежом, также были обязаны оказывать услуги «Лакам». В некоторых случаях израильским ученым за рубежом прямо предлагалось похищать нужные материалы. Зачастую это делалось на дилетантском уровне, что подвергало риску как самих ученых, так и тех, кто ими руководил, — обычно это были все те же атташе по науке, которые пользовались дипломатическим иммунитетом.

Совершенно естественно, что такая деятельность породила во всем мире предубеждение и настороженность в отношении израильских ученых. С конца 1960-х годов американские спецслужбы следили практически за каждым ученым, приезжавшим в США из Израиля.

Профессор Ювал Нееман, создатель многих образцов оперативной техники, которую использовали и «Аман», и основной разработчик компьютерной системы, которая внесла большой вклад в победу в Шестидневной войне, по прибытии в Пасадину, штат Калифорния, для участия в семинаре по физике, после того, как он посетил Ливерморскую лабораторию, занимав-

шуюся ядерными исследованиями, обнаружил, что его подозревают во всех смертных грехах.

— Профессор, я из департамента, — раздался в телефонной трубке незнакомый голос, — мы можем встретиться?

Нееман решил, что звонит кто-то из научного отдела Калифорнийского университета, и охотно согласился на встречу. К его удивлению, при встрече телефонный собеседник представился как следователь министерства юстиции США.

— Вы полковник Нееман? — спросил американец.

— Да, — с некоторым замешательством ответил Нееман, удивленный тем, что к нему обращаются по его воинскому званию. Ювал объяснил «следователю», что в начале 1960-х годов он действительно служил в военной разведке и имел звание полковника, но уже давно оставил военную службу и работает в Тель-Авивском университете.

— Но мы знаем, что вы все еще занимаетесь шпионажем, и предлагаем вам немедленно прекратить это.

Разговор окончился ничем, но факт психологического давления представлялся весьма симптоматичным.

Через несколько недель Нееман приехал в университет штата Техас в Остине; там снова появился «представитель министерства юстиции», который потребовал, чтобы Нееман зарегистрировался как «агент израильского правительства».

Такой шаг просто подорвал бы репутацию Неемана как ученого и свел на нет его возможность общения с американскими коллегами. Кроме того, для «официальных агентов иностранного правительства» существуют весьма строгие ограничения возможности передвижения в США. Нееман обратился к своим старым друзьям, в том числе «к отцу» американской ядерной бомбы Эдварду Теллеру и влиятельному сенатору от штата Техас Джону Тауэру, но смогли реально помочь не эти связи, а сотрудничество США и Израиля в области разведки.

Представитель «Моссада» в Вашингтоне напрямую обратился в ЦРУ и попросил оставить Неемана в покое — и полковника больше не беспокоили.

Оружие Судного дня

В 60-х годах резидентура ЦРУ в Тель-Авиве основное внимание уделяла наиболее секретной израильской программе — созданию атомного оружия.

Секреты оберегались весьма тщательно и на самых разных уровнях. Например, в 1961 году Бен-Гурион совершенно категорически заявил Джону Кеннеди при встрече в Белом доме, что Израиль ведет работы в области атомной энергии, но не военного плана.

В апреле 1963 года Шимона Переса вызвали в Овальный кабинет Белого дома, где Кеннеди потребовал от него информации. «Вы знаете, что мы очень внимательно следим за возникновением ядерного потенциала в этом регионе, что может создать очень опасную ситуацию. Именно поэтому мы поддерживаем тесные контакты с вами в сфере ядерных исследований. Что вы можете сказать по этому поводу?»

Перес ответил фразой, которая стала стандартным ответом политиков: «Мы не будем создавать ядерное оружие. Мы не сделаем этого первыми».

Вашингтон, конечно, в это не поверил.

Несколько позже новый премьер, бывший министр финансов Леви Эшкол, договорился с администрацией президента Джонсона о том, что в обмен на расширение поставок в Израиль современного вооружения будет снижен темп работ в ядерной области. Сразу же по достижению договоренности израильтяне впервые получили истребители «фантом» и «скайхок», а американцы заняли место французов как основного поставщика вооружений Израилю.

Но ЦРУ, в частности резидент в Израиле Хадден, считали, что эти дипломатические обещания — только

часть игры: Израиль стремится и получить самое современное оружие, и создать свою атомную бомбу. Не случайно израильские стратеги заговорили о ядерном оружии как о средстве, которое может навсегда покончить с войнами на Ближнем Востоке.

Израильская ядерная стратегия предусматривала создание разнообразных видов ядерного оружия для максимально гибкого использования его в будущем. Помимо ядерных бомб, предусматривалось создание водородного оружия и оснащение им ракет. ЦРУ также пришло к выводу, что Израиль уже имеет несколько систем доставки такого оружия.

Маленький Израиль формулировал свою ядерную стратегию на тех же принципах, что и сверхдержавы: главный акцент делался на сдерживание, но имелась в виду также возможность нанесения ответного удара.

Реактор в Димоне хорошо охранялся и был окружен плотной системой противовоздушной обороны. В июне 1967 года одной из ракетных батарей был даже сбит израильский самолет, возвращавшийся с боевого задания в Иордании и сбившийся с курса. Но независимо от того, где располагался израильский секретный ядерный арсенал, в Димоне или на авиационных базах, он не был защищен так, как этого требовал сам характер оружия, — территория Израиля слишком невелика и ни одна система ПВО не дает стопроцентной надежности. Кроме того, существовала опасность и наземного нападения⁸⁴, хотя описываемый период еще не входил в эру террора.

ЦРУ отмечало большое желание Израиля расположить часть ядерного арсенала за пределами своей территории на средствах морского базирования. Аналитики ЦРУ пришли к выводу, что Израиль стремится к оснащению своих подводных лодок ядерным оружием; несколько позже просочились данные, что Израилю удалось оснастить свои 3 подводные лодки британской постройки компактным, но весьма мощным ядерным

оружием. Они почти постоянно патрулировали в Средиземном море, и в какой-то мере это можно было трактовать как выполнение израильского обещания не «привносить ядерное оружие на Ближний Восток первыми».

Вернемся к секретным операциям. Когда в 1960-х годах Шарль де Голль отказал в военно-технической поддержке Израилю, «Лакам» стал искать альтернативные источники и каналы помощи.

Первого успеха Бламбергу удалось добиться в Норвегии. Норвежское правительство согласилось секретно поставить Израилю 21 тонну тяжелой воды.

Как только эта поставка была гарантирована, «Лакам» начал изыскивать способы приобретения урана. Одним из важнейших успехов в этом направлении стало сотрудничество с Залманом Шапиро⁸⁵.

В 1948 году постоянно проживающий в США, американский гражданин Залман Шапиро получил степень доктора по химии. В том же году он вступил в Сионистскую федерацию и Общество друзей Техниона, самого престижного технического университета в Израиле.

Шапиро работал в корпорации «Вестингауз», помогал создавать первую американскую ядерную подлодку «Наутилус». В середине 1950-х годов он открыл свою собственную корпорацию «NUMЕК», или «Ядерные материалы и оборудование», располагавшуюся в городе Аполло, штат Пенсильвания. Корпорация снабжала ураном ядерные реакторы в Соединенных Штатах.

Американская комиссия по атомной энергии в 1962 году сделала корпорации выговор за плохую организацию службы безопасности и небрежное ведение документации; было также обращено внимание на то, что в «NUMЕК» бывает необычно большое количество иностранных гостей, главным образом из Франции и Израиля. Проведенная в 1965 году проверка выявила на од-

ном из складов недостачу 44 килограммов высокообогащенного урана. Эксперты комиссии по атомной энергии не смогли доказать, что этот материал был отправлен за границу или что «NUMЕК» совершил какое-то преступление. Однако в ходе официальных проверок, которые продолжались несколько лет, была установлена пропажа почти трехсот килограммов урана — количества, достаточного для изготовления 18 атомных бомб.

Подозрение, что пропавший уран был отправлен в Израиль, к 1968 году превратилось в уверенность...

ФБР провело расследование связей Шапиро с Израилем, но ничего определенного не обнаружило. Тогда ЦРУ и ФБР начали разработку Шапиро, установили за ним наблюдение и взяли на контроль его телефон, а затем провели ряд допросов, в ходе которых он рассказал о своих контактах с Аврахамом Хермони, советником по науке израильского посольства в Вашингтоне, — другими словами, резидентом «Лакам». Прямых оснований для судебного преследования не нашлось, но в вашингтонских верхах осталось очень мало сомнений, что израильская разведка нашла дорогу к американскому обогащенному урану.

Новый директор ЦРУ Ричард Хелмс с большим недоверием и подозрением относился к израильским действиям и мотивам; но в данном конкретном случае, тем не менее, это, похоже, не означало прекращения разработки «американской темы». Для выяснения реальной обстановки четверо израильтян, среди которых были Хермони, Рафи Эйтан и Аврахам Вендор из «Шин Бет», 10 сентября 1968 г. посетили завод корпорации «NUMЕК». При оформлении допуска со стороны американских властей Эйтан и Вендор выдали себя за «химиков» министерства обороны Израиля. По возвращении в Израиль Эйтан и Вендор доложили, что Израиль еще пользуется доверием американских властей и может добывать в США уран. Не было никаких оснований свертывать эту незаконную деятельность...

«Американский канал» был не единственным источником получения стратегического сырья. В ноябре 1968 года в ходе совместной операции «Моссада» и агентов Бламберга Израилю удалось получить 200 тонн уранового сырья, упакованного в 560 железных бочек с надписью «Plumbat». Дан Эрт⁸⁶ впоследствии показал норвежской полиции, что германская химическая корпорация под названием «Асмара» через свои дочерние предприятия закупила уран у бельгийской компании «Societe Generale de Minaro». В Антверпене уран был погружен на пароход «Шеерсберг А», который плывал под либерийским флагом. В качестве порта назначения капитан указал Геную, но там пароход не появился и вообще на какое-то время исчез. Оказалось, что, войдя в Средиземное море, судно пошло не на север, а на восток. Где-то между Кипром и Турцией оно встретилось с израильским грузовым судном и 560 бочек были перегружены. Когда через две недели «Шеерсберг А» появился в турецком порту Искандерун, урана на борту уже не было.

На самом деле судно принадлежало «Моссаду», и под этим пестрым одеялом из разных стран и компаний Израилю удалось получить топливо для ядерного реактора в Димоне. МАГАТЭ и другие организации Европейского сообщества были так изумлены этой дерзкой акцией, что просто решили не предавать инцидент огласке...

Кроме того, на протяжении многих лет действовало тайное соглашение (кто конкретно за ним стоял — неизвестно по сей день), благодаря которому Израиль получал уран непосредственно из Южной Африки; партнерство с ЮАР также происходило и в области ракетной техники, и обычных вооружений, активно развивалось и сотрудничество спецслужб.

В результате всех этих явных и тайных усилий Израиль де-факто стал шестым членом ядерного клуба

вместе с Соединенными Штатами, Советским Союзом, Францией, Великобританией и Китаем.

Израиль об этом никогда не объявлял, но для США, СССР и других заинтересованных стран все было абсолютно ясно.

Бламберг стремился к тому, чтобы его агентство обеспечивало разведывательно-информационную поддержку не только в ядерной области, но и во всем оборонном комплексе Израиля. Его предложения были приняты, и бюджет «Лакама» значительно увеличился, в том числе за счет взносов от таких клиентов, как «Израильская авиационная промышленность» и «Израильская военная промышленность». Все они либо принадлежали правительству, либо контролировались им, хотя сотрудники далеко не всегда знали, каким путем к ним попадали иностранные чертежи и другая техническая документация. И они, естественно, не подозревали о существовании «Лакама»...

...Пожалуй, самое поразительное в истории «Лакама» заключается в том, что, несмотря на активную шпионскую деятельность, иностранные разведки долго не подозревали о самом существовании этой организации. Даже в секретном докладе ЦРУ, спецслужбы, которая наиболее тесно партнерствовала с израильским разведсообществом, об израильской разведке, подготовленном в 1966 году, сказано, что разведка Израиля активно работает в научно-технической сфере, — но ни аббревиатура «Лакам», ни название «Бюро научных связей» не упоминаются и нет даже предположений о наличии какого-то, помимо широко известных, специального координационно-оперативного и аналитического центра...

Наряду с созданием ядерного оружия важнейшим приоритетом для Израиля было получение технологии и образцов для налаживания собственного производства ракет класса «земля—земля».

Ядерное оружие без средства его доставки не имеет смысла. Как заявил однажды на секретном совещании Эзер Вейцман, «любая ракета может нести ядерную боеголовку, она может нести любую боеголовку».

Люди Бламберга добывали информацию по ракетной технике из различных источников (открытые публикации, ознакомление с образцами на выставках и демонстрационных испытаниях, обработка научно-технической информации, полученной оперативным, в том числе и агентурным путем) и имели довольно полное представление о том, что стоило и, естественно, что можно было покупать.

Большой шаг вперед был сделан, когда Франция, один из лидеров ракетостроения в те годы, согласилась поставить Израилю ракеты класса «земля—земля».

Но поставки даже значительных партий вооружения не могли полностью удовлетворить нужды государства. Без собственного производства возникала слишком сильная зависимость от страны-поставщика — а политическая конъюнктура могла резко измениться. Кроме того, действует и экономический фактор: оружие стоит очень дорого. Требовалось развивать и собственное производство, и на этом пути были достигнуты значительные успехи.

Израиль не копировал слепо чужие образцы, а приспособливал чужие достижения к своим нуждам и порой добивался технологических прорывов. Вейцман даже заявил, что «Израиль улучшил французские ракеты». Так, например, французская ракета «MD-660» дала начало целому семейству израильских ракет «Луз» и «Иерихон». Помимо этого, Вейцман упоминал секретный проект по созданию ракеты морского базирования.

Шестидневная война явилась поворотным пунктом для «Лакама», как и почти для всех израильских институтов. После успехов этого агентства в области ядерной технологии его функции значительно расширились — и

был проведен ряд спецопераций, которые теперь считаются классикой разведки.

Спрячь за забором «Мираж» от «Лакама», выкрадет вместе с забором

Вагон чертежей

Одна из сложных проблем, которые возникли в связи с прекращением Францией в канун и по завершению Шестидневной войны поставок вооружения, возникла с запасными частями к «Миражам», основному на то время типу самолетов ВВС Израиля.

Специалисты знают, сколь велика потребность в запасных частях у боевых машин, в которых все узлы работают с максимальным напряжением; даже неспециалисту понятно, что отказ одной-единственной детали делает эксплуатацию огромной машины с сотнями тысяч различных деталей невозможной.

Несколько десятков боевых машин, костяк ВВС, нельзя было быстро заменить чем-то другим. Истребители и штурмовики такого класса производили еще СССР и США, но СССР поддерживал арабские страны и разорвал дипломатические отношения с Израилем, а с американцами еще не было достигнуто соответствующее соглашение, и даже сами перспективы его пока были туманными. Кроме того, таких средств, которые требуются для полного обновления самолетного парка, у страны не было. «Миражи» должны были еще оставаться в строю несколько лет.

Авиастроительная промышленность Израиля («Исроэль эйркрафт индастриз», директор Ал Швиммер)⁸⁷ была уже по техническому уровню близка к созданию боевых самолетов такого класса; на хорошем уровне работали и авиаремонтники. Но создание конкретно

необходимых узлов и деталей требовало специальной оснастки, точного знания технологии, короче, полного комплекта технической документации. Разработка такой документации требовала значительных средств, а самое главное, немало времени — времени, которого у страны, находившейся в состоянии войны с соседями, просто не было.

«Мираж», производимый французским концерном «Дассо», достаточно широко использовались в мире. Но сравнительно немного стран приобретали не только готовые самолеты и запасные части к ним, но и лицензии на производство тех или иных узлов, а тем более сборку. Но требования к продаже лицензий исключали их свободную перепродажу, а эмбарго Франции распространялся и на лицензии. По сути, Израилю оставался только один путь — постараться нелегально получить техническую документацию. Задания на поиск выходов к документации получили резидентуры разведки во всех странах, которые располагали лицензиями на «Мираж».

Поиск сработал в Швейцарии. Там одна из компаний («Шульц Бразерз») производила авиационные двигатели для французских «Миражей», осуществляла сборку истребителей и эти самолеты состояли на вооружении ВВС. Палочкой-выручалочкой для Израиля стал работник этой фирмы, инженер Альфред Фрауенкнехт, швейцарский немец.

О предыстории и ходе совместной операции «Лакама», военной разведки и ВВС существуют достаточно противоречивые версии. По одной из них, главными мотивами Фрауенкнехта было чувство вины перед евреями, характерное для многих немцев после Второй мировой, симпатии к Израилю после Шестидневной войны и убеждение в несправедливости и опасности для самого существования еврейского государства французского эмбарго. По другой, опытными разведчиками, которые имели возможности для встреч с Фрауенкнех-

том (в частности, во время переговоров по боевому применению «Миражей»), были использованы его человеческие слабости — недовольство начальством, сомнение и потребность в деньгах на содержание любовницы. Возможно, что все это просто переплеталось в душе инженера и в конечном итоге стало основой для весьма своеобразного действия.

Первый шаг сделал полковник Дов Сион, военный атташе Израиля в Париже и зять Моше Даяна. Он несколько раз встретился с Фрауенкнехтом, оценивая возможность его вербовки. Затем сотрудники разведки, которые участвовали в переговорах с французами и швейцарцами, прямо спросили Фрауенкнехта, не может ли он помочь с приобретением запасных частей к «Миражам» — они, мол, теперь на вес золота.

Альфред не отказался от сотрудничества, но и не дал положительного ответа — он обдумывал варианты.

В апреле 1968 года полковник Цви Аллон, работник парижского посольства и полковник Негемия Хаим встретились с инженером в цюрихском отеле «Амбассадор» и попросили найти возможность для поставок.

Фрауенкнехт пообещал сделать все возможное и пообещал известить о ходе дела.

И в самом деле, через пару месяцев он позвонил в Париж, разыскал Аллона и предложил срочно встретиться.

Разговор произошел в Цюрихе, в кафе в Видердорфе, самом «веселом» районе города, который старательно избегали чопорные швейцарские клерки. Фрауенкнехт заявил, что поиск и вывоз отдельных запчастей — напрасная трата времени и денег. Необходимо получить полные чертежи самолета и оснастки для изготовления деталей. И добавил, что возможностями получения всех чертежей — а по объему это был целый железнодорожный вагон — он располагает.

По вопросу о цене сделки версии сильно расходятся. По одной из них, Фрауенкнехт вообще не ставил

вопрос оплаты и совершил это важнейшее для Израиля, но и опасное дело только из идейных соображений; двести тысяч долларов (сумма, просто несопоставимо малая за комплект чертежей, т. е. тайную лицензию) требовалась только после завершения всей операции и то в качестве страховки для его семьи. По другой версии, речь шла о миллионе (тоже немало меньшая сумма, чем следовало вознаградить такую работу) и те же 200 тысяч фигурировали уже в качестве аванса.

Фирма «Шульцер бразерс» располагала полным комплектом чертежей, и Фрауенкнехт имел к ним доступ. Но тайное копирование или хищение были практически невозможны из-за огромного объема работы, да и нежелательное внимание службы безопасности Швейцарии тоже нельзя было игнорировать. Инженер придумал блестящий план: он предложил руководству фирмы перевести все чертежи на микроплёнки, поскольку в тот период выпуск самолетов был приостановлен на неопределенное время, а кальки, занимающие значительные площади в административном здании, уничтожить.

Служба безопасности санкционировала акцию при условии присутствия ее представителя на городской мусоросжигательной станции. Кроме того, они достаточно строго контролировали процесс микрофильмирования, так что шансы сделать копию микроплёнки были невелики. Были заказаны специальные контейнеры-ящики для перевозки чертежей. Была выделена специальная машина (микроавтобус «Фиат») для перевозки от секретной комнаты, где производилось копирование, до станции. Контролер участвовал во вскрытии каждого ящика на мусоросжигательной станции, убеждался, что там чертежи, и подписывал акт, лишь когда последний листок исчезал в пламени. Казалось бы, схема была отработана тщательно и исключала всякие неожиданности.

Но водителем «Фиата» был назначен, по протек-

ции, двоюродный брат Альфреда. Сам он арендовал гараж на полпути к станции, в Винтертур, заказал в той же фирме, что и компания, точно такие же контейнера и за бесценок закупил в Швейцарском федеральном патентном агентстве целую гору чертежей, срок хранения которых по тем или иным причинам истек.

Остальное, как говорится, было делом техники. В выходной заполнялись старыми чертежами ящики, затем по дороге фургончик заворачивал в гараж, чертежи самолета выгружались прямо в ящиках-контейнерах и на их место ставили заготовленные заранее. Операция занимала не больше пяти минут — никто не отмечал такую малую задержку. На станции же у контролера не было ни стремления, ни квалификации вникать в сотни чертежей (разовая недельная «порция» составляла около 50 килограммов калек — желающие могут легко сосчитать, сколько это листов).

Сначала Фрауенкнехт встречался с израильскими разведчиками в отелях и ресторанах и передавал им чертежи. Но материалов было много, очень много, и тогда был разработан план передачи больших партий. По субботам в том же фургоне чертежи перевозили в городок Кайзерагст в 30 милях от Цюриха, на берегу Рейна у самой границы с Германией. Перевалочной базой было швейцарское отделение фирмы «Ротзингер и Ко». Чертежи выгружались на складе, затем Фрауенкнехт с братом шли «попить пивка» в ресторан «Хиршен». Там их появление замечал некий Ганс Штрекер, очень исполнительный недавний служащий фирмы «Ротзингер».

Он тут же мчался на склад, перегружал контейнеры в багажник своего черного «мерседеса» и вывозил их в Германию, где на небольшом аэродроме близ Штутгарта уже ожидала частная «Чессна», зарегистрированная в Италии. Чертежи перелетали в Бриндизи и утренним рейсом пассажирского лайнера «Эль Ал» доставлялись в Израиль.

В конце сентября 1969 года на склад фирмы «Ротзингер» была доставлена последняя партия документов — операция продолжалась почти год.

Братья отметили это событие в «Хиршене» — и в то самое время, когда они расслабились и вздохнули с облегчением, «Ганса Штрекера» застали, что называется, на месте преступления бдительные владельцы фирмы, братья Ротзингеры. «Штрекер», не успев погрузить последний ящик с документами, вскочил в «мерс» и был таков (кто он был и где он сейчас, не разглашается). На складе остался ящик с чертежами под грифом «Совершенно секретно. Собственность Министерства обороны Швейцарии».

Через семьдесят два часа полиция и служба безопасности «вычислили» Альфреда Фрауенкнехта.

Он не отрицал своего участия в передаче чертежей и признавал, что с точки зрения закона совершил преступление; что касается мотивации, то он заявил:

— Я сделал это из моральных соображений, для того, чтобы помочь Израилю. Для них это вопрос жизни и смерти. А что касается меня, убежденного христианина, то в моей памяти стоят Дахау и Аушвиц.

23 апреля 1971 г. швейцарский суд признал инженера виновным в шпионаже, но судьи проявили уважение к его мотивам и приговорили его к четырем годам лишения свободы с зачетом 18 месяцев предварительного заключения.

Уже через год Израиль стал выпускать новый самолет «Нешер» (на иврите — орел), на котором стоял двигатель, созданный с использованием технологии французских «Миражей». 29 апреля 1975 г. Израиль с гордостью продемонстрировал свое последнее достижение — истребитель «Кфир» (молодой лев). Он был удивительно похож на «Мираж-5»; Фрауенкнехт, благодаря которому это стало возможным, был приглашен в Израиль посмотреть на первый полет «Кфира».

Никакого «признания заслуг» или «чествования»

он так и не дождался — израильское правительство даже не оплатило авиабилет Фрауенкнехта и сделало вид, что ничего о нем не знает (оплатили это некие неизвестные доброты). Анонимный чиновник только и сказал ему: «Ни «Моссад», ни какое-либо другое учреждение (слово «Лакам» не было произнесено — на долгие годы оно оставалось строжайшим табу) не признают ваших заслуг в создании «Кфира» — это означало бы официальное признание в шпионаже на территории Швейцарии. Вас помнят, но международный скандал никому не нужен...»

Большой Шербурский зонтик, или катера от «Лакама»

В 1962 году было достигнуто секретное соглашение с ФРГ о поставках в Израиль скоростных ракетных катеров типа «Ягуар», одних из лучших в своем классе. Вооруженные израильскими низколетящими ракетами типа «Габриэль», они в определенной мере могли способствовать поддержанию морского паритета с Египтом. К декабрю 1964 года три катера были поставлены ВМС Израиля, но в печати «Нью-Йорк таймс» опубликовал материал «с подачи» правительственного чиновника в Бонне, появились публикации, рассекретившие соглашение. Арабские страны пригрозили Бонну полным экономическим бойкотом, и Аденауэр распорядился прекратить строительство «Ягуаров» для Израиля на верфях в Киле.

Через некоторое время удалось договориться с Францией (она в те годы поставляла примерно три четверти импортируемого Израилем оружия) на размещение заказа на строительство «Ягуаров» на верфи в Шербуре.

Заказчика в Шербуре представлял Мордехай Лаймен, опытный военный моряк и храбрый командир.

Уроженец Польши, в восьмилетнем возрасте он

был вывезен родителями в Палестину. Юношей вступил в «Пал-Ам» — военно-морское формирование в составе «Хаганы». Во время Второй мировой служил в британском флоте; его корабль в составе конвоев привозил грузы по ленд-лизу в Мурманск. В служебной характеристике Королевского флота о нем было сказано так: «Он полностью соответствует типу английского джентльмена. Способен правильно и быстро реагировать на экстремальную ситуацию». Экстремальных ситуаций хватало: суда, на которых он служил, подвергались налетам немецкой авиации и торпедным ударам.

По возвращению в Палестину командовал спасательным кораблем, который принимал участие в попытках преодоления морской блокады, установленной англичанами, затем транспортом, на котором перевозили беженцев. В 1948 году на маленьком скоростном катере проскользнул в акваторию Порт-Саида и заминировал египетский эсминец.

В 1950 году двадцатилетний моряк стал главнокомандующим ВМС Израиля. Через четыре года отправился на учебу в Колумбийский Университет (США) и затем был назначен руководителем военной промышленности Израиля.

Считается, что он сыграл решающую роль в модернизации вооруженных сил страны на переломе шестидесятых.

В апреле 1967 года в Шербуре был спущен на воду первый из заказанных ракетных катеров. Еще через месяц — второй⁸⁸. В октябре следующего года в Хайфу отправилось еще два катера. Три же оставшихся (и оплаченных Израилем) катера еще достраивались, когда Шарль де Голль ввел полное эмбарго на поставку вооружений Израилю (и отказался вернуть деньги за еще не поставленное оружие, включая самолеты и катера).

Приказ президента о запрете вывоза оружия уже состоялся, но еще не был оглашен; в пять часов утра

4 января 1969 года три достроенных катера под израильскими флагами ушли в Хайфу. Военно-морские и таможенные власти в Шербуре совершенно не препятствовали отплытию и уверяли правительство в ответ на раздраженные запросы, что официального извещения о введении полного эмбарго они еще не получили.⁸⁹ Формально никто не мог быть признан виновным, и дело ограничилось только выговорами, однозначным инструктажем и резким усилением мер безопасности.

...А тем временем продолжалось строительство оставшихся пяти катеров.

Ожидать скорого изменения политики правительства Франции, отмены эмбарго не приходилось. Просто увести катера в море тоже не представлялось возможным: теперь они находились под самой серьезной охраной. Отказаться от уже оплаченных катеров и попытаться разместить заказ где-нибудь еще? На такое не было ни средств, ни времени.

По прямому заданию правительства «Лакам» и «Моссад» разработали многоходовую операцию «Ноев ковчег», одним из руководителей которой стал адмирал Лаймен.

В качестве первого шага М. Лаймен объявил от имени своего правительства директору шербурских судостроительных верфей, что Израиль не может ожидать неопределенное время и потому разрешает продать катера кому угодно при условии возмещения затрат на фактически произведенные работы. Феликс Амьо нашел это условие справедливым и получил от Лаймена соответствующие документы.

Вскоре к нему обратился «подходящий покупатель» — некий Мартин Сайм, владелец строительной компании и директор норвежской транспортной фирмы «Старбоут энд вейл». Ему срочно нужны были скоростные катера для нефтеразведки.

Финансовая сторона была быстро улажена, и Амьо, не считая необходимым задуматься о применимости

«Ягуаров» для специфических целей нефтеразведки, послал запрос на получение санкции на продажу от министерства обороны.

Запрос передали в Межведомственный комитет по контролю за экспортом оружия (МККЭО).

Там быстро решили, что «Ягуары» без оружия — никакое не вооружение, а просто транспортное средство, что холодная Норвегия — не «горячий» Ближний Восток, не стали слишком интересоваться историей компании «Старбоут энд вейл» (а она была создана всего неделей раньше на базе панамской юридической фирмы «Ариас») и санкционировали сделку.

Хотя в этой книге по преимуществу речь идет о спецоперациях, в число которых всегда входило и лоббирование, и подкуп, — в данном случае вполне вероятно, что МККЭО и вообще гражданские власти были в самоослеплении от удачи: перед ними вдруг открывалась возможность и уладить дипломатический конфликт, и удовлетворить справедливые финансовые требования Израиля. Информировать о сделке президента (тем более, что власть в Париже только что переменилась) или хотя бы контрразведчиков не сочли необходимым.

В считанные дни все формальности были улажены, документы подготовлены и пересланы экспресс-почтой Феликсу Амьо.

Тем временем в Шербур прибывали «норвежские моряки» — большинство среди них было голубоглазыми блондинами. Они готовили к отплытию практически достроенные катера, закрашивали надписи на иврите и малевали на бортах «Старбоут», проводили обычные предпоходные испытания. Самые наблюдательные шербурцы только отметили, что время от времени лихие норвежцы переговариваются и переругиваются на иврите, а небольшая легальная израильская колония спе-

циалистов и моряков, которая участвовала в выполнении всех заказов, вовсе не выглядит чрезмерно опечаленной «уводом» катеров.

Подготовка продолжалась еще несколько дней и наконец в девять вечера в канун Рождества катера, взяв на борт и «норвежцев», и, как оказалось, почти всех израильских судостроителей и моряков (возможность совместного отплытия маскировалась — например, на Рождественскую ночь в ресторане Шербура был заказан ужин на 70 персон, почти всю израильскую «колонию»; ужин остался нетронутым, оплатили его чеком из Израиля через две недели), ушли в Ла-Манш.

Через день корреспондент небольшой газеты «Ост Франс» передал по телефону в свою редакцию в Ренн информацию о том, что какие-то подозрительные норвежцы выкупили и увели из Шербура эскадру ракетных катеров. Стрингеры ЮПИ и Ассошиейтед Пресс подхватили информацию в Ренне и передали в центральные офисы; еще через день об этом писали все газеты мира. В пресс-службу Французского правительства и Министерства обороны начали поступать многочисленные запросы.

Жорж Помпиду (он только недавно сменил на посту президента Ш. де Голля), по воспоминаниям близких, «был просто взбешен».

Еще больше усилило возмущение французского руководства сообщение воздушной разведки о том, что катера обнаружены вблизи Гибралтара (в контракте речь шла об их использовании у берегов Аляски).

Комбинация представилась очевидной; больше всего возмущался министр иностранных дел Морис Шуман, который только что заключил весьма выгодный для Франции договор с несколькими арабскими странами, возмущался и требовал принятия немедленных мер.

Реалист Помпиду, получив извещение от ВМС, что в этой зоне у Франции нет боевых кораблей, способных немедленно перехватить катера, спросил Шумана: «Вы

что, предлагаете бомбардировать или торпедировать их? Поговорите с израильским послом». Однако посол, по несчастью, оказался в отъезде — гостил у своих друзей в Швейцарии. Шуману пришлось удовлетвориться двухчасовой выволочкой, которую он устроил дипломатам невысокого ранга (старший из них, Ави Примор, был всего пресс-атташе).

В Иерусалим был отправлен запрос; ответ пришел в самых спокойных тонах: «Правительство Франции само продало катера норвежской компании «Старбоут энд вейл». Нельзя отрицать возможность того, что упомянутая компания сдала в аренду легально купленные ею катера какой-либо израильской фирме»...

А катера уже шли Средиземным морем.

Без внимания их не оставляли: французские, американские и итальянские самолеты барражировали, иногда спускаясь так низко, что едва не касались мачт. Несколько раз появлялись и военные корабли — американские и итальянские, а неподалеку от Кипра на сближение пошел советский эсминец и едва не протаранил один из катеров. Возможно, ненамеренно; а вот египетская подводная лодка была направлена на перехват с откровенными намерениями, но не сделала ни одного выстрела — в точке перехвата катера уже встретили боевые корабли израильских ВМС, а в небе кружили израильские самолеты.

Скандал во Франции продолжался еще несколько недель. Два французских генерала лишились должностей, Мордехая Лаймена выслали из Франции.

В организации заговора обвинили и Феликса Амьо, но при всем старании не смогли найти в его действиях состава преступления или свидетельства личных корыстных интересов. Сам же судостроитель не счел нужным даже принести какое-то извинение. Он выполнял свои служебные обязанности и только. Что касается жителей Шербура, то в отчете правительственной комиссии, проводившей официальное расследование, отмечалось:

«Создается впечатление всеобщего заговора молчания по этому делу среди жителей Шербура».

Упорядоченность, быстрота и «чистота» действий — практически без пострадавших — говорит о высоком классе проработки и исполнения секретной операции. Мастерство здесь отмечается во всем: от безукоризненного с точки зрения международного права стратегического замысла до внимательной отработки всех деталей. Признаки особой заинтересованности в действиях или бездействии должностных лиц имеются, но факты коррупции недоказуемы.

Очень характерна в этом отношении позиция населения: фактически, они были подкуплены — но не столько деньгами (колония жила достаточно скромно), а продуманной до мелочей системой контактов с тщательно подготовленными и проинструктированными моряками; а это, наверное, единственный вид подкупа, который не является ни преступлением с точки зрения закона, ни грехом с точки зрения любой религии.

Фактически все двадцать лет, пока «Лакамом» руководил Беньямин Джибли, работа как по охране «своих» секретов, так и во внешних действиях проходила достаточно успешно. Серьезные провалы произошли уже в восьмидесятых годах.

«Лакам»: смена вторая и последняя

В 1981 году новый премьер-министр, глава правого блока «Ликуд» Менахем Бегин назначил Рафи Эйтана, опытного разведчика, самым крупным достижением которого было участие в похищении в 1960 году Адольфа Эйхмана, на пост советника премьера по антитерроризму.

Эйтан родился в 1926 году в кибуце «Анн Харод» в долине Джебзил. Его мать вспоминала, что маленький Рафи однажды сказал, насмотревшись кино: «Я

хочу быть шпионом, как Мата Хари». Детские фантазии Эйтана скоро стали реальностью: с 12 лет он начал участвовать в деятельности нелегальной армии «Хагана». В ней он заработал прилипчивую кличку «Вонючий Рафи», — однажды ему пришлось для выполнения задания «Палмах» долго пробираться через канализацию. В день провозглашения независимости Израиля, 15 мая 1948 г., он был ранен, но вскоре выздоровел и пришел на службу в армейскую разведку.

После войны Иссер Харел привлек его в кадры совместного оперативного подразделения «Моссада» и «Шин Бет». Формально Эйтан служил в «Шин Бет» с 1950 по 1953 год, а затем перешел в «Моссад», где занял пост начальника оперативного департамента и в духе времени, принимал участие практически во всех громких операциях израильской разведки. Когда вешали Эйхмана, Эйтан был одним из свидетелей. Последние слова нацистского военного преступника: «Надеюсь, ты скоро последуешь за мной» — были обращены к Эйтану.

В последующие годы у Эйтана были острые оперативные и личные конфликты с Замиром, а позже — с его преемником Хофи, когда Эйтан выступал в роли консультанта. Эйтан практически стал разделять взгляды Шарона на то, что «Моссад» нуждается в реформировании, его нужно призвать к порядку и даже ослабить.

В 1972 году в возрасте 46 лет Эйтан вышел в отставку и решил попробовать себя в бизнесе: от разведения тропических рыбок до торговли недвижимостью, но вскоре разорился. Опыт разведки не всегда применим в бизнесе.

Его друг и покровитель Ариэль Шарон, который в тот период приобрел очень большое влияние в руководстве (Шарон даже носился с идеей создания — для себя, естественно, — поста «Министра разведки»), рекомендовал Эйтана в качестве эксперта по антитерро-

ризму: координационный пост на периферии разведсообщества, не дававший никаких властных полномочий.

«Верный человек» был подготовлен. Тогда Шарон взялся за «Лакам» или «Бюро научных связей», о существовании которого было известно всего нескольким лицам.

В министерстве обороны и разведсообществе директор «Лакама» Биньямин Бламберг имел репутацию гения, хотя никто не знал точно круг его обязанностей. Когда руководители разведсообщества запрашивали у «Лакама» отчет о его деятельности, Бламберг просто игнорировал эти запросы. Министр обороны Моше Даян всегда поддерживал сверхсекретное «Бюро научных связей», но никогда не интересовался, чем конкретно оно занимается. Ответственность за «Лакам» он переложил на своего заместителя генерала Цви Зура. Генерал, занимавший в начале 1960-х годов пост начальника штаба армии, предоставил Бламбергу полную свободу действий. Этот либерализм пошел еще дальше, когда после 11-летнего перерыва в министерство обороны вернулся Шимон Перес, который сменил Моше Даяна после унижительных поражений во время войны Йом киппур.

Шарон же отметил, что «Лакам» превратился почти в частное предприятие, которое делало то, что считало нужным, и ни перед кем не отчитывалось. Кое-кто из тех, кто знал о существовании «Лакама», жаловались, что Бламберг был слишком благосклонен к своим друзьям, снабжал их конфиденциальной информацией и предоставлял им иные возможности для обогащения — например, технологические новинки и ноу-хау, украденные по линии ведомства.

После прихода к власти блока «Ликуда» во главе с Бегиним давление на Бламберга усилилось. Считалось, что он слишком тесно связан со старой лейбористской «гвардией». Имелись в виду и конкретные связи: «Лакам» заподозрили в «отмывании денег» и

тайном финансировании лейбористов. Это были даже не подозрения, а серьезные обвинения, исходящие от самих работников «Лакама» и подкрепленные доказательствами.

И вот после 30 лет работы в разведке и 20 лет пребывания на посту директора «Лакама» Биньямина Бламберга уволили. В прессу, естественно, не просочилось ни слова. На освободившийся пост Шарон тотчас же назначил своего друга Рафи Эйтана.

Впервые со времени Рувена Шилоя, один из руководителей израильского разведсообщества одновременно оказался в подчинении двух различных начальников. Как советник по антитерроризму он подчинялся Бегину⁹⁰, а как руководитель «Лакама» — Шарону.

Рафи Эйтан начал расширять сферу деятельности «Лакама». Круг интересов этого агентства не ограничивался «научными связями», и Эйтану удалось добиться 10-кратного увеличения того, что профессионалы разведки зовут «разведывательной отдачей». Если во времена Биньямина Бламберга «Лакам» выпускал около двух сотен документов в год, то при Эйтане эта цифра выросла до двух тысяч.

За рубежом «Лакам» начал действовать в «серой зоне», которая в принципе была исключительной сферой деятельности «Моссада». И достаточно скоро произошли два колоссальных провала, которые не только серьезно навредили Израилю, но и привели к исчезновению «Лакама». Первый из них —

Дело Полларда

Джонатан Джей Поллард в течение шести лет работал в качестве гражданского специалиста в различных разведывательных и контртеррористических подразделениях военно-морского флота США и через свой компьютер имел доступ почти ко всем секретам разветвленного американского разведсообщества.

Поллард родился 7 августа 1954 г. в еврейской семье, проживавшей в Галвестоуне, штат Техас, но большую часть своего детства провел в городе Саус Бенд в штате Индиана.

В престижном Стэнфордском университете, одном из лучших американских учебных заведений, где он обучался, преподаватели отмечали его чрезмерно богатое воображение. Например, он рассказывал, что якобы убил араба в тот непродолжительный период, когда был в охране киббуца. У соучеников даже сложилось мнение, что учеба Полларда в университете оплачивалась «Моссадом». Израильская сторона это не подтверждает.

В 1976 году, получив степень бакалавра в Стэнфорде, Поллард поступил во Флетчеровскую школу права и дипломатии Университета Тафта. Осенью 1979 года ВМС США приняли его на работу в разведку в качестве аналитика. Он работал в Вашингтоне в Оперативном центре наблюдения и разведки, Вспомогательный центр разведки ВМС и Военно-морская служба расследований. Затем он попал в новый Антитеррористический оперативный центр ВМС в Сьютленде, штат Мэриленд, созданный в июне 1984 года как реакция на взрыв террористами-самоубийцами американской казармы морских пехотинцев в Бейруте, когда погибли 241 человек.

Серьезная работа по обобщению всех имеющихся фактов, наводок и слухов в этой сфере требует постоянного доступа к широкому кругу источников и сообщений. Вряд ли есть какая-то другая сфера в области обороны, столь же комплексная и междисциплинарная. Поллард и его компьютер имели выход на большинство банков данных в рамках федеральной разведывательной системы; он не только имел допуск к совершенно секретным документам; он имел степень допуска, известную как SCI. И у Полларда был самый ценный «пропуск», который только можно было себе представить в Федеральном округе Колумбия, — «курьерский

пропуск», позволявший ему посещать особо режимные объекты и брать с собой документы для анализа.

Что касается решающей мотивации для начала активной работы на Израиль, то сам Поллард считает главным свою резко негативную реакцию на межведомственный мобилизационный план, просчитывающий реакцию США на случай израильского вторжения в Ливан. Документ, предусматривавший оказание сильного давления на Израиль с целью вывода войск и даже ограниченные передвижения американских сил, абсолютно «нокаутировал» Полларда, когда он изучил его в полном объеме. «Я был просто до смерти напуган тем, что собирался сделать Уайнбергер⁹¹, — говорил Поллард. — Я понял, что он установил неофициальное эмбарго на разведку».

В мае 1984 года нью-йоркский бизнесмен Стивен Штерн⁹² познакомил Полларда с полковником израильских ВВС Авьемом Селлой, тем самым Селлой, который принимал участие в рейде на иракский ядерный реактор. В первом же разговоре Поллард заявил полковнику, что у него есть доказательства того, что США не делятся с Израилем необходимой разведывательной информацией, и ему, Полларду, это не нравится.

Селла выслушал с большим интересом, а потом, как и требовалось, сообщил об этом разговоре по команде, и его сообщение попало в штаб-квартиру ВВС в Тель-Авиве. Оттуда сообщение о недовольном американском аналитике разведки, горевшем желанием помочь Израилю, попало в руки Рафи Эйтана, который в тот период возглавлял «Лакам».

В восьмидесятые годы, после того как Президентом стал Рональд Рейган, отношения между США и Израилем получили заметное развитие. Израиль имел все основания полагать, что он теперь пользуется большей степенью защиты со стороны Вашингтона, чем его за-

падные союзники, например Великобритания. В 1983 году Белый дом подписал меморандум о стратегическом сотрудничестве с Израилем. Наступил «золотой век» необъявленного, но очень энергичного американско-израильского военного сотрудничества. Начались регулярные визиты в порт Хайфа кораблей американского Шестого флота. В Израиле стали размещаться склады американского вооружения и медикаментов, участились совместные маневры. Невидимая сторона сотрудничества включала активизацию взаимодействия разведок, особенно борьбу с терроризмом, в которой США практически зависели от Израиля и его информации об арабских террористических группах. Администрация Рейгана при поддержке конгресса предоставляла Израилю помощь в размере трех миллиардов долларов в год. Вместе с тем разведывательные сообщества обеих стран проявляли подозрительность. ФБР⁹³ было особенно обеспокоено масштабами израильской деятельности в США, полагая, что большая часть этой активности была так или иначе связана со шпионажем, и стремилось выявлять факты нарушения Израилем американского законодательства в процессе постоянной погони за американской технологией...

Эйтан, удачливый профессионал, был заинтригован и одновременно обеспокоен. Это могла быть «подстава» американцев, имеющая своей целью заманить израильтян в ловушку. Профессионалы с опытом Эйдана всегда проявляют осторожность в отношении тех, кто демонстрирует слишком явный энтузиазм. Кроме того, Эйтан хорошо знал, что использование евреев в качестве агентов в их собственных странах, как это показали события 50-х годов в Ираке и Египте, связано с повышенным риском — возможными вспышками антисемитизма и международными осложнениями.

Вместе с тем Эйтан понимал, что молодой американец может быть очень ценным. Несмотря на суще-

ствование официальных соглашений, израильская разведка всегда исходила из того, что американцы не делились с ней всем, что у них было. Поллард может заполнить эти пробелы. Только внедрив своего агента, израильтяне смогут узнать, чего им не дают...

Сопротивляться искушению получить ту информацию, которую мог дать Поллард, было просто невозможно.

Вот здесь кроется еще один важный момент, подтверждение (или внятное опровержение) которого, боюсь, удастся получить не скоро. Энтузиазм, опасения и амбиции Рафика Эйтана — все это, несомненно, существовало объективно и во многом предопределило ход операции. Но все это, вынужденно раскрытое, может в одностороннем ли, в двухстороннем ли порядке служить тем уровнем, дальше которого решено не углубляться.

«Моссад», связанный секретным соглашением 1951 года с ЦРУ, избегал прямо шпионить против американского разведсообщества. Обе разведки поддерживали между собой повседневные контакты, в том числе по компьютерным каналам связи; дважды в год проходили официальные рабочие встречи, исследовались возможности проведения совместных операций. Тайный шпионаж двух разведок друг за другом официально считался недопустимым, неофициально же — происходил, но крайне осторожно⁹⁴. Те из американцев и израильтян, кто явно имел отношение к подобным операциям, считают, что главным приоритетом должно быть сокрытие истинных хозяев операции. Теоретически, если ЦРУ находит перспективного кандидата для вербовки в израильском разведсообществе, идеальный вариант заключался в вербовке «под чужим флагом», то есть агент будет верить, что он работает, например, на Швейцарию или Западную Германию, или еще на кого-то, кто платит деньги за его информацию. Если агент соглашается работать только на США, то с ним не

должна контактировать резидентура ЦРУ в Тель-Авиве. Не должно быть никаких бесспорных следов американской причастности. ЦРУ формально не должно иметь отношения к работе с американской агентурой внутри израильского разведсообщества⁹⁵. Но почему бы не использовать возможности других спецслужб? Соответственно, когда перед Израилем открываются возможности для шпионажа в США, «Моссад» может «уступить» это, например, «Лакаму»...

С согласия начальника генштаба и командующего ВМС Эйтан поручил Селле дать понять Полларду, что Израиль готов к сотрудничеству. Селла несколько раз осторожно говорил с Поллардом из телефонов-автоматов, чтобы свести к минимуму риск подслушивания.

Летом 1984 года Селла несколько раз летал из Нью-Йорка (он там учился в университете) в Вашингтон для встреч с Поллардом и получения документов. Селле помогали дипломатические сотрудники посольств и консульств Израиля в обоих американских городах, которые работали на «Лакам». Первые полученные документы касались военных проектов арабов. Их срочно отправили в Тель-Авив дипломатической почтой, и они превзошли все ожидания Эйтана. Там были интригующие детали — не полная информация, но важные фрагменты, заполняющие пробелы в той картине, которую имел Израиль, — о создании в Сирии химического оружия и возрождении иракской ядерной программы. Там же была информация о некоторых новейших системах оружия, полученных арабскими соседями Израиля. Были также получены списки и описания вооружений, имеющих в Египте, Иордании и Саудовской Аравии.

В октябре 1984 года Поллард получил более высокий уровень допуска к секретам. Ему стал доступен практически любой документ американского разведсообщества. Он даже мог получать снимки со спутников-шпионов. Директор ЦРУ Уильям Кейси лишь в отдель-

ных случаях делился этими сокровищами с израильтянами в рамках стратегического сотрудничества⁹⁶.

Наконец Селла закончил свое обучение в университете и возвратился в Израиль.

В ноябре 1984 года Поллард и его невеста Энн Хендерсон за счет «Лакама» вылетели в Париж. Там снова появился Авьем Селла, который угощал их в шикарных ресторанах — и представил Йосси Ягура, нового связника-куратора.

Ягур занимал должность консула по науке в израильском консульстве в Нью-Йорке. В качестве консула Ягур регулярно посещал научные конференции, устанавливал контакты с американскими учеными, представителями оборонных и других отраслей промышленности и отправлял в «Лакам» пухлые пачки вырезок из различных специализированных газет и журналов.

В качестве еще одного сюрприза Джонатану Полларду устроили встречу с Эйтаном, участником похищения Эйхмана. Затем было произведено материальное «обручение» Полларда с Израилем — от имени мифического «дядюшки Джо» из Вашингтона было подарено кольцо с крупными сапфирами и бриллиантами, стоимостью около семи тысяч долларов. В дополнение к кольцу Поллард получил 10 тыс. долларов наличными, а Эйтан сказал ему, что в Швейцарии на его имя открыт счет. Вскоре Джей и Энн поженились и за счет «Лакам» провели медовый месяц в Венеции, который включал краткосрочную поездку в Тель-Авив для новой встречи с Эйтаном.

Оплата была установлена в размере полторы тысячи долларов в месяц. Ягур также показал Полларду израильский паспорт с его фотографией на имя Дэнни Коэна⁹⁷.

Н.В. Шпион, который уверяет, что работает добровольно из идеологических соображений, желая помочь стране, которую он любит, или из ненависти к стране,

которую он передает, может изменить свое решение. Считая себя добровольцем, он думает, что в любой момент может прекратить эти отношения.

Совсем другое дело — платный агент. Он чувствует себя обязанным дать то, за что ему платят, к тому же за этим всегда маячит угроза шантажа. Вербовщик всегда может оказать наемнику давление, демонстрируя ему документальные доказательства того, что он брал деньги. Такого рода контракт создает у наемника уверенность в том, что он приобрел лояльного агента.

...Сразу же по возвращении из Европы Поллард принес целый чемодан секретных документов, включая спутниковые фотографии, в загородный дом в Мэриленде, где его встретил Ягур. Они договорились о сигналах в случае необходимости отмены или переноса очередной встречи. «Лакам» также снял специальную конспиративную квартиру, оборудованную копировальной техникой⁹⁸. В квартире проживала Ирит Эрб, сотрудница израильского посольства, секретарь вашингтонского представителя «Лакама». Каждые две недели Поллард приносил в квартиру Ирит Эрб огромные кипы документов. Сначала он сам отбирал их, но потом Ягур стал заказывать — как из меню — конкретные бумаги в данном случае, судя по всему, из каталога документов, составленных разведывательным управлением министерства обороны США⁹⁹.

Как этот секретный каталог мог попасть в руки иностранцев? Теоретически Израиль мог получить этот каталог через агента или от какого-то другого источника в стране НАТО, куда он попал из Соединенных Штатов. С другой стороны, израильское посольство имело огромное число друзей — не обязательно платных агентов — в Пентагоне.

...Используя свой «курьерский пропуск» — самый ценный «читательский билет» в районе Вашингтона, — Поллард смог получать секретные документы из не-

скольких архивов в столице, включая РУМО, его собственную Службу расследований ВМС и даже Национального агентства безопасности при всей жесткости его режима. Так были получены многочисленные копии аналитических документов ЦРУ, сведения о переговорах между американскими объектами в этом регионе, подробности о поставках советского вооружения в Сирию и другие страны — по донесениям американских секретных агентов и подлинным фотографиям спутников-шпионов. Это позволяло, в частности, детально отслеживать передвижение кораблей в Средиземноморье. Среди полученных материалов было также досье об усилиях Пакистана по созданию ядерного оружия — «исламской бомбы». Были тут и подробности о химических арсеналах Ирака и Сирии, двух непримиримых врагов Израиля. Получать информацию по этой тематике из указанных стран было исключительно трудно. Поллард отмечал¹⁰⁰, что он сосредоточивался на «внешнем кольце врагов: Ливии, Алжире, Ираке и Пакистане».

Ценной информацией, которая легла в основу конкретной операции, явились аэрофотоснимки штаб-квартиры ООП в Тунисе. Для нее жегодились материалы о системе противовоздушной обороны североафриканских государств на пути в Тунис, включая силы Каддафи. 1 октября 1985 г. израильские ВВС провели самый дальний в своей истории бомбовый рейд на комплекс ООП в Тунисе. Большая часть основной базы Ясира Арафата была разрушена, и Поллард испытывал огромное удовлетворение от того, что он помог это сделать.

В Вашингтоне Поллард работал с предельным напряжением сил: занимался компьютерной обработкой и анализом разведывательной информации по линии ВМС и одновременно выполнял свою вторую работу, добывая документы для израильской разведки. Чрезвычайно напряженный режим провоцировал ошибки; немалую роль сыграла беспечность и недооценка окружения — возможно, самые опасные враги агентуры.

Несколько лет работая в центре «шпионской империи», Поллард тем не менее оставался дилетантом в плане профессиональной подготовки.

Еще больший дилетантизм проявили его хозяева — но об этом несколько позже.

Почему американские спецслужбы «прозевали» Полларда, хотя и отмечали «странности» в его поведении, просто поразительно. Начиная со школьных лет, отмечалась его непомерная хвастливость и откровенная лживость; по всем признакам, он был ненадежным человеком. В 1977 году Поллард хотел поступить в ЦРУ, но его кандидатура была отклонена. Когда Служба расследований Пентагона занималась его рутинной проверкой, были проведены беседы с его отцом и однокашниками-студентами, но негативная оценка Полларда, вынесенная ЦРУ, не оказалась в досье. Более того, тревожные признаки были и на работе в ВМС, в 1981 году его даже лишили допуска к секретам, но он обжаловал это решение — и оно было отменено.

И все же такое просто не могло продолжаться долго. Его непосредственный начальник, капитан второго ранга Джерри Эйджи начал сомневаться в надежности Полларда после того, как дважды уличил его во лжи по каким-то пустяковым поводам. Эйджи стал наблюдать и вскоре обратил внимание, что на столе Полларда было огромное количество совершенно секретных документов, не имевших отношения к его работе. 25 октября, в пятницу, один из его сослуживцев сообщил, что Поллард ушел с работы с большим пакетом распечаток из компьютерного центра. Удалось установить, что он только что получил материалы телеграфной переписки по Ближнему Востоку. Эйджи повторил проверку и заметил, что Поллард снова собирал (к пятнице) дополнительные совершенно секретные материалы.

Контрразведка ВМС установила скрытые телевизионные камеры около рабочего места Полларда; в пер-

вый же день стало очевидно, что он «создавал личную библиотеку» разведывательных материалов.

18 ноября он был задержан. Контрразведка ВМС допрашивала Полларда в течение трех дней, но ему разрешалось поддерживать связь с внешним миром. Поллард позвонил жене и передал условный сигнал немедленно убрать из дома все секретные документы. Энн поступила еще непрофессиональнее: попросила соседку, Кристину Эсфандери, дочь кадрового офицера ВМС, взять чемодан, в котором, как она сказала, находились документы с работы Джея, и передать его ей в вашингтонском отеле «Фор сизонс». Кристина на следующее утро позвонила в военно-морскую контрразведку, сказав: «У меня есть кое-какая секретная информация, которая может быть вам полезна».

Поллард, отпущенный после первых допросов, из телефона-автомата связался с Ягуром и потребовал от него предоставления убежища и вывоза в Израиль.

Но у «Лакама» не было никакого плана бегства Полларда. Агента просто бросили. Селла и Ягур через Нью-Йорк вылетели в Израиль; Ирит Эрб и ее босс, заместитель атташе от «Лакама» Илан Равид, вылетели в Израиль из Вашингтона.

21 ноября 1985 г. Поллард попытался найти убежище в израильском посольстве. Руководитель службы безопасности посольства накануне сам разговаривал по телефону с Поллардом, который назвал Рафи Эйтана и других работавших с ним израильтян и просил помощи; офицер предложил американцу приехать в посольство, если он сумеет оторваться от слежки. Но сейчас агенты ФБР ожидали Полларда на внешней парковке, окруженной израильскими охранниками в штатском, — и в убежище было отказано. Полларда арестовали, а его жену отвезли домой на 20-ю стрит в северо-западной части города; вскоре она тоже была арестована.

Когда Израиль — через три дня после ареста Полларда — впервые осторожно высказался о возможности

своей связи с ним, общество было в состоянии шока от того, что разведка может допустить арест агента на пороге своего посольства. Зарубежная разведывательная работа всегда входила в компетенцию «Моссада»; получалось, что «Моссад» проявил такой дилетантизм и такую глупость. Через несколько дней стало известно, что работу с Поллардом вел «Лакам». Так впервые прозвучало название этой разведывательной службы.

Рональд Рейган сказал: «Я просто не понимаю, почему они это делают». Федеральные власти стали готовить дело против Полларда. Представитель обвинения заявил окружному судье Обри Робинсону: «Обвиняемый признал, что продал Израилю такое количество секретных документов, что, если их собрать вместе, получится «стопка» размером метр на метр и высотой три метра». Министр обороны Уайнбергер в своем письме судье Робинсону отмечал: «Мне трудно представить больший ущерб интересам национальной безопасности, чем причиненный обвиняемым».

4 марта 1987 г. Поллард признал себя виновным и был приговорен к пожизненному тюремному заключению. На суде Поллард допустил серьезную ошибку, сделав заявление о том, что он «буквально был глазами и ушами Израиля в огромном географическом районе от Атлантики до Индийского океана».

В Израиле, с участием американского государственного обвинителя Джозефа Дидженова и адвоката госдепартамента Абрахама Софаер, была также проведена проверка утверждения того, что руководители государства не знали о наличии своего шпиона в американской разведке. Руководство этой работой было поручено директору «Шин Бет» Аврахаму Шалому — американцы считали его порядочным человеком. Расследование прошло весьма характерно: были допрошены несколько человек, имевших отношение к работе с Поллардом, но, например, Авьем Селла, который завербовал Пол-

ларда, даже не был упомянут. В довершение ко всему американцам сказали, что возвращают все полученные от Полларда документы — однако возвратили только 163 страницы из обещанной тысячи, — как говорится, даже не дали себе труда снять копии.

Две комиссии были созданы и в Израиле. Одну комиссию создал комитет кнессета по обороне и иностранным делам, возглавляемый Аббой Эбаном. Другая была назначена кабинетом министров. Сопредседателями назначили адвоката Иегуду Ротенстрейха, который выступал в качестве юрисконсульта разведсообщества, и бывшего начальника генштаба Цви Зура, который 20 лет курировал «Лакам», когда во главе этой службы стоял Биньямин Бламберг. Премьер-министр Шимон Перес, министр иностранных дел Ицхак Шамир и министр обороны Ицхак Рабин — все обещали сотрудничать с парламентской комиссией Аббы Эбана.

Пока расследование касалось чисто оперативной стороны дела — как велась работа с Поллардом, — все шло достаточно гладко. Обе комиссии согласились, что Поллард работал на «Лакам». Комиссии, однако, разошлись в вопросе оценки осведомленности в операции других ветвей разведсообщества и военно-политического руководства. Количество и качество поступающего от «Лакам» материала не мог не заметить руководитель «Моссада» или новый шеф «Амана» Ехуд Барак. Кроме того, качество «продукта» было столь высоким, что не могло не возникать вопроса о риске, связанном с этой операцией.

Конечно, в системе разведывательных сообществ по возможности никогда не задают таких вопросов в отношении операций, проводимых другой службой. Раскрытие любых деталей нарушает принцип «компартаментализации». Но все-таки существует один такой уровень — комитет «Вараш», на котором первые лица, облеченные высшим доверием, обмениваются инфор-

мацией. Это, несмотря на внутреннее соперничество между разведслужбами, которое тоже является препятствием для того, чтобы коллеги раскрывали друг перед другом свои операции, жизненно необходимо для общества и для страны.

Не известно и вряд ли когда-нибудь вообще будет известно, что знали члены комитета «Вараш», хотя не знать ничего они просто не могли. Очень может быть, что четкого, ясного, обговоренного решения по «Лакомовской» операции не было принято. Но это не избавляет от ощущения целенаправленности и координированности действий ветвей внешней разведки по отношению к этой операции.

Задумавшись для начала вопросом: что можно было сделать для «нормального» развития добровольной миссии Полларда? По сути, несколько элементарных вещей. Во-первых, провести с Джем обязательную для всякого агента подготовку по вопросам конспирации и тактики. Возможности для этого были — Поллард приезжал в Израиль, кроме того, поработать с таким перспективным источником могли и в Вашингтоне. Во-вторых, свести к минимуму вынос документов из Агентства и наладить конспиративную связь, чтобы исключить появление агента на конспиративной, легко засвечиваемой квартире. В-третьих, проработать «прикрытие» — внешний контроль за наблюдением, подстраховку, исходя из возможностей других разведывательных каналов. И наконец, важнейшее — отработать механизм эвакуации в случае тревоги с учетом дополнительных осложнений; для любого агента отработывается несколько вариантов, один из которых избирается в зависимости от конкретных обстоятельств.

Вопрос второй: возможно ли это было и требовало ли особых усилий? Ответ очевиден: конечно, возможно — и ничуть не выходит за рамки рутинной практики. И в «Моссаде», и в «Амане» десятки и сотни человек годами занимаются обеспечением безопасного мѣни-

мума для работы агентов и достигли в этом деле признанных высот. За очень редким исключением, провалы происходят не из-за их недоработок, а личных просчетов агентов или серьезных (порой и нетрадиционных) действий контрразведки противника.

Вопрос третий: могли ли опытейшие (и наверняка прибегавшие к консультациям со «своими» специалистами) руководители не знать, что «Лакам» не располагает ни силами, ни людьми, ни сколь бы то ни было серьезным опытом такой работы, хотя сейчас возглавляет его кадровый и удачливый разведчик Рафаил Эйттан?

Отсюда естественный третий вопрос: почему серьезные люди в разведсообществе пошли на неизбежный провал Полларда и связанный с этим серьезный скандал в Израиле и США?

Конечно же, ответить можно только гипотетически. И вариантов ответа просматривается два.

Сначала — общий момент для обоих вариантов.

К тому моменту, когда Эйттан «слил» в военную разведку и аналитический центр «Моссад» информацию, ее было уже так много, что факт существенной разведывательной работы против США уже состоялся и очень обоснованно можно было полагать, что ФБР или другая подобная структура уже разыскивает источник утечки. В этой ситуации вмешиваться, оказывать профессиональную помощь было опасно — фактически подставлялась собственная служба под неизбежный удар¹⁰¹.

Можно было какое-то время просто пользоваться представившейся возможностью и даже подсказывать (через «Лакам») наиболее интересующие направления — не случайно, наверное, Поллард говорил на суде о «исключительной координации армии, ВВС и ВМФ Израиля» и не предпринимать никаких действий к снижению тяжести скандала после провала. Это, скажем так, не совсем патриотично, но где-то еще пости-

жимо — особенно если разведчики не могли допустить всей глубины Эйтановских недоработок.

Но что-то подсказывает, что изнанка этой истории может быть еще непригляднее.

«Лакам» вскарабкался на слишком большую высоту и приобрел чрезмерную независимость. Он не просто стоял в стороне от разведсообщества и в большинстве случаев сохранял «непрозрачность» даже на уровне комитета «Вараш» — он де-факто стал одной из самых независимых структур. И складывается впечатление, что тайной парадигмой других разведслужб стало его «укрошение».

Прекрасные аналитики и опытные стратеги разведывательных операций не могли не высчитать в кратчайшее время, что операция с Поллардом (неважно, знали ли они ее детали и даже настоящее имя агента) окончится провалом; и здесь Эйтану не надо было ни мешать, ни помогать — сам разобьется¹⁰². И разведчики пошли на международный скандал, на трагедию Полларда и его жены, на временное охлаждение отношений с США на государственном и спецслужбовском уровне, но дождались своего.

...Рафи Эйтан заявил комиссии кнессета, что его совесть была абсолютно чиста: «Все, что я предпринимал, в том числе и по делу Полларда, совершалось с веденя моих руководителей. Я не позволю использовать себя в качестве козла отпущения и не намерен покрывать осведомленность и ответственность других лиц».

Подобно другим ветеранам разведки, которые пользовались покровительством Шарона, Эйтан ушел в спокойную отставку — стал президентом «Израель кемикал», самой крупной государственной компании Израиля.

Правительство публично обещало распустить подразделение, которое осуществляло эту «шалую» опе-

рацию. Израильская разведка в целом, однако, продолжала работать в обычном режиме и добывать информацию, необходимую для обеспечения национальной безопасности. Разведсообщество перераспределило обязанности и продолжало работать без «Лакама» как самостоятельной структуры, абсорбирав, естественно, и людей (в большинстве) из «Лакама», и его связи, и его техническую базу...

Хотя «последний гвоздь» в его историю был забит несколько позже и назывался

«Дело Вануну»

Мордехай Вануну почти 10 лет проработал в качестве технического специалиста на совершенно секретном ядерном объекте Димона в пустыне Негев.

Он родился в Марокко в 1954 году в еврейской семье, где было семеро детей. В начале 1960-х годов семья выехала из Марракеша в Израиль с тайным потоком эмигрантов, организованным «Моссадом», и поселилась в трущобном районе города Беершеба, библейской Вирсафии, пыльного городка с населением, состоящим из евреев и арабов-бедуинов. По израильским понятиям — в глуши посреди пустыни.

Отец Вануну Салумон старался заработать на жизнь, изготавливая и продавая на местном рынке ремесленные поделки. Затем Вануну служил в армии, в обычных инженерных частях; со службы возвратился в звании капрала. Какое-то время обучался на физическом факультете университета Тель-Авива, но был отчислен за неуспеваемость. В 1975 году он прочел в газете объявление о наборе «учеников техника» в «Камаг», как на иврите сокращенно назывался Центр ядерных исследований в Димоне.

В ноябре 1976 года он был принят туда на работу и направлен на ускоренные курсы физики, химии, математики и английского языка. Через два месяца он

вместе с 39 слушателями из 45 успешно сдал экзамены, прошел медицинский осмотр, получил пропуск в режимную зону и 10-дневный срок для ознакомления с объектом и существующими там порядками. Затем последовало еще одно собеседование (его проводила комиссия из трех человек), и наконец 7 августа 1977 г. молодой «менахель мишмерет» впервые официально заступил на смену.

Работа проходила достаточно успешно, давала пристойное материальное обеспечение и даже определенное уважение в обществе; в ней только не было — и слава Богу, что не было, на таком-то объекте! — серьезных перемен. Зато перемены произошли в самом Мордехае.

Прежде всего он оторвался от своих религиозных корней. Воспитанный в ортодоксальной еврейской семье, Вануну стал вполне светским человеком, поступил на философский факультет университета и, как считают аналитики, из-за нежелания принимать ритуальную сторону обветшалой религии, порвал все отношения с семьей. Его «светскость» распространялась и на бытовое поведение — он мог подурачиться, устроить «стриптиз» в кругу приятелей, мог то ли подрабатывать, то ли развлекаться занятием натурщика, мог и участвовать в студенческих демонстрациях.

Вторая серьезная перемена в нем произошла после кровавого вторжения Израиля в Ливан в 1982 году. Когда-то он, как большинство марокканских иммигрантов, был ярым сионистом, поддерживал правый партийный блок «Ликуд» и жесткость политики в отношении арабов, но после агрессии своей страны стал активным участником левацких групп, существовавших вокруг университета Беершебы, и приобрел друзей из числа арабов. «Но даже среди нас, университетских леваков, он был исключением, — вспоминает доктор Зеев Тзахор, политический активист и преподаватель истории университета Беершебы. — Он производил

впечатление человека, перенесшего большую утрату». Университетская газета цитировала призыв Вануну: «Прекратить угнетение арабов!»

«Шин Бет», впрочем, не сочла поведение Вануну несовместимым с работой на секретном объекте. Работа шла обычным ходом, и только в конце 1985 года служба безопасности Димоны предупредила Вануну, а когда выяснилось, что он едва ли не активизировал свои публичные антиобщественные высказывания, решили уволить. Чтобы не привлекать внимание к этому инциденту, Вануну не был квалифицирован как «опасный сотрудник» и в ноябре 1985 года его уволили по сокращению штатов вместе со 180 другими работниками.

Вскоре Вануну продал свою квартиру и автомашину и отправился в длительное путешествие. В мае 1986 года он приехал в Австралию и принял христианство. Настоятель англиканской церкви преподобный Джон Макнайт вспоминает: «Моуди зашел, осмотрелся, мы разговорились и подружились».

Затем Вануну познакомился с человеком, который, по воспоминаниям, в один из дней обычного визита Вануну красил церковную ограду — это был журналист-стрингер Оскар Герреро, очевидно, не слишком перегруженный профессиональной работой. Знакомство переросло в дружбу — и однажды Вануну рассказал Герреро, что вывез из Израиля две фотопленки, которые он тайно отснял в Димоне во время ночных смен.

Герреро не поинтересовался, как Вануну удалось пронести фотоаппарат в Димону и вывезти фотопленки из Израиля, зато стал горячо убеждать приятеля продать эту информацию и обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь. Вануну, по воспоминаниям друзей, кроме денег, волновали и принципы: он считал, что ядерный проект аморален и эту тайну надо раскрыть. По инициативе Герреро, Вануну вступил в переговоры с несколькими австралийскими и международными изданиями,

предлагая им эту сенсацию. Заинтересовалась британская «Санди таймс» и отправила в Сидней для встречи с Вануну своего мастера журналистских расследований, физика Питера Хаунема.

Фотоснимки с пленки, проявленной в присутствии Хаунема и отпечатанные в обычной фотолаборатории, которая выполняет заказы в течение одного часа, произвели впечатление. Хауном предложено 50 тыс. долларов за эксклюзивное право на информацию и фотоснимки, в том числе на последующую публикацию книги, и 11 сентября 1986 года увез Вануну в Лондон. Но «посредника» Герреро, который не вызывал доверия, из сделки исключили (хотя он вдруг отыскал необходимые деньги и по собственной инициативе полетел вслед за ними).

Вануну передал газете более 60 фотографий, сделанных на территории комплекса Димона и в одном из зданий, которое он называл «Махон-2», — подземном заводе по производству ядерного оружия. Фотографии, сделанные на территории сверхсекретного комплекса, позволили получить наглядные свидетельства того, что Израиль производил современное термоядерное оружие, — то есть страшную правду о том, что следующая ближневосточная война может привести к концу света.

Вануну сделал детальные рисунки шести подземных этажей объекта «Махон-2» и рассказал журналистам (и привлеченным газетой специалистам) о роли различных подразделений в процессе добычи плутония. На 4 фотографиях были надписи на иврите «радиоактивность» и рабочие боксы. Над одним из пультов была видна четкая надпись на иврите «Подразделение 95». На некоторых фотографиях были видны металлические сферы, которые, по словам Вануну, были корпусами бомб. Одна из точек осмотра «производственного зала» была известна как «балкон Голды», откуда премьер-министр некогда наблюдала за работой.

Цифры и факты, которые он привел, указывали на

то, что израильтяне существенно модернизировали поставленный Францией в 1950-х годах 26-мегаваттный реактор, доведя его мощность до 150 мегаватт. Кроме того, Вануну впервые ясно подтвердил, что французские специалисты смонтировали и запустили оборудование для производства оружейного плутония и изготовления ядерных устройств. Привлеченные «Санди таймс» физики и эксперты пришли к выводу, что за 10 лет работы завода «Махон-2» Израиль легко мог изготовить по крайней мере сотню ядерных бомб. Но подготовка и особенно публикация статьи все задерживалась и сроки оставались неопределенными до тех пор, пока «инициатива» Герреро не подстегнула «Санди Таймс». Герреро обратился к конкурирующей «Дейли миррор» со своими собственными (слегка искаженными — пересказ есть пересказ) ядерными откровениями. «Дейли миррор» использовала пачку купленных у него за несколько тысяч долларов фотографий, — возможно, даже не приняв автора всерьез, а для того чтобы опубликовать двухстраничный репортаж с насмешками над якобы «легковерной» «Санди таймс».

Вануну разозлился и испугался, увидев свою фотографию на первой полосе «Дейли миррор», — он был уверен, что за ним теперь следят израильские агенты; естественно, он вылил свои эмоции на руководство «Санди таймс». Источник начали прятать — меняли имена и адреса, резко сократили число посвященных в дело сотрудников, хотя, по признанию самой «Санди таймс», сделали далеко не все, что могли и должны были сделать. И одновременно стали форсировать выход материала. 23 сентября «Санди таймс» передала в израильское посольство сокращенную версию материала и попросила прокомментировать его. Посольство попыталось представить Вануну как мелкого техника, который просто не мог ничего знать.

Сам же Мордехай нервничал и ожидал публикации; в передвижениях он не был ограничен. И вот

24 сентября 1986 г. около входа в дискотеку он заметил аппетитно сложенную высокую красотку с чувственными губами. Их взгляды встретились. 32-летний холостяк, истосковавшийся по женскому обществу, Вануну представился как «Моуди». Так, по его словам, его звали друзья в Австралии. Она представилась как Синди, туристка из США. В тот вечер Вануну с удовольствием гулял и разговаривал с ней, дал ей свой номер телефона в отеле, и они условились вскоре встретиться снова. На протяжении последующих дней они несколько раз встречались (только встречались), и «Синди», эксплуатируя его сексуальный аппетит, его недовольство репортерами из «Санди таймс» и раздражение по поводу публикации в «Дейли миррор», убедила его бросить все и уехать куда-нибудь, где они смогут принадлежать друг другу и хорошенько отдохнуть. Он согласился — и пренебрег советами друзей из газеты: не покидать страну, не летать самолетами и не останавливаться в отелях, где требовалась регистрация с предъявлением паспорта.

«Синди», вроде как вполне обеспеченная визажистка, позаботилась обо всем. Она купила за наличные два авиабилета бизнес-класса до Рима, и Мордехай вместе с ней 30 сентября поехал в аэропорт Хитроу и рейсом № 504 авиакомпании «Бритиш эйруэйз» вылетел в Рим.

Перед вылетом он позвонил в «Санди таймс», сообщил, что он «выезжает из города», и обещал вернуться через три дня. Больше газета о нем ничего не слышала. На 40 дней и ночей Вануну просто исчез с лица земли. Только 9 ноября секретарь кабинета министров Э. Рубинштейн объявил: «Мордехай Вануну находится в Израиле под арестом на основании судебного ордера, полученного в ходе процедуры, в которой участвовал избранный арестованным защитник».

Вскоре он был предан суду и приговорен к пожизненному заключению. Маленькая деталь: когда его везли в региональный суд Иерусалима для предваритель-

ного слушания, он прижал ладонь к окну полицейского автобуса, в котором он находился под усиленной охраной. Перед глазами и объективами мировой прессы предстала надпись на руке: «Меня похитили в Риме 30.09.86 в 21.00. Прибыл в Рим рейсом 504».

И еще: несмотря на старания службы безопасности (Вануну лишили письменных принадлежностей, впоследствии в суд его доставляли в наручниках, а на голову надевали шлем со щитком, чтобы журналисты не могли слышать его выкриков), он каким-то таинственным образом нашел способ сообщить своей семье подробности своего похищения...

Первый слой, или основная подоплека этой истории, в которой «Моссад» дал серьезный урок и «Лакаму» (он по-прежнему функционально отвечал за безопасность объекта в Димоне), и «Шин Бет», которая не «разглядела» Вануну и позволила ему выехать с сверхсекретными пленками из страны, проистекала вполне в духе израильской разведки. Премьер-министр Шимон Перес, посоветовавшись с членами клуба премьеров Рабином и Шамиром, поручил «Моссаду» арестовать Вануну — где бы тот ни был — и доставить его в Израиль для предания суду. Поскольку Перес хорошо знал об особой чувствительности Маргарет Тэтчер в отношении суверенитета Великобритании¹⁰³, «Моссаду» также было приказано действовать, не нарушая британских законов.

Группа работников «Моссада» вылетела в Лондон на поиск Вануну. Бригада с профессиональной видеокамерой около входа в здание концертна «Таймс ньюспейперз» в Уоппинге, около портовых причалов в Восточном Лондоне, зафиксировала выезд Вануну из Уоппинга на такси¹⁰⁴. Наружка «Моссада» на автомашинах и мотоциклах без особого труда «провела» его в отель. После этого пешим израильским агентам не составило труда следовать за Вануну всюду, куда он направлялся. Когда он 24 сентября гулял по Лестер-

сквер, это был превосходный момент для того, чтобы вывести на сцену «Синди»¹⁰⁵ и предоставить ей возможность сыграть свою роль.

Ее, кстати, разглядели тогда и, когда пришло время, опознали — репортер «Санди таймс» подвозил Вануну на свидание к «Тейт галлери» на северном берегу Темзы и видел пухлую крашеную блондинку в туфлях на высоких каблуках, которая очень неохотно приближалась к машине.

Как и в случае совращения иракского пилота Мунира Редфа, агентесса обещала, что когда они окажутся в безопасном доме — на этот раз в Риме, — все будет в порядке, чувственная любовь пройдет без помех. Когда самолет рейса 504 совершил посадку в аэропорту Фьюмичино в Риме, «Синди» наняла такси и приказала ехать по адресу, где они могут вволю заняться любовью. Но как только они вошли в квартиру, Вануну скрутили два оперативника, а «Синди» ввела ему сильное снотворное.

Закованного в цепи Вануну отвезли в итальянский порт Ла Специя. Там находилось израильское судно «Таппуз» («Апельсин»), которое внезапно изменило маршрут и вошло в порт. На корабле Вануну переправили в Израиль. Он плыл, закованный в цепи, когда «Санди таймс» выплеснула на первую полосу огромный заголовок: «Откровение: секреты израильского ядерного арсенала». Далее шел рассказ Вануну с подробными схемами секретного подземного объекта «Махон-2».

После недельного путешествия по Средиземноморью его 7 октября на носилках вынесли на берег, а затем бросили в камеру без света с простым матрасом на полу...

Исчезновение Вануну не прошло незамеченным. В европейской прессе появились публикации, которые могли серьезно повредить отношениям с Лондоном¹⁰⁶. Заметая следы (и «прикрывая» свою методику) тайной операции, проведенной в Европе, израильские спец-

службы дали ряд утечек, маскировавших обстоятельства похищения атомного предателя. Одна из версий представляла дело так, будто бы Вануну был арестован после того, как на юге Франции он вместе с агентессой «Моссада» поднялся на борт яхты, и только после того, как яхта оказалась в международных водах. По другой версии, он вылетел в Париж, где его усыпили и на самолете компании «Эль-Ал» отправили в Израиль.

Журналистское расследование «Санди таймс» оказалось точнее: удалось установить, как Вануну выманили из Лондона, установить, что в начале октября посольство Израиля в Риме арендовало автофургон и число километров, «накрученных» на спидометре, точно соответствовало расстоянию до порта Ла Специя, что израильское судно «Таппуз» внезапно и срочно изменило маршрут и вошло в итальянский порт, даже удалось раздобыть свадебный альбом Черил Бен-Тов, на фотографии из которого была опознана «Синди». Но все же получалось, что «Моссад» сумел схватить преступника и не нарушить при этом британских законов. Премьер-министр Перес мог позвонить Тэтчер и заверить ее, что действительно ни один из британских законов не был нарушен.

Это все, так сказать, общеизвестная канва событий. В ней отмечают разве что то обстоятельство, что «Моссад» сработал довольно грубо и даже непрофессионально, раз цивильным журналистам быстро удалось узнать ряд важных деталей и даже персоналий, — но и это можно было списать на обстановку крайней поспешности.

Однако же целый ряд обстоятельств не позволяет считать эту историю исчерпанной.

Прежде всего надо отметить, что операция началась намного раньше, чем последовало обращение «Санди таймс» в израильское посольство, которое переполо-

шило истэблишмент и разведсообщество. Когда Герреро склонил Вануну «продать» сенсацию прессе, они обратились в целый ряд газет и в Австралии, и в Европе. Точно известно, что эта активность не прошла незамеченной и австралийская Служба Безопасности сообщила об этом партнеру — «Моссаду». Очень возможно, что аналогичная информация была также получена из европейских столиц. Во всяком случае, тем же рейсом из Сиднея в Лондон вылетели не только Хаунем и Вануну, но и два агента израильских спецслужб.

Получается, что в одной из ветвей разведки заранее знали о готовящейся «утечке» стратегического секрета. Знали и о контактах Мордехая с «Санди Таймс» — косвенно это подтверждается тем, что «съёмочная группа» «Моссада» не долго раздумывала, где подкараулить Вануну в огромном Лондоне.

Знали — но ничего не предприняли до тех пор, пока «утечка» не стала необратимой...

Теперь о «качестве» самой утечки.

Да, Вануну был в числе 150 сотрудников из почти трех тысяч персонала «Димоны», который имел доступ на «Махон-2» и мог достаточно подробно и точно описать завод (который, впрочем, не слишком отличался от аналогичных в «ядерных странах»). Решающую роль в подтверждении того, что Израиль изготавливает ядерные бомбы и боеголовки, играли фотографии. А вот они весьма мало походили на снимки, которые торопливо отщелкал фотограф-любитель в обстановке тщательно охраняемого подземного объекта. На снимках прослеживалась вся технологическая цепочка, состав и особенности основного оборудования, планировка помещений — и практически не было людей. Складывалось впечатление, что съёмки проводились подготовленным специалистом в ходе большой (и возможно, не одной) экскурсии по Димоне — из тех, которые там изредка проводились по решению или для высшего руководства.

Мордехаю Вануну было бы сложно, при всей житейской допустимости ослабления внимания охраны, пронести фотоаппарат (обычную любительскую фотокамеру) в «Махон-2» — рабочая смена всегда на таких объектах переодевается в спецодежду.

Ему было крайне сложно снимать — он был сменным техником и попадал на объект только в рабочие смены, когда у запечатленного оборудования и в заснятых помещениях обязательно присутствуют десятки людей.

Ему было крайне сложно (по крайней мере, без спецподготовки) вывезти непроявленные пленки из страны — а он их продержал в таком виде вплоть до приезда Хаунема.

Еще некоторые соображения.

По признанию самих спецслужб и по единодушному свидетельству журналистов, на суде Мордехай не был сломлен и угнетен по-настоящему, хотя, естественно, знал о неизбежной тяжести наказания. После вывоза из Рима в бессознательном состоянии, после почти двух месяцев изоляции, напряженных (хотя без пыток — Вануну был хоть и выкрестом, но евреем) допросов, психологического и морального давления, brave Мордехай находит возможность очень разборчиво, так, чтоб телекамеры «схватили», написать на ладони короткое и емкое послание¹⁰⁷, а потом еще неизвестным до сих пор способом сообщить (своей семье, но с четким пониманием передачи этих сведений прессе) целый ряд обстоятельств своего пленения. Кстати, контакты с семьей резко возобновились только после ареста Мордехая, а его брат, с которым они вроде никогда не были особенно близки, вдруг проявил непомерную энергию и заботу в интересах арестованного...

Зададим простой — но, кажется, еще не заданный ни разу вопрос: а зачем все эти сообщения после аре-

ста, старательное распространение информации были нужны самому Вануну? Он ведь уже был в Израиле, он уже пережил следствие и предстал перед гласным судом, весь мир знал о нем — иначе говоря, опасность сгинуть без следа ему уже не угрожала, и он это понимал. Как-то повлиять на ход суда и смягчить тяжесть приговора его сообщения и разоблачения уже не могли (хорошо если не наоборот, если не усугубляли).

На пользу это было только *правительству Израиля* (оно безусловно «отмазывалось» от подозрения в нарушении британского суверенитета) и «*Моссаду*», который в очередной раз проявил свою вездесущность и оперативность.

Это, так сказать, очевидные сомнения. Конечно, трудно не разделять один из великих Законов Мэрфи, который гласит: «Не усматривайте злого умысла в том, что вполне объяснимо глупостью». Но слишком уж много странностей и необъяснимых факторов, на основе которых можно предположить, что в этой операции, например, нашли внешнее появление острые противоречия в израильском обществе и разведсообществе, которые объективно существовали в тот период.

Можно представить, что некое очень влиятельное (и обладающее спецподготовкой) лицо, того уровня, который может быть приглашен на «премьерскую экскурсию» в Димону, делает там, возможно спецаппаратурой, серию снимков — но не может «легализовать» их от своего имени. Существует также группа лиц (наш «Икс», скорее всего, из их числа), которые, по тем или иным соображениям, считают необходимым окончательную «засветку», причем возможно даже с преувеличением, израильского ядерного арсенала¹⁰⁸. Группа эта может оказать влияние на одну из ветвей разведывательного сообщества — и вот по их «заказу» находится подходящая кандидатура и в общем-то успешно проводится первый этап операции; потом, уже из объектив-

ных соображений госбезопасности, по приказу политического руководства вмешивается «Моссад», проводит не слишком чистую акцию и доставляет Вануну в Израиль. Здесь «группа Икс» немного помогает Мордехая, немного помогает и стране (избежать дипломатических осложнений); самое же главное — если Вануну вообще не был использован «втемную», — договаривается с обвиняемым о сокрытии излишней информации.

Аргументация для такого договора, несмотря на вроде бы тупиковую для Вануну ситуацию, имеется. В тюрьме можно быстро умереть, можно же прожить много лет и стать ученым или философом; а можно — хотя это из категории тайн, которые не скоро будут признаны, — оказаться с чистым паспортом на другом конце земли...

Возможен и вариант использования Вануну «втемную» — хотя это предполагает долгое и внимательное наблюдение за ничем особым не примечательным сефардом из Беер-шебы. Мордехая могли подвергнуть сильной психологической обработке (не ее ли следы отмечали беершебские «леваки», вспоминая последние свои встречи с Вануну?), затем в нужный момент (не через Герреро ли?) подтолкнуть к активности, позаботившись, чтобы пленка оказалась как раз такой, как «нужно», — и, чтобы не осложнять первый этап, распространение информации, — постарались, чтобы осознание опасности не овладело руководством «Моссад» и не были приняты превентивные меры. А поведение Вануну на следствии и суде, все эти утечки и озвучивания — допущены с ведома, а возможно и по поручению заинтересованного в них правительства.

Обе версии предполагают, что пленки отсняты не Вануну. Он и в самом деле мог не знать, что снимки не его, даже если когда-то действительно снимал в Димоне: по истечению времени (а прошло больше года) слабый фотограф-любитель не сможет точно понять,

совпадают ли когда-то виденная им картинка в видеоискателе с изображением, которое оказалось на пленке. Тем более, что объект съемок он знал, что называется, до мелочей — работу его в Димоне никто не оспаривает.

Но нельзя исключить, что фотографирование секретного объекта «на самом деле» он вообще не производил, а это было ему внушено в ходе той психологической обработки, которая так переменяла его жизнь. Уже не вымыслом фантастов, а практикой разведки стало глубокое «кодирование», которое могло оказаться тем более эффективным, что сам Вануну не отличался большой психологической стабильностью, поддавался внушению, был склонен к неординарным поступкам, впадал в соблазн и искушение. Эти его качества, кстати, успешно использовал «Моссад» в хрестоматийной операции сманивания фигуранта на сексуальную приманку.

Такой ракурс оценки событий предполагает наличие сильного, умного, высококвалифицированного и умеющего ждать противника. Найти подходящего кандидата, произвести вербовку и глубокую психологическую обработку, спланировать и провести многоходовую операцию с правильным учетом вероятных действий противоположной стороны, да еще полностью скрыть свое участие — на это способны совсем немногие. Возможно, только советское ГРУ и американское ЦРУ.

Нужно ли это было ГРУ? Да, только в том случае, если советское руководство дало прямые указания совершить ряд акций, которые могут серьезно отвлечь внимание мировой общественности от произошедшей в апреле этого года, за несколько месяцев до начала «акции Вануну», катастрофы в Чернобыле. Но определенных данных о наличии такого приказа Кремля не прослеживается, — скорее наоборот, советское руководство после первого шока старалось не преуменьшать и

не ослаблять эффект Чернобыля, добиваясь от Запада существенной экономической помощи.

Нужно ли это было ЦРУ или, шире, США? Да, если в «документальном» подтверждении израильской военной мощи они увидели дополнительный фактор воздействия на позицию арабских стран с целью дальнейшего продвижения процесса политического урегулирования на Ближнем Востоке, которым они в тот период столь старательно занимались.

Кроме того, надо учесть, что и сами эти два колосса, ГРУ и ЦРУ, внутренне неоднородны — но это уже предмет совершенно особого разговора.

Противоречия в израильском истеблишменте, конфликты в разведсообществе, ГРУ, ЦРУ... Определить наиболее заинтересованную сторону в громогласном, на весь мир, оглашении ядерных секретов Израиля (которые, в общем-то, были к тому времени секретами Полишинеля) — будет и означать выбор самой вероятной версии.

Глава 10. ИГРЫ «ШИН БЕТ», «МОССАДА» И КГБ С ОТСТУПЛЕНИЕМ ОТ ХРОНОЛОГИИ

С первого дня существования маленький Израиль был большой целью для советской разведки и огромным ситом, через которое утекали секреты. Советский Союз интересовали стратегическое положение Израиля и его обширные связи с Западом. Агенты разведок коммунистических стран проникали в Израиль под видом восточноевропейских дипломатов, журналистов, членов коммерческих и научных делегаций.

Для реализации этих целей требовалась обширная агентурная сеть. Советы имели в своем посольстве в Тель-Авиве около 60 сотрудников, примерно половина из них были работниками ГРУ и КГБ.

Но и в работе КГБ, и в ответных действиях «Шин

Бет», точно так же как в деятельности «Моссад» и ответных действиях советских контрразведывательных структур, — отчетливо прослеживается некая двусмысленность. Словно существовала (хотя это лишь фразеология, на самом деле этого наверняка не было, потому что не могло быть никогда) некая тайная договоренность — «мы делаем вид, что шпионим, а вы делаете вид, что ловите», и так — с обеих сторон. Научнообразно это называется «неформализованным заговором». Это не было создание какого-то особого режима поблажек, как в работе с «дружественными» спецслужбами, особенно с итальянской и западногерманской, но все же и не борьба с полной жесткостью, что происходило практически во всех враждебных и в некоторых из нейтральных стран.

КГБ и ГРУ вербовали агентов из числа израильтян, но, поскольку местные коммунисты находились под подозрением и наблюдением «Шин Бет», советская разведка предпочитала тех, кто не был связан с коммунистами.

Совершенно очевидно было для обеих сторон, что в числе первоочередных кандидатур для вербовки должны быть супруги дипломатов. Естественно, за дамами следили — и находили подтверждения опасениям. Так, летом 1955 года жена одного израильского дипломата, находившегося в Восточной Европе, выехала в отпуск на родину. И тут она — кто бы мог подумать — влюбилась в советского дипломата и закрутила с ним бурный роман. Дипломат, конечно же, находился под наблюдением «Шин Бет», и контрразведка оказалась в курсе всех альковных перипетий. Когда ситуация «дозрела», даму вызвали в «Шин Бет» и настоятельно порекомендовали ей прекратить всякую связь с любовником. В это же время, чтобы оградить израильского дипломата от возможного шантажа, его без всякого предупреждения вызвали в Австрию, где люди Харела без особых предисловий сообщили обманутому мужу, что его жена

спит с советским дипломатом и ему нельзя возвращаться в коммунистическую страну. Дипломат был до крайности шокирован как супружеской изменой, так и неожиданной переменой в его карьере.

«Вербовка через постель» представлялась настолько очевидной и получила такое распространение, что всех израильских дипломатов, направлявшихся в страны восточного блока, специально предостерегали от вступления в любовные связи с местными гражданами. Позже МИД вообще отказывалось направлять в эти страны одиноких сотрудников. Однако любые предосторожности, как известно, никогда не дают стопроцентной гарантии, когда речь идет о страсти и глупости.

В феврале 1959 года высокопоставленный дипломат в Чехословакии «попался» на романе с красавицей Дагмар Новотной и его попытались шантажировать и склонять к сотрудничеству; дипломат, несмотря на риск скандала, сообщил о попытке шантажа в министерство иностранных дел. Руководство приняло решение о его срочном переводе.

Разведывательные действия, шпионаж, агентурная работа, которые Израиль осуществлял против Советского Союза, тоже несли отпечаток какой-то заданности; во многих случаях можно было заранее рассчитать, чем будет заниматься тот или иной посланник. Так же просчитывались и ответные действия КГБ — и от случая к случаю все повторялось снова.

Вот, например, едет в Россию Арьех (Лова) Элиав, имевший большой опыт работы в качестве нелегального эмиссара «Алии-Бет». Летом 1958 года его направили в Москву в качестве второго секретаря посольства. В дополнение к своим обязанностям консульского работника, занимавшегося вопросами двусторонних отношений, Элиав распространяет карманные еврейские календари и миниатюрные словари иврита, «незаметно» рассовывая их в карманы молящихся в синагоге¹⁰⁹.

КГБ, естественно, четко представлял, чем занимал-

ся в неслужбное время Элиав, и наконец решил совратить его. Однажды, когда он отправился в Ленинград, на перроне внимание Ловы привлекла необычайно красивая молодая женщина. Она выглядела настолько по-европейски и так нетипично для Москвы, что ее просто нельзя было не заметить. В тот же вечер он увидел эту женщину в ленинградской гостинице. Элиав решил, что небольшой флирт не может повредить ему, а от большего искушения он удержится, и пригласил таинственную незнакомку танцевать. Жаркое танго легко перескользнуло в такие же поцелуи, и скоро Лова почувствовал, что КГБ вот-вот получит необходимый компромат. Он вырвался из объятий прелестницы, закрылся в своем номере и не выходил до утра, предвидя — вполне возможно, что справедливо, — грядущий шантаж, угрозы и вербовку...

Другим излюбленным советским методом было снимать скрытой камерой свои жертвы во время полового акта и использовать это для шантажа¹¹⁰. «КГБ наблюдало за нами круглосуточно, даже в наших собственных квартирах, — вспоминает Элиав. — Открытое наблюдение, скрытое наблюдение, электронная слежка, оптическая слежка. Мы были постоянно в поле зрения КГБ. В довершение к этому почти все сотрудники нашего аппарата становились объектами более решительных действий: инсценированные «скандалы», которые затевали «возмущенные граждане», угрозы ареста и т. п.

Контрразведывательные службы обеих стран взаимно считали всех въезжающих заведомыми шпионами и организовывали наблюдение. По возможности принимались даже превентивные меры: так, когда в соответствии с обычной процедурой в марте 1958 года израильские власти информировали советское посольство в Тель-Авиве о своем намерении направить в Москву в качестве второго секретаря посольства подполковника Моше Гатта и запросили на него визу, то советский

дипломат-разведчик попросил одного из своих израильских источников собрать сведения на Гатта. Стоит ли удивляться, что этот израильтянин оказался двойным агентом и немедленно сообщил об этой просьбе работнику «Шин Бет», у которого он находился на связи...

Представляется вполне уместным предположение, что «странная война» между разведслужбами этих государств имела своей причиной весьма определенное стратегическое (или геополитическое) обоснование.

По большому счету, ни в ранний период весьма дружественных отношений, ни в период фактического тяготения к противоположным политическим и военным группировкам, непосредственного противоречия интересов не было. Главным врагом руководство СССР считало США и блок НАТО, слабо и неловко реагируя на «опасность» с других сторон, и с маниакальным упорством поддерживало националистические режимы во всем мире, в том числе и на Ближнем Востоке; хотя «социалистического» в них было едва ли больше, чем в НСДАП Германии. Израиль был или партнером «врагов», или раздражающим примером «другой модели» социализма¹¹¹, или помехой в реализации каких-нибудь глобальных планов, или, еще глубже, объектом торга с арабами и побудительной причиной для массивных закупок советского оружия (за которое, кстати, арабы до сих пор не рассчитались сполна) — но прямым объектом враждебности и соответственных действий не являлся. В стратегическом плане, Советам нечего особо было разведывать для себя в Израиле — разве что для передачи «друзьям-арабам». Маленькая непограничная страна никогда не угрожала и не может ничем угрожать ни СССР, ни его преемнице России — и не располагает, к сожалению, пока что такими достижениями в научно-технической сфере, которыми можно всерьез заинтересоваться. Большой бедой для

СССР была, в сущности, только «утечка мозгов», но всерьез об этой проблеме задумались лишь тогда, когда с либерализацией и крушением советского режима она стала массовой (причем «вклад» в нее Израиля не столь велик).

Конечно, Советский Союз использовал канал эмиграции для вывода в Израиль и другие страны Запада своей агентуры. По словам перебежчика из КГБ Джирквелова¹¹², в КГБ внимательно изучали списки потенциальных эмигрантов в поисках кандидатов на роль шпионов. Некоторых вербовали сразу и приказывали тотчас же по прибытии в Израиль выходить на связь с советской разведкой. Другим позволяли обжиться, и лишь через несколько лет с ними могли вступить в контакт их советские хозяева. Для работы на этом направлении КГБ даже создал специальный департамент, который занимался вербовкой агентов, их подготовкой и практическим использованием. Однако в КГБ отмечали, что, оказавшись в Израиле, многие агенты отказывались работать на СССР и вообще прекращали связь. Два раскрытых в последнее время «шпионских дела» позволяют судить и о направлении интересов КГБ, и о степени вредоносности предпринятых действий.

Маркус Клингберг сумел глубоко проникнуть в военную инфраструктуру Израиля. Он прибыл в 1948 году из Восточной Европы в возрасте 20 лет, изучал естественные науки и в конце 1960-х годов был назначен заместителем директора сверхсекретного Биологического института в городе Нес-Сиона в 10 милях к югу от Тель-Авива. Выглядел он всегда болезненным и часто ездил в Швейцарию «для лечения», хотя, по скупым отзывам бывших коллег, был очень хорошим администратором и блестящим специалистом. Провал его, как многих разведчиков, произошел на связи — «Шин Бет» установила, что его поездки в Швейцарию служили прикрытием для встреч с представителями

советской разведки. В обстановке полной секретности он был предан суду и осужден на пожизненное заключение. Никакие сведения о его деятельности и обстоятельствах вербовки и поимки пока не преданы огласке. Ясно только, что Клингберг, один из первых руководителей совершенно секретного проекта в Нес-Сиона, нанес Израилю значительный ущерб. Этот институт связан с работами в области химического и биологического оружия. Аналитики американской разведки пришли к выводу, что Израиль создавал по крайней мере оборонительный потенциал против химического оружия, имевшегося на вооружении ряда арабских стран,¹¹³ — запасы вакцин и способность контролировать воздушный и водный бассейны в случае химической и биологической агрессии.

В 1988 году появилась информация еще об одном советском агенте, Шабтае Калмановиче, который действовал с момента своего прибытия в Израиль в качестве эмигранта из СССР. Шабтай Калманович, арестованный «Шин Бет» за три недели до этого по возвращении из Восточной Европы, был обвинен в шпионаже в пользу СССР.

Калманович выехал из Советского Союза в 1971 году в возрасте 23 лет. КГБ ориентировал его на полную интеграцию в израильское общество, на создание прочных экономических позиций и на установление контактов с политическими и военными лидерами Израиля. Если считать Беера советским агентом, то размах деятельности Калмановича вполне напоминал историю Израиля Беера.

На деньги КГБ он создал себе репутацию бизнесмена мирового класса. Его финансовые интересы простирались от Монте-Карло до Африки. Скоро он нашел влиятельных друзей из военных и правительственных кругов — например, бригадного генерала Дов Томари¹¹⁴, или парламентария Самуеля Флатто-Шарона, нашед-

шего в Израиле убежище от уголовного преследования, которому тот подвергался во Франции. Это обеспечило ему очень полезный пропуск в кнессет. Потом он помогал Флатто-Шарону и конгрессмену от штата Нью-Йорк Бенджамину Гилману организовать через германского адвоката Вольфганга Фогеля операцию по обмену американца, арестованного в ГДР, на израильянина, арестованного в Мозамбике, и русского, задержанного в Пенсильвании.

Калманович приглашал членов кабинета министров к себе на шикарные вечеринки и деловые приемы, устраиваемые на загородной вилле в окрестностях Тель-Авива. Многие из его соседей занимали довольно высокое положение в разведсообществе. Он даже хвастался, что для него открыта дверь дома Голды Меир.

Некоторое время Калманович работал в восточноевропейском отделе лейбористской партии. В его задачу входило обеспечение так называемой «благодарности» Израилю со стороны новых иммигрантов из Советского Союза путем поддержки лейбористской партии. До 1977 года, пока лейбористы были у власти, Калманович всегда оказывался в нужный момент в нужном месте. Впрочем, в период правления Бегина Шабтай тоже постоянно находился в прекрасных отношениях с представителями основных центров власти в Израиле, пока наконец «Шин Бет» не зафиксировала, как в 1987 году в Европе он передавал секретную информацию одному из установленных коммунистических агентов. 15 декабря 1988 г. после закрытого процесса в Тель-Авиве Калмановича приговорили к девяти годам тюрьмы. Связи Калмановича с высокопоставленными лицами и его умение заводить друзей в высших эшелонах власти оставили много вопросов относительно неспособности «Шин Бет» выявить этого шпиона гораздо раньше...

Точно так же собственно для Израиля в СССР не было ничего жизненно важного и ничего угрожающе-

го — угроза начиналась, когда советское вооружение, техника и советники оказывались в распоряжении враждебных государств.

В научно-технической сфере, конечно, заинтересованность Израиля в советских достижениях очевидна — и на определенном этапе предпринимались агентурные усилия по выходу на некоторые советские разработки¹¹⁵. Но, как уже отмечалось, Израиль был лидером в интеллектуальной разведке, получении необходимой информации из легальных и косвенных источников; в стране, где четверть населения владеет русским языком и среди «русских» высок квалификационный уровень, можно было достичь и было достигнуто многое, не прибегая к «традиционному» шпионажу.

Не случайно в практике действия израильских эмиссаров в СССР отмечалась существенная специфика: они избегали сотрудничества с теми, кто прямо и откровенно «набивался» на работу — небезосновательно предполагалось, что это «подставки» КГБ, практически никогда не вели прямой вербовки агентов (то есть речь в беседах не шла о работе на «Моссад» или подобные структуры, а в общем — о деятельности на пользу Израиля), избегали прямых расспросов по темам, которые интересовали разведсообщество, — что, естественно, предполагало получение информации как ответов на косвенные и наводящие расспросы, всегда вели государственно-сионистическую пропаганду, но практически никогда не давали конспиративных заданий, из-за которых могли сами (или их партнеры) быть обвиненными в шпионаже. Все услуги по сотрудничеству напрямую не оплачивались, хотя «полуагентам» гарантировалась и обеспечивалась помощь в эмиграции и, естественно, натурализации в Израиле.

В известной мере обе страны рассматривали друг друга как своеобразный транзит. СССР использовал Израиль как промежуточный этап для выхода на своих реальных противников (а также для получения доступа

к технологиям и продукции, которые попадали под американское эмбарго); Израиль использовал СССР для наступательной разведки против своих опасных соседей. Но был по крайней мере один фактор, по которому интересы сталкивались непосредственно. Это был вопрос иммиграции.

Глава 11. ЭТО ПАМЯТЬ ПУТЯМИ ДАЛЕКИМИ... «МОССАД» И АЛИЯ

Еще первый шеф «Моссада» Рувен Шилой вовлек разведывательные службы в решение задач иммиграции; в последующие годы «Моссад» под руководством Харела довел это до уровня высокого искусства.

Под патронатом «Решута», одного из основных комитетов «Моссад», активно действовала строго законспирированная служба «Натива» («Тропа»), координирующая и непосредственно осуществляющая действия против стран Восточной Европы.

В первые годы ее возглавлял Моше Червинский (Кармил), в прошлом один из ведущих работников «Алии-Бет». Восточная Европа и прежде всего СССР были его постоянной «специализацией». Еще до образования государства Израиль, в 1945—46 гг. он участвовал в организации нелегальной переправки в Палестину евреев с Западной Украины и Прибалтики. Были проработаны каналы на румынской (в районе Черновиц), словацкой и польской границах (в районах Львовщины и в Латвии).

Большой опыт работы имел также Иешагу (Шайке) Дан, который сменил Червинского на этом посту. Затем руководили этой работой Нехемия Леванон, Иегуда Лapidот, Давид Бартов, нынешним хозяином «Тропы» является Яков Кедми.

Специфичным здесь является то, что глубоко законспирированная «Тропа» действовала через полуле-

гальные и вполне легальные структуры. Считается, что основным центром координации работ по «советской алии» с 1953 года стала организация с расплывчатым названием «Бюро связи». Ветеран и многолетний руководитель «Алии-Бет» Шауль Авигур стал руководителем этой организации, но было неясно, кому она подчинялась. Авигур имел столь же расплывчатый титул «специального помощника министра обороны». Однако сама организация располагалась в министерстве иностранных дел и считалась частью аппарата премьер-министра.

Первоначальной задачей «Бюро связи» была организация борьбы в самом Израиле и за его пределами за разрешение советским евреям на выезд из страны. Бюро должно было объединить все усилия, направленные на достижение этой цели. Рождение нового агентства не сопровождалось какими-либо распрями или соперничеством в разведывательном сообществе. В вопросе «советской алии» в те годы все в стране были едины. Кроме того, считалось, что у советских евреев к тому времени «наступило пробуждение этнического самосознания»; глубинные причины такого «пробуждения» в связи с новыми реалиями и кремлевской политики¹¹⁶, и положения в стране, и международной обстановки, и государственного становления Израиля, анализировались во многих работах, и повторять их нет смысла.

Время, выбранное для создания этого агентства, было результатом холодного расчета. До тех пор пока у Израиля существовали хорошие отношения с Москвой, Иерусалим не хотел раздражать советский блок и старался приглушать еврейский вопрос. Однако после Корейской войны израильские лидеры, считая, что им уже нечего терять, решили взять откровенно прозападный курс. Это стало особенно актуальным после того, как иммиграция из Польши, Венгрии и Румынии была соответствующими правительствами прекращена, а в СССР появились тревожные признаки антисемитизма.

Для выполнения своей миссии — поддержания связи с еврейскими общинами — «Бюро связи» стало направлять своих сотрудников под видом дипломатов в Советский Союз, где была вторая по величине еврейская община — 3 млн. евреев, которая по своей численности уступала только 6-миллионной общине в США. Своих представителей Авигур подбирал очень тщательно. Прежде всего они должны быть добровольцами, которые продемонстрировали высокую приверженность идеалам сионизма. Они должны были хорошо знать еврейские традиции и обычаи, поскольку большую часть своей работы им пришлось бы проводить в еврейских синагогах. Работники «Бюро связи» должны быть достаточно молодыми, чтобы хорошо переносить физические и моральные нагрузки, связанные с выполнением задания. Жизнь в Москве была в то время даже по израильским меркам, мягко говоря, не очень комфортной, а им еще надо было совершать длительные и утомительные поездки в разные уголки Советского Союза. Предпочтение отдавалось женатым парам с детьми. Кандидаты должны были владеть разговорным русским языком.

Советские власти старались не допускать израильских дипломатов на субботние и праздничные богослужения. Особое внимание, которое советская разведка уделяла сотрудникам «Бюро связи», объяснялось убежденностью КГБ в том, что все эти израильтяне были шпионами и вредными агитаторами. В Москве сотрудники «Бюро связи» были вынуждены подчиняться многочисленным ограничениям, которые затрудняли их общение с евреями.

Контрразведывательные операции в отношении эмиссаров «Бюро связи» стали серьезными и жесткими. Например, жену Элиаху Хазана, еще одного второго секретаря посольства, неожиданно уложили с пищевым отравлением. Острый желудочный приступ случился сразу после того, как в сентябре 1955 года Элиаху и

Руфь Хазан приехали в Одессу для встречи со своими еврейскими контактами. Руфь отправили в госпиталь, как только ее муж ушел на встречу.

По возвращении в гостиницу Хазан был остановлен работниками КГБ. Элияху сказал, что обладает дипломатическим иммунитетом, и заявил протест, но работники охраны не обратили на это никакого внимания и обвинили его в антисоветской деятельности — раздаче советским евреям запрещенных книг. Хазана допрашивали несколько часов, затем заявили, что его горничная беременна от него — с точки зрения израильтянина это было просто психологически невозможно, — и угрожали скандалом, если он не подпишет обязательство о своем «добровольном» согласии стать советским шпионом. Что же касается Руфи — «Учтите, Ваша жена никогда не излечит свой желудок». Хазан дрогнул и согласился стать советским агентом. КГБ три дня его инструктировало и выдало ему полторы тысячи рублей «на расходы»: Руфь поправилась, и они вернулись в Москву. Там откровенно нервничающего и подавленного молодого дипломата посол Йозеф Авидар пригласил для доверительной беседы, и Элияху во всем признался.

В сопровождении дипломата Хазана посадили на первый же вылетающий в Израиль самолет и по прибытии в Тель-Авив уволили из министерства иностранных дел. Каких-то других дисциплинарных мер против него не принималось. В конце 1955 года министр иностранных дел Моше Шаретт отметил в своем дневнике: «Это позор, что один из наших людей не выдержал угроз и сломался. Это пятно на всех нас».

Борьба за «русскую алию» продолжалась около полувека и изобиловала драматическими страницами. Даже сейчас, после развала СССР и снятия большинства формальных ограничений, работа эта далеко не завершена — о некоторых ее стадиях будет рассказано несколькими страницами позже, но конечно же в са-

мом кратком виде — подробнее это будет, возможно, опубликовано в других исследованиях.

На другом тайном фронте борьбы за иммиграцию «альтернативная израильская дипломатия» искала пути повторения на Ближнем Востоке операций, которые вызвали исход евреев из Ирака и Йемена. Первым полем деятельности представлялся Египет. С началом Суэцкой кампании Шауль Авигур направил в Египет группу своих оперативных работников. Операция «Ту-шия», что означает «хитрость», предусматривала во время совместных военных операций с Францией и Англией установить контакт с египетскими евреями и подтолкнуть их к тайному выезду в Израиль. 9 ноября 1951 г. в Египет отправились Лова Элиав и Аврахам Дар, с 1951 года руководивший работой агентурной сети в Египте, и сопровождавший их радист «Амана». Они были одеты во французскую военную форму и военным французским самолетом вылетели в Порт-Саид.

Однако англо-французское наступление застопорилось, и три израильянина застряли в Порт-Саиде, где было не более 200 престарелых евреев. Элиав и Дар отправились в местную синагогу и призвали евреев отправляться в Израиль. 65 человек решили последовать их призыву. Их отвезли в порт и погрузили на два французских десантных судна.

Оба судна вышли в море и встретились с двумя израильскими судами, «Афродитой» и «Кастелло дель Маре», которые маскировались под итальянским флагом. Французские моряки перенесли стариков и старушек на эти «итальянские» суда, где их приветствовал ветеран «Али-Бет», участник операций по вывозу евреев из Ирака Шломо Хайллель. Через день они уже были в Хайфе.

Несмотря на маленький масштаб, операция имела пропагандистское значение и воспоминание о ней долго еще срабатывало в работе, особенно с потенциалъ-

ными эмигрантами в Египте, где еще оставалась небольшая еврейская община.

Магрибские тайны

Тайные операции такого рода в других странах затрагивали уже не десятки, а десятки тысяч человек. Наглядным примером было Марокко, где 2 марта 1956 г. колониальное правление Франции закончилось. До этого в течение 8 лет ворота эмиграции были широко раскрыты, и за это время в Израиль выехало около 100 тыс. марокканских евреев. Однако уже в первые дни независимости новое правительство, уступая давлению соседних арабских стран¹¹⁷, запретило эмиграцию.

Судьба 100 тыс. оставшихся в Марокко евреев, естественно, стала предметом особой заботы Израиля, причем работали не только «Бюро связей», но и другие ветви разведывательного сообщества. «Моссад» создал в Марокко тайную сионистскую инфраструктуру (к этому были привлечены киббуцники марокканского происхождения, свободно говорившие по-арабски и по-французски. Все они имели опыт военной службы и сионистского подполья). Руководство агентурной сетью в Марокко было поручено Шмуелю Толедано. В кругу своих коллег он был известен как «Амнон» — по своему псевдониму, полученному в 1954 году, когда он пришел на службу в «Моссад». Толедано работал под дипломатическим прикрытием в посольстве Израиля в Париже.

Первоначальной задачей агентурной сети Толедано в Марокко, которой было присвоено кодовое наименование «Фреймуорк», была организация боевых групп, которые должны были защитить общину от возможных погромов. С введением запрета на эмиграцию евреев перед «Фреймуорком» была поставлена задача возобновить эмиграцию, но уже по нелегальным каналам.

На этот раз «Моссад» извлек уроки из прошлых ошибок. По традиции, заложенной Шилоем еще в

1952 году, работой «Фреймуорка» руководили одновременно «Моссад» и «Еврейское агентство». Агенты «Моссада» создали подпольные эмиграционные центры в нескольких марокканских городах и снабжали евреев, желавших выехать в Землю обетованную, фальшивыми паспортами. Для «облегчения» перехода границы, агенты «Моссада» заплатили марокканским чиновникам около полумиллиона долларов. Наиболее популярный маршрут эмиграции пролегал через Танжер. Позже к этому маршруту добавился еще испанский — были созданы еще два перевалочных пункта в благожелательно настроенной на такое сотрудничество Испании¹¹⁸. «Моссад» также приобрел, через подставную компанию, старый армейский лагерь в британской колонии Гибралтар. Бараки и другие помещения лагеря служили перевалочным пунктом, временным приютом для эмигрантов, пунктами медицинской помощи, обеспечения необходимым питанием и т. д. Англичане, естественно, знали, что происходило на их бывшей военной базе, но закрывали на это глаза.

Каналы в Танжере и Испании работали практически без сбоев, но 10 января 1961 г. случилась трагедия. Небольшое судно, перегруженное беженцами, попало в шторм на переходе из Марокко в Гибралтар и затонуло. Погибли 43 человека, в том числе радиооператор «Моссада».

Эта катастрофа вызвала резкую реакцию со стороны марокканских властей. Последовали разоблачения и аресты нескольких десятков сионистских активистов. Создалась опасность срыва всей операции — и не произошло это лишь благодаря умеренной позиции вступившего в начале марта того же года на престол короля Хасана II. Он, как это будет не раз еще в будущем, пошел навстречу просьбам Израиля и позволил продолжить организацию исхода.

По иронии судьбы, гибель 43 человек способствовала лучшей организации эмиграции из Марокко. Во-

зобновленная операция получила новое кодовое название «Якхин» и стала фактически совместной для Марокко, Израиля и Франции.

В рамках операции «Якхин» из Марокко было вывезено более 80 тыс. человек. Несколько тысяч было вывезено по той же схеме из соседнего с Марокко Туниса, где осложнилась внутривнутриполитическая обстановка в ходе обострения отношений этой страны с Францией из-за военно-морской базы в Бизерте.

Чувство семьи единой

Спустя десятилетия после марокканской, две наиболее значительные иммиграционные операции были проведены в Эфиопии — эта работа уже завершилась, — и в СССР, а также в государствах, которые образовались на обломках великой империи.

В обеих этих операциях был огромный вклад разведывательного сообщества, более того, обычно «нелегальная» составляющая их превышала легальную. Формально проведение этих операций связывают с политикой премьера Менахема Бегина, который заявлял, что еврейская семья не знает границ и должна воссоединиться везде, где предоставляется возможность.

Но сначала произошли определенные кадровые и структурные изменения в самой организации, которая де-факто вновь стала частью разведывательного сообщества, хотя и не превратилась в «государство в государстве». В 1970 году Авигур, один из основателей «Шаи», многолетний руководитель «Алии-Бет», вышел в отставку — только в 70-летнем возрасте, по состоянию здоровья. Руководителем «Бюро связей» стал Леванон, который ранее служил у Авигура в «Алии-Бет». В качестве дипломата он работал в Москве, откуда в 1950-х годах был выдворен за тайные контакты с советскими евреями. По возвращении в Израиль Леванон работал в штаб-квартире «Бюро связей», а затем был направлен

в израильское посольство в Вашингтоне для координации работы по еврейской проблеме. Его задача в основном сводилась к лоббированию американских политиков с целью получения их поддержки в вопросах эмиграции советских евреев. Определенные успехи были — в частности, американские законодатели приняли поправку к закону о торговом режиме, которая весьма трудно преодолевалась советской стороной; одним из результатов действия «поправки Джексона-Вэника» стало то, что еще при Брежневе был разрешен выезд из Советского Союза 250 тыс. евреев.

Увеличивающийся поток эмигрантов потребовал расширения масштабов деятельности Бюро. В ряде городов Европы открылись новые консульства Израиля, во многие страны были направлены эмиссары для поддержания контактов с еврейскими организациями.

Менахем Бегин, который в семидесятых годах стал премьер-министром, полностью поддерживал работу «Бюро связей», но в то же время настаивал, что необходимо вести более открытую и наступательную линию, чем та, которую до сих пор проводило Бюро. В конце семидесятых это вылилось и в смену руководства организацией, в элементы новой стратегии и в появление новых тактических приемов.

После 10 лет пребывания Леванона на посту директора Бюро его сменил Иегуда Лapidот.

Лapidот не имел опыта работы в «еврейской разведке», но был старым боевиком Бегиновской «Иргун»¹¹⁹. При нем основной акцент делался на алию из СССР, тактическим решением было объявление «узником Сиона» каждого советского еврея, который подвергался аресту. Приоритет отдавался, естественно, сионистам. Например, Натан Щаранский, арестованный в конце 1970-х годов по обвинению в шпионаже в пользу ЦРУ, считался просто активистом борьбы за права человека и стал «узником Сиона» только после изрядного старания продемонстрировать свой сионизм. В 1986 году

Щаранский был освобожден из советской тюрьмы и отпущен в Израиль в обмен на арестованных на Западе советских агентов.

В период «перестройки» при Горбачеве, по некоторым оценкам, алия из Советского Союза составила около¹²⁰ 500 тыс. евреев.

До распада СССР и восстановления дипломатических отношений Израиля с «постсоветскими» государствами служба «Натива», ставшая фактически ведущей в вопросах «алии из России», активно использовала «крышу» различных международных организаций и в основном занимались ведением пропаганды и агитации за выезд евреев в Израиль. После установления дипломатических отношений между Россией и Израилем сотрудники «Нативы» получили возможность действовать под прикрытием посольства в Москве и других столицах СНГ, — впрочем, как утверждают израильские источники, не подчиняясь МИД Израиля и предпочитая действовать через голову посла. Свобода деятельности «Нативы» и других ведомств на постсоветском пространстве оборачивается хорошим эффектом: поток эмигрантов из бывшего Советского Союза в Израиль достиг в 1998 году 150 тыс. человек.

Сейчас «Натива» располагает примерно 200 сотрудниками, многие из которых работают в представительствах «Сохнут». Годовой бюджет «Нативы» достигает 25 млн. долларов — такова базисная цена, уплачиваемая за организацию усилий по «добровольной» эмиграции евреев в Израиль. Чрезмерная самостоятельность руководства «Нативы» и некоторые другие специфические черты его деятельности вызвали беспокойство даже в правительстве Израиля. Расследование (его проводила женщина, государственный контролер Бен-Порат) выявило также некоторые финансовые махинации «Нативы» и его связи с еврейской мафией в России, а также посредничество в некоторых незаконных межгосударственных операциях.

«Нативу» в настоящее время возглавляет уроженец

Москвы Яков Кедми, эмигрировавший в Израиль в 1969 году. По утверждениям политических противников, это человек жесткой правой ориентации. Возможно, с его личными позициями и убеждениями связаны такие некоторые особенности работы агентства (вплоть до вмешательства во внутренние дела постсоветских стран), что комиссия Мириам Бен-Порат потребовала ликвидации или серьезного реформирования «Нативы» с тем, чтобы поставить ее деятельность под контроль МИД. Пока что обещания коренным образом реформировать «Нативу» остались на бумаге.

Несомненно, сосредоточение усилий государства на стратегически важном для него факторе, обеспечении «алии», принесло существенные результаты. Но, конечно же, не надо забывать о геополитической обстановке, которая очень и очень существенно повлияла на масштабы и темпы.

В этом отношении особенно интересна сложная операция по алии фалашей.

Поклон Балкис-Македе

Темнокожие эфиопские евреи назвали себя «Бета Израель», или «дом Израиля». Их ближайшие соседи называли их «фалашаи», что означало «чужаки» (с оттенком «посторонние», «лишние»). В далеком прошлом это было воинственное племя в горном регионе на севере Эфиопии. Постоянные столкновения с не менее воинственными соседями привели к тому, что к середине XX века «Бета Израель» насчитывало около 20 тыс. человек, сосредоточенных главным образом в районе Гондара. Эфиопские власти, по преимуществу христиане, существенно притесняли фалашей — в частности, им на государственном уровне было запрещено приобретать землю, что практически обрекало народ на нищету в сельскохозяйственной стране.

В начале 1950-х годов первая делегация фалашей добралась до Израиля и обратилась с просьбой от всей общины принять их в Землю обетованную. Был сделан официальный запрос, но правительство императора Хайле Селассие, в целом весьма лояльное к Израилю, отказало в разрешении на эмиграцию евреев — для всякой диктатуры недопустимо смириться с массовой эмиграцией подданных. Кроме того, чрезмерной настойчивости не проявляло лейбористское правительство Израиля, весьма чуткое к религиозным ортодоксам — а ортодоксальные еврейские авторитеты отказывались признавать «черных евреев». Только после 1977 года, при Бегине, подход Израиля к этой проблеме радикально изменился.

Сначала были предприняты тайные дипломатические усилия. Режим Менгисту Хайле Мариам, пришедший к власти в Эфиопии после падения монархии, нуждался в оружии, а также в военной поддержке в своей тяжелой борьбе против Сомали и сепаратистов Эритреи. США были настроены против «марксистской тирании» в Эфиопии враждебно; тогда помощь начал оказывать Израиль.¹²¹ В ответ правительство Эфиопии разрешило выезд из страны небольшой группы фалашей — 220 человек, которые были отправлены тайно на тех же грузовых самолетах, которые привезли в Эфиопию оружие. Но из-за утечек информации о секретном сотрудничестве в 1978 году полковник Менгисту Хайле Мариам прервал отношения с Израилем. Тогда шеф «Моссада» Хофи пообещал найти альтернативные маршруты.

Пока Хофи разрабатывал планы, Бегин своим молчанием обеспечивал секретность предстоящей операции; она быстро набирала темпы и к 1979 году уже шла полным ходом. В этом принимали участие молодые эфиопы, ранее прибывшие в Израиль. После специальной подготовки они направлялись в Эфиопию в качестве тайных агентов и убеждали тех, кто хотел уехать в

Землю Обетованную, сначала отправиться в соседний Судан. В некоторых случаях им удавалось убедить целые деревни. Исход протекал отнюдь не спокойно — по дороге многих фалашей ловили, пытали и отправляли обратно. Нелегка была и дорога — тысячи мирных людей умерли в пути от болезней, истощения, погибли от нападений шаек мародеров, но те, кому удавалось достичь суданской территории, обретали прибежище в лагерях, расположенных в 20 милях от границы.

Дальше помощь осуществлялась под эгидой американского правительства, которое предоставляло финансовую помощь президенту Судана Джафару Нимейри. По существу это были взятки, которые шли на личный счет Нимейри. Определенное влияние на Нимейри оказывал и президент Египта Садат, который поддерживал с ним дружеские отношения и, в отличие от предшественников, не был столь враждебно настроен к Израилю. В результате генерал Нимейри пообещал закрыть глаза на вывоз через Судан фалашей — при условии соблюдения тайны, и чтобы из Судана их доставляли не прямо в Израиль, а через третью страну.

Для координации этой операции в начале 1980 года в Хартум прибыл представитель «Моссасада», который стал работать в тесном контакте с руководителем суданской службы безопасности Абу Таебом. «Моссаду» удалось достичь соглашения о том, чтобы при посредничестве представителей ООН беженцы проходили через южные лагеря и через границу в Кению. Маршрут начал работать, но вскоре «засветился» — один из самолетов совершил вынужденную посадку на территории Кении. Не желая рисковать осложнением отношений с арабскими странами, Найроби добилась прекращения переброски «фалашей».

«Моссад» обратился за помощью к США. В ЦРУ откликнулись с энтузиазмом, и в считанные недели «Моссад» и ЦРУ создали подставную корпорацию «Навко», которая арендовала участок земли в Судане на

побережье Красного моря. Для прикрытия использовалась легенда о строительстве курорта для подводного плавания. С базы «Навко» израильские подводные диверсанты на лодках переправляли фалашей на израильские суда, которые доставляли их в Шарм-аш-Шейх и оттуда — грузовыми самолетами на авиабазы в Израиле.

Этим маршрутом, через фиктивный морской курорт на Красном море, в Израиль было вывезено около двух тысяч эфиопских евреев, пока лидер Судана Нимейри (по рекомендации Абу Таеба, обеспокоенного утечками информации в ходе длительного и медленного процесса эвакуации) потребовал сокращения масштабов этой операции.

Тогда было принято решение о проведении грандиозной операции, которой дали кодовое название «Моисей».

В первую очередь была отремонтирована старая взлетно-посадочная полоса около суданского города Шубак. И вот с марта по май 1984 года два громадных транспортных самолета «Геркулес» каждую ночь принимали на борт две сотни беженцев, которых подвезли на грузовиках. «Моссад» позаботился о том, чтобы на земле не оставалось никаких следов — ни окурка, ни спички. Какое-то количество фалашей удалось вывезти самолетами прямо из Хартума¹²².

«Моссад» пошел на прямой подкуп — поместил 60 млн. долларов на счета, открытые на имя самого Нимейри, его доверенных лиц и Абу Таеба¹²³. Бельгийский еврей Джордж Гутельман, владелец авиакомпании «Транс-Европа», согласился предоставить свои самолеты в распоряжение Израиля и держать язык за зубами. С 21 ноября 1984 г. и до первой недели 1985 года из Хартума вылетело 35 рейсов, на которых вывезли 7 тыс. эфиопских евреев. Секретная операция закончилась раньше времени из-за болтливости госчиновника Иегуды Доминица, который дал интервью журналу «Точка». Произошел международный скандал. Арабские госу-

дарства и лидер ООП Арафат заклеили Нимейри как «предателя», который помогал «сионистам» укреплять людской потенциал своей армии. 5 января Судан информировал, что выезд эфиопских евреев через Хартум должен быть немедленно прекращен. Вслед за этим Эфиопия закрыла границу с Суданом, обвинив Нимейри и Израиль в «похищении» эфиопских граждан. Только под давлением Джорджа Буша Нимейри разрешил 28 марта 1985 г. посадку на одном из пустынных аэродромов около лагеря беженцев шести американских «геркулесов». Американцы подобрали оставшихся евреев и доставили их прямо на авиабазу в Израиль.

ЧАСТЬ 4

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ

Глава 12. ПЕРЕСТРОЙКА «МОССАД» ПРИ М. АМИТЕ

26 марта 1963 г. военный курьер вручил генерал-майору Меиру Амиту, проводившему инспекторскую проверку частей в районе Мертвого моря, листок бумаги с лаконичным сообщением: «Немедленно свяжитесь с премьер-министром в Тель-Авиве». Дисциплинированный военный, генерал сразу же позвонил в приемную Бен-Гуриона. Звонка его ждали, и с характерной бесцеремонностью главный военный советник премьера сообщил: «Старик» хочет немедленно вас видеть и посылает за вами самолет».

Спустя три часа Амит уже был в приемной премьера в Тель-Авиве, на тенистой улице в районе Кирия; в этом районе, по соседству с резиденцией Бен-Гуриона, Амиту приходилось бывать часто — неподалеку располагались генеральный штаб вооруженных сил и целый ряд объектов разведсообщества.

Долго ожидать приема не пришлось — Амита сразу провели в кабинет; Бен-Гурион поздоровался и показал копию письма Иссеру Харелу. Это было согласие при-

нять отставку «мемунеха». Затем, даже не спросив Амита, хочет ли он занять освободившийся пост, Бен-Гурион заявил: «Ты будешь новым руководителем «Моссада».

Это было неожиданностью, но приказ есть приказ, и Амит подчинился. Еще одним сюрпризом для него стало решение Бен-Гуриона о том, что новый руководитель уже не будет иметь тех полномочий, которыми обладал Харел. В Израиле, как решил премьер и политическое руководство, больше не будет «мемунеха», отвечающего одновременно за внешнюю разведку и внутреннюю безопасность. Сосредоточение такой власти в одних руках было признано нежелательным. Вскоре «Шин Бет» получил самостоятельного руководителя¹²⁴.

Генерал Меир Амит прошел практически все ступени военной карьеры. Всего за год до этого несколько неожиданного для многих решения руководства он был назначен руководителем «Амана» и, скорее всего, считал, что именно этот важный и значительный пост станет достойным завершением его службы в вооруженных силах.

Меир Слуцки родился в 1926 году в Тиберии, был приверженцем социализма. Юношей вступил в киббуц Алоним, находящийся в Нижней Галилее, а позже — в подпольную группу «Хаганы». Сменил, в числе многих, «слишком европейскую» фамилию на «Амит».

Во время войны за независимость 1948 года он командовал ротой, а по окончании войны долгое время колебался, какой выбрать путь: возвратиться в киббуц или защищать Израиль в вооруженных силах. Подумав, он остался в армии.

В 1950-х годах Амит командовал пехотными и танковыми подразделениями и был одним из тех, кто внедрил в израильской армии принцип: «Делай, как я» — не отсиживаться в тылу, а вести своих людей в бой, подавая личный пример.

Амит подружился с генералом Моше Даяном и во время Суэцкой кампании 1956 года был его адъютан-

том. Он также нашел время для продолжения образования и получил ученую степень по экономике в Колумбийском университете Нью-Йорка.

В 1962 году Амиту следовало бы дважды подумать, прежде чем принимать предложение стать новым директором «Шерут Модиин». Работа в военной разведке не приносила до сих пор ее руководителям ничего, кроме неприятностей. Трое из четырех руководителей «Амана» были вынуждены со скандалом уйти в отставку: в 1949 году это был Иссер Беери, которого обвинили в нарушении гражданских прав и даже приговорили к тюремному заключению; в 1955 году — Биньямин Джибли, который затеял и, как считается, провалил операцию «Суеанна» в Египте; в 1958 году — Исхошафат Харкаби, как официально считается — за провал учения по мобилизации резервистов.

Харкаби, однако, сменил человек, который был чистым воплощением успеха, — генерал Хаим Герцог. Ранее он пришел на смену Беери, а в 1958 году вернулся на службу, чтобы придать новый имидж «Аману». Ему удалось восстановить уважение к этой службе — но даже Герцог не мог вывести это агентство из тени, которую отбрасывал Харел.

Когда в 1962 году Герцог в очередной раз собрался в отставку, пост начальника «Амана», несмотря на возражения Харела, был предложен Амиту.

Харел сразу же заявил, что считает ошибкой назначать на этот пост человека, не имеющего опыта работы в разведке, — хотя он, возможно, чувствовал в этом генерале потенциального соперника, причем имевшего свою собственную команду. Но влияние Харела на Бен-Гуриона уже пошло на убыль, и Амит получил назначение.

...Вскоре после переезда в штаб-квартиру «Амана» на улице Кирия, Меир Амид попытался снять напря-

женность в отношениях военной разведки с «Моссадом». Справедливо считая, что интересы защиты Израиля выше мелкой ревности и соперничества, он предложил установить тесное взаимодействие между всеми разведывательными службами.

В принципе, никто против этого не возражал и не мог возражать. Кроме того, существовали и механизмы взаимодействия и координации; собственно, комитет «Вараш» по своей главной задаче и должен был возглавлять этот естественный и необходимый процесс. Но практически после попыток примирения, длившихся несколько недель, напряженность и враждебность между спецслужбами только усилилась.

Здесь был вопрос далеко не личных взаимоотношений, сложившихся на разных уровнях, от руководителей до рядовых оперативников. «Моссад» фактически был выстроен Харелом «под себя», принимал стиль и методы его руководства, отражал в корпоративной идеологии его личность. «Аман» под сильным влиянием и энергичного, открытого современным веяниям Хаима Герцога, и «американского менеджера» Меира Амита, и, несомненно, новых реалий разведывательной работы выстраивался совершенно иначе.

Их раздирали не просто разногласия, у них была противоположная ментальность.

Харел был оперативным виртуозом, а Амит — военным стратегом. Харел месяцами самозабвенно носился по Америке или Европе в поисках маленького Йосселе Шумахера или какой-то другой добычи, спал на раскладушках, уходил от слезки. Военные разведчики находили эти методы и результаты такой работы смехотворными, поскольку в конечном счете агентура «Моссада» не могла сделать ничего существенного в отношении опасности самой непосредственной, то есть военной мощи арабских стран.

Был еще один существенный фактор, который определил и болезненную реакцию основных разведслужб

на назначение Амита, и его деятельность на этом посту, и его малоудачные попытки установления сотрудничества с Хареловским «Моссадом».

В «Моссаде» приближалась, назревала смена поколений. Большинство старших офицеров и работников среднего звена приближались к пенсионному возрасту. Естественно, что они — как абсолютное большинство людей, работающих по призванию, — не стремились в отставку, но уже не так воспринимали новое и, чтобы поддержать самоощущение правильности, необходимости и незаменимости своих действий, прибегали к навыкам и методикам, наработанным в прежние годы. И это были не единицы — произошло то, что на спортивном языке называется «команда постарела». Не только Харел держался за старые приемы и методики — это относилось и к агентству в целом. Они уже не видели то, что стало ясно замечаться снаружи — состарившаяся команда утрачивает эффективность.

Немаловажным был и возрастно-образовательный консерватизм к техническим новшествам у людей с огромным военным и подпольным опытом, но не с академической подготовкой. А ведь это был период, когда назревала и разворачивалась очередная технологическая революция, и те, кто не сумел вовремя отреагировать на новые технологии, стали все заметнее отставать.

В этом отношении традиции чуткой к новшествам военной разведки, заложенные еще Герцогом, получили хорошее продолжение в работе под руководством Амита, формировалась сильная «команда» — а «Моссад» начал существенно отставать.

Высшее армейское командование, естественно, ожидало, что назначение Амита на пост директора «Моссада» положительно скажется на практической разведывательной отдаче этого агентства. Он был выходцем из армейской элиты, хорошим организатором и

квалифицированным руководителем, и можно было ожидать, что совмещение постов начальника «Моссада» и «Амана» пойдет на пользу всему разведывательному сообществу.

Кстати, так получилось, что до сих пор в бурной истории государства никто не совмещал этих постов — только использовали общее оперативное подразделение («команду 131») в интересах то одной, то другой ветви разведывательного сообщества.

Новое назначение Амит не рассматривал как подарок судьбы. Он был первым «варягом», ставшим-директором «Моссада», и оказался в довольно невыгодном положении по сравнению со своим предшественником, который на протяжении 12 лет формировал «Моссад» и «Шин Бет» в соответствии со своими собственными представлениями. Большинство работников этих служб не хотели и не могли забыть Харела. Они считали «мемунеха» живой легендой своего времени и великим патриархом тайного сообщества.

Когда Амит первый раз появился в штаб-квартире «Моссада», недалеко от прежнего места службы, его встретили очень холодно. В отличие от своих новых подчиненных Амит был в военной форме, причем в генеральской. Первым его встретил Харел, «кислый, как лимон». Уходящий шеф «Моссада» произнес несколько дежурных слов, затем поднялся и ушел, а его три секретарши горько зарыдали.

Но уход Харела из кабинета еще не означал, что бывший «мемунех» прекращает борьбу;¹²⁵ он призвал на помощь своих многочисленных сторонников во всех ветвях разведывательного сообщества, людей своего менталитета. Уже 27 марта 1963 г. на стол нового начальника «Моссада» легла только что полученная шифровка. В ней выражалась обеспокоенность по поводу ухода Харела и содержался призыв «принять все возможные меры для его возвращения». Шифровка была

подписана главными представителями «Моссада» в Европе, но под ней стояли не имена, а псевдонимы, и Амиту пришлось выяснять у своих помощников, что ее подписали ветеран марокканской операции Шмуель Толедано, резидент в Париже Ицхак Шамир, а также Мордехай Алмог и Йозеф (Джо) Раанан¹²⁶. Их работа была чрезвычайно важна для «Моссада» и государства. Они возглавляли самые ответственные резидентуры.

(Обычно такая резидентура действует под прикрытием посольства, но резидент не информирует посла о своей деятельности и подчиняется непосредственно Тель-Авиву. В каждой резидентуре есть представители двух основных направлений деятельности «Моссада»: информационного и внешних связей.

Работа каждого представителя «Моссада» за рубежом строго законспирирована, и работники одного направления не знают, чем занимаются их коллеги из другого. В их задачу входит поддержание контактов с представителями секретных служб страны пребывания, но они также руководят работой собственных разведывательных сетей, — разумеется, не информируя об этом спецслужбу страны пребывания).

Этот протест был гораздо мягче «бунта шпионов», который имел место 22 года назад, когда проводилась реорганизация политического департамента министерства иностранных дел. Реакция на него на первых порах тоже показалась более сдержанной. Новый шеф «Моссада» сразу обозначил свое кредо: «Мне не нравится ваше поведение, — написал он в ответ на послание ветеранов службы, — я не привык к коллективным протестам». Вскоре Амит даже съездил в Париж, в числе прочих дел и для примирения со своими европейскими оперативниками, — но фактически, в деловом плане, работа так и не наладилась.

Через два года после того, как четверо европейских высокопоставленных представителей «Моссада» напра-

вили телеграмму протеста Амиту, все они ушли из разведки¹²⁷. Люди опытные, заслуженные и весьма амбициозные, они предпринимали отставку каждый по личному решению, без координации или договоренности друг с другом, да и по разным поводам. Но причина была, видимо, одна: они почувствовали, что им не простят этого шага и ни былого доверия, ни шансов на дальнейшее продвижение по службе у них нет.

...Даже спустя несколько десятилетий Амит и Шамир, ставший к тому времени премьер-министром, не могли сказать ни одного доброго слова друг о друге.

Амит и Джо Раанан не скрывали своей взаимной враждебности еще в семидесятых годах, когда оба ушли в отставку и возглавляли экономические конгломераты...

Интересы налаживания работы требовали определенных компромиссов — не время и не место было проводить «большую чистку», убирать всех «хареловцев» и назначать своих людей — и времени не было, и выбор подходящих совсем не так велик. Надо было максимально использовать старые кадры, «перевербовывая» их в новую идеологию.

Здесь требовалась бюрократическая дипломатия; кое-что удалось сделать верно. Например, генерал Амит сделал одного из протеже Харела, Якоба Кароза, своим заместителем. Кароз, возглавлявший политическое направление и отвечавший за связи с иностранными партнерами, служил в агентстве с самого его основания как один из «альтернативных дипломатов». Он принял предложение Амита — чем немного успокоил рьяных приверженцев Харела. Однако сильная неприязнь между Амитом и Харелом, казалось, с годами, как старое вино, только набирала силу.

Реальному снижению напряженности в разведывательном сообществе способствовали перемены в израильском правительстве.

В июне 1963 года Бен-Гурион оставил пост премьера и основал новую центристскую партию под на-

званием «Рафи», которую поддержали Моше Даян и Шимон Перес. Партия «Мапай», все еще обладавшая большинством в кнессете, избрала своим лидером Леви Эшкола, который вскоре стал новым премьер-министром Израиля.

Эшкол проявлял большой интерес к разведке, внимательно следил за ходом некоторых операций и при случае высказывал благодарность и самому руководителю, и агентам Амита. В свою очередь, «американский менеджер» М. Амит позаботился о том, чтобы Эшкол, бывший в то время одновременно и министром финансов и знавший все финансовые пружины, увеличил бюджет «Моссада». Это позволило Амиту принять на работу некоторых своих прежних соратников, не форсируя увольнение ветеранов, и ускорить реформу секретной службы.

Меир Амит считал главным для разведки сбор военной и политической информации по арабским странам. Как глава разведывательного сообщества и председатель комитета «Вараш», он настаивал, что «Моссад» не должен без крайней необходимости втягиваться в проведение операций, не имевших отношения к этому процессу.

В основе всех предпринятых им преобразований была именно такая переориентация в понимании стратегии разведывательных служб.

В то же время он предпринял усилия по усилению координации и повышению эффективности внешней разведки. В частности, высокопрофессиональное, но скомпрометированное «делом Лавона» «подразделение 131» было передано в состав «Моссада» для усиления существовавших там, в составе комитета «Решут», двух небольших оперативных подразделений. На замену ушедшим оперативникам — соратникам Харела и носителям преодоленного временем менталитета, — Амит привел своих людей. Многие пришли из «Амана», вклю-

чая руководителя информационного отдела военной разведки Рехавья Варди.

Амит также добился повышения в воинских званиях израильских военных атташе, некоторые из них стали одновременно резидентами «Моссада».

Произошли и внешние перемены. Амит перенес штаб-квартиру «Моссада» в современное здание в центре Тель-Авива, завел шикарный кабинет в американском стиле, отделанный деревом и обставленный модной мебелью. Кое-кого из ветеранов «Моссада» эта роскошь приводила в ярость. Диссиденты в среде «Моссада» стали намекать, что Амит транжирил деньги и даже подкармливал некоторых своих коррумпированных подчиненных. Эти слухи раздражали Амита, и он пытался пресекать их — но не отказывался от своего устланного коврами шикарного офиса¹²⁸.

Кадры решают все

Амит также изменил подход «Моссада» к подбору кадров. Раньше основная ставка, по примеру англичан, делалась на рекомендации друзей, но Амит решил использовать более современные методы. Потенциальных кандидатов стали искать не только в армии, но и в университетах, а также в деловых кругах и среди новых иммигрантов. Особый акцент делался на подборе кандидатов с европейской внешностью и умением одеваться по-европейски.

Не обходилось и без недоразумений. Одно из них произошло с Чарли Майоркасом.

Отец Майоркаса вырос в Швейцарии, мать была австрийкой, сам Чарли родился в Стамбуле и, чтобы избежать призыва на военную службу, выехал во Францию, где начал изучать медицину, но потом переключился на коммерцию. В 1965 году этот турецкий еврей переехал в Израиль, потому что «Еврейское агентство» готово было финансировать его обучение. В универси-

тете он привлек внимание кадровиков «Моссада» и с энтузиазмом принял сделанное ему предложение. После трех лет обучения основам разведывательного искусства выяснилось, что он гомосексуалист, и его немедленно уволили из «Моссада» — никто не хотел идти на риск и брать на работу человека, уязвимого для шантажа в сексуальном плане.

«Я хотел служить своей стране, — говорил Майоркас, — а мне навесили это. Кто из израильтян может сравниться со мной: мое происхождение, знание Европы, свободное владение восемью иностранными языками?» Сейчас, по прошествии десятилетий, очевидно, что новая кадровая политика, ориентированная прежде всего на личные качества и способности, принесла плоды — и разведка работала эффективно, и провалы (неизбежные в любой разведслужбе) с людьми нового набора происходили совсем нечасто.

Заметные изменения произошли в «Моссаде» и с привлечением женщин к оперативной работе.

Пра-пра... внуки Юдифи

В этом направлении есть специфика, связанная как с объективными, так и субъективными причинами.

Несомненно, что с учетом того отношения к женщинам, которое существует в арабском мире, в принципе исключается возможность использования там женщин в качестве оперативных работников. «Женщина не может заниматься сбором информации в арабском мире», — это была твердая парадигма «Моссада», хотя такие случаи были и о них уже упоминалось и будет упоминаться на страницах этой книги.

Большинство женщин в «Моссаде» работали на административных должностях и в технических подразделениях. «Моссад» всегда с большой неохотой направлял женщин за рубеж, даже на относительно безопасную работу, например в качестве офицеров связи с

иностранными спецслужбами. Тем не менее исключения были — например, Лили Кастель, одна из лучших оперативниц «Моссада», настоящая живая легенда. Даже после смерти Лили в 1970 году ветераны «Моссада» вспоминали о ее талантах.

Она пришла в разведку в 1954 году, уже имея за плечами опыт работы в «Шаи» до создания израильского государства. Кастель одинаково хорошо говорила на иврите, английском, французском, немецком и русском языках, неплохо владела итальянским и арабским. Ее помнят как весьма привлекательную женщину, умного и надежного работника. Харел считал, что она с успехом использовала как свой интеллект, так и внешность для выполнения различных заданий в Европе, характер которых никогда не раскрывался.

Образ темноволосой, умной и решительной красавицы, старшего офицера «Моссад», мастера-профессионала со взрывным темпераментом, готовностью к риску и обостренным чувством справедливости, который уже несколько десятилетий кочует по европейским и американским книгам, фильмам и телевизионным сериалам, — восходит именно к Лили Кастель.

При Амите ситуация изменилась. Высокие требования к профессионализму оперативных работников уравнивали женщин в правах, и некоторые из них стали начальниками функциональных или территориальных отделов. А начальник отдела — фактически ключевая фигура в разведке. Именно он обеспечивает связь оперативников зарубежных резидентур с центром, он снабжает резидентуры всем необходимым для их нормальной деятельности. Он передает приказы и получает добытую за рубежом информацию.

И все же за рубеж с оперативными заданиями женщин посылали только в случае крайней необходимости, когда исчерпаны все другие возможности. В израильской разведке, как и в армии, стремятся не подвергать

женщин риску — но вместе с тем признают, что женщины обладают тем преимуществом, что вызывают меньше подозрений.

В постели со шпионом

«Моссад» изредка использует женщин для сексуальной компрометации объектов разработки. Для этой роли предпочитают одиноких женщин и берут их на такого рода операции только однократно. «Моссад» редко разрешает своим работникам, мужчинам и женщинам, вступать в сексуальные связи даже в интересах дела. Сейчас отношение к сексу меняется, и хотя никто не *заставляет* женщин использовать свои чары в шпионских интересах, считается, что это — одно из средств в арсенале разведки.

Если шантаж на сексуальной почве является составным элементом какой-то разведывательной операции, то «Моссад» чаще всего использует настоящих проституток. Например, «Моссад» широко практикует нелегальный вывоз в Израиль агентов-арабов из соседних стран для подробного опроса. Такой опрос проводится в каком-нибудь маленьком городе, и за свои услуги агент награждается проституткой. Временами его развлечения снимаются на пленку (для возможного шантажа в будущем):

Гораздо свободнее «Моссад» эксплуатирует в сексуальном плане своих сотрудников мужского пола. Интимные связи с секретаршами иностранных посольств и стюардессами, которые могут сообщать полезную информацию о дипломатах, аэропортах и тому подобное, стали обычной практикой.

Здесь порой случаются казусы. Один мossaдовец получал от европейской агентессы информацию и все остальное. Прошло несколько лет, и даму передали на связь новому разведчику. При первой же встрече она оказалась крайне удивлена, что новый оперативник не

захотел лечь с ней в постель. Оказывается, агентесса считала, что секс является неотъемлемой частью ее работы на израильскую разведку...

Под руководством Меира Амита не только использование секса, но и многое другое в практике «Моссада» было поднято на более высокий уровень.

Кстати, примеры оказывались заразительны — зеркальное подобие «сексуальных» операций «Моссада» проводила и египетская разведка, только исполителями были мужчины. Так, сотрудница британской дипломатической службы Рона Ричи, высокая, привлекательная женщина-дипломат, стала жертвой «сексвербовки» во время своего назначения в Тель-Авив.

Ричи поступила на дипломатическую службу в августе 1979 года, решив, что это место идеально подходит для образованной молодой шотландки, владевшей несколькими иностранными языками. После соответствующей профессиональной подготовки она в июле 1981 года получила свое первое назначение на пост пресс-атташе британского посольства в Тель-Авиве.

Через три недели получила приглашение на коктейль в египетское посольство, которое открылось в 1979 году после заключения мирного договора — и с первого взгляда влюбилась во второго секретаря египетского консульства Рифата аль-Ансари. Влюбленные даже не пытались скрывать свои чувства. Они постоянно встречались на дипломатических приемах, их также часто можно было видеть целующимися при свечах в уютном ресторанчике на улице Йирмийаху в северной части Тель-Авива. Ричи не только уступила всем желаниям своего любовника, но и стала передавать ему секретные телексные сообщения, которые отправлялись ее посольством. В конце ноября она передала Ансари совершенно секретный документ, раскрывавший подробности предстоящего визита на Ближний Восток министра иностранных дел Великобритании лорда Питера Каррингтона. Если бы эта информация

попала в руки террористов, жизнь Каррингтона могла быть поставлена под угрозу.

Израильская разведка без труда зафиксировала эту связь. По данным спецслужб, Ансари был кадровым разведчиком и использовал свою привлекательную внешность в интересах египетской разведки; кстати, в Каире у него была жена и двое детей. «Шин Бет» решила положить конец этой связи, пока она не зашла слишком уж далеко, и передала англичанам подробную информацию. Ричи была под каким-то предлогом вызвана в Лондон и арестована.

Она признала себя виновной, выразила раскаяние и стала помогать следствию. 28 ноября 1982 г. суд в Олд Бейли вынес ей условный приговор. Обвинитель сэр Майкл Хаверс заявил: «Поведение обвиняемой было скорее глупым, чем злонамеренным. Она так увлеклась своим чувством, что разрешила своему партнеру читать секретные телеграммы». Израильские журналисты в Лондоне, привлекаемые пикантными подробностями этого сексуально-шпионского дела, посещали все заседания по делу Ричи и красочно описали ее расстройство, когда Ричи узнала, что возлюбленный не только шпион, но и примерный семьянин...

На крыльях любви

С сексом (хотя и не только с ним) была связана большая победа, одержанная разведсообществом, — речь идет о получении Израилем новейшего на то время советского истребителя «МИГ-21».

Новинка советского авиастроения, тщательно засекреченный МИГ произвел большое впечатление на военные круги Запада по первым же косвенным сведениям, полученным от наблюдения за демонстрационными и учебными полетами и на основе немногочисленных боевых столкновений. Когда большие партии «МИГ-21» начали поступать на вооружение ВВС араб-

ских стран, всерьез забеспокоилось и руководство Израиля. Генерал ВВС Эзер Вайцман настаивал, что получение и изучение «МИГа» может быть ключом к победе в очередной войне.

Рассматривалось несколько вариантов получения самолета: перехват самолета в воздухе и принуждение его к посадке в Израиле; внедрение своего агента в качестве пилота ВВС одной из арабских стран; принуждение или подкуп арабского летчика.

Несмотря на очевидные трудности — чем подкупить пилота-араба, офицера самого привилегированного рода войск, которые пользовались всеми благами, которые предоставлялись военнослужащим в арабских странах? — последний вариант все же представлялся наиболее перспективным.

Попытки подкупить или заманить в ловушку очередного арабского пилота начались.

Группа Джона Леона Томаса, разведчика, который некоторое время успешно работал в Египте, попыталась завербовать молодого офицера египетских ВВС, Хуана Карлоса, копта (египетские христиане) по происхождению; офицеру был предложен миллион американских долларов за угон в Израиль или на Кипр «МИГа». Карлос предпочел рассказать о попытке вербовки контрразведчикам.

Один из выводов, который был сделан в разведывательном сообществе из этой неудачи, заключался в том, что необходимо со всею тщательностью анализировать личности кандидатов на вербовку.

«Аман» и «Моссад» накопили огромную массу информации по военно-воздушным силам Египта, Иордании, Сирии и Ирака. Израильская разведка фиксировала и анализировала мельчайшие детали, имевшие отношение к пилотам этих стран, — и все это хранилось и обрабатывалось на новых компьютерах, которыми Амит вооружил «Аман». Информация была столь подробной, что у тех, кто работал с этими данными, было

ощущение, что они лично знакомы с сотнями арабских летчиков.

Следующая попытка уже не привела к провалу, но когда в 1964 году египетский пилот, капитан Аббас Хилми перелетел в Израиль, спецслужбы были весьма разочарованы. Хилми действительно был пилотом египетских ВВС, и самолет его был советского производства, но это оказался учебно-тренировочный «Як», который не представлял особого интереса для тех, кто хотел заполучить боевой самолет.

Но капитану Хилми устроили в Израиле теплый прием. Сообщенная им информация существеннополнила сведения «Амана» по ВВС арабских стран. Хилми также оказался полезным и в пропагандистских целях, поскольку публично осудил вмешательство Египта в Йемене и попытки загнать эту страну в сферу влияния радикального арабского социализма военной силой, да еще с использованием таких варварских средств, как боевые отравляющие вещества.

Перебежчик получил щедрое материальное вознаграждение и хорошую работу, но он не смог приспособиться к жизни в Израиле. Вопреки настоятельным предостережениям, он решил переселиться в Южную Америку, и «Моссад» снабдил его новыми документами и большой суммой денег.

Дальнейший его путь — быстрым шагом в долину смерти. В Буэнос-Айресе Хилми совершил несколько роковых ошибок. Прежде всего он отправил открытку своей матери в Египет. Открытка, разумеется, была перехвачена египетской контрразведкой, которая таким образом узнала, где скрывается перебежчик. Потом он сблизился с одной египтянкой, с которой познакомился в ночном клубе. Увлечшись ею, он согласился пойти к ней домой. Это была типичная западня, которую используют все разведки мира. На квартире Хилми ждали египетские контрразведчики. Летчика скрутили, доставили в посольство, а затем как «дипломатическую

почту» отправили в Египет. Там он был признан виновным в измене и расстрелян.

Спустя год появилась новая подходящая цель

На этот раз это был один из лучших иракских пилотов Мунир Редфа, из зажиточной семьи христиан-маронитов — религиозно-этнического меньшинства и в самом Ираке, и в его вооруженных силах.

Редфа прошел обучение в Советском Союзе и был пилотом самолета «МИГ-21». «Наводку» на него как на возможный объект вербовки дал Джозеф Максур, старый слуга в доме отца Мунира, давно связанный с израильской разведкой. Кроме того, обработка иракской прессы, материалов радиоперехвата и сообщений агентуры из Ирака также показали, что Мунир осуждал бомбардировки курдских деревень на севере Ирака; было также сделано максимум возможного для составления психологического портрета, определения склонностей, слабостей и привязанностей Мунира.

Стало ясно, что какое-то одно средство не работает и необходим своего рода «комплексный подход». Тщательно отобранные специально для этой миссии агенты были направлены в Ирак через Европу с заданием установить контакт с Редфа и его семьей.

Наибольшего успеха добилась женщина, красавица-израильтянка американского происхождения.

Выдавая себя за богатую американскую туристку, она на одном из приемов в высшем свете Багдада познакомилась и сумела заинтересовать собой Редфа. В первый же вечер Мунир провожал ее домой и попросил о новой встрече. В последующие дни и месяцы «американка» (ее имя до сих пор хранится в тайне) и Редфа встречались часто; красавица была прекрасным собеседником и заинтересованным слушателем. Летчик был счастлив в семейной жизни, в семье росли двое детей, но здесь он получал нечто большее, в том числе

и понимание тех проблем, которые его, втянутого в войну на истребление курдов, особенно мучили.

Роман развивался; следуя хорошо отработанной тактике израильской разведки, дама отказалась вступить с ним в интимную связь в Ираке. И Редфа согласился отправиться с ней в Париж, где они «будут безраздельно принадлежать друг другу».

Проведя два дня в Париже, Редфа согласился слетать со своей обольстительницей в Израиль, где, по ее словам, у нее были «очень интересные друзья».

Иракский пилот к тому времени подозревал, что возлюбленная сотрудничает с разведкой, но он уже не мог остановиться — психологическая зависимость была очень сильна. Через 24 часа с фальшивым паспортом, которым его снабдила парижская резидентура «Моссада», он рейсом «Эль-Ал» вылетел в Тель-Авив.

В Израиле Редфа встретили как особо важного гостя, чуть ли не с оркестром и после теплых приветствий отвезли на авиабазу в пустыне Негев. Там он встретился со старшими офицерами «Амана» и «Моссада», которые обрисовали ситуацию¹²⁹ и предложили ему вознаграждение в миллион долларов и убежище для всех членов его семьи за угон «МИГа». Затем Муниру устроили встречу с командующим израильскими ВВС генералом Мордехаем Ходом, недавно сменившим Эзера Вайцмана. Здесь уже речь шла о конкретных действиях.

Мунир сказал: «Я не могу принять решение, пока не буду уверен в безопасности моих жены и детей. Вы же знаете, в Багдаде за такие дела вешают». Его заверили, что пока его семья не будет в полной безопасности, никаких действий предприниматься не будет. И тогда от летчика было получено принципиальное согласие.

Была согласована дата операции. Генерал Ход помог отработать маршрут, который огибал станции слежения и авиабазы Ирака и Иордании, и условия связи.

Мунира предупредили еще раз: «Полет будет крайне опасным. Вам предстоит преодолеть 900 километров. Если в командовании ваших ВВС разгадают этот план, самолет попытаются перехватить. Если это не удастся иракцам, могут попросить иорданцев. Но если будете четко следовать маршрутом и не паниковать, все пройдет благополучно. И учтите: как только вы отклонитесь от полетного задания, обратная дорога будет отрезана».

— Я доставлю вам самолет, — ответил Мунир Редфа.

Договоренность состоялась. На счет Редфа в швейцарском банке была положена крупная сумма. Через несколько дней иракский летчик вместе со своей подружкой, которую он продолжал считать американкой, вернулся через Париж в Багдад, и операция началась.

Сначала из Ирака была вывезена его семья. «Моссаду» очень помог старый слуга-еврей, который много лет жил в семье Редфа. Сын Редфы внезапно «заболел» и с такими отчетливыми симптомами, что медицинский консилиум настоятельно порекомендовал провести специальный курс лечения в Лондоне. «Больного» повезла мать; маленького братишку тоже решили не оставлять без присмотра. Самолет до Лондона летел из Тегерана; во время одной из промежуточных посадок, уже в Европе, семья покинула борт — и через несколько часов оказалась в Израиле, где жили под чужим именем до прилета отца.

Тем временем Амит во время своей поездки в Вашингтон проинформировал Ричарда Хелмса, что в скором времени Соединенные Штаты получают доступ к самолету «МИГ-21» и смогут составить более реалистичное представление о боевых возможностях «МИГа» и усовершенствовать свои истребители.

15 августа 1966 г. Редфа, до вылета нарушив только один пункт инструкции — он приказал без санкции советских советников заправить подвесные баки горючим, — в условленной точке «выпал» из поля зрения

локаторов, изменил маршрут, пролетел через Иорданию¹³⁰ и посадил свой «МИГ» на одной из авиабаз на юге Израиля.

Это был первый случай, когда столь современный советский самолет оказался на Западе. Даже спустя несколько десятилетий представители ВВС США и НАТО вспоминают об этом эпизоде как о выдающемся достижении израильской разведки.

Это действительно стало показателем мастерства в агентурной работе; замечательно действовала и «американка». Характерный эпизод: когда во время второго пребывания в Париже Мунир попрекнул ее, что она использовала его чувства для выполнения задания, женщина проникновенно сказала: «Да, это так, но и шпионы могут чувствовать».

Операция с Муниром Редфа, известная в кругах разведки под кодовым названием «Операция 007», в отличие от дела Хилми, имела благополучный финал. Семья Редфа обзавелась новыми именами, а деньги, полученные в качестве вознаграждения, позволили им вести обеспеченную жизнь в Израиле.

«Американка» также благополучно покинула Ирак и до сих пор багдадские и московские спецслужбы так ее и не «вычислили».

Спустя некоторое время «МИГ-21» открывал воздушный парад в честь 20-й годовщины государства, а знание его особенностей и боевого применения заметно помогли израильским пилотам в Шестидневной войне.

Пример Мунира Редфы оказался заразительным: 11 октября 1989 г. на небольшом аэродроме Мегиддо на севере Израиля приземлился «МИГ-23»¹³¹ первого официального перебежчика из Сирии — заклятого врага Израиля.

Майор сирийских ВВС Мухаммад Бассам Адель, 34-летний холостяк, несомненно, рисковал своей жизнью — во время полета его могли сбить как сирийцы, так и израильтяне, пока ему не удалось совершить посадку. На пресс-конференции военный летчик заявил, что он действовал совершенно самостоятельно, так как хотел «жить в демократической стране, где люди могут свободно выражать свои взгляды», и у него «не было никаких контактов с Израилем до его драматического побега».

Сирийские представители, естественно, тут же заявили, что Адель был в течение нескольких лет шпионом «Моссада» и просто украл самолет.

Израиль же выражал искреннее удивление его прибытием и тем, что израильская система ПВО не сумела выявить отдельный самолет.

В данном случае реакция Сирии гораздо более обоснована. Майор ВВС просто не стал бы рисковать головой, без предупреждения вторгаясь в воздушное пространство Израиля — система ПВО отреагировала бы на появление «чужого» однозначно и жестко: его перехватили бы и сбили либо истребители, либо зенитные ракеты. Да и «демократических идеалов» и денег он бы получил не меньше — но с куда меньшим риском, — если бы полетел на север и посадил бы самолет на какой-нибудь американской авиабазе. Майору было нужно именно в Израиль — косвенно это подтверждается и тем, что Адель, так же как и Редфа, быстренько получил новое имя, и ему помогли начать новую жизнь.

Что же касается действительно произошедшего переполоха в системе радиолокационной разведки и оповещения, то скорее всего он вызван техническим сбоем системы ПВО. Израильская разведка ожидала бегства Аделя, хотя и не знала точно, когда это произойдет.

Глава 13. СПЕЦСЛУЖБЫ ПЕРЕД ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНОЙ

В этот же период определились не только принципы работы с кадрами, но и организационная структура «Моссада», которые многие годы будут характеризовать эту секретную службу.

В целом надо сказать, что если при Амите «Моссад» и продолжал отдавать приоритет агентурным источникам, то не забывал и о других возможностях. Вслед за Х. Герцогом и его преемником, полковником Аароном Яривом, оснастившим военную разведку компьютерами, Амит начал внедрять компьютеры и в «Моссаде». Он был убежден, что интуиция должна уступить место трезвому анализу фактов.

Кроме того, нужно было радикально улучшить информационное освещение обстановки в соседних арабских странах, с которыми Израиль находился в постоянной конфронтации. Анализ состояния дел показывал, что единичные источники, приобретенные Харелом после того, как «подразделение 131» потерпело фиаско в Египте, при всем блеске некоторых агентурных операций, не решали проблем, тем более что и в последующие годы происходило раскрытие агентов. А уж после вынужденного ухода супершпионов Коэна и Лотца достаточной полноты сведений от той агентуры, которая продолжала действовать в соответствующих странах, не поступало — а обстановка все больше накалялась и многое говорило о том, что может разразиться новая война.

При Амите активно развивалась работа спецслужб по неофициальному сотрудничеству с «родственными» структурами на Западе и на Востоке. Возможно, именно в этот период отношения с ЦРУ и «МИ-6» вышли на лучший уровень; вполне вероятно, этому способствовали и личные связи: директор ЦРУ Ричард Хелмс учился с М. Амитом в Колумбийском университете.

Большое развитие получило движение в регионы Азии и Африки — можно сказать, что выдвинутая первым директором «Моссад» Рувеном Шилоем концепция «периферийной зоны» нашла горячего приверженца в лице Амига, хотя наибольшая активность проявлялась в геостратегической близости к рубежам страны. Так, в этот период укрепились тайные связи Израиля с Эфиопией, Турцией и Ираном. Возникали тайные взаимодействия: например, Израиль и Иран помогали мятежным курдским племенам бороться с центральной властью Ирака. В Йемене израильтяне помогали роялистам бороться с повстанцами и египтянами. В Южном Судане сбрасывали с парашютами продовольствие мятежным христианам — ослабление центральной власти Хартума в тот период считалось благоприятным для Израиля. Большой разборчивости в поисках союзников не проявляли (как, впрочем, и в последующие времена, о чем будет отдельный разговор). Например, в Центральной Африке Израиль помогал Иди Амину (как деликатно говорят ветераны израильской политики и разведки, «поначалу Амин еще не проявил свои отвратительные качества») свергнуть президента Милтона Оботе.

Большого развития достигла и «альтернативная дипломатия», о чем несколько позже. Сейчас — о политической ситуации на Ближнем Востоке.

...К середине шестидесятых годов президент Египта Гамаль Насер окончательно избрал политический курс, который в конечном счете привел регион к крупномасштабной войне. В январе 1964 года он созвал в Каире совещание, на которое съехались президенты и короли всех арабских государств. Это совещание в верхах провозгласило создание Организации освобождения Палестины (ООП), которая поставила своей целью построение на месте Израиля еще одного арабского государства.

На совещании в верхах также было решено перекрыть притоки реки Иордан, жизненно важные для

развития сельского хозяйства Израиля. Работы по отводу вод реки Иордан (планы этих «мелиоративных работ» были переданы в Тель-Авив Эли Коэном) спровоцировали Израиль на нанесение бомбовых ударов по прилегающим территориям Сирии, Иордании и Ливана.

По итогам того же совещания главами арабских стран было принято решение о создании объединенного военного командования — что уже по всем канонам было явным признаком подготовки войны.

Но были и скрытые признаки, получаемые в чрезвычайном обилии по всем разведывательным каналам, в том числе и от «партнерских» разведок.

Разведывательная информация может поступать из различных мест, и Амит считал, что важным источником такого рода могут быть спецслужбы дружественных государств. После того как в 1963 году он возглавил «Моссад», Амит позаботился об установлении прочных связей своего агентства с соответствующими службами западных стран.

Департамент политических акций и внешних связей «Моссада» стал по существу вторым министерством иностранных дел, которое порой выхватывало инициативу из рук основного министерства. В лексиконе профессионалов стали все чаще появляться, наряду со старыми терминами «шпион», «информатор», «разведчик», новые — «политические акции», «агенты влияния».

Политические акции и агенты влияния

Содержание разведывательного термина «политическая акция» раскрывает наиболее полно в своих мемуарах Майлз Коуплэнд, считающий себя в этом вопросе одним из главных специалистов ЦРУ и одним из первых, если не первым, кто предложил эту схему

действий, сочетающую различные каналы влияния с приоритетом спецслужб. Он определяет это как способность «выстроить систему лоббирования в коммерческих и промышленных кругах разведываемой страны таким образом, чтобы она подспудно оказывала нужное давление на правительство», а также целевое направление соответственным образом ориентированных советников и использование местных деятелей в качестве агентов влияния.

Определение принадлежало американцу, но израильтяне, не слишком заботясь о терминологии и приоритете на название, давно — фактически всю свою не продолжительную новейшую историю — вели такую работу по всему миру.

Было немало стран — только в одной Африке около трех десятков, — где Израиль после установления дипломатических отношений открывал посольства и проводил различные программы помощи. Там, как и в любой другой стране, агенты «Моссада» использовали посольства своей страны в качестве прикрытия для разведки. Но в тех странах, с которыми не было официальных отношений или они были прерваны вследствие обострения обстановки, роли менялись — и «альтернативным дипломатам» приходилось порой выполнять функции, обычно не свойственные спецслужбам.

Это было особенно характерно для Африки.

В некоторых странах резидентуры, работающие под «крышей» торговых представительств, медицинских центров и тому подобных организаций, оказывались в числе очень немногих реальных представителей стран Запада; и внутриполитическая обстановка в этих странах складывалась так, что в ряде случаев только израильтяне из немецких могли серьезно работать. С точки зрения правящей верхушки этих государств, США и СССР представляли собой для большинства стран региона опасные сверхдержавы, которые могли, исходя из своих представлений о

пользе для дела, в любой момент раздавить правительство или группировку, которая обратилась к ним за помощью; европейские страны были тем самым врагом-колонизатором, от которого хотелось избавиться навсегда — а Израиль вроде не был так опасен и ни в чем не провинился перед какой-нибудь Угандой или Того. В разведсообществах стран, которые имели интересы в Африке, это быстро осознали — и Амит без особого труда, например, убедил американцев выделить Израилю несколько миллионов долларов на дополнительное финансирование деятельности израильской разведки в этих регионах. Небезосновательно считалось, что это отвечает интересам Запада. В документах ЦРУ эта операция имела кодовое название «КК Маунтин».

Конкретное осуществление экспансии осуществлялось на основе договоров и договоренностей, по которым около дюжины африканских стран пригласили израильских советников по вопросам сельского хозяйства, промышленности, торговли и обороны. Сотни экспертов (среди них были как «настоящие израильтяне», так и специалисты из стран Запада, временно откомандированные своими правительствами для таких миссий) работали над различными проектами — а вслед за ними шли израильские разъездные политики. По всему континенту ездила министр иностранных дел Голда Меир, премьер-министр Леви Эшкол также был почетным гостем в ряде стран Африканского континента. Во многих случаях это оборачивалось установлением или развитием дипломатических отношений, что было и остается очень важным для Израиля.

Число советников и, естественно, агентов «Моссада» быстро возрастало. Правительства принимавших стран относились к последнему обстоятельству вполне благожелательно, и вскоре Израиль установил тесное сотрудничество в области разведки с Кенией, Заиром, Либерией и Ганой. В каждой из этих стран Израиль готовил кадры для спецслужб и оказывал помощь в их деятельности.

Ведущей фигурой «Моссада» в Африке был Дэйвид (Дэйв) Кемчи.

Как большинство разведчиков того периода, он был «ашкенази», выходцем из Европы. В юном возрасте родители привезли его в Палестину в 1946 году.

До войны семья проживала в Швейцарии, во время войны — в Англии. Кемчи сохранил привычки и стиль поведения, приобретенный в юности, проведенной в Британии. Этот спокойный, сдержанный, воспитанный человек в очках в толстой роговой оправе, с умным приветливым лицом, обрамленным темными волосами, безупречно говорил по-английски, с произношением настоящего английского джентльмена.

После нескольких лет научной работы в 1953 году Кемчи пришел в «Моссад» и быстро приобрел в разведсообществе репутацию проницательного аналитика; что касается проявлений чувств, Дэйвид отличался сдержанностью и корректностью. Друзья шутили, что действительным прототипом Смайли для Джона Ле Карре был Кемчи, а не знаменитый шеф «МИ-6» Олдфилд.

В основном его деятельность сосредотачивалась в сфере отношений с неарабскими и неисламскими меньшинствами Ближнего Востока и особенно Африки; там он работал по всему континенту под различными именами и прикрытиями, в том числе как дипломат «Дэвид Шарон». Среди аналитиков сохраняется устойчивое мнение, что деятельность Кемчи оказала воздействие не только на стабилизацию режимов, которые пошли на контакт с Израилем, но и на становление новых — как, например, в Занзибаре, где в 1964 году темнокожее большинство вырвало власть из рук арабского меньшинства. Султан, двор которого состоял из потомков арабских работорговцев, был убит, а его сторонники бежали.

Произошли в тот период определенные подвижки и в работе в Азии. «Моссад» открыл резидентуру в бывшей британской колонии — Сингапуре, который стал

частью Малайзии и вскоре превратился в процветающий город-государство.

Руководящая верхушка Сингапура, состоявшая из этнических китайцев, опасавшаяся и соседней Малайзии, и собственного малайского меньшинства, была заинтересована в помощи, прежде всего в военной области и укреплении службы безопасности. «Моссад» создал в Сингапуре постоянную военную миссию, которую возглавил полковник Биньямин (Фуад) Бен-Элизер, очень опытный офицер специальных войск. Миссия оказывала советническую поддержку, помогала в подготовке кадров, снабжала оружием.

Сингапур стал своеобразным «трамплином» для распространения «альтернативной дипломатии» по всей Азии.

Первым крупным успехом в этом направлении стала Индонезия. Президент Индонезии доктор Сукарно, один из лидеров антизападного Движения неприсоединения, был твердым противником Израиля. Однако в 1965 году в результате государственного переворота он был отстранен от власти. Генерал Сухарто, мобилизовав правые элементы, уничтожил около 300 тыс. коммунистов и стал президентом. Страна «умылась кровью», но полного подавления оппозиции, поддерживаемой маоцзедунским Китаем, не произошло.

Ради консолидации своей власти Сухарто был готов на все, в частности, и на радикальную смену внешних союзников. Он установил контакт с израильянами — и «Моссад» направил в Джакарту группу советников из Сингапура. Вскоре они, чаще всего выдавая себя за европейцев или американцев, стали обучать индонезийскую армию и спецслужбы.

Особые надежды на израильян возлагала индонезийская служба внутренней безопасности. В силу твердого антиколониального курса Индонезия не доверяла ЦРУ и другим западным спецслужбам, и для нее «Моссад» был идеальным партнером; религиозные позиции

(в Индонезии большинство населения исповедует ислам) здесь отступали на второй план. Израильской разведке было разрешено иметь в Джакарте крупную резидентуру под «коммерческим прикрытием» — так на профессиональном языке разведки называется маскировка разведчика под бизнесмена.

Сухарто не раз заявлял, что как исламская страна Индонезия никогда не пойдет на установление с Израилем дипломатических отношений, но тайные связи стали очень тесными. Индонезийские военные и разведчики проходили подготовку в Израиле, и основной акцент в их подготовке делался на изучении тактики антипартизанских действий, подавления вооруженных групп — израильтяне отточили эту тактику в охране собственных границ и борьбе с палестинскими террористами.

Уже после Амита, в 1970 году, при посредничестве «Моссада» Израиль поставил в Индонезию значительное количество вооружений, включая дюжину американских истребителей «Скайхок», которые «освободились» после перевооружения ВВС Израиля. Наряду с доходами от продажи оружия Индонезии (а это еще предполагало долгосрочное военно-техническое сотрудничество), израильская разведка приобрела еще более прочные оперативные позиции в этой исламской стране.

Индия стала еще одним полезным партнером «Моссада», хотя индийское правительство не афишировало факт конфиденциального сотрудничества, которое базировалось на общности интересов и осуществлялось в основном в форме обмена информацией. Для Индии и Израиля общим врагом был Пакистан — исламская нация, оказывавшая помощь ближневосточным арабским странам. «Моссад» был серьезно обеспокоен тем, что ливийский руководитель полковник Муамар Каддафи предложил финансировать строительство в Пакистане ядерного реактора в целях создания «исламской бомбы». Израильская разведка вместе с представителем-

ми индийских спецслужб изучала вопрос о возможности уничтожения реактора в Пакистане.

Впрочем, далеко не всегда уверенное проникновение в страну по линии разведки и экономического сотрудничества гарантировало и долгосрочную стабильность «дружественного» режима, и соблюдение интересов Израиля. Например, работа в Ливии давала «Моссаду» отличную возможность наблюдать за развитием внутренних процессов в этой стране, и для Цви Замира не стало сюрпризом, когда в ноябре 1969-го прозападно настроенный король Идрис был свергнут группой молодых офицеров, которые явно действовали по примеру египетского полковника Насера, осуществившего аналогичный переворот в 1952 году. Но ни он, ни руководство страны не осознали тогда, что с уходом короля Идриса с политической арены Запад потерял свой стратегический бастион в Северной Африке.

«Мы же предупреждали их», — говорил Замир своему коллеге в Тель-Авиве, намекая на то, что израильская разведка предупреждала и самого Идриса, и его друзей, американцев, англичан и итальянцев. Никто не внял этому предупреждению, не предпринял никаких мер. А новый ливийский лидер, полковник Муамар Каддафи вскоре проявил себя как один из самых непримиримых врагов Израиля и стран Запада, и борьба с ним и его режимом в течении многих десятилетий станет важнейшим элементом региональной политики.

Что касается «агентов влияния», людей, которые практически никогда не выполняют специфически разведывательных заданий, но систематически действуют в своей стране и порой на международном уровне в интересах третьего государства, то их значение трудно переоценить — хотя еще труднее назвать их поименно. Агенты эти практически никогда не совершают никаких действий, которые стали бы основанием для преследования службами контрразведки или госбезопасности, но в своей деятельности — чаще всего в средствах

массовой информации, экономической и административно-политической верхушках общества способствуют проведению политики (в том числе и через формирование общественного мнения), благоприятной стране-«заказчику». Часть агентуры влияния, например, в США называют израильским лобби. Но это только часть славной когорты; тысячи агентов влияния, например, в СМИ во всем цивилизованном мире обеспечивают, скажем, благожелательный или как минимум взвешенный подход к освещению событий, связанных с Израилем, — и это при откровенном антисемитизме некоторых «газетных магнатов» типа Рендолла Херста.

Цена головы

Способность «Моссада» поддерживать внешние контакты в интересах Израиля особенно ярко проявилась в совершенно особых отношениях Израиля со страной Марокко. Ведущий член Лиги арабских стран, Марокко, например, всегда горячо поддерживало дело «освобождения» Палестины, оказывало поддержку ООП, присоединялось к пылким национал-популистическим декларациям ЛАС. Однако король Марокко Хасан II с его прозападными настроениями чувствовал угрозу со стороны радикальных режимов в соседнем Алжире и несколько более удаленном Египте и тайно сохранял взаимовыгодные отношения с Израилем.

«Моссад» оказал Хасану II помощь в создании его секретной службы, а король в своей стране умерял антисемитизм и не препятствовал еврейской эмиграции. Отношения между двумя странами были тайными, но очень прочными — просто близкими к идеалу.

Но именно эти «близкие к идеалу» отношения вскоре привели к весьма тяжкому потрясению для разведсообщества Израиля и для самого Меира Амига.

В историю это вошло как «дело Бен-Барки».

Видный марокканский оппозиционер Мехди Бен-Барка, который в вынужденной европейской эмиграции вел активную «подрывную» работу, королевским судом Марокко был заочно приговорен к смертной казни. Служба безопасности Марокко, возглавляемая генералом Мухаммадом Уфкиром, решила привести приговор в исполнение независимо от местонахождения Бен-Барки. В проведении этой операции Уфкир попросил помощи у «Моссада», зная развитость и силу его европейской резидентуры и агентурный опыт. Амит согласился, — как говорила заангажированная пресса, «из опасений, что отказ отрицательно скажется на положении евреев в Марокко».

Решение принималось на уровне первых руководителей спецслужб: Амит встретился с Уфкиром во Франции осенью 1965 года и обсудил детали операции. «Моссад» согласился устроить Мехди Бен-Барке западню.

29 октября 1965 г. израильские агенты выманили Бен-Барку из Женевы в Париж якобы для встречи с кинорежиссером. Там, около кафе на Левом берегу, три офицера французской службы безопасности, сотрудничавшие с марокканцами, «арестовали» Бен-Барку — а затем по команде самого Уфкира марокканцы вывезли Мехди за город и попросту расстреляли. Тело Бен-Барки закопали в саду виллы в пригороде Парижа.

Резидент «Моссада» в Рабате, въехавший во Францию по фальшивому британскому паспорту, все время операции оставался с Уфкиром; по его словам, он был ошеломлен и возмущен, но поделать ничего не мог. Возможно, это и так, а возможно, он, равно как Амит и Уфкир, считал, что тайна похоронена вместе с трупом. Кто обратит внимание на исчезновение или даже на убийство не самого яркого представителя весьма brutальной ближневосточной политики?

Однако генерал де Голль немедленно приказал расследовать все обстоятельства исчезновения Бен-

Барки в центре Парижа — что и было выполнено быстро и полно. Расследование выявило не только израильско-марокканский сговор, но и причастность к этому французского эквивалента «Моссада» — Службы внешней документации и контрразведки (SDECE). Президент де Голль получил еще одно подтверждение некорректности SDECE — а он давно и совсем небезосновательно предполагал, что его собственная спецслужба может плести против него заговор. «Большой Шарль» пришел в ярость и приказал «навести порядок в доме» — тогда и была проведена жесткая чистка в спецслужбах Франции. Но досталось и Израилю — действительно, трудно представить харизматического правителя, который останется равнодушен к бесцеремонным действиям союзника Франции на ее территории. Де Голль приказал закрыть базировавшееся в Париже крупнейшее европейское представительство «Моссада» и полностью прекратил сотрудничество с израильскими спецслужбами.

Внутри же страны причастность к этому убийству Израиля держалась в секрете. Когда журнал «Бул» намекнул, что в деле Бен-Барки может быть «израильский след», «Шин Бет» немедленно конфисковала все 30 тыс. экземпляров и лишь 5 номеров достигли газетных киосков. Редакторы журнала Шмуель Мор и Максим Гилан были подвергнуты административному аресту. К ним была применена статья 23 закона о безопасности, которая до сих пор использовалась только в делах о шпионаже против еврейского государства. Это дело все еще остается единственным случаем применения этого закона против еврейских журналистов в Израиле.

Но на правительственном уровне, без придания дела огласке, скандал разгорелся вовсю; в конечном итоге столкновение политических сил вылилось в странный компромисс — вновь под знамена был призван ветеран разведки Иссер Харел.

Харел. Последняя попытка

Но, как и следовало ожидать, ничего хорошего от новой попытки совместной работы представителей весьма различных методик и идеологий не получилось. Они фактически толкали «воз» ответственной и сложной работы в противоположных направлениях. Это усугублялось и личной неприязнью между руководителями, и наличием разных «школ» внутри «Моссад». В большинстве вопросов Амит отказывался сотрудничать с Харелом. Сам же Харел искал и находил пути «обхода» Амита. Выглядело все это как тяжелая бюрократическая склока из числа тех, которые время от времени поражают большие учреждения. Используя свои личные связи и знание секретных архивов, Харел сумел заполучить секретные досье «Моссада» и составлял резко критические «докладные записки», а также вызывал руководителей департаментов на совещания к Эшколу, на которых часто поднимался вопрос о деловых качествах Амита и его недостатках.

Одним из внешних проявлений внутреннего конфликта стало то, что выдвигавшиеся Амитом предложения о проведении тайных операций в большинстве своем отклонялись Харелом.

Такая судьба постигла, например, смелый план, который предусматривал негласную поездку Амита в Каир для встречи с вице-президентом Египта маршалом Хакимом Амером. Это была идея одного из зарубежных еврейских бизнесменов, своеобразного агента влияния, имевшего хорошие связи в египетском руководстве, и она очень заинтересовала Амита. Но Харел поднял шум в политическом руководстве, что это западня и ни при каких условиях нельзя допустить поездки шефа «Моссада» в стан врага — мол, Меира Амита могут заставить выдать все израильские секреты. Обсуждение Амитом иницировалось неоднократно; история не терпит сослагательного наклонения, но вполне можно предполо-

жить, что такие переговоры могли изменить ход событий на Ближнем Востоке. Но, как известно, переговоры с Египтом в тот период так и не состоялись¹³² — а тем временем напряженность на границах с Сирией и Египтом постоянно нарастала, и не было времени спорить о том, кто возглавляет израильскую разведку, надо было работать и бороться с врагами настоящими. Получилось так, что усилия и старания Харела, его связи и опыт интриги только приблизили окончательное понимание невозможности продолжения его пребывания в действующем руководстве разведки.

«Второе пришествие» Харела окончилось через 9 месяцев. Надвигающаяся война отметала в сторону второстепенные вопросы и требовала от разведки сосредоточиться на главном: на подготовке к войне.

Глава 14. ЖАРКОЕ ЛЕТО 1967 ГОДА

«Аман» под руководством полковника Амоса Ярива, бывшего заместителя Амита в военной разведке, продолжил курс на совершенствование технической базы и добился к 1967 году выдающихся результатов в сборе и анализе всей доступной информации по вооруженным силам арабских стран, готовивших нападение на Израиль. Используя компьютерную систему, созданную полковником Ювалем Нееманом, разведсообщество сумело на основании информации, поступающей по самым разным каналам — от радиоперехвата, аэрофотосъемки и обработки открытых источников информации до агентурных данных, — предоставить военным стратегам Израиля подробнейшие списки целей и заранее выявить узкие места, которые могут возникнуть в ходе боевых действий.

Одним из этих «узких мест» была крайняя затруднительность для страны вести долгую войну. Призыв резервистов (а он был произведен, едва бронетанковые

колонны египтян выдвинулись на Синайский полуостров) означал для Израиля крайнее напряжение, вплоть до сокращения и приостановки многих видов производства, а по истечению совсем непродолжительного времени — и крах экономики.

Кроме того, аналитики достаточно отчетливо просчитали соотношение возможных потерь вооруженных сил при оборонительном варианте ведения боевых действий и в случае нанесения превентивного удара по арабским странам, и цифры эти очень и очень впечатляли руководителей маленькой страны, где, как говорится, каждый солдат был на счету.

Немаловажным фактором в определении стратегии в практически неизбежной предстоящей войне стала также позиция Франции, готовой вот-вот ввести эмбарго на военные поставки — это означало бы серьезное и лавинообразное снижение боевой мощи Израиля в ходе продолжительных военных действий.

Все эти соображения были изложены М. Амитом во время срочного и конфиденциального визита в Вашингтон. Разговор шел с аналитиками ЦРУ и самим Р. Хелмсом. Затем директор ЦРУ, приняв позицию Амита, организовал ему встречу с министром обороны Р. Макнамарой. В разгар доклада руководителя израильской спецслужбы «бухгалтеру смерти» принесли телеграмму о том, что генерал Моше Даян, ярый сторонник концепции превентивного удара (об этом хорошо знали и Хелмс, и Макнамара), назначен министром обороны Израиля. Это означало, что фактически руководство страны сделало свой выбор — что, впрочем, не умаляло значения позиции США.

Роберт Макнамара прочел телеграмму и, по воспоминаниям Амита, сказал:

— Я очень хорошо знаю Моше Даяна. Мы встречались во время его визита в Вашингтон. Я очень рад его назначению. Пожалуйста, пожелайте ему успеха от моего имени.

И после паузы добавил:

— Какое бы решение вы ни приняли, я желаю вам удачи.

Через несколько часов Амит направил из посольства шифрограмму: «Американцы считают нас суверенным государством и полагают, что мы имеем право принимать любое решение, которое, по нашему мнению, необходимо для спасения страны. Со стороны США не последует возражений в случае, если мы нанесем удар первыми. Они поймут наши мотивы. И я думаю, американцы сумеют удержать русских от прямой интервенции».

5 июня 1967 года самолеты ВВС Израиля, вооруженные бомбами и списками целей, составленными израильской разведкой, менее чем за шесть часов фактически обеспечили победу над мощной египетской армией в Шестидневной войне. Египетские ВВС были уничтожены на земле — причем ни одна бомба не упала на многочисленные макеты самолетов, «маскировочные цели»; удары наносились только по настоящим целям, как правило — в точно разведанное время завтрака или молебна египетских пилотов. Был уничтожен также секретный центр в Хелуане, серьезно поврежден ряд военных объектов и нанесены тяжелые, можно сказать, решающие потери сосредоточенным на исходных рубежах бронетанковым частям.

Сирийские и иорданские вооруженные силы также получили сокрушительные удары (операция против группировки на Голанских высотах началась через четыре дня, 9 июня — задержка была связана с тем, что в обстановке чрезвычайной секретности войска Израиля были только накануне переброшены сюда с египетского направления). Танкистам были известны позиции каждого орудия, расположение противотанковых мин и заграждений, схемы окопов и ходов сообщения — и это, а также четкая координация наступления с артиллери-

ей и авиацией, предопределило взятие неприступных позиций малой кровью.

В то время как арабское радио еще трубило о победе арабов, резидент ЦРУ в Израиле Джон Хадден сообщил в штаб-квартиру ЦРУ, что «война окончена». Он знал, что сообщает, — получал информацию, что называется, «из первых рук». У него были отличные отношения с «Моссадом» — контактеры, переименовав его имя на иврите, в шутку звали его Йоханан Ха-Дан и предоставляли ему доступ к самой свежей информации с полей сражений.

Впрочем, не все в отношениях с США было так безоблачно: в ходе войны израильская авиация и флот атаковали и потопили американский корабль-разведчик «Либерти».

8 июня 1967 г. «Либерти» у берегов Синайского полуострова контролировал продвижение войск. Израильские самолеты нанесли по нему ракетный удар и обстреляли (достаточно метко) из пушек, а потом подошел катер ВМС и добил «Либерти» торпедой. 34 американца погибли, многие были ранены. Ряд аналитиков считают, что уничтожение корабля было осуществлено намеренно: израильтяне хотели лишиться американскую разведку электронных «глаз и ушей» как раз в тот момент, когда перебрасывали свои части с египетского на сирийский фронт, — возможно, небезосновательно допуская перехват американских сообщений сильной электронной разведкой советского ГРУ (советские корабли радиоразведки постоянно находились в зоне Восточного Средиземноморья) и, через советское посредничество, утечку важнейшей информации в стан врага.

Действительно, если на мгновение допустить, что египтяне узнали бы о практически полном оголении противостоящего фронта на Синайском полуострове, то, несмотря на уже понесенные потери и деморализацию, наверняка развернули бы наступление — и соотношение потерь в этой войне оказалось бы другим.

Разобраться в этом инциденте было поручено резиденту ЦРУ Джону Хаддену и военно-морскому атташе США каперангу Эрнсту Каслу. Хадден и Касл сочли инцидент ошибкой: по их заключению, в пылу битвы ВВС и ВМС постарались уничтожить корабль, который согласно боевым картам просто не должен был там находиться, а наличие американского флага летчики и моряки сочли обычным военным трюком и не позаботились о том, чтобы проверить принадлежность борта.

Такая версия, в сущности, вполне устраивает «Моссад»; не случайно израильское правительство до сих пор жестко отказывается даже говорить о каких-то компенсациях вдовам моряков с «Либерти» — и дело, очевидно, не только в хронической напряженности бюджета страны.

Глава 15. СМЕНА ДИРЕКТОРОВ «МОССАД»

В 1968 году «Моссад» получил нового директора, назначенного, как всегда, в обстановке полной анонимности. Вместо генерала Меира Амита был назначен Цви Замир, известный больше всего тем, что старался оставаться в тени; его имя никогда раньше не мелькало в газетных заголовках.

Меир Амит не остался во главе «Моссада» после своего, считавшегося «первым», пятилетнего срока пребывания в этой должности. Произошло это не по его воле — Амит просил Эшкола продлить срок его службы, но премьер-министр отказал. Формально служба Амита была прекращена из-за громкого скандала с убийством Бен-Барки и еще нескольких (по большому счету, неизбежных в деятельности спецслужб) просчетов, но злые языки и тогда, и много лет спустя уверяли, что произошло это потому, что премьеру не нравилась чрезмерная независимость Амита.

Все, включая Эшкола, признавали, что Амит был

талантлив. Может быть, потому его и решили отправить в отставку — он был слишком эффективен. Ветеранов лейбористской партии беспокоила уверенность, сила и твердость позиций Амита, его авторитет, влияние на всех членов комитета «Вараш» и громадная заслуженная популярность после Шестидневной войны. Партийные лидеры не хотели иметь слишком сильного начальника разведки.

Не нравилась Эшколу и давняя прочная дружба Амита с министром обороны Моше Даяном. Они часто общались напрямую — и это вызывало острые конфликты с премьером. Например, в марте 1968 года Даян захотел совершить тайную поездку в Иран для встречи с шахом. Амит отвечал за конфиденциальные связи с Ираном, и Моше Даян обратился к нему с просьбой организовать визит. Когда об этом узнал Эшкол, он пришел в ярость. «Что здесь происходит? — вопрошал Эшкол руководителя «Моссада». — Как вы посмели пойти на это? «Моссад» и вы лично подчиняетесь мне, а не министерству обороны или Моше Даяну». Отрицательно сказался на карьере Амита и упомянутый ранее инцидент с перехватом пассажирского авиалайнера в воздушном пространстве Ливана, посадки его в Израиле и тщательного обыска — искали Жоржа Хабаша. Приказ на эту операцию исходил непосредственно от Даяна.

Спустя некоторое время Эшкол объявил, что решено поставить во главе «Моссада» генерал-майора Цви (Звичку) Замира.

Замир никогда раньше не служил в разведке, и это назначение было для всех в разведывательном сообществе неожиданностью. Но мотивы политической верхушки просматривались очевидно. Лидеры лейбористской партии считали Замира «своим человеком». Как и многие из них, он родился в Польше в 1925 году и попал в Палестину вместе с родителями в семимесячном возрасте.

В то время он носил фамилию Заржевский. В 18 лет Замир вступил в «Палмах», участвовал в боевых действиях в 1948 году и сделал хорошую военную карьеру. Он получил звание генерал-майора и был назначен командующим Южным округом, а в 1966 году стал военным атташе Израиля в Лондоне. Лондонское назначение не позволило Замиру принять участие в Шестидневной войне, и он, в отличие от других израильских генералов, не был окружен ореолом славы победителя. Он был «свой», он был управляем, он не пользовался чрезмерным весом — как раз то, что и требовалось.

Начальником военной разведки был назначен генерал-майор Аарон Ярив, несомненно, высоко компетентный опытный руководитель, но в то же время человек, страдающий излишним тщеславием и властолюбием. Правда, некоторые аналитики отмечают, что то значительное расширение сферы деятельности «Амана», которое осуществлялось в тот период, его проникновение в области, некогда отданные «гражданским» разведслужбам (политика, экономика, дипломатия, научные исследования), было инспирировано Моше Даяном¹³³. Пожалуй, эти предположения совсем не безосновательны — при сложившейся структуре и соотношении сил одних усилий Ярива и его амбиций было бы недостаточно, чтобы превратить за время своего руководства «Аман» в главенствующую структуру, оттеснив «Моссад» на второй план.

Объективные предпосылки этого, несомненно, в новом периоде существовали.

Глава 16. КРЫЛО РАСПРОСТЕРТОЕ

Разведка обычно не участвует в формировании политики, но она играет большую роль в достиже-

нии конкретных целей и реализации задач, поставленных политиками.

Эдгар Ратнов

«Аман» — самая большая и самая важная часть разведывательного сообщества с точки зрения обороны еврейского государства. В этом плане «Аман» напоминал — и не только в силу того, что он отвечал за организацию радиотехнической разведки, — американское Агентство национальной безопасности (АНБ). Названное американским автором Джеймсом Бамфордом «Дворцом загадок» в книге с одноименным заголовком, огромное АНБ живет в тени ЦРУ, но в то же время создает основу, на которой в конечном итоге базируются все успехи американской разведки.

При Амите в период, когда Ярив был его заместителем, а затем при самом Яриве происходило формирование новой структуры «Амана». Разведуправление стало состоять из шести департаментов, наиболее важные из которых — департамент «добычи» и «производственный» департамент.

Департамент добычи и организует зарубежную агентурную работу, и ведет радиоразведку — перехват сообщений как систем радиосвязи, так и наземных телефонных линий¹³⁴. В вопросах радиотехнической разведки он тесно взаимодействует с ВВС — осуществляется не только перехват сигналов, но и проводится активное воздействие на технические системы противника, например радары, создавая ложные цели для их дезинформации, выставляя помехи и так далее.

В производственном департаменте, который осуществляет анализ добываемой информации, самом большим, работают 3 тыс. из 7 тыс. сотрудников «Амана». Департамент состоит из отделов, которые, как и в «Моссаде», имеют географическую или функциональную структуру: западный отдел «обслуживает» Египет, Судан и Ливию; восточный — Ирак, Сирию и Ливан;

есть специальные отделы для Иордании и стран Аравийского полуострова; палестинский отдел, ведущий наблюдение за палестинскими партизанами; отдел анализа межарабских отношений и отдел ближневосточной экономики.

Продукция «производственного» департамента имеет вид аналитических документов или советов политическим деятелям.

«Аман» также отвечает за работу военных атташе в посольствах Израиля за рубежом, за военную цензуру прессы и за обеспечение режима секретности в частях израильской армии¹³⁵.

Небольшой (но имеющий в своем составе блестящих специалистов, компактную, но качественную производственную базу, а также располагающий возможностью привлекать специалистов и производственные мощности крупных госпредприятий) научно-исследовательский отдел занимается разработкой образцов оперативной техники и программного обеспечения для разведки.

В целом это была сильная и профессиональная структура, с передовым на то время техническим оснащением; во многих отношениях «Аман» стал сильнее, чем до Шестидневной войны, — но вскоре потерпел самое тяжелое поражение за всю свою историю.

Конечно, это поражение не только «Амана» — все члены комитета «Вараш» должны были знать о приближении новой войны и как минимум за пять месяцев до скорбного Йом киппур зафиксировать агрессивные приготовления противной стороны. Мог и обязан был всерьез вмешаться «Моссад», поскольку по своим каналам получал больше чем достаточно тревожной информации¹³⁶; но отношения в разведсообществе сложились так, что «гражданский руководитель» Цви Замир самое жесткое и точное предупреждение передал не лично, а через офицера связи в «Аман», и не проконтролировал, дошло ли оно до необходимого для принятия ответ-

ственных решений уровня — а оно «всплыло», только когда война стала реальностью.

В качестве основного объяснения причин тяжелейшего, как говорится, непростительного промаха военной разведки называют серьезный недуг, поразивший аналитические структуры «Аман», — так называемую «концепцию», которая утверждала, что арабы никогда не начнут большой войны, поскольку понимают, что не смогут ее выиграть. «Концепция» также включала положение о том, что в случае, если такая война все-таки начнется, израильтяне разгромят войска противника и войдут в столицы Египта и Сирии. Поэтому все сообщения, не укладывающиеся в рамки «концепции», отменялись.

Еще в 1969 году стало очевидно, что менее чем через два с половиной года после унижительного поражения Египет восстанавливал свои вооруженные силы гораздо более быстрыми темпами, чем это представлялось Израилю, — но аналитики разведки не могли проверить эту информацию и, в конце концов, не сделали ничего.

В феврале 1970 года впервые русские советники были прикомандированы к египетским боевым частям, и этот факт серьезно изменил соотношение сил, из которого исходил Израиль в планировании обороны западных рубежей оккупированного Синайского полуострова, — но «Аман» не сумел заблаговременно получить информацию об этом наиболее серьезном продвижении сверхдержавы в регионе за последние тринадцать лет¹³⁷.

Обучение и подготовка войск противостоящих арабских стран шла высокими темпами и с учетом современных требований (в частности, по развертыванию мобильных десантных соединений, применению новой техники и тактики), информация об этом поступала и по линии радиоразведки, и из агентурных сведений — но должного внимания она так и не привлекла.

В выступлениях Анвара Садата, нового египетского президента, который сменил умершего Насера¹³⁸, появлялись все чаще намеки, которые трудно было списать на привычную арабскую риторику, — но обращали внимание не на них, а, скажем, на сообщение французской «Монд» накануне войны, повсю отдающее типичной дезинформацией: «Молодые и неопытные солдаты президента Садата не в состоянии овладеть и пользоваться сложной советской техникой»¹³⁹.

Проводились большие маневры и движение египетских и сирийских войск — но необходимые меры предосторожности не принимались.

Даже совсем незадолго до начала боевых действий временное снижение степени готовности египетских войск у Суэцкого канала было воспринято как подтверждение «концепции» и основания для сворачивания собственных мобилизационных мероприятий. То есть не слишком изощренный пропагандистский ход арабов — готовиться к войне в открытую, но поддерживая воинственную риторику регулярными «утечками» в прессу о слабости и неготовности собственной армии, — срабатывал.

Тревожная информация поступала практически ежедневно — но выводы делались в рамках «концепции»...

Даже генерал Аарон Ярив чувствовал, что в аналитической ветви его службы творится что-то неладное. Сослуживцы отмечали, что он каждый раз приходил в ярость, как только возникала тема аналитической работы. Обычно сдержанный, он орал, потрясая перед носом у аналитика досье, содержащим первичную информацию: «Ради Бога! Ваши оценки не вытекают из этих данных!» В конце концов Аарон Ярив, который в свое время сделал для разведки очень многое, ушел в отставку с поста начальника «Аман» и был назначен советником премьера по вопросам борьбы с терроризмом.

Заменял его ставленник М. Даяна генерал Элия Зейра, бывший военный атташе в Вашингтоне и затем заместитель начальника «Аман». Часть славы военной разведки, которая действительно очень много сделала для победы в войне 1967 года, доставалась и Зейре.

Репутация «Амана» была так высока, что, когда в 1973 году Зейра заявил, что Египет слишком дезорганизован и слаб для нападения на Израиль, в Иерусалиме это восприняли как абсолютную истину. Это заявление Зейра сделал в мае 1973 года, когда египетские части в зоне канала уже были приведены в состояние повышенной боеготовности...

В конце концов получилось так, что Зейру объявили чуть ли не главным и единственным виновником плохой подготовки к новой войне. Он-де типичный военный бюрократ, заботившийся только о своей карьере, который совершил чуть ли не все стратегические (непреклонная верность «концепции») и тактические ошибки (собственный, безусловно надежный источник, подполковник разведки Южного командования, которое охватывало весь оккупированный Синай вплоть до линии Бар-Лева, шедшей вдоль захваченной Израилем стороны Суэцкого канала, Симан-Тов 1 октября 1973 г. сообщил, что через несколько дней Египет двинет свои войска через Суэц, — но и это сообщение было проигнорировано).

В вину ему ставилось и «ослепление» ЦРУ — действительно, в тот период практически вся информация в ЦРУ по Ближнему Востоку шла от израильской разведки, то есть фактически «концепция» воздействовала и на ЦРУ, — в результате чего накануне начала военных действий президент Никсон заявлял, что считает «новую войну на Ближнем Востоке маловероятной», расценив массовые и необычные передвижения арабских войск 5 октября 1973 г. как «ежегодные маневры».

По сей день достается от критиков и Цви Замиру¹⁴⁰, хотя «Моссад» был более насторожен. За два дня

до сирийско-египетского нападения агент «Моссада» в Каире сообщил о приближении войны. Шеф «Моссада» воспринял это предостережение серьезно, но не стал отстаивать свою точку зрения в высших эшелонах. Более того, в тревожный час Замир сам выехал за рубеж для личного опроса «источника», агента, который на короткое время был вывезен из Египта. В пятницу 5 октября Голда Меир не могла найти Замира.

Но относить вину только на руководителей разведслужб и нескольких аналитиков просто неправомочно. Не они придумали «концепцию» и попросту не могли ее преодолеть.

Вся проблема — в политическом руководстве страны. Первые лица государства, прежде всего Голда Меир и Моше Даян, по целому ряду объективных и субъективных причин, приняли как догму незыблемость военного превосходства над опасными соседями и фактически сделали все для ее претворения в жизнь.

Сложилась историческая ситуация, когда стабильность и динамичное развитие страны — а это, возможно, были единственные факторы, которые давали (в демократической модели внутреннего устройства, принятой Израилем) возможность оставаться у власти, — напрямую зависели от уровня военных приготовлений и внешней стабильности.

Оппозиционные политические силы в тот период уже могли в любой момент — что в конечном итоге и произошло в последующие годы — принять на себя руководство страной. Удержание политического господства во многом, если не полностью, определялось поддержкой масс, а для этого политика правящей партии должна была приносить процветание и военную стабильность.

В первые десятилетия существования Израиля как государства срабатывал, фактически, один и тот же стимул — речь шла о самом существовании государства

и народа, и абсолютное большинство населения готово было и терпеть лишения, и принимать жесткий режим безопасности, и повышать боеготовность ради того, «чтобы не увидеть египетские танки на улицах Тель-Авива».

Большое влияние на духовную мобилизацию народа имели и принципы сионизма, государственной идеологии Израиля.

Но к семидесятым годам, в частности и по итогам Шестидневной войны, и в связи с глобальными переменами, вопрос *существования* уже не стоял чрезмерно остро; кроме того, во всем мире наметилось ослабление идеологических факторов, так что в развитых странах отчетливо зазвучали голоса проницательных политологов и социологов о «кризисе идеологии».

Несомненная духовная перестройка произошла и в израильском обществе; некоторые ее стороны были, сознательно или нет (скорее, подсознательно), использованы верхушкой правящей партии для удержания власти. В конкретных условиях Израиля это, конечно, и была «концепция» о решительном поражении арабов, которые больше не осмелятся на открытую вооруженную борьбу с Израилем. В нее, по сути, входило и серьезное преувеличение итогов Шестидневной войны. И это, как неизбежное следствие, усиление чувства национального превосходства (а почва для этого благодатна — «богоизбранная нация» весьма склонна к высокомерию), выливающееся в существенную переоценку своих сил и возможностей.

Тогдашние руководители страны уже не могли перестроиться — они только попытались развить те черты ситуации, которые помогли им какое-то время удержаться у власти.

Это они, а не спецслужбы и не газетчики стали истинной причиной преувеличения до непомерных пределов значения победы в Шестидневной войне.

Они не захотели и не смогли по-настоящему осоз-

нать, что поражение арабских армий в войне 1967 года было серьезным, но не окончательным. Сейчас, с исторической дистанции, кажется невозможным не заметить, что:

— Обе страны, и Египет, и Сирия, обладали громадными ресурсами живой силы и получили от богатых арабских стран и от союзников очень серьезную материальную и военно-техническую поддержку.

— СССР фактически перевооружил на достаточно высоком военно-техническом уровне армии Египта и Сирии, в массовом порядке произвел подготовку и обучение специалистов, а также «продвинул» туда армию военных советников, хорошо подготовленных и отважных офицеров.

— Весьма чувствительные в тот период к проблемам поставок энергоносителей США во многом подыгрывали арабским странам и тоже предпринимали усилия по проникновению на этот новый рынок оружия.

— В самих Египте и Сирии боль военного унижения быстро превратилась в жажду реванша...

Все это не заметить и не осознать можно было только в одном случае — если не хотеть видеть и осознавать, если осознание препятствовало глубинным интересам. И все, что мешало самоослеплению, теперь последовательно отменялось. Сильные, независимые, способные отстоять истинную позицию руководители типа Амита убирались и на их место ставились все более управляемые. Активная работа с ЦРУ практически поставила американцев в зависимость от «концепции»¹⁴¹. Среднее звено разведывательных служб, прежде всего «Амана», тоже оказалось подвержено самоослеплению; возможно, это было связано с тем, что ряд аналитиков Амит забрал в «Моссад», а некоторые так и не смогли преодолеть эйфорию от удивительной, очень напоминающей библейскую историю о Давиде и Голиафе, победы. Сохранению состояния

эйфории способствовал и духовный подъем в обществе¹⁴², и фактически не прекращающийся несколько лет ажиотаж прессы. Кстати, цензура и «работа» с журналистами приводила к тому, что чуть ли не до Судного дня в прессе не появлялось тревожных сообщений. Общевоенные и мобилизационные мероприятия проводились по методике экономии средств. В политических действиях все больше присутствовала зависимость от политики США.

Очень характерный пример: когда близкое начало войны уже невозможно было не заметить, буквально накануне военных действий, — существовала возможность нанесения упреждающего авиаудара, как в 1967 году. Громадные сосредоточения войск хотя и не были столь тщательно, как в предыдущем конфликте, разведаны и более тщательно прикрыты средствами ПВО, все же могли быть серьезно ослаблены ударами бомбардировочной и штурмовой авиации. Существовали и были достаточно проработаны планы ударов по аэродромам и другим военным объектам... Но Меир и Даян уже понимали, что время упущено и сейчас американцы этого не одобряют. Чтобы сохранить поддержку США, стране теперь необходимо было принять на себя первый удар, заведомо пойти на дополнительные жертвы. Это стало последним и самым ярким проявлением зависимости Израиля от США в области внешней и оборонной политики.

Конечно, США оказали помощь Израилю — и материальную (2,2 млрд. долларов), и политическую, и, впоследствии, военно-техническую, но все это было уже после 6 октября...

Бои начались в субботу, 6 октября 1973 г. Мощная группировка египетских войск форсировала Суэцкий канал, прорвала неплохо выстроенную, но слабо прикрытую войсками оборонительную линию и продвинулась вглубь Синайского полуострова на 15–20 километ-

ров. Одновременно, сполна воспользовавшись фактором праздничной субботы, на сирийском фронте был нанесен танковый удар в районе Голанских высот. Линия обороны, которую прикрывали немногочисленные подразделения необстрелянных солдат, была прорвана. Там же произошел не слишком значительный по масштабу вовлечения войск, но серьезный по своим последствиям эпизод захвата секретных кодов на опорном пункте разведки. Стальной бункер на горе Хермон в течение нескольких часов держался в тылу быстро продвигавшихся сирийских войск. Солдаты и офицеры, которые удерживали его в неравном бою, работали на «Аман» и из бункера, расположенного на заснеженной вершине горы Хермон, самой высокой точки Голанских высот, даже в Йом киппур вели разведку Сирии. Это были совершенно секретные «глаза» и «уши» на севере страны и один из многих постов «Амана», который вел радиоперехват сирийских линий связи. К тому же с вершины горы в ясный день можно было наблюдать все передвижения сирийских войск вплоть до Дамаска, расположенного в 25 милях. Разведчики оказали отчаянное сопротивление, но сталь и железобетон в конце концов не выдержали. Сирийские «коммандос» ворвались в бункер, убив 18 защитников, более тридцати человек (почти все были ранены) взяли в плен, и самое главное — захватили большое количество новейшей разведывательной аппаратуры, которую потом и в Сирии, и в Египте, и в Москве будут изучать в мельчайших деталях. Кроме того, в руки противника попал полный комплект кодов, с помощью которых были расшифрованы переговоры израильских летчиков и военных диспетчеров. Впоследствии «Аман» признал, что пренебрежение техническими средствами, исключаящими захват кодов, было колоссальной ошибкой.

В небе над Ближним Востоком завязались тяжелейшие бои — и в них уже было немного эпизодов, подобных сентябрьскому 1973 года, когда израильская эскад-

рилья в одном бою над Латакией сожгла тринадцать сирийских «МИГов», потеряв одну машину. Общие потери ВВС Израиля за время военных действий составили 250 самолетов.

Моше Даян на третий день войны сумрачно намекнул на возможность разрушения «третьего храма израилева». ¹⁴³ В первую неделю войны впервые серьезно обсуждался вопрос о возможности применения Израилем ядерного оружия в качестве последнего и почти самоубийственного средства обороны. И не просто обсуждался: ракетные батареи «Иерихон» и бомбовые подвески на «Фантомах» были подготовлены для использования ядерных боеприпасов. Голда Меир, по воспоминаниям помощницы и доверенного лица Лу Каддар, похоже, была готова покончить с собой, однако смогла мобилизоваться и приняла план контрнаступления, подготовленный начальником штаба генерал-лейтенантом Давидом (Дадо) Элизаром, что в конечном счете привело в оперативном плане если не к победе, то к благоприятному перелому. Положение на фронтах стало складываться более благоприятно для Израиля, и мощный дипломатический нажим со стороны великих держав помог остановить боевые действия.

Однако обошлось все Израилю очень дорого. Потери только убитыми составили около трех тысяч человек — для страны с населением около 3 млн. это была тяжелая травма. В песках Синая и на отрогах Голанских высот сгорело более восьмисот пятидесяти танков...

Премьер-министр Голда Меир приказала провести официальное расследование «упущений» — таким эвфемизмом называли провал разведки, который привел к внезапному нападению в ходе войны Йом киппур. Комиссию возглавил председатель Верховного суда Израиля Шимон Агранат. «Козлами отпущения» комиссия сделала руководство «Амана», начальника штаба Дадо Элизара и командующего Южным округом генерала Шмуэля Городиш-Гонена. Генерал Зейра и

его три заместителя были уволены. Новым начальником «Амана» стал генерал-майор Шломо Газит.

В первые же недели после прекращения боевых действий, в обстановке серьезного духовного потрясения страны, были проведены структурные изменения в израильском разведсообществе, включая создание новой службы.

Центр планирования и исследований министерства иностранных дел, существовавший с 1951 года только на бумаге, стал реальной службой. Его задача заключалась не в сборе разведывательной информации, а в проведении дальнейшего анализа уже имеющихся данных. Центр расположился в отдельном корпусе служебного комплекса министерства иностранных дел в Иерусалиме.

Небольшой исследовательско-аналитический отдел «Моссада» был значительно расширен — фактически это означало, что создается служба, альтернативная аналитическому аппарату «Амана»; это было не дублированием, а необходимым расширением оценочной базы и гарантом против какой-нибудь очередной «концепции». Аналитики «Моссада» теперь стали принимать участие в подготовке для премьер-министра ежегодной «национальной разведывательной оценки».

ЧАСТЬ 5

МЫ С ТОБОЙ ДВА БЕРЕГА...

Глава 17. НА ПУТИ К ЛАГЕРЮ ДАВИДОВУ

Произошли и неизбежные перемены в политическом руководстве. В апреле 1974 года Голда Меир и Моше Даян ушли в отставку. Новым лидером Израиля стал Ицхак Рабин, из той же лейбористской партии. Он начал действовать в условиях, когда в стране возобладали новые настроения — по крайней мере очень и очень многие начали понимать, что путь прямой военной конфронтации не приведет ни к чему хорошему. Надо было искать пути смягчения напряженности. И этот процесс, реальные предпосылки которого имелись (военная конфронтация невыгодна странам-соседям, в отличие от тех или иных групп внутри них, эгоистические интересы которых требуют ее; даже ряд стран из ближнего окружения Израиля де-факто устранились от конфликта), начался.

«Моссад» обеспечивал и тайные контакты, и официальные встречи руководства страны с королем Иордании Хусейном¹⁴⁴ — вне всякого сомнения, в тот период это было самым важным и секретным аспектом внешней политики. Отношения Рабина и Хусейна развивались столь успешно, что иорданский монарх, который после разгрома палестинских отрядов в 1970 году

чувствовал себя достаточно уверенно, даже посетил Рабина в марте 1977 года в Тель-Авиве¹⁴⁵ — секрет, который до сих пор не был предан огласке даже в мемуарах тех немногих официальных лиц, которые знали о тайной дипломатии. По линии разведок пошел секретный обмен информацией между «Моссадом» и иорданской разведывательной службой «Мухабарат». Израильтяне, в частности, информировали Хусейна о многочисленных заговорах палестинцев против него.

«Мухабарат» существенно пополнял сведения «Моссада» об арабском радикализме. Руководители двух служб встречались довольно часто — на обоих берегах реки Иордан и на нейтральной почве в Европе. Но на подписание открытого мирного договора Иордания не пошла.

Израильский премьер, который уже твердо понял, что на египетском фронте должно быть что-то более постоянное, чем разведение войск, продолжил попытки вывести ближневосточные переговоры из тупика и обратился еще к одной стране, с которой сложились прочные тайные связи. По его заданию «Моссад» организовал тайный визит в Марокко.

Рабин вылетел в Рабат через Париж, надев для маскировки парик. На встрече он, в частности, попросил короля Хасана II убедить Анвара Садата сесть за стол переговоров. Немедленного результата в дипломатическом плане эта инициатива не принесла, но тайное сотрудничество Марокко и Израиля укрепилось. «Моссад», как и ЦРУ, получил полную свободу действий в Марокко — например, внедрять технику подслушивания и вести широкомасштабную радиоразведку в Северной Африке.

Помощь в мирном урегулировании оказывало и правительство Никсона; Генри Киссинджер и другие американские посредники искали пути заключения соглашения об отводе войск.

Вообще американцы серьезно развивали сотрудни-

чество — но, естественно, как практически все в американской политике, не бескорыстно. Израиль снабжал США превосходной информацией о советской военной технике, захваченной в войнах с арабами. Американцы изучали образцы этой техники, создавали и направляли образцы новых вооружений для испытания в Израиль. В числе таких новинок были противотанковые снаряды, устройства радиоэлектронной борьбы и современные аэронавигационные приборы. Таким образом, американское оружие проходило проверку в боевых условиях реально воюющей армии.

Не все попытки Рабина были успешными, но он указал новый курс и теперь в этом направлении сосредотачивались усилия не только политиков, но и разведчиков.

Делали они это уже под новым руководством: после пяти лет пребывания на посту директора «Моссада» Цви Замир, на котором, как и на всей верхушке, лежала тень «Судного дня», в 1974 вышел в отставку. Новым шефом «Моссада» стал генерал-майор Ицхак (Хака) Хофи.

В 1973 году он командовал Северным округом и оказался единственным генералом, который призывал военную верхушку обратить внимание на передвижение сирийских войск за несколько недель до «Судного дня». В возрасте 47 лет Хофи стал первым саброй, возглавившим «Моссад»¹⁴⁶.

Хофи воевал в отряде «Палмах», принимал участие в войне 1948 года. В качестве командира парашютного подразделения он еще до войны 1956 года принимал участие в нескольких дерзких рейдах Израиля на Синайском полуострове и в секторе Газа, а спустя 10 лет был одним из офицеров, разрабатывавших планы Шестидневной войны.

Одним из первых в высшем руководстве, Ицхак Хофи четко определился, что простого продолжения

традиционной линии «Моссада» на поиск «периферийных» друзей уже недостаточно, что Израилю нужно двигаться дальше и искать урегулирования с самими арабами. Вслед за Иорданией и Марокко настала очередь Ливана. Главным мотивом по-прежнему было укрепление отношений с христианской маронитской общиной Ливана, но приобретение связей в Бейруте открывало возможности непосредственного выхода на лидеров исламского мира, в том числе позволило провести первоначальные контакты с Египтом.

Работа по изысканию возможностей для начала переговорного процесса продолжалась, хотя произошла некоторая заминка, связанная с внутривнутриполитической ситуацией. В мае 1977 года израильский электорат «неожиданно» — хотя это можно было предвидеть сразу же по окончании войны — отвернулся от Рабина, а еще точнее — от лейбористской партии. На выборах победил блок правых партий «Ликуд», и новым премьером стал Менахем Бегин.

Особенности политического устройства страны и ее короткой истории, связанной с руководством в тот период практически одной небольшой группировкой, давали основание считать, что с приходом Бегина начнется новая страница в жизни. Перемены действительно наступили, в том числе и заметное кадровое обновление, которое, впрочем, к чести Бегина, не вылилось в «чистку» ставленников лейбористского истеблишмента.

Шеф «Моссада» Хофи и Аврахам Ахитув из «Шин Бет» направили новому премьеру почти идентичные письма, в которых выражали свою готовность уйти в отставку.

Бегин, однако, предложил им оставаться на своих постах. Вскоре оба руководителя, особенно шеф «Моссада», стали частыми гостями в кабинете премьер-министра. И вскоре оказалось, что хотя в разведывательных и политических акциях появятся новые черты,

скорее авантюра, чем серьезных действий, линия на снижение напряженности в отношениях прежде всего с Египтом будет продолжена и развита, и роль спецслужб в этом процессе предполагается очень важной.

Более того, предполагалась миссия, которая совсем недавно казалась просто невозможной. Представить только, что шеф «Моссада» — фигура, вызывавшая страх и ненависть во всем арабском мире, — должен был встретиться с египтянами!

Но дело того стоило. По конфиденциальным каналам была получена информация о согласии на такую встречу и в качестве предпочтительного места ее проведения было названо Марокко. Ицхак Хофи заручился согласием короля Хасана II на содействие в проведении необычной встречи. Было уточнено время и некоторые процедурные вопросы, и вот спустя несколько недель после вступления Бегина в должность шеф «Моссада» в сопровождении Дэвида Кемчи прибыл во дворец короля Хасана в Ифране. В тот же день в Марокко прибыли два высокопоставленных представителя Египта. Это были генерал Камаль Хасан Али¹⁴⁷, руководитель египетской разведки, и Хасан Тохами, заместитель египетского премьера.

Целью Хофи было убедить египтян в серьезности миротворческих намерений Бегина и наличии у него достаточного политического веса для реализации этих планов. Это ему удалось сделать; Хофи и Тохами договорились о дальнейших тайных контактах на более высоком дипломатическом уровне. И вот 16 сентября 1977 г. Тохами снова полетел в Марокко, на этот раз для встречи с Моше Даяном — новым министром иностранных дел, который сменил генеральский мундир на фрак, а голос команд и угроз на дипломатическую сдержанность и рассудительность. Помня о роли Даяна в войнах и политике последнего времени, у Тохами не было никаких оснований предполагать неискренность предложения Израиля: уйти с Синая, возвратив Египту

нефтепромыслы, аэродромы и все поселения в обмен на заключение мирного договора.

Эта встреча в Марокко открыла путь для исторического визита Садата в Иерусалим, состоявшегося через два месяца.

Переговоры с Египтом были в Израиле восприняты неоднозначно. Особенно большие опасения были у «Амана»: в своей ежегодной «Национальной разведывательной оценке» военная разведка сделала вывод о том, что процесс мирных договоренностей — блеф, что Садат пойдет по пути войны, а не мира. Впоследствии, пытаясь объяснить, почему тогда сложилась такая уверенность «Амана», генерал Газит заявил: «Садат принял решение, которое ранее не обсуждалось ни на одном уровне правительственной иерархии». Но тогда «Аман», больше всего опасаясь повторения утраты бдительности, информировал генерал-лейтенанта Мордехая Гура из генштаба, что поездка Садата может быть прикрытием для военного удара по Израилю. 19 ноября 1977 г. израильская армия была приведена в состояние повышенной боеготовности.

Но самого Садата это ничуть не смутило. Спустившись по трапу своего самолета в аэропорту Бен-Гуриона, он как ни в чем не бывало пожал руку генералу Гуру и с улыбкой сказал ему:

«Я приехал ради мира, а не ради войны».

...Три года спустя после того как в Кэмп-Дэвиде был подписан мирный договор, в ходе очередного визита Садата в Израиль египетский руководитель совершил поездку в Хайфу, где в его честь был устроен банкет. Заместитель египетского премьера Хасан Тохами готовился войти в банкетный зал, а в двух метрах от него стоял шеф «Моссада» Ицхак Хофи с женой. Тохами и Хофи сделали вид, что не знакомы друг с другом — ни рукопожатия, ни даже кивка головой.

Один израильский тележурналист, который знал о тайной встрече этих двух деятелей в Марокко, подко-

вырнул Тохами: «Ну, хватит притворяться. Все это уже в учебниках истории».

Дружить хоть с чертом, по старым злым рецептам...

Но кроме большой «миротворческой» миссии, которая, как показало время, вполне лежала в русле исторического процесса и намного содействовала снижению напряженности на Ближнем Востоке, осуществлялось множество операций по линии разведывательного сообщества и тайной дипломатии, которые отчетливо несли следы прежних концепций и, по большому счету, уже не приносили положительных результатов.

Режим Бегина, например, установил отношения с несколькими весьма одиозными режимами. В Южной Америке Израиль продавал оружие и военные технологии Чили и Аргентине, где военные хунты едва скрывали свой антисемитизм. В обмен Израиль получил обещания военных диктаторов в Сантьяго и Буэнос-Айресе, что они будут защищать евреев и разрешать им покидать страну со своими накоплениями и собственностью. Эмиграция эта происходила — но в отнюдь не значительных масштабах; что же касается этих «союзов» в целом, то реальная польза от них для Израиля оказалась сомнительна. Выигрывал только военно-промышленный комплекс да обогащались частные торговцы оружием (о них будет рассказано позже), а что касается престижа государства и перспектив «легального» сотрудничества, то здесь баланс был просто отрицательным.

Сочетание явной и тайной дипломатии, включая и прямое нарушение общепринятых норм, проводилось и в отношении Румынии, единственной страны социалистического лагеря, сохранившей дипломатические отношения с Израилем после войны 1967 года.

Тайные отношения с румынским президентом Николае Чаушеску и его приближенными осуществлял Ешайяху (Шайке) Трахтенберг-Дан, парашютист-диверсант во Вторую мировую войну, который с группой диверсантов из английской армии воевал за линией фронта на Балканах, а затем служил в «Бюро связей» при Авигуре и Леваноне.

Шайке Дан находился под пристальным вниманием разведок стран ОВД. Однажды (в августе 1967 г.) его попытались убить, но перепутали с американцем из «Джойнта» Чарльзом Джорданом — его убили в ЧССР, достаточно неловко попробовав это выдать за несчастный случай. Следует признать, что ни опасности, ни угрозы не остановили разведчика: Дан, правда, действуя в основном под «дипломатическим прикрытием», продолжал действовать в Восточной Европе.

Ему удалось добиться согласия клана Чаушеску на выезд румынских евреев в Израиль. Взамен израильские специалисты помогали ремонтировать румынские танки и другое вооружение, и еврейское государство стало импортировать гораздо больше румынских товаров, чем ему требовалось.

Но главным были деньги. Через благотворительные еврейские организации на Западе Израиль согласился выплатить по 3 тыс. долларов за каждого еврея, которому румынские власти разрешат выезд в Израиль. Официально это считалось компенсацией за полученное образование, но всем было ясно, что это обыкновенный выкуп. Дан прилетал в Бухарест с полным чемоданом денег и производил выплаты.

Израиль охотно принял условие Чаушеску хранить эти соглашения в тайне. Все случаи выезда евреев из Румынии официально преподносились как воссоединение семей, а не как эмиграция.

Сближение с правящим румынским кланом стало основой того, что Шайке Дан стал главным посредником Запада в тайных договоренностях с Чаушеску.

Учитывая особый статус США в Румынии, Шайке официально числился советником правительства США. В этом качестве он лоббировал просьбу Румынии о предоставлении ей статуса наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами Америки.

Коррупция, тайные сделки, секретные договоренности — все это, естественно, способствовало разложению правящей верхушки. В 1989 году режим Чаушеску пал, они с женой были расстреляны. На суде выяснилось, что он и его семья, в частности, присвоили себе около половины из 60 млн. долларов, выплаченных Израилем...

Глава 18. ДЛИННЫЕ-ДЛИННЫЕ РУКИ МАЛЕНЬКОЙ-МАЛЕНЬКОЙ СТРАНЫ. АВАНТЮРЫ

Самые крупные авантюры, которые вызывали реакцию уже во всем мире и очень серьезно определили новый имидж Израиля, были совершены в основном в период пребывания у власти не раз уже упомянутого здесь Менахема Бегина; тем не менее этот весьма неоднозначный политик вошел в историю прежде всего как один из соавторов восстановления дипломатических отношений с Египтом, а авантюры связывают с влиянием на него и политическую верхушку генерала Ариеля (Арика) Шарона.

В период роста своего политического влияния Шарон оказал очень большое воздействие на все ветви разведывательного сообщества. Если не учитывать, что было сделано по его приказам и наоборот, вопреки им, что обязано своим существованием его интригам, а что произошло в результате интриг против него, то история важного десятилетия в жизни израильских разведслужб окажется малопонятной.

Ариель Шейнерман родился в 1928 году в Палестине и был воспитан как на социалистических догмах, так и на идеях сионизма. Во время войны 1948 года Шарон был ранен, но вернулся в строй и в 1953 году принял участие в создании подразделения «101», которое стало прообразом спецназа «сайерет». Подразделение «101», которое совершало карательные рейды на арабские территории, насчитывало всего 45 человек и просуществовало недолго, но, по словам Шарона, «эти пять месяцев оказали решающее воздействие на борьбу Израиля с терроризмом». О практике подразделения свидетельствует получивший большую огласку рейд на иорданскую деревню Киббия ночью 14 октября 1953 г. Тогда в ответ на убийство еврейской семьи подразделение «101» — при поддержке регулярных частей — вошло в деревню, и «парни Шарона» взорвали 50 домов. Часть иорданцев разбежались, но погибли 69 человек, включая прятавшихся в домах женщин и детей. Шарон говорил о произошедшем как о «намеренной трагедии».

Затем Шарон был назначен командующим парашютно-десантными войсками и быстро превратил их в, по его словам, «нетрадиционные антитеррористические силы». В 1971 году предприняли попытку ликвидации терроризма на оккупированной территории сектора Газа. За 7 месяцев, по подсчетам самого Шарона, его люди убили 104 и арестовали 172 палестинца.

Во второй период войны 1973 года командовал подразделением, которое успешно продвинулось на Синайском полуострове, где его и застало прекращение огня. Затем Шарон занялся политикой — стал лидером либеральной партии. Затем сумел убедить руководителей нескольких разрозненных правых оппозиционных групп объединиться под одной «крышей», которая получила название «Ликуд»¹⁴⁸. На выборах 1977 года блок победил и было сформировано новое правительство.

Шарон пытался создать для себя пост «министра разведки», подчинив все ветви разведывательного сооб-

щества; Бегин для начала сделал его министром сельского хозяйства. Но, как говорится, человек красит место: и в сугубо мирном министерстве удалось организовать прямо-таки военную кампанию. Арик резко активизировал строительство киббуцев на оккупированных территориях, которые он называл «фактами на земле». Одновременно он, все более влиятельный политический деятель, добивался контроля над «Лакамом», «Моссад» и «Шин Бет». Шарон стремился убедить Бегина заменить их руководителей, прежде всего шефа «Моссада» Ицхака Хофи¹⁴⁹. Это и произошло по истечению восьмилетнего срока руководства Хофи, но предварялось и сопровождалось борьбой — как открытой, так и закулисной.

Отголоски конфликтов и вообще действий Шарона, который затем стал министром обороны, прослеживаются во всей истории разведки в тот период. Шарон создал «двор Арика» — неофициальные, но влиятельные аналитические группы, в которые входили как государственные чиновники, так и частные граждане. Туда входили ветераны «Моссада» Рафи Эйтан и Рехавья Варди, которого Шарон назначил «координатором» на оккупированных территориях; генерал-майор Аврахам Тамир, помощника министра по вопросам планирования и стратегии; торговец оружием и ветеран «Амана» Яааков Нимроди. Гостем, хотя и нечастым, «двора Арика» был и Дэвид Кемчи, который занимал второй по старшинству пост в «Моссаде» до своего перехода на должность генерального директора министерства иностранных дел.

Влияние Шарона и «двора» усилилось, когда сменилось руководство в «Шин Бет». Место Ахитува занял Аврахам Шалом — старый друг Рафи Эйтана, который вместе с ним участвовал во многих операциях. Шарон и Шалом по многим вопросам были единомышленниками.

Поставив под контроль «Лакам»¹⁵⁰, располагая силь-

ными позициями в правительстве и партийной верхушке, и в руководстве «Шин Бет» (где к тому времени тоже стали задавать тон «сабра»), Шарон, считая, что оборонительные интересы Израиля выходят за пределы зоны непосредственной конфронтации с соседними арабскими странами и включают Пакистан, Северную Африку и даже более отдаленные районы Африканского континента, попытался реализовать, иногда привлекая традиционные каналы спецслужб, а иногда и помимо них, различные военные и внешнеполитические проекты.

«Беби-шах»

Наиболее прямое и откровенное блокирование «Моссадом» действий, предпринимаемых по инициативе «двора Арика», произошло в истории с планом поддержки наследного принца Ирана Резы Пехлеви, или «беби-шаха». После Исламской революции принц с немалой свитой (чуть ли не со всем генералитетом шахской армии) обосновался в Марокко. Там был создан «теневого двор» и находили приют многие враги режима аятолл. При помощи ЦРУ был организован канал вещания на Иран — впрочем, реальным влиянием в стране он не пользовался. Естественно, при дворе «беби-шаха» разрабатывались планы заговоров, которые в конечном итоге должны были помочь взойти на тегеранский трон. Во «дворе Арика» посчитали — в это уж очень хотелось поверить, например, Нимроди, — что поддержка заговора может принести большую пользу Израилю. Нимроди¹⁵¹, потерявший миллионы долларов в Иране, когда исламские легионы аятоллы Хомейни свергли шаха Ирана, продолжал лоббировать западные интересы в Тегеране. Как признанный эксперт по этому региону он надеялся вернуть Западу рынок Ирана с его 45-миллионным населением, попутно намереваясь возратить свои капиталы.

Специальная миссия (без ведома «Моссада») была направлена в Марокко. Там «Беби-шах» и его генералы свиты говорили Нимроди, Швиммеру и Кашоги, что для реализации планов переворота нужны только деньги на покупку оружия и оплату наемников, которые свергнут аятолл.

В следующей встрече, в «Маунт Кения сафари клуб», принадлежавшем Кашоги¹⁵², принимали участие, помимо упомянутой троицы и Дэвида Кемчи, Шарон со своей женой Лили, президент Судана Нимейри и начальник его разведки Абу Таеб¹⁵³.

Нимейри, по словам Шарона — «хорошо информированный и проницательный», действительно шел на сотрудничество с Израилем и поддержал план превращения Судана в базу и арсенал для «специальных проектов», прежде всего иранской операции. Нимейри, скорее всего, исходил из интересов Судана и лично своих: операция предполагала большие деньги (Саудовская Аравия была готова выделить для этого 800 млн. долларов), создание больших арсеналов оружия, включая танки, самолеты и ракеты, формирование наемной армии, которой, естественно, необходимо снабжение и обслуживание, — короче, все сулило выгоду. С точки зрения традиционной и не изжитой до сих пор политики (поддержка группировок, которые борются с враждебными к Израилю режимами в Азии и Африке), для Израиля предполагалась политическая и экономическая выгода: сбыть массу трофейного оружия, накопившегося за годы войн и контртеррористических операций.

Поддержка режима Нимейри в Судане была связана еще и с антиливийскими устремлениями Израиля: Нимейри помогал прозападному президенту Чада Хиссейну Хабре, а Каддафи поддерживал антиправительственных повстанцев. Соединенные Штаты и Франция, владевшая ранее этой колонией, также были на стороне Хабре. Все, что шло во вред Каддафи, который

поддерживал наиболее радикальные и фанатичные группировки в Европе и арабском мире, только подчеркивало важность общей цели США и Израиля: всемерно ослаблять влияние ливийского лидера с прицелом на его свержение. Но, забегая несколько вперед, можно сказать, что действия «двора-Арика», которые начали осуществляться по линии Минобороны, отмечены поспешностью и риском.

Генерал Тамир в ноябре 1982 года вылетел в Париж для встречи с представителем Чада. Тот был настроен оптимистически в отношении шансов Хабре на победу, но опасался полномасштабного вмешательства ливийской армии. Чад добивался от Франции обещания прислать свои войска, если с севера в страну вторгнутся ливийцы. Получалось, что основная ответственность за спасение режима Хабре ложится на плечи Франции, а Израиль набирает политический капитал за «укрошение» Каддафи. Спустя две недели Тамир в гражданской одежде через Париж вылетел в Нджамену для окончательного согласования деталей тайного соглашения Чада с Израилем. Стороны договорились, что Израиль пришлет военных советников для оказания помощи вооруженным силам Чада в гражданской войне и противостоянии с Ливией. Арик Шарон, который совершал поездку по странам Африки, передал Чаду груз стрелкового оружия, доставленного самолетом из Израиля. Вскоре в Нджамену прибыло 15 советников из уже находящегося в Заире израильского контингента.

Аналитики «Моссасада» забили тревогу. Наум Адмони (тогда он уже возглавил «Моссад» после Хофи) доложил премьеру, что направлять военный персонал в страны с неустойчивыми режимами, где в любой момент повстанцы могут одержать верх, — огромный риск; кроме того, при агрессии Ливии военные советники в Чаде могли попасть в плен к ливийцам.

Премьер-министр принял доводы Адмони. Военные советники были срочно отозваны...

Что же касается встречи на ранчо Кашоги, то, как говорится, все складывалось слишком хорошо, чтобы быть правдой.

«Моссад» потребовал подробную информацию о встрече и получил ее от Дэвида Кемчи. Ицхаку Хофи, тогда еще не ушедшему в отставку, естественно, не понравилось ни то, что его отстранили от встречи с Нимейри¹⁵⁴, ни тем более то, что, по существу, по линии минобороны начали крупномасштабную тайную операцию, причем без участия не только «Моссада», но и «Амана» — а аналитики обеих разведслужб всегда с недоверием относились к Аднаном Кашоги.

Аналитики «Моссада» давно пришли к однозначному выводу о том, что в политическом плане время «беби-шаха» и его генералов прошло. Операция вторжения в Иран небольшими силами, предпринятая в то время, когда он успешно противостоял огромной армии Ирака, имела очень мало шансов на успех и могла привести только к серьезным потерям и разоблачению как международного заговора, так и заговорщиков.

Кроме того, аналитики «Моссада» смогли представить четкую аргументацию отсутствия реальной необходимости «суданского арсенала» — действительные интересы и возможности Израиля не требовали рисковать ни жизнями своих граждан, ни деньгами и престижем государства ради сомнительных операций в далеких странах ради не слишком значительных и опосредствованных политических выгод.

Бегин, с подачи Хофи и поддержавшего эту позицию министра иностранных дел Шамира, заявил Шарону, что ему нужны более серьезные доказательства того, что переворот в Иране может увенчаться успехом, — а тем временем Хофи тайно отправил одного из своих заместителей¹⁵⁵ в Марокко для встречи с «беби-шахом». Там представитель «Моссада» заявил молодому принцу: «Я уполномочен высшим руководством Израиля сообщить вам, что израильтяне, с которыми вы

встречались, не являются нашими официальными представителями. От них у вас будут одни неприятности. Пожалуйста, в будущем поддерживайте прямой контакт с нами, хотя сам по себе «суданский проект» нас не интересует».

«Фантомы» над Багдадом за пятнадцать лет до «Бури в пустыне»...

«Моссад» и «Аман» наблюдали за ядерной программой Ирака с того момента, как только стало известно о намерении Багдада приобрести атомный реактор у Франции. В ноябре 1975 года Франция дала согласие на поставку в Ирак двух реакторов: одного — небольшого, для исследований, и второго — промышленного, мощностью 70 мегаватт. Иракцы назвали этот проект «Таммуз» по имени ханаанского бога.

Мысль о том, что арабское государство — особенно радикальный Ирак — сможет получить ядерное оружие (о том, сколь краток, при старании, путь от мирного реактора к смертоносной бомбе, все они хорошо знали), лишала сна израильских руководителей. До момента прихода Бегина к власти в 1977 году Израиль пытался дипломатическими средствами затормозить ядерную программу Ирака, отговаривая Францию, Италию и Бразилию от выполнения обещаний по поставкам в Ирак материалов, оборудования и технологической информации, связанной с проектом «Таммуз». Израиль также попросил вмешаться Соединенные Штаты, надеясь, что линия президента Картера на укрепление режима нераспространения ядерного оружия может повлиять на Францию. Однако эта «тихая дипломатия» оказалась бесплодной. Строительство реактора около Багдада продолжалось быстрыми темпами.

После победы блока «Ликуд» его лидер Бегин заявил на тайном совещании, что отныне уничтожение реактора в Ираке будет рассматриваться как одна из

высших национальных целей Израиля. Бегин приказал не жалеть сил для сбора информации о реакторе «Таммуз»: о темпах его строительства и сотрудничестве Ирака с другими странами в этом вопросе. Была выдвинута новая доктрина, согласно которой Израиль не должен позволить ни одному арабскому государству приобрести наступательный ядерный потенциал.

Первая попытка срыва ядерной программы Ирака была предпринята «Моссадом». В начале апреля 1979 года во французский Тулон различными маршрутами прибыла группа оперативников и заминировала склад в Ла Сейн-сюр-Мер, где дожидались отправки в Ирак два крупных блока для реактора. Французским властям пришлось только руками развести: высокопрофессиональная работа. Мощные заряды взрывчатки были прикреплены прямо к блокам реактора, взрыватели установлены на 3 часа утра и в момент взрыва — никаких следов организаторов этой диверсии. Особых сомнений в причастности «Моссада», впрочем, не было — не принимать же всерьез заявление некой малоизвестной организации французских «зеленых», которые попытались взять на себя ответственность за диверсию. Но конечный результат операции оказался нулевой: французское правительство заявило, что выполнит свои обязательства перед Ираком и поставит ему новые блоки взамен уничтоженных взрывом.

Тогда и было решено пойти на применение военной силы. Бегин приказал «Моссаду» и «Аману» изучить вопрос о возможности уничтожения реактора под Багдадом силами диверсионных групп «сайрет». Одновременно Рафуль Эйтан, начальник генерального штаба, приказал ВВС на основе имевшейся разведывательной информации построить полномасштабную модель реактора.

После тщательной проработки вариантов выбор пал на организацию мощного авианалета.

Но подготовка еще не означала удар. Шеф «Мосса-

да» Ицхак Хофи и глава «Амана» Шломо Газит считали, что до пуска реактора и до того времени, когда он станет представлять реальную опасность, оставалось еще очень много времени. Разведчики выступали за продолжение наблюдения за реактором и использование дипломатических каналов, предостерегая, что бомбардировка Багдада может вызвать прекращение ирано-иракской войны и объединение их сил против Израиля как раз в тот момент, когда война в Персидском заливе была на руку Израилю. Кроме того, были опасения, что такого рода военная акция вызовет широкое осуждение в мире.

Торопились только «Ликудовцы» в составе кабинета министров, небезосновательно полагая, что сильная акция накануне очередных выборов подогреет электорат и поможет победе. Их слово оказалось решающим. 4 июня 1981 года израильские самолеты «Ф-15» и «Ф-16» уничтожили иракский ядерный реактор в районе Багдада.

С военной точки зрения это была безусловно успешная операция, которая продемонстрировала, что Израиль обладал превосходной разведкой и мог наносить удары на значительном удалении от своей территории. Надо отдать должное профессионализму «Амана» — операция была подготовлена весьма тщательно, цели, время удара, коридоры подхода и отхода были проработаны точно. Воздушный налет был осуществлен в полном соответствии с планом — а это было за три дня до выборов. Израиль возликовал, блок «Ликуд» снова победил, и Бегин остался премьером на второй срок.

Следует признать, что в дипломатическом плане Израиль не потерпел значительного ущерба — отчасти потому, что США и Советский Союз с облегчением встретили вест о разрушении ядерной «вавилонской башни» в Багдаде. В общем-то, наверное, все здравомыслящие люди в мире, даже те, кто осуждал военные

авантюры, весьма и весьма опасались соединения политического радикализма с оружием массового уничтожения. Новый президент Франции, социалист Франсуа Миттеран использовал этот факт для свертывания сотрудничества с Ираком в ядерной области. Разрушенный реактор так и не был восстановлен.

3. Вторжение в Ливан

Отношения с Ливаном, непосредственным соседом Израиля, до начала семидесятых годов предпринимались преимущественно в рамках тайной дипломатии. «Моссад» и «Аман» поддерживали тесные контакты с фалангистами — формированиями христианской милиции Ливана. К 1974 году ситуация в этой небольшой стране, где проживали несколько национальных и религиозных групп (христиане разных конфессий, мусульмане сунниты и шииты), заметно осложнилось. Христианские лидеры почувствовали, что теряют доминирующее положение в стране — мусульманские соперники сформировали коалицию, в которую вошли, кроме местных партий и организаций, палестинцы, нашедшие убежище в Ливане. Назревали серьезные преобразования в стране, но правящая группировка, по преимуществу христиане, решительно отказывалась от любых реформ системы власти. Назревал конфликт, который мог перерасти (и перерос) в гражданскую войну. Победа коалиции не устраивала многих, в том числе и умеренных мусульманских соседей. Король Иордании Хусейн убедил христианских лидеров Камилля Шамуна и Пьера Джемалея вступить в контакт с Израилем.

С израильской стороны контакт поддерживал «Моссад», который организовал встречу бывшего президента Ливана К. Шамуна и бывшего министра П. Джемалея с премьер-министром Ицхаком Рабином. Наиболее яркой фигурой в стане фалангистов был сын Пьера Джемалея, Башир.

Когда Башир Джемаель работал в адвокатской фирме в Вашингтоне, его завербовало ЦРУ. Американцы заплатили Джемаелю тысячи долларов и не ошиблись в своем выборе: несмотря на то что он был самым младшим из шести сыновей Пьера, Башир сумел обогнать своих старших братьев и в 1976 году стал руководителем самого крупного контингента христианской милиции. Клан Джемаеля полностью контролировал территорию порта к северу от Бейрута.

В 1975—76 годах в Ливане вспыхнула гражданская война. Один из красивейших городов мира, Бейрут, был опустошен и разрушен. Как иногда происходит в итоге гражданской войны, настоящей победы не одержала ни одна из сторон, но страна оказалась расчлененной на зоны влияния и понесла тяжелейшие потери. Израиль поддерживал, в том числе поставками оружия, фалангистов — в давней традиции политики «периферийных союзов». Обеспечив выживание фалангистов в ходе гражданской войны, «Моссад» получил разрешение на открытие еще одной своей ливанской резидентуры, оснащенной мощным радиопередатчиком, расположенным в порту Джуней. В дополнение к разведчикам «Моссада» в Джуней были направлены офицеры израильской армии, которые установили официальную систему взаимодействия с фалангистами Джемаеля. В подготовке боевиков-фалангистов из Северного Ливана принимали участие инструкторы израильской армии, а также «Моссада» и «Шин Бет». Фалангисты также создали с помощью Израиля свои собственные службы безопасности и разведки, которые возглавил Эли Хобейка.

Одновременно израильтяне создали свою собственную милицию на юге Ливана, которая должна была противостоять влиянию ООП в этом регионе и защищать северную границу Израиля. Это формирование, в котором господствовали христиане из района Марджаюна, получило название Армии Южного Ливана. Ее

бойцы были одеты в израильскую военную форму, на автомашинах и танках этой армии сохранялись надписи, сделанные на иврите. За финансирование, экипировку и боевую подготовку этой армии отвечал «Аман». Разведке удалось создать разветвленную сеть осведомителей, снабжавших актуальной информацией о палестинских партизанских группах, о сирийских вооруженных силах и политических процессах в этой части арабского мира. Тем не менее до 1981 года отношения с фалангистами строились по принципу «мы помогаем им помогать себе». Дэвид Кемчи, опытный моссадовец, который работал в то время в Ливане, говорит, что фалангисты знали: Израиль не будет воевать за них. Новый лидер Израиля Бегин приказал расширить и углубить контакты с фалангистами.

Ариэль Шарон, весьма влиятельный в тот период политик по прозвищу «Бульдозер», министр обороны в правительстве Бегина, считал, что Башир Джемаель — тот человек, который готов и вполне способен реализовать создание на Ближнем Востоке «нового порядка». В январе 1982 г. Ариэль Шарон, генерал Тамир, представители «Моссада», глава «Амана» генерал Йехошуа Сагуй и другие высокопоставленные военные вылетели на вертолете в Джуней на встречу с Баширом Джемаелем. Был достигнут ряд принципиальных договоренностей, которые затем были подтверждены в ходе визита Джемаеля в Иерусалим для встречи с премьер-министром Бегиним.

Против соглашения выступал «Аман», утверждая, что нельзя планировать передвижение своих войск в зависимости от поддержки не слишком надежных фалангистов¹⁵⁶. Военная разведка располагала информацией о том, что Джемаель поддерживал связи с сирийским руководством и даже с ООП. Но руководитель «Моссада» Хофи фактически поддержал план Шарона. Началась подготовка вторжения; в январе 1982 года шеф военной разведки посетил Вашингтон и заявил

госсекретарю Александру Хейгу, что если палестинские провокации будут продолжаться, то Израилю ничего не останется, как оккупировать Ливан вплоть до окрестностей Бейрута. Через несколько месяцев в Вашингтоне побывал Шарон и подтвердил эту позицию. К лету все было готово. Поводом стало произошедшее 3 июня 1982 года покушение на посла Израиля в Лондоне Шломо Аргова, совершенное палестинскими террористами из отколовшейся от ООП группировки Абу Нидаля.

6 июня израильские войска пересекли границу Ливана. Официально операция называлась «Мир для Галилеи».

Объявленной целью вторжения было уничтожение артиллерийских и ракетных позиций ООП, угрожавших Израилю. Бегин собирался предложить менее радикальным группировкам палестинцев «автономию», обещанную в мирном договоре с Египтом. Шарон приказал израильским танкам дойти до пригородов Бейрута. Там они должны были соединиться с силами христианской милиции и навязать Ливану свой собственный «закон и порядок». Этот план предусматривал избрание Башира Джемаеля президентом, изгнание из Ливана сирийцев и заключение официального мирного договора.

Как «Аман» и предупреждал, христианские формирования не выполнили своих обещаний. Они не оказали никакой помощи в борьбе с ООП, и позже Джемаель даже отказался подписать с Израилем полномасштабный мирный договор.

На пятый день войны, 10 июня в бою был убит генерал «Кути» Адам, главный кандидат на пост директора «Моссада», а после восьми лет службы Хофи должен был уйти в отставку.

27 июня премьер-министр рекомендовал своему кабинету утвердить на посту директора «Моссада» заместителя Хофи — Наума Адмони.

Это был первый случай, когда агентство возглавил кадровый разведчик, сделавший карьеру в рядах «Моссада» — он 28 лет провел на оперативной работе в различных странах и прошел все ступени служебной лестницы.

Адмони родился в 1929 году в Иерусалиме в семье польских эмигрантов, которые в Палестине сменили фамилию с Ротбаум на Адмони. Его отец был архитектором Иерусалимского парка, и семья жила в фешенебельном квартале Рехавия. В юности Адмони входил в «Шай», разведывательное подразделение организации «Хагана». Вскоре после войны 1948 года он поехал учиться в университет Беркли в Калифорнию. Там Адмони подрабатывал в еврейской воскресной школе, в синагоге, а также на фабрике, выпускавшей военное обмундирование для вооруженных сил США. В Калифорнии он женился и позже вспоминал, что время, проведенное им на Западном побережье, было лучшим в его жизни. По возвращении в Израиль Адмони стал инструктором в специальной академии разведки в Иерусалиме. Он провел около 30 лет в различных резидентурах от Вашингтона до Эфиопии в качестве оперативного работника или офицера связи, принимал участие во всех совместных с ЦРУ проектах и был экспертом в области альтернативной дипломатии «Моссада». Однако его практический оперативный опыт был невелик. Он не был авантюристом и убийцей, но его уважали за солидность и прилежание.

...А тем временем война разворачивалась по непредусмотренному и все более кровавому сценарию. Зона от границы до Бейрута была заполнена беженцами, и ею надо было управлять. Работа на оккупированной территории была поручена «Шин Бет», организовывал ее лично Аврахам Шалом.

Тем временем шиитские деревни, население которых первоначально приветствовало израильские вой-

ска, теперь, отвечая призыву Хомейни, превратились в центры антиизраильского терроризма. Соотечественники водителей-самоубийц, которые в 1983 году убили более 250 морских пехотинцев США и французских солдат в Бейруте, начали совершать нападения на израильские части на юге страны. Тем не менее «Шин Бет» начала создавать систему поддержания порядка в Южном Ливане.

Надежда на стабильность начала крепнуть, когда Башир Джемаель 23 августа обеспечил свое избрание на пост президента Ливана¹⁵⁷. Однако 14 сентября в Бейруте мощным взрывом в штаб-квартире своей партии Джемаель был убит.

На следующий день произошел эпизод, который едва не обезглавил израильскую разведку. Для участия в траурной церемонии в Ливан отправились Шарон, шеф «Амана» генерал Сагуй, руководитель «Шин Бет» Аврахам Шалом и заместитель директора «Моссада» Менахем (Навик) Навот. Полковник «Амана», который встретил вертолет и повез визитеров в родовое поместье Джемаеля, решил поехать «коротким путем», заблудился и привез Шарона, Сагуя, Шалома и Навота прямо на позиции ООП в контролируемой мусульманами западной части Бейрута. Только на последнем посту фалангистов безвестный полицейский-христианин остановил машину и предложил им поскорее убираться из этого района.

16 сентября лидеры фалангистов приняли решение выдвинуть брата Башира, Амина Джемаеля, кандидатом в президенты. Было также принято решение «очистить территорию от палестинских партизан» — и боевики отправились в лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила, в южном пригороде Ливана. Подразделениями фалангистов командовал Эли Хобейка. Вооруженные фалангисты свободно прошли в лагерь мимо охранников-израильтян и устроили кровавую оргию, убивая детей, женщин и стариков — всего около 700 чело-

век.¹⁵⁸ Все это произошло на глазах солдат израильской армии, которые на постах по периметру лагерей делали вид, что происходящее их не касается.

Во всем мире сочли массовое убийство в Сабре и Шатиле логическим завершением израильского вторжения в Ливан. Это стало полной катастрофой для имиджа и этой операции, и страны. Операция «Мир для Галилеи» не достигла своих целей: сирийцы продолжали оставаться в Ливане; Ливан не заключил мирного договора с Израилем; ООП удалось вытеснить из Бейрута и Южного Ливана, но она все еще была весьма активна; палестинцы Западного берега и сектора Газа сохраняли верность Ясиру Арафату, а не альтернативным арабским лидерам на оккупированных территориях.

Пришел конец и деятельности Арика Шарона: постановлением правительственной комиссии было признано, что Израиль несет частичную ответственность за трагедию в лагерях беженцев, а Шарон должен быть снят с поста военного министра. «Моссад» потерпел фиаско в своей главной функции, допустив ошибку в оценке вероятных союзников и поставив на флангистов, которых теперь во всем мире считали бандой кровавых убийц. Кроме того, «Моссад» и «Аман» не смогли обеспечить подробную информацию о перемещениях Арафата. Несколько попыток организовать покушение на Арафата не дали результата и привели лишь к многочисленным невинным жертвам. Заминированные автомобили и точечные воздушные удары не причиняли вреда человеку, которого Бегин называл «двуногим зверем». Когда наконец израильскому снайперу представился шанс подстрелить палестинского лидера во время церемонии эвакуации из Бейрута войск ООП, это было сочтено политически нецелесообразным — убийство лидера ООП на глазах дипломатов, наблюдавших за выводом палестинцев, и перед объективами телекамер всего мира было недопустимо. Это понял и снайпер — и не нажал на спусковой крючок.

Краткосрочная (по плану) военная кампания обернулась долгой и трудной оккупацией. В течении многих лет Израиль держал в Ливане значительную военную группировку, оказывал постоянную помощь христианским формированиям и всем силам, которые противостояли все возрастающему давлению мусульманских группировок и пытались нормализовать режим на своих границах, — но в конце концов был вынужден вывести свои войска. Большая группа (около десяти тысяч) христиан-ливанцев стали беженцами в Израиле.

Глава 19. ГОРЕ И ОРУЖИЕ

Недолгая, но переполненная внешнеполитической конфронтацией и конфликтами история Израиля совершенно очевидно показывает, что государству было необходимо создавать собственное военное производство и, в идеале, опираться только на «свое» вооружение. Но производство современного оружия — не только одно из сложнейших, но и одно из самых дорогостоящих видов производства. Фактически только две сверхдержавы в период после Второй мировой оказались способны производить весь комплекс для вооруженных сил — от солдатской амуниции до авиации и ракетной техники, — даже Франция приобретала некоторые виды военной техники или вступала в кооперацию с другими европейскими странами для производства некоторых типов (например, «евроистребителя») оружия. Другие страны, не всегда в прямой зависимости от величины собственной армии, а больше от промышленно-технологического уровня, закупали значительную часть вооружений у основных производителей — или готовые образцы, или лицензии и ноу-хау.

Но производство современного высококачественного оружия требует громадных затрат, мощнейшей

исследовательской, опытно-конструкторской и производственной базы — того, что в ряде развитых стран превратилось в разновидность социальной болезни под названием «военно-промышленный комплекс». На Западе считают, что непомерная «гонка вооружений» внесла решающий вклад в победу над блоком ОВД в «холодной войне». Кроме того, производство это отягощает экономику и только, и единственная по сути реальная возможность покрытия этих затрат — экспорт вооружений.

Большинство стран мира вынуждены покупать оружие, конечно, сознательно идя на то, что и уровень цен на готовое оружие предполагает прибыль экспортера и посредника, и вместе с оружием приобретается определенная (порой весьма значительная) зависимость от «продавца», как правило варьируя между экспортерами для снижения этой зависимости — скажем, танки покупают у шведов или немцев, противотанковые системы — у французов, мины — у итальянцев, стрелковое оружие и ствольную артиллерию у китайцев, а самолеты и ракеты у американцев или русских. Для государств с небольшими армиями и не слишком большими конфликтами с соседями это оптимальный путь: для начала собственного производства сложной военной техники нужны время и громадные инвестиции, а потребности своей армии невелики, то есть покупка все же оказывается рентабельнее.

Для тех же, кто вынужден все же создавать полный комплекс собственного военного производства, экспорт вооружений становится одной из приоритетных национальных целей. Для того, чтобы военная промышленность была рентабельной, она должна развиваться в определенных пропорциях; чем меньше реальные финансируемые потребности своей армии, тем больше надо экспортировать. Экспорт позволяет компенсировать расходы на разработку оружия и адекватно финансировать военную промышленность.

Израильское разведсообщество активно «продвигает» израильское оружие. Работники «Моссада», находящиеся за рубежом в качестве неофициальных послов, так же как и представители «Шин Бет», выступающие в качестве советников по антитерроризму, постоянно подчеркивают превосходные качества израильского оружия. Оружие и другие военные материалы всегда становятся частью комплексных сделок: услуги советников постоянно сопровождаются поставками испытанного в боях оружия. До войны 1973 года экспортом оружия занимался «Сибат» — сокращение на иврите от слов «Сиюа Битчони», что означает «помощь в области безопасности», — небольшой департамент в министерстве обороны в Тель-Авиве. Переговоры в этой сфере велись в обстановке конфиденциальности, и когда оружие поставлялось в страны, не желавшие афишировать свои связи с Израилем, «Сибат» заботился о том, чтобы источник поступления оружия оставался в тайне.

Под флагом «Сибата» тайные внешние связи в области оборонного сотрудничества расцветали. Израильские советники обучали южноафриканские вооруженные силы, как бороться с Африканским национальным конгрессом и партизанами СВАПО в соответствии с тактикой, отработанной в борьбе с палестинцами. Израиль продавал Южной Африке стрелковое и другое оружие, но еще более охотно продавал лицензии на производство израильского оружия в ЮАР. Собственное военное производство в Израиле базировалось во многом на разработках ВПК европейских стран и США. Знаменитые образцы израильского стрелкового оружия, пистолет-пулемет «узи» и автомат «галил», созданы на базе соответственно чехословацкого «Скорпиона» и советского «калашникова», ракетные катера «Решеф» — немецкого «Ягуара», истребитель-бомбардировщик «Кфир» — французского «Миража», корабельная ракета «Габриель», как и ракеты наземного базирования «Иерихон» — тоже на основе французских образцов, танки имели

близкие прототипы в американских «шерманах» и так далее; кроме того, Израиль успешно перепродавал советское оружие, захваченное у соседних арабских стран в ходе войн и у ООП в ходе антитеррористических операций, а также американское оружие и военную технику, снимаемую с вооружения в связи с модернизацией своих вооруженных сил. Вплоть до войны Судного дня ежегодный экспорт оружия оценивался в 50 млн. долларов. Потом темпы собственного производства возросли и экспорт оружия перешел в следующую фазу. За последующие 15 лет израильский экспорт оружия вырос до 1 млрд. долларов в год, хотя эта цифра официально никогда не публиковалась. В конце восьмидесятых экспорт достиг уже 3 миллиардов долларов и тенденции роста сохраняются.

Оружейный рынок — один из самых сложных в мире, в нем чрезвычайно сильны политические зависимости. Большинство крупных импортеров «завязано» в военно-политические блоки и союзы или же связаны, в большей или меньшей степени, ограничениями и обязательствами. Регулировка поставок вооружений является весьма и весьма действенным инструментом внешней политики. Реально для израильского экспорта была открыта только «серая зона» — страны, которые по тем или иным политическим мотивам не приобретали оружие у «больших» поставщиков — США, СССР, стран НАТО и Китая, — или «горячая зона» — страны в состоянии войны или жестких конфликтов с мировым сообществом.

В результате основными покупателями стали ЮАР (здесь в основном шла торговля лицензиями и техническое сотрудничество)¹⁵⁹, одиозные режимы в Африке (типа Мобуту или Иди Амина), военные хунты в Центральной и Южной Америке, послешахский Иран, КНДР, ряд стран Юго-Восточной Азии.

«Сибат» периодически использовал посредников, главным образом для того, чтобы скрыть причастность

Израиля, однако в случаях открытых межправительственных сделок соответствующие израильские государственные органы полностью контролировали положение. Израильские поставщики никогда не продавали оружие «случайно» или без санкции соответствующих властей. В 1976–77 гг. Израиль при помощи Шауля Айзенберга «открыл Китай». Самый богатый израильский бизнесмен Айзенберг родился в Европе и во время Второй мировой войны нашел убежище на Дальнем Востоке. Он обосновался в Японии, женился на японке и сделал свое состояние на торговле металлоломом и военным имуществом и в конце 1970-х годов сумел проложить дорогу в Пекин израильскому военному экспорту.

Айзенберг совершил десятки перелетов, привозя в Китай на своем самолете чиновников «Сибата», военных советников, финансистов и торговцев оружием для переговоров, которые израильтяне называли самыми трудными из всех, какие им когда-либо приходилось вести. Прибыль стоила хлопот — он получал комиссионные от «Сибата» и от правительственных контрагентов, которые осуществляли фактические продажи, а объемы поставок для самой большой армии в мире были впечатляющи.

В оружейном бизнесе Израиля, помимо правительственных организаций, очень большое участие принимают «отставники» — действующие и бывшие офицеры спецслужб, прежде всего «Моссада» и Шин Бет, от генералов до сержантов. Так, например, Пессах Бен-Ор, бывший израильский сержант, который переехал в Мексику, стал шофером и телохранителем дилера «Исроэль эйркрафт» Катца и вошел в оружейный бизнес. В 1980 году, когда Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставки оружия в Гватемалу, Бен-Ор стал главным поставщиком оружия самой жестокой хунте в регионе. Продавая оружие правительству, грубо нарушавшему права человека, он стал миллионером. Его

имя также упоминалось в связи с некоторыми сделками по продаже оружия в Латинской Америке, в том числе никарагуанским «контрас». Отставной генерал Бар-Ам так активно пытался осуществить крупную сделку по закупке тяжелого вооружения у США (сделка предусматривала приобретение двух десятков «Фантомов», ракеты «Земля-земля» и «Земля-воздух», артсистемы и танки последней модификации), что вместе с еще несколькими человекам был арестован американской таможенной службой. Во время встречи с представителями Тель-Авива президент Джордж Буш спросил: «Это частная инициатива или же легальная попытка продать оружие Израилю?» Ему ответили нечто в том роде, что это частная инициатива, но осуществляемая с ведома правительства,¹⁶⁰ на самом деле Бар-Ам пытался найти свою тропу в операции по продаже оружия воюющему Ирану.

Действуют «бывшие» не только в непосредственной торговле оружием — так, например, Дани Иссакаров, старший офицер, отвечавший за безопасность израильской авиакомпании «Эль-Ал», по увольнению с правительственной службы, по примеру многих других «бывших» из числа сотрудников спецслужб, создал свою собственную консультационную фирму, специализирующуюся в области обеспечения безопасности и антитерроризма. Ицхак Иефет тоже был главным офицером безопасности «Эль-Ал», и после ухода в отставку он из Нью-Джерси стал управлять целой международной империей в сфере безопасности. Размах этой деятельности таков, что теперь новым символом Израиля в глазах международного сообщества стали торговцы оружием и другие «бывшие».

Израильские отставники работали инструкторами в полицейских и военных подразделениях Гватемалы, Гондураса, Сальвадора и Колумбии. Подполковник Яир Кляйн, офицер запаса, командовавший антитеррористическим парашютным подразделением в Израиле, от-

крыл свою собственную фирму «Ход хе-Ханит» по предоставлению услуг в области безопасности. В августе 1989 года по телевидению была показана видеозапись, на которой Кляйн и еще несколько израильтян занимались подготовкой вооруженных отрядов колумбийцев, в которых опознали наемных убийц медельинского кокаинового картеля.

Одной из самых значительных попыток «бывших» стало участие в «иранской» стороне тайной операции по поставкам оружия Ирану взамен на освобождение американских заложников, захваченных проиранскими шиитами в Ливане, в том числе резидента ЦРУ в Бейруте Уильяма Бакли, который подвергался жестоким пыткам. Иран остро нуждался в оружии — шла война с Ираком, у которого была большая, вооруженная и подготовленная СССР армия; мировое сообщество не осуществляло поставки в военную зону, а Иран был готов платить не только валютой, но и своим немалым влиянием на шиитов во всем мире.

Президент США Рейган, как и премьер Израиля Перес, решили проводить эту операцию не через ЦРУ или «Моссад», а по «нетрадиционным» каналам. Нимроды, который уже ушел со службы, с его серьезными связями в Иране, Швиммер, который к тому времени ушел с поста руководителя государственной компании «Исроэль эйркрафт», но сохранил все контакты в израильском ВПК и правительственных структурах, были весьма подходящими кандидатурами для организации этой крупномасштабной и строго секретной операции. Большую роль также играл Дэвид Кемчи, горячий сторонник «периферийной» стратегии как в период своей службы в «Моссаде», так и после того, как он перешел в МИД.

Он всегда считал, что Израиль должен сотрудничать с Ираном. Полагая, что в Иране сохранился довольно широкий слой умеренных политиков — в армии и в других сферах общества, — которые готовы сотруд-

ничать с Западом, призывал сделать ставку на них и осуществить в Иране государственный переворот с целью свержения режима аятолл. Но весьма масштабная, хотя очевидно нереальная затея организовать контрреволюционное выступление с созданием мощной базы в Судане не могла принести ничего, кроме осложнений для Израиля, — и в 1982 году «Моссад», направив своего эмиссара к «бэби-шаху», сумел нейтрализовать этот заговор. Однако в 1985 году все тот же Кашоги выступил с новой инициативой в отношении Ирана, которая, по его словам, получила одобрение короля Саудовской Аравии Фахда. Он свел Нимроди и Швиммера с иранцем по имени Сайрус Хашеми, двоюродным братом Али Акбара Рафсанджани, второго человека после аятоллы Хомейни, будущим президентом Ирана.

Хашеми сказал, что Иран, который находится в состоянии войны с Ираком, хочет возобновления поставок оружия, прекращенных Израилем по требованию США.

Это вполне соответствовало интересам Израиля, как они понимаются многими не только в те годы, но даже и сейчас, — сулило и немалые прибыли от продажи оружия, и восстановление связей с Ираном¹⁶¹, и поддержание войны, которая серьезно связывала откровенного врага — саддамовский Ирак.

Хашеми и Манучар Горбанифар, доверенный посредник в деликатных отношениях с Израилем, были приглашены в Тель-Авив, где прошли переговоры, весьма напоминающие проверку будущей агентуры.

Работа с Сайрусом Хашеми была признана нецелесообразной — как оказалось, он продавал себя и свою информацию любым европейским службам безопасности без разбора и, следовательно, был не слишком перспективен, — такие люди всегда под чьим-нибудь колпаком и могут привести к осложнениям. Горбанифар казался куда перспективнее; кроме того, он прямо в гостевом доме «Моссада» написал аналитическую

записку, которая на годы определила для западных спецслужб стратегию действий в отношении Тегерана¹⁶².

Горбанифар от имени премьера Мусави высказал пожелание Ирана приобрести противотанковые управляемые реактивные снаряды (ПТУРС) — сначала речь шла о двух сотнях штук, примерно по 10 тыс. долларов за каждый. Это уже сулило неплохие комиссионные, но проблема заключалась в том, что эти снаряды производились в США и требовалось «добро» Белого Дома, — а потом ПТУРСы надо было еще переправлять в Иран из Америки. Провести такую операцию без санкции США было сложно — следовательно, надо было получить одобрение американцев, на самом высоком уровне.

Наилучшим средством воздействия на США были заложники в Ливане — Рейган и Белый дом предпринимали отчаянные усилия для освобождения своих соотечественников. Получив информацию от Кемчи, помощник президента США по национальной безопасности Роберт (Бад) Макфарлейн направил на Ближний Восток консультанта по терроризму Майкла Ледина для обсуждения возможностей проведения совместных тайных операций по установлению контактов в Иране.

На уровне премьера было принято решение о поддержке одного из «рядов» в Иране, в частности, о продаже оружия — с тем, чтобы иранцы убедили ливанских шиитов освобождать американских заложников. «Моссад» не верил в возможность реализации этой схемы и вообще считал, что в радикальном Иране у Израиля нет особых возможностей, но Наум Адмони, новый директор, уступил желаниям премьер-министра. Он не пользовался таким весом, как Ицхак Хофи, когда в 1982 году тот отдал распоряжение о блокировании предложения Нимроди и Шарона по подготовке переворота в Иране с баз в Судане.

Перес попросил контролировать операцию бывше-

го директора «Амана» Шломо Газита, но тот через несколько недель сложил с себя эту обязанность — попросту отказался получать приказы от «торговцев оружием», которые, по его вполне обоснованному мнению, могут руководствоваться в первую очередь погоней за прибылью.

Тем временем соглашение в «верхах» было достигнуто. Была отработана и схема поставок, уменьшающая возможную утечку информации. ПТУРСы везли не из-за океана, а из недалекого Израиля. Пентагон же должен был пополнять израильские арсеналы после отправки ракет Ирану. Такое условие поставил министр обороны Рабин. И вот в августе и сентябре 1985 года зафрахтованный Швиммером самолет доставил в Иран 508 ПТУРСов. Сумма сделки — 5 млн. долларов. После 16 месяцев, проведенных в неволе, был освобожден священник Бенджамин Уэйр, и бартер «люди — оружие» взял старт с обнадеживающими результатами.

Но в ноябре того же года произошла непростительная ошибка с ракетами «Хок». Нимроди получил полномочия от премьер-министра Шимона Переса активно проработать (вместе с Алом Швиммером и Дэвидом Кемчи) вопрос о дальнейшей возможности освобождения заложников в обмен на поставки оружия. Была достигнута договоренность с иранским правительством и спецслужбами, заплачены деньги за партию зенитных ракет, в которых остро нуждался Иран — и 24 ноября 1989 г. «Боинг-707» с грузом 8 из 80 закупленных Ираном ракет «Хок» вылетел из Тель-Авива через Кипр в Тегеран.

На следующий день Нимейри встречался в Женеве с Мохсеном Кангарлу, руководителем секретной службы Ирана, и посредником-торговцем оружием Манучаром Горбанифаром, который обладал аналитическим умом и весьма прочными связями в новой иранской элите.

С небольшим осложнением (пилота частной авиа-

компании арестовали на Кипре за неправильное оформление документов и освободили только при содействии резидентуры ЦРУ) самолет совершил посадку в Тегеране. Там груз осмотрели эксперты-оружейники в присутствии иранского премьера Хоссейна Мусави — и оказалось, что в нарушение договоренности привезены старые, немодернизированные и фактически бесполезные в боевом применении ракеты. Мусави немедленно потребовал возврата денег и расторжения сделки; по воспоминаниям, он так шумел, что у Кангарлу случился сердечный приступ. Детали операции по возврату денег были согласованы через Горбанифара, и в то время как швейцарская «скорая помощь» везла Кангарлу в госпиталь, Нимроди через отделение банка «Креди Сюис» перевел 18 млн. долларов на счет Ирана.

Иранцы были в ярости, да и в израильском руководстве посчитали, возможно и небезосновательно, что попытка продажи устаревшего оружия вызвана не безалаберностью и ошибками чиновников, а попыткой основных посредников получить дополнительную прибыль в духе «черных дилеров».

Инцидент с ракетами «Хок» был катастрофой для сделки «оружие — заложники», как она была задумана Нимроди и его израильскими коллегами; Рабин настаивал на смене руководства операцией с израильской стороны. Вскоре этот вопрос был решен и дальнейшая работа в трясине грядущего «ирангейта» была возложена на Амирама Нира, советника премьер-министра по проблемам антитерроризма.

Амирам Нир родился в 1950 году, и над ним не довлел традиционный опыт тех, кто начинал борьбу в подполье еще до получения независимости. Но, к сожалению, у Нира не было даже боевого опыта. Он служил в армии в качестве репортера на радио министерства обороны; быстро преуспел как журналист и стал хорошо осведомленным обозревателем телевиде-

ния по военным вопросам — и весьма удачно женился на дочери Мозеса, одного из газетных магнатов Израиля и заодно стал помощником лидера оппозиции Шимона Переса. Когда в 1984 году Перес возглавил правительство национального единства, Нир стал сотрудником аппарата премьер-министра, специалистом по проблемам терроризма¹⁶³.

Разведывательное сообщество не признавало Нира, хотя он сумел успешно координировать действия служб в срыве попытки палестинских террористов захватить арабское судно, шедшее из Йемена. А координировать было что: обнаружение и сопровождение судна в водах соседних арабских стран являлось прерогативой «Амана»; как только судно приблизилось к территориальным водам Израиля, ответственность перешла к военно-морским силам; террористы планировали высадиться на пляже в Тель-Авиве — и противодействие этому требовало участия полиции; потом они намеревались прорваться в служебный комплекс зданий Кирия и захватить генеральный штаб — и этого должна была не допустить армия; рядом со штаб-квартирой армии располагался офис министра обороны Рабина — а охрана министра входила в компетенцию «Шин Бет». Все было спланировано и проработано, хотя и не все понадобилось осуществлять на практике: сторожевик ВМС встретил корабль террористов на подходе к берегу, торпедировал судно, а нескольких оставшихся в живых террористов захватили в плен...

Нир нашел партнера с американской стороны — Оливера Норта. Они познакомились в ходе тайных телефонных переговоров, когда израильтяне помогали США следить за движением лайнера «Ахилле Лауро», захваченного террористами в октябре 1985 года. Именно Нир как координатор по контртерроризму информировал американцев о переговорах палестинцев, захвативших судно, с их лидером Абуль Аббасом в Египте. Сейчас полковник Оливер Норт был уполномоченным

американской стороны в организации сделки, которая позже получила название «Иран-контрас».

Нир без особого труда завоевал доверие Вашингтона и сумел убедить Белый дом возобновить поставки оружия в Иран. Сумел и установить контакт напрямую с Манучаром Гобанифаром в ходе небезукоризненной с точки зрения служебной этики¹⁶⁴, но оказавшейся эффективной операции.

Нир вместе с Макфарлейном и группой американских разведчиков — все путешествовали по фальшивым ирландским паспортам — в мае 1986 года совершил тайную (и весьма небезопасную) поездку в Тегеран, которая оказалась началом провала всей операции. В то время, как в Ливане шииты освободили еще двоих заложников, иранская оппозиция дала в прессу информацию о тайной поездке Макфарлейна — представителя «Шайтана», как в то время в Иране называли Соединенные Штаты Америки, — и Нира в Тегеран. Это сорвало все дальнейшие переговоры об обмене заложников на оружие и запустило скандал, который называли «ирангейтом». Три помощника Рейгана были отправлены в отставку, не раз предпринимались атаки со стороны оппозиции и прессы на самого президента. Лишь один человек пережил все вопросы расследования в комиссиях конгресса. Это был вице-президент Джордж Буш. Отказавшись раскрыть, что он знал, говорил или делал во время иранской аферы, Буш в ноябре 1988 года был избран президентом.

Единственный человек, который мог бы политически навредить Бушу¹⁶⁵, Амирам Нир, незадолго до своего 38-летия разбился на самолете «Сесна Т-210»¹⁶⁶, направлявшемся из Мехико-Сити в небольшой аэропорт Уруапан.

Там, за океаном...

На «западном», американском плече сделки, которая вскоре обернется «ирангейтом», трудился еще один

ветеран, кадровый моссадовец, Майкл Харари. Он после провала в Лиллехамере «оседлал» Центральную Америку¹⁶⁷ — одно время он возглавлял резидентуру в Мехико. При его активном посредничестве оружие получали реакционные режимы в Гватемале, досандинистском Никарагуа, в Панаме при Торрихосе и Норьега. Он работал на скандально известную операцию «иран-контрас» на ее американском, также «засветившемся» плече. Харари познакомился с Торрихосом в 1978 году во время одной из поездок по делам «Моссада». Их познакомил проживавший в Панаме член большой и процветающей еврейской общины. Харари быстро завоевал расположение Торрихоса; однажды его даже попросили уладить конфликт между диктатором и его еврейским тестем. Отношения складывались очень перспективно: через Харари и его панамских друзей Израиль получал сведения о связях кубинцев с палестинцами.

Когда Омар Торрихос в 1981 году погиб в загадочной авиакатастрофе, генерал Норьега унаследовал от него страну и дружбу с Харари.

Харари стал правой рукой Норьеги. Он нанял себе израильскую охрану и стал заниматься подготовкой личной охраны Норьеги. Дом генерала в Панама-Сити охранялся по классической израильской схеме: колючая проволока и электронные датчики по всему периметру. Харари помог Норьеге организовать силы обороны Панамы, в которых названия подразделений даже копировали аналогичные названия, принятые в вооруженных силах Израиля. Через Харари Израиль также продавал оружие Национальной гвардии Панамы. Вскоре все коммерческие сделки между Израилем и Панамой, а не только продажа оружия, стали проходить через руки Харари, оставляя ему комиссионные.

Когда США решили покончить с Норьегой, который стал важнейшим звеном наркоторговли, Харари предупредил Норьегу о предстоящем вторжении амери-

канцев и генерал скрылся за шесть часов до высадки американских парашютистов. Когда Норвега все же был предан суду США, американские официальные лица указывали, что им нужен был только Норвега и у них не было ордера на арест Харари. В ходе судебного процесса над Норвегой в Майами имя Харари также не фигурировало.

Аналитики же, однако, предполагают, что роль Майкла не столь уж однозначна и скорее всего именно Харари «сдал» американцам Норвегу – отношения с ЦРУ для «Моссада» куда важнее, чем коррумпированный диктатор латиноамериканской страны, тем более что с тем, кто, по всему раскладу, должен был прийти на смену Норвеге, к тому времени были уже установлены вполне приличные отношения.

Косвенно своеобразная роль Майкла в этом деле подтверждается тем, что американцы позволили израильской разведке организовать выезд Харари из Панамы и его возвращение домой так, что пограничные службы обеих стран не зафиксировали ни выезда, ни въезда.

Глава 20. ИЗЛОМ ВЕКОВ – «МОССАД» ГОТОВ

Эти и многие другие действия официальных структур, секретных служб и частных лиц, в большей или меньшей степени с ними связанных, заставили в конце концов уже на уровне кнессета и серьезной аналитики поставить вопрос о пересмотре некоторых традиционных приоритетов.

Почему в первые десятилетия существования Израиля затрачивались значительные усилия для установления сотрудничества, на сколь угодно секретном уровне, включая совместные действия, отвергаемые всем мировым сообществом, представляется понятным: малень-

кой стране, окруженной враждебными соседями, надо было хоть косвенным путем войти в систему международных отношений, найти или хотя бы попробовать определить перспективные пути развития; не последнюю роль играли и вопросы, связанные с отношениями этих стран к еврейским диаспорам. Кроме того, косвенная информация, полученная в каком-нибудь далеком Сингапуре, иногда оказывала существенную помощь в раскрытии планов, уже непосредственно касающихся ближнего окружения Израиля.

Но к последнему десятилетию двадцатого века произошли существенные изменения и в самой стране, и в мировой системе взаимоотношений и в мире в целом. Перечислять эти изменения здесь неуместно, скажем только о тех, которые непосредственно касаются приоритетов в политике «альтернативной дипломатии».

Произошла определенная поляризация стран и правительств, в том числе и в арабском мире, и теперь де-факто встал вопрос о ненужности вообще «альтернативной дипломатии». Любое государство Азии и Африки не находится в такой привязке к решениям структур типа Лиги арабских стран или подобных региональных объединений и может действовать в соответствии с нормами открытой дипломатии. Египет подал пример, сейчас идут важные переговоры с Сирией и, в связи с изменением статуса палестинских арабов, фактически снимаются основные препятствия для дипломатического процесса.

Те же страны, которые не хотят идти по «нормальному» пути, по-настоящему не представляют интереса для государственного сотрудничества; получается так, что оно происходит не в интересах Израиля как государства, а в интересах тех или иных групп внутри него (прежде всего «Торговцев смертью») и в интересах самих стран, не идущих на официальное сотрудничество.

Но что это за страны? Фактически без исключений, это те, к кому применены сдерживающие меры миро-

вым сообществом. Режимы, находящиеся в состоянии острых конфликтов с соседями, очень грубо нарушающие права и свободы в отношении своих граждан и так далее, — и те «трудности», которые они испытывают, добываясь секретной поддержки и помощи от Израиля, однозначно вызваны воздействием на них «защитной реакции» мирового сообщества.

Вступая же в контакт с самыми опасными и неприглядными режимами, помогая им приобретать современное оружие в обход санкций ООН, оказывая им серьезную помощь в становлении и совершенствовании служб безопасности и противоповстанческой борьбе, Израиль тем самым фактически оказывается в одном ряду с ними. Уже существует и пока не слишком рассеивается стойкое мнение, что если все страны отказывают в тех или иных видах взаимодействия, то можно обратиться к Израилю — за те же, в общем-то, деньги и попустительство в его шпионской деятельности, которое, совершенно очевидно, ничуть не повредит какому-нибудь Гондурасу или Малайзии, — и получить все необходимое. Военно-промышленному комплексу государства и дилерам оружейного бизнеса, несомненно, выгодна и продажа оружия отечественного производства — хоть куда, лишь бы побольше, — и посредничество в продаже, скажем, китайского или северокорейского оружия и военной техники. Но действительным интересам государства это уже очевидно наносит ущерб.

Много вопросов о реальных возможностях «Моссада» вызвала ситуация вокруг Ирака на переломе девяностых годов.

Ирак, в особенности после прихода к власти Саддама Хуссейна, постоянно находился «в зоне особого внимания» израильских спецслужб. Работа велась и на агентурном уровне, и информационно-аналитическом; оказывалась разносторонняя, от гуманитарной до военной, поддержка непримиримым курдским повстанцам; был успешно произведен авиаудар, уничтоживший стро-

ившийся реактор близ Багдада; посредничеством в поставках оружия и, что строго засекречено, передачей разведанных стимулировался серьезнейший ирано-иракский конфликт, который был признан выгодным для Израиля; изучалась, с привлечением светил психологии и лучших графологов, личность Саддама и фиксировались особенности его поведения. В 1990 году была проведена жестко засекреченная операция по срыву строительства суперпушки, которая, по всем расчетам, могла обстреливать территорию соседних, но не обязательно пограничных государств, включая Израиль.

Об этом чуть подробнее. Создание пушки, способной посылать снаряды на расстояние примерно в две тысячи километров (расстояние от Багдада до Тель-Авива вдвое меньше) или «выстреливать» снаряды на околоземную орбиту, не фантазия Жюль Верна, а вопрос сугубо практический. В 60-е годы в рамках совместного¹⁶⁸ «высотного исследовательского проекта» уже проводились реальные исследования и, в основном, работы были прекращены из-за военной неприменимости в условиях Северной Америки. Действительно, снаряд, летящий по баллистической орбите на такое большое расстояние, неизбежно отклоняется и разброс попаданий оставляет мало шансов на поражение даже крупной военной цели. Кроме того, громадная и малоподвижная пушка «засвечивает» свое местопребывание после первого же выстрела¹⁶⁹ перед системами космической разведки и может стать легким объектом ответного удара¹⁷⁰.

Но то, что оказалось неприменимо в заокеанских военных целях, имеет совсем иное значение в условиях Ближнего Востока. Для Саддама суперпушка имела главное предназначение не как оружие для поражения военных целей, а как инструмент государственного террора, объектами которого могли стать все государства в зоне поражения. Крупные города и густонаселенные районы представляли собою цели, которые могли

быть все равно поражены даже с учетом рассеяния; размеры снарядов вполне допускали «ядерную начинку» или применение других средств массового поражения, а средства ПВО не обеспечивали сколь-нибудь надежную защиту от смертоносных ударов. Низвергающийся с высот стратосферы сравнительно небольшой снаряд — это не самолет и не ракета, его перехватить чрезвычайно сложно.

Канадский специалист по сверхдальнобойным артиллерийским системам Джералд Булл после прекращения работ по «высотному исследовательскому проекту» создал собственную компанию¹⁷¹ и пытался заинтересовать разработками ЮАР, а затем Израиль. Хотя обе эти страны в семидесятые годы не отличались миролюбием, идея стрельбы по площадям их не привлекла; зато, естественно, сам Джералд Булл привлек пристальное внимание разведслужб. Когда же он нашел ожидаемое понимание в Багдаде, следить за ним стали особенно тщательно. Дальнейшие события распадаются на две версии, исходящие из единой фактической основы. Канва событий такова: национальное министерство промышленности Ирака сразу же после прекращения войны с Ираном в режиме ослабления международных санкций разместило в Великобритании заказ на партию (50 метров) толстостенных стальных труб диаметром 100 см. Трубы следовало изготавливать из высококачественной стали, причем требования к соблюдению точности и качества обработки внутренних поверхностей были чрезвычайно высоки. Ну просто не трубы, а стволы артиллерийского орудия небывалого калибра — и очень трудно представить, как может быть рентабельным использование столь дорогостоящего оборудования в нефтедобывающей промышленности и вообще зачем такие условия. Как говорится, если некуда девать нефтедоллары — строй золотые нефтепроводы, дешевле обойдется и эстетика выиграет. Но в Британии, только-только выбирающейся из экономического спада, не

стали задавать лишних вопросов, а принялись рьяно и очень качественно выполнять дорогой заказ. Для контроля за ходом производства и размещением еще ряда заказов на европейских предприятиях в Брюсселе было открыто представительство «Спейс рисерч корпорейшн», и сам Джералд Булл больше бывал в нем, чем в жарком Багдаде. И 22 марта 1990 года он там был убит двумя выстрелами в голову из пистолета с глушителем. Состояние помещения и личных вещей убитого исключало возможность мотива ограбления или чего-нибудь из бытового спектра. Соседи не слышали выстрелов, не заметили подозрительных незнакомцев — короче, брюссельская полиция только и сказала, что это «акция первоклассных профессионалов», и развела руками. Ни малейшего следа — а спустя три недели таможенные власти Соединенного королевства арестовали партию приготовленных к отправке в Ирак стальных труб, и Форин Офис назвал их своим именем: стволы сверхдальнобойной артиллерийской системы. Тут же вспомнили, что совсем недавно была перехвачена партия криотронов, важнейшего компонента детонаторов атомных бомб, и по всему миру пошел шум о том, что Саддама поймали за руку на «ядерной пушке».

Первая версия очевидна: «Моссад» оценил угрозу от «суперпушки» и провел отработанную операцию — аккуратно устранил Булла (возможно, что и с частичным изъятием документации «Спейс рисерч»), и в рамках сотрудничества сообщил британским властям об истинном характере и предназначении выгодного заказа. Выглядит, честно говоря, настолько правдоподобно и «типично» для мозаиковских штучек, что большинство журналистов и даже официальных дипломатических представителей приняли версию безоговорочно. Но есть здесь один момент: а зачем, в сущности, «Моссаду» убивать канадского гражданина Булла? Пусть даже он, весьма сильный ученый и инженер, мог оказать режиму Саддама решающую помощь в отладке ору-

дия — но если нет ни ствола, ни механизмов, попросту не могущих быть изготовленными на заводах не самого продвинутого в технологии металлообработки Ирака, то и вреда от него, фактически, никакого не будет. Из опасения, что Булл предложит свои услуги еще какому-нибудь государству-экстремисту? Весьма сомнительно, чтобы «Моссад» так заботился об интересах далеких стран, скорее всего, в целях профилактики чрезмерной активности Булла моссадовцы «сдали» бы информацию какой-нибудь партнерской разведке или даже традиционным своим противникам — и всех дел. Единственным более-менее приемлемым объяснением кажется расправа с двойным агентом: если Булл был завербован израильскими спецслужбами, знал некоторых резидентов и связников — и, начав работать также на Ирак, мог их провалить. Будь Джералд израильянином, его бы при такой ситуации выманили в Израиль, там бы арестовали и предали суду — а с канадским гражданином это сложнее. Возможно, что открытого суда следовало избежать и вообще предотвратить расшифровку; вот тогда и приходится исполнять соло на пистолете для бесшумной стрельбы.

Вторая версия связана тоже не столько с профессиональной, сколько с агентурной деятельностью Булла. Иракские спецслужбы могли установить, что он — двойной агент, возможно, что уже нанес ущерб безопасности Ирака и может, если его не остановить, нанести еще больший. Вот и было принято решение заставить его замолчать навеки (хотя «чистота» устранения кажется несколько более высокой, чем почерк оперативников из саддамовских спецслужб. Впрочем, в то время Ирак еще не был поставлен в такой жесткий режим изоляции и мог воспользоваться помощью кого-то из «друзей», имеющих сильные европейские резидентуры). Вообще-то достаточно вероятно устранение Булла иракцами, некоторые мотивы просматриваются, и хотя сведений об этом немного, но не исключено, что Булл

за свое неразглашение каких-то секретов, ставших ему известными в ходе работ в Ираке (и самого секрета заказа на стволы-«трубы»), потребовал слишком много и вообще стал себя неправильно, с точки зрения Саддама, вести. Вот тогда многое становится на место: шантажистам достаточно часто платят именно так.

Когда-нибудь, конечно, все тайное станет явным, но вот когда это произойдет...

Да, так вернемся к ситуации вокруг Ирака. Вроде бы Израиль должен был оказаться самым информированным в «багдадском вопросе» и оказать решающую помощь в подготовке акции мирового сообщества, которая начала готовиться сразу же после того, как Ирак в том же 1990 году оккупировал Кувейт. На самом деле помощь «Моссада» просматривается только в рекомендации нанесения «точечных» ударов по резиденциям Саддама (иракский диктатор, один из самых подозрительных людей на свете, в тревожной обстановке практически никогда не проводит две ночи подряд в одном и том же месте), и в том, что об иракской акции против Кувейта американцы были предупреждены, но сочли это излишней мнительностью «стратегического партнера», и в передаче американцам части накопленных своей радиоразведкой данных. При подготовке и в ходе «Бури в пустыне» специалисты «Амана» еще привлекались к совместной с американцами работе по обработке материалов спутниковой и воздушной разведки, но реально (и гласно, на уровне официальной дипломатии) Израиль был полностью отстранен от участия в этой операции. Скорее всего, это было правильное решение. На военный успех «Бури в пустыне» помощь еще одного союзника существенного влияния не оказала бы, но вот ответная реакция Саддама была бы куда жестче, да и арабские страны (Саудовская Аравия и Сирия) могли кардинально изменить свою позицию в конфликте. На государственном уровне никаких особых осложнений

не произошло, но авторитет израильских спецслужб в тот период заметно снизился.

Еще одним фактором, который повлиял на реноме «Моссада» в девяностые, был серьезный конфликт с Великобританией. Художник-карикатурист (он работал в издававшейся в Лондоне кувейтской газете «аль-Кабас») и оппозиционный ООП политический деятель Али аль-Адхами, который с женой и пятью детьми выехал из раздираемого гражданской войной Ливана, был убит среди белого дня недалеко от лондонской Слоун-сквер.

Скотланд-ярд не сумел задержать убийцу, хотя представители британской и арабской прессы с самого начала предполагали, что убийство было совершено по приказу Арафата. Действительно, его совершил Абдель Рахим Мустафа, майор «Форс-17», элитного подразделения, ведающего охраной высшего руководства ООП и некоторыми тайными операциями за рубежом. Он принимал участие в нападении на самолет компании «Эль-Ал» в Мюнхене в 1970 году, в ходе которого один человек был убит и другой ранен. Спустя семь месяцев Мустафа и его сообщники были освобождены в ходе обмена на заложников греческого авиалайнера — это было свидетельством того, как высоко Арафат ценил Мустафу.

После теракта убийца скрылся, но в ходе расследования британская полиция вышла на 28-летнего палестинца Исмаила Сована, близкого друга Абделя Мустафы, младшего научного сотрудника одного из колледжей в Гулле. При обыске в его квартире обнаружили более 30 кг «Семтекса», излюбленного средства террористов, не обнаруживаемого при контроле в аэропортах, — этого было достаточно для добрых полусотни терактов и «тянуло» на очень длительное тюремное заключение. Но кроме того выяснилось, что взрывчатка принадлежала Мустафе, а сам Сован был не только другом террориста, но и платным осведомителем израильской разведки.

Уроженец Восточного Иерусалима, он учился в Ливане и там был завербован ООП. Во время очередного визита к родственникам в Наблус на Западном берегу израильтяне перевербовали Сована; когда он переехал в Англию, «Моссад» даже оплачивал его квартиру и выплачивал «содержание» — около тысячи долларов в месяц. Осведомитель того стоил — он встречался и в Европе, и в Ливане со многими заметными представителями ООП, а с Мустафой «подружился» настолько, что хранил чемодан со взрывчаткой. Его направляли в Ливан и Францию, где он подружился с Мустафой.

Работа с двойными агентами — обычная практика разведслужб; но позволить своему «двойнику» хранить для террористов чемодан сильнейшей взрывчатки, допуская возможность осуществления теракта в дружественной стране, — недопустимо, тем более, что в «Моссаде» знали об убийстве, совершенном Мустафой. Убийство Адхами все изменило, но израильтяне действовали так, как будто Сован мог работать в прежнем режиме. Оказавшись в руках британской полиции, Сован назвал всех оперативников, работавших под прикрытием посольства Израиля в Лондоне, у которых был на связи. Не проинформировав своевременно британские власти, не передав им опасный «чемоданчик Мустафы», моссадовцы не только потеряли ценного агента, вошедшего в контакт с высшими структурами ООП, но и разрушили почти все свои давние дружеские связи с британской разведкой. 17 июня 1988 г. правительство Ее Величества приняло беспрецедентные меры: был выдворен атташе Арех Регев, виза другого израильского дипломата, Якова Барада¹⁷², находившегося в то время в отпуске в Израиле, была аннулирована. Британский Форин оффис конкретно назвал Регева и Барада сотрудниками «Моссада». Вскоре Израиль отозвал еще троих агентов, работавших под прикрытием израильского посольства.

Эта история имела печальное продолжение. 21 декабря этого же года террористы взорвали пассажирский авиалайнер рейса 103 авиакомпании «Пан-Американ эйруэйз». Погибли 259 человек в воздухе и еще 11 в шотландском местечке Локерби, на которое рухнул «Боинг». По глубокому убеждению израильских спецслужб, диверсия была организована экстремистской палестинской группировкой «Национальный фронт освобождения Палестины — Главное Командование» и конкретно Хафезом Далкармони. В частности, 23 октября при аресте в ФРГ¹⁷³ немецкого «отделения» НФОП-ГК было изъято взрывное устройство с барометрическим детонатором, запрятанное в японский магнитофон. Точно такое же устройство уничтожило американский «Боинг». Были изъяты записи, из которых следовало, что была запланирована диверсия лайнера испанской авиакомпании «Иберия», который должен был следовать рейсом Мадрид—Тель-Авив. Диверсия была предупреждена, сотни жизней спасены, однако специфика законодательства ФРГ позволила через две недели 16 арестованным террористам выйти на свободу (в тюрьме остался только сам Далкармони и его ближайший помощник) — и через полтора месяца произошел взрыв над Локерби. Напряженная ситуация в отношениях между английской и израильской разведкой привела к тому, что прямые «наводки» и предупреждения не были сделаны¹⁷⁴, а те попытки, которые все-таки были произведены со стороны «Моссад», британские спецслужбы проигнорировали. Более того, когда трагедия произошла и стало важным обязательно найти ее виновников, в течение десятилетия разрабатывался «ливийский след», была организована серия международных акций против Ливии с требованием выдать подозреваемых и сейчас происходит весьма громоздкая и дорогостоящая процедура суда над подозреваемыми ливийцами. В компетентных кругах Израиля убеждены, что если бы два офицера, которые предстали перед

судом, были бы действительно виновны и могли раскрыть нечто дополнительно компрометирующее ливийское руководство, Муамар Каддафи ни за что бы их не отдал в руки третейского суда. Живых бы не выдал. Но британцы пока не хотят принимать точку зрения «Моссада». Впрочем, во всех разведках мира работают живые люди и им свойственно верить в свою правоту и даже в свои иллюзии.

Но изменения назрели и изменения происходят, зачастую даже вопреки желаниям спецслужб. Получается иногда, что продолжения действий традиционными средствами (естественно, не всех действий, многое в разведывательной деятельности остается прежним чуть ли не с библейских времен) оборачивается во вред не только государству, но и самой спецслужбе. Так произошло в 1997 году, когда новый директор «Моссада» Дanni Ятом самолично разработал, а восемь оперативников осуществили карательную акцию против руководителя военной службы палестинской организации «Хамас» Халеда Машаля. Оперативники въехали в Иорданию с канадскими паспортами, подстерегли Машаля прямо у дверей представительства «Хамас» в Аммане и прыснули ему в лицо струей сильнодействующего нервно-паралитического газа; операция, не затрагивая вопросы морали, была организована посредственно — и Халед Машаль остался жив, хотя и впал в кому, и двое из восьмерых агентов попали в руки не бог весь какой могучей иорданской полиции. А уж дальнейшее развитие событий весьма больно ударило по «Моссаду». Престарелый король Иордании Хусейн, с которым весьма считались в Тель-Авиве, потребовал от тогдашнего премьера Израиля Беньямина Нетаньяху (как вы помните, тоже деятеля со славным спецслужбовским прошлым) немедленно доставить антидот, а когда жизнь Машаля была спасена, выдвинул требование об освобождении взамен арестованных моссадовцев шейха Ахмеда Ясина и еще нескольких десятков правоверных

из «Хамас», которые на то время находились в тюрьмах. Далее правительство Канады потребовало разъяснений по поводу использования паспортов, которые были в свое время выданы людям, эмигрировавшим из страны кленового листа к подножию Сиона, но вовсе не тайным агентам. Затем произошел беспрецедентный поворот: руководители пяти соседних арабских стран потребовали отставки Ятома (причем называя его не только по должности, но и по имени, запрещенному к употреблению израильской цензурой). Данни Ятом слетал в Амман, принес официальные извинения — но через несколько месяцев был все же вынужден уйти в отставку. Новым директором стал Эфраим Халеви; если некоторое время назад аналитики ЦРУ отмечали, что «моссадовцы тратят время и силы на схватки между собой», то сейчас появляются признаки определенной консолидации и смены ориентиров. Одним из главных направлений деятельности разведывательного сообщества становится (как, впрочем и к сожалению, во многих-многих странах мира) борьба с исламским фундаментализмом и терроризмом. И строго анонимные, но компетентные источники отмечают, что в этой борьбе начал происходить взаимовыгодный обмен информацией между спецслужбами некогда непримиримых врагов, поскольку исламский терроризм на базе ортодоксальных и неортодоксальных течений угрожает не только еврейскому, но и «светским» арабским государствам.

ЧАСТЬ 6

НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ «ШИН БЕТ»

Глава 21. СТРУКТУРА И ДЕЛА «ШИН БЕТ»

На протяжении первых 20 лет своего существования «Шин Бет», сокращенное наименование от «Шерут Битахон», была сравнительно маленькой организацией, насчитывавшей всего несколько сотен сотрудников и имевшей очень скромный бюджет. Тем не менее перед ней стояло очень много задач.

Эта служба состояла из нескольких оперативных и вспомогательного управлений.

Первое Управление состояло из пяти отделов:

- Отдел «Ап» вел наблюдение и проверку вновь прибывших репатриантов;
- Отдел «Ют» контролировал высшие учебные заведения и молодежные организации;
- Отдел «П» осуществлял работу против праворадикальных организаций типа Херут, ЛЕХИ;
- Отдел «К» разрабатывал Компартию Израиля;
- Отдел «Д» проводил наблюдения за прочими политическими партиями;
- Отдел Исследований прессы обобщал по легальным источникам общественные умонастроения, а также осуществлял цензуру в СМИ.

Второе (контрразведывательное) Управление, иначе — Департамент неарабских дел, — самый крупный и важный департамент, который отвечал за контрразведку, наблюдение за иностранными дипломатами и иностранными делегациями.

Это Управление, осуществляющее стандартные контрразведывательные функции, включало четыре отдела:

— Отдел «Восток» в основном работал против разведок стран Варшавского договора, прежде всего против КГБ.

— Отдел «Запад» сосредотачивался на работе против разведок англосаксонских и романо-латинских стран.

— Общий Отдел осуществлял наблюдение за гражданскими лицами, посещающими Израиль.

— Экономический Отдел контролировал деятельность и персонал иностранных фирм, работающих на территории государства.

Третье Управление или, как его часто называли, — арабский департамент, — отвечало главным образом за разработку арабских меньшинств в приграничных районах Израиля, которые с 1965 года жили в условиях военного положения.

В Пятое Управление входил департамент защиты, в задачу которого входили обеспечение безопасности военной промышленности, вооруженных сил, защита посольств Израиля и других зарубежных объектов, а также охрана премьер-министра и других официальных лиц и стандартные мероприятия по охране гостайн.

В Десятом Управлении выделялись служба «Шевах» — наружное наблюдение, оперативная фото- и (со временем) видеосъемка, «Хет» — следственный отдел, «Мааджонанот» — отдел оперативной техники, «Цена» — цензура частной переписки и перлюстрация писем.

В административном управлении имелись департаменты допросов, оперативной техники, администра-

ции, координации, планирования и материально-технического обеспечения операций. Работа «Шин Бет» в сфере внутренней безопасности имеет серьезную правовую основу в виде нескольких законов о подрывной деятельности и шпионаже против Израиля. До сих пор действует порядок введения чрезвычайного положения, установленный англичанами в 1945 году и использовавшийся для подавления как палестинских арабов, так и евреев. Он позволял английской армии, а потом и Силам обороны Израиля арестовывать и депортировать нежелательных лиц в «закрытые районы», куда не допускались другие лица, в том числе журналисты. В 1966 году эти полномочия были переданы от вооруженных сил полиции, но на практике все решения принимаются в «Шин Бет». В 1955 и 1957 годах были приняты дополнительные законы в этой сфере.

Израиль, небольшая страна, хронически обремененная значительными расходами, даже в контрразведке старалась обходиться малым. Большинство западных служб безопасности исходит из расчета: для круглосуточного наблюдения за одним объектом необходимо около трех десятков оперативников, работающих по-сменно. В «Шин Бет» такую работу выполняют 10 человек, хотя и с предельным напряжением сил. Часто привлекаются курсанты специальных школ, для которых это является полезной практикой.

Считается, что если объект слежки применяет профессиональные приемы для ее выявления и «отрыва», то он наверняка шпион. Однако наружка «Шин Бет» скоро установила, например, что «чистые» дипломаты и члены различных делегаций от соцстран обладают высокой квалификацией в плане выявления слежки. Это вызывало подозрение контрразведки, она была вынуждена вести наблюдение за этими ложными объектами — что приводило к распылению сил и отвлечению внимания от действительных шпионов.

С момента своего создания в 1948 году «Шин Бет» вела наблюдение не только за дипломатами стран Восточного блока, но и за представителями дружественных стран Запада. Уже через несколько месяцев после создания Государства Израиль военный атташе посольства США в Тель-Авиве полковник Е. Арчибальд обнаружил, что его телефон прослушивается.

Спустя год агенты пытались путем шантажа завербовать сотрудника американского консульства в Иерусалиме и получить от него секретные документы. У этого сотрудника была любовная связь с израильянкой; «Шин Бет» хотела использовать это для шантажа. С этой целью, как водится, была пущена в ход легенда о том, что молодая женщина нуждалась в аборте.

В 1954 году работники безопасности посольства США в Тель-Авиве обнаружили тайные микрофоны в кабинете американского посла. В 1956 году еще два подслушивающих устройства были обнаружены в телефонных аппаратах американского военного атташе.

Задолго до КГБ «Шин Бет» стала с помощью денег и женщин соблазнять морских пехотинцев, которые несли охрану посольства США...

Глава 22. ЧЕЛОВЕК ИЗ ОСВЕНЦИМА

Сразу после того, как Харел возглавил «Моссад», в «Шин Бет» появился новый, чисто номинальный руководитель: Исидор Рот, еврей польского происхождения, который был заместителем Харела. Ранее он, побыв некоторое время помощником у Шилоя в «Моссаде», изменил свое имя на еврейский манер — Иззи Дорот — и перешел в «Шин Бет». В первые два десятилетия существования Израиля переход сотрудников из «Шин Бет» в «Моссад» и обратно был довольно частым явлением.

Исидор (Иззи) Дорот пробыл на этом посту только

один год и оставил о себе впечатление весьма посредственного руководителя. В сентябре 1953 года его отправили в отставку, и он жил в Израиле в полной неизвестности вплоть до своей смерти в 1979 году. О нем почти никто не вспоминает.

Новым руководителем (уже далеко не номинальным) «Шин Бет» стал Амос Манор.

Он родился в октябре 1918 года в Трансильвании, входившей в Австро-Венгерскую империю. В то время его звали Артур Менделевич. В 1939 году Менделевич проходил действительную службу в венгерской армии. Он, как и другие евреи, продолжали службу и при пронацистском режиме, даже когда их заставили носить на своей форме желтую звезду. Только в 1943 году евреев изгнали из армии — и Менделевич оказался в одном из первых эшелонов, направлявшихся в Освенцим.

В Освенциме погибли миллионы, но Менделевич выжил и возвратился в Трансильванию, которая к этому времени стала частью Румынии. Вскоре после окончания войны он понял, что для него как еврея нет будущего в Восточной Европе, и попытался уехать в Палестину.

Но в «Алии-Бет» решили, что этот твердый человек, прошедший войну, может быть им полезен на месте. Они убедили Менделевича вступить в «Алию-Бет», и он в течение трех лет работал в бухарестском подполье над различными проектами, в результате которых тысячи евреев, переживших Холокост, были отправлены на прародину.

Менделевич продолжал работать на Израиль и после получения страной в 1948 году независимости, хотя никогда прежде не бывал там. Он воспользовался своим шансом только в 1949 году, когда коммунистическое правительство Румынии запретило все сионистские

организации. С фальшивыми паспортами, опасаясь, что в случае ареста их обвинят в шпионаже, Менделевич и его жена бежали в Израиль. Через три дня после прибытия в Израиль Менделевич встретился с министром иностранных дел Шареттом, который и порекомендовал продолжить деятельность в спецслужбах, и предложил ему сменить свое европейское еврейское имя на «более современное». Так Артур Менделевич стал Амосом Манором.

Шеф «Алии-Бет» Шауль Авигур справедливо считал, что Манор еще многое может сделать на поприще разведки, что он обладает неоценимым опытом и полон энергии — жизнь в Израиле нисколько не уменьшила его патриотизма. Авигур направил его в «Шин Бет» к Харелу. На Харела он произвел хорошее впечатление и был принят на работу.

Начав с самой низшей ступеньки, Манор быстро продвигался по службе и за считанные годы вырос до поста начальника контрразведки.

Манор с самого начала считал, что наибольшая угроза шпионажа исходила от стран коммунистического блока, а не от соседних с Израилем арабских стран. Арабам не удалось задушить новорожденный Израиль, и не было никаких оснований полагать, что арабские шпионы окажутся лучше арабских армий в 1948—1949 годах. Успехи же советских и восточноевропейских разведчиков в той мере, как они становились известными, впечатляли.

Когда Харел заменил Шилю на посту директора «Моссада», Манор стал заместителем нового руководителя «Шин Бет» Иззи Дорота. Когда в 1953 году Дорот ушел в отставку, Манор возглавил службу внутренней безопасности.

Блестящая карьера, учитывая, что Манору было всего 36 лет и он только четыре года назад приехал в Израиль.

...Он не входил в узкую клику «стариков», которые сражались бок о бок в рядах «Хаганы» или в ее штурмовых отрядах «Палмах».

...Он не служил в британской армии или в ее знаменитом Еврейском легионе.

...Он не сражался за независимость Израиля в войне 1948—1949 годов.

...Даже на иврите он говорил с неистребимым венгерским акцентом и вел себя скорее как европеец, чем как представитель «новых израильтян»¹⁷⁵.

Что-то в этом было непривычно, нетрадиционно, даже сомнительно...

Некоторые сомнения относительно него были не только в самом Израиле. У ФБР тоже были серьезные подозрения в отношении Манора, который так быстро после эмиграции из Румынии сделал головокружительную карьеру в спецслужбах Израиля, и подозрения эти выливались в действия — так, например, в 1952 году, когда разворачивалось стратегическое сотрудничество между разведками, Бюро пыталось не допустить его в США.

Очень много препятствий было на его пути — однако Манор стал тем, кем стал, и очень много сделал для укрепления службы безопасности. Факты отвечали на сомнения и подозрения.

Хотя не все факты становятся пока что не только достоянием гласности, но и известными многим заинтересованным сторонам...

Глава 23. «ШИН БЕТ». КОНТРРАЗВЕДКА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

...Но далеко не все действия «Шин Бет» определялись Амосом Манором. Он оставался и в подчинении,

и в зависимости от «Иссера Маленького». Харел в системе разведсообществ был первым среди равных. Во всяком случае, он никогда не выпускал из рук рычаги управления внутренней безопасностью¹⁷⁶.

Харел сосредоточил в своих руках огромную власть, гораздо большую, чем у кого-либо из руководителей западных спецслужб. Один человек обладал властью, которую можно было сравнить с объединенной властью директора ФБР США Эдгара Гувера и директора ЦРУ Аллена Даллеса. «Маленький Иссер» действительно обладал такой мощью и пользовался неограниченной поддержкой и доверием Бен-Гуриона.

За это «мемунех» платил безоговорочной лояльностью и был готов выполнить почти любое поручение правительства. Например, по желанию Бен-Гуриона Харел охотно превращал спецслужбы в политический инструмент правящей партии «Мапай».

Лояльность к партии Бен-Гуриона была совершенно естественной. Для большинства израильтян в те годы партия «Мапай» была синонимом борьбы за независимость. Правящая партия «Мапай», естественно, контролировала большинство правительственных учреждений, промышленных предприятий, профсоюзов, военную иерархию и разведсообщество.

Бен-Гурион и партия «Мапай» руководствовались простым принципом — кто не с нами, тот против нас. Соответственно и Харел приказал «Шин Бет» в порядке работы по «подрывным элементам» проникнуть в оппозиционные партии Израиля.

В первую очередь внимание было уделено правым партиям. Агенты Харела установили наблюдение за заклятым врагом Бен-Гуриона, бывшим лидером подпольной группировки «Иргун», а к тому времени лидером партии «Херут» Менахемом Бегин¹⁷⁷. Харел высказал в своем докладе абсолютно беспочвенное предположение, что «Херут» намеревалась создать миниподполье в вооруженных силах. Трудно сказать, на

чем были основаны такие подозрения — Менахем Бегин к этому времени стал настоящим парламентским демократом; пожалуй, Харел, в духе одной еврейской поговорки, даже тень горы принимал за гору. Практических мер не последовало.

«Шин Бет» удалось разгромить несколько мелких организаций, связанных с религиозными фундаменталистами и правыми кругами.

Одна из таких организаций, называвшая себя «Союзом энтузиастов», объявила о своем намерении воссоздать древнее еврейское царство в строгом соответствии с религиозными догматами. Бородатые, одетые в традиционную черную одежду ортодоксы поджигали автомобили, рестораны и мясные лавки, в которых продавалось не кошерное мясо. «Шин Бет» проникла в эту группу «энтузиастов» и, выявив всю организацию, арестовала их. В данном случае речь шла, с точки зрения государственной безопасности, не более чем о наивных дилетантах, но Харел доложил Бен-Гуриону, что они представляли смертельную угрозу для демократии¹⁷⁸. «Мемунех» хотел, чтобы «Шин Бет» приобрела репутацию эффективного борца с подрывными элементами.

Много шума наделала история «срыва» покушения на жизнь министра транспорта Давида Цви Пинкуса. По обвинению в подготовке теракта были арестованы лидер подпольной группировки «Лехи» Шаалтиель Бен-Яир и два его помощника. Они якобы намеревались заложить бомбу около дома министра в знак протеста против введения ограничений на движение транспорта по субботам.¹⁷⁹ Бен-Яир был предан суду, но оправдан за недоказанностью обвинения. По иронии судьбы, несколькими годами позже он стал работником разведки и принес немало пользы государству.

То, что «Шин Бет» также установила интенсивную слежку за малочисленной коммунистической партией Израиля, казалось, учитывая несовместимость принципов сионизма и пролетарского интернационализма, в

порядке вещей; но в поисках подрывных элементов «Шин Бет» «направил свой прожектор» и на партию «Мапам», социалистическую партию с безупречной сионистской репутацией. Партия состояла вовсе не из теоретиков и радикалов; она не имела равных в своей активности по созданию еврейских поселений и киббуцев. Члены этой партии охотно служили в армии, и некоторые из них достигли высокого положения в вооруженных силах. Иначе говоря, заслуги партии в государственном строительстве были несомненны.

С другой стороны, когда лидеры «Мапам» пришли к выводу, что Бен-Гурион намерен вести Израиль в сторону от социализма, они в гневе прекратили с ним всякое сотрудничество и даже пошли дальше, выразив восхищение Иосифом Сталиным.

Для Харела это было равносильно тяжкому самообвинению «Мапам». «Мемунех» пришел к выводу, что партия «Мапам» (в которой он сам некогда состоял) действовала как агент советского блока. Он даже подозревал, что поскольку партия имела немало членов среди офицерского корпуса армии, она могла готовить военный переворот с целью захвата власти в стране. И его подозрения стали воплощаться в практические действия, не всегда, мягко говоря, совместимые с нормами демократического общества.

29 января 1953 г. секретарь партии «Мапам» Натан Пелед продемонстрировал во время пресс-конференции миниатюрный радиопередатчик. Он заявил журналистам, что этот «жучок» был обнаружен под столом лидера «Мапам» Меира Яари. Пелед также заявил, что закрытые внутрипартийные дискуссии каким-то образом становились известны Бен-Гуриону. Кроме того, сказал он, после обнаружения «жучка» охранниками были задержаны два взломщика, пытавшиеся проникнуть в штаб-квартиру «Мапам». Они были переданы полиции, но судья проявил к ним необычайную снисходительность — минимальное наказание в виде двух недель лишения свободы.

Пелед предложил следующее объяснение этой ситуации. Он заявил, что задержанные были работниками «Шин Бет», посланными Харелом по приказу Бен-Гуриона и «Мапай». Правящая партия, как водится, все обвинения отрицала, но обвинения были отнюдь не голословны: у «Мапам» была своя внутренняя информация. Мало для кого являлось секретом, что партия имела своих агентов, работников партийной службы безопасности, в штаб-квартире «Шин Бет», других партиях и разведсообществе.

В январе 1951 года удалось выявить одного «партийного шпиона», следившего за его агентами. Довольно высокопоставленный работник «Шин Бет», Гершон Рабинович, был уволен из-за его явных симпатий к «Мапам». Однако остальная агентура «Мапам» уцелела и продолжала снабжать партию информацией, имеющей отношение к ее безопасности.

Так, в частности, Яков Барьям, израильтянин, занимавший в МИД достаточно значимый пост и очень выгодное положение с точки зрения доступа к секретным докладам «Моссада» и военной разведки (в арабской секции исследовательского отдела МИД). В мае 1955 года он был пойман в момент передачи секретов представителю службы безопасности партии «Мапам», которая, очевидно, заботилась о том, чтобы иметь свою собственную картину того, что происходило в Израиле и ближайшем окружении.

Харел не стал добиваться привлечения Барьяма к уголовной ответственности, чтобы не обострять конфликт между «Мапай» и «Мапам».

Глава 24. «ШИН БЕТ» ЗАНИМАЕТСЯ СВОИМ ДЕЛОМ

Но в МИД действовали не только «свои», принадлежащие к другим политическим течениям государства,

осведомители — там был пойман Зеев Авни, шпион, который работал на КГБ еще до приезда в Израиль.

Вольф Гольдштейн родился в 1912 году в еврейской семье, которая вскоре эмигрировала из Восточной Европы в Швейцарию. В юности Вольф увлекался марксизмом-ленинизмом. Был завербован советской разведкой, выезжал в Москву для специального обучения. Его подготовили для внедрения в израильские правительственные учреждения.¹⁸⁰

В Израиле в разгар войны 1948 года он поступил на работу в МИД — экономическому департаменту министерства срочно требовались специалисты. По израильскому обычаю он сменил свое имя и стал Зеевом Авни.

В начале 1950-х годов он уже был экономическим советником посольства Израиля в Брюсселе. Как раз в то время это посольство вело секретные переговоры с Западной Германией о выплате репараций израильским евреям-жертвам Холокоста. Авни, как было выявлено в ходе расследования, регулярно информировал КГБ о ходе этих переговоров.

Позже он получил назначение в Белград, где, собственно, ему и удалось нанести наибольший ущерб национальной безопасности Израиля.

Основная его работа в посольстве была связана с обеспечением экономических отношений Израиля с Югославией, но из-за нехватки персонала по совместительству Зеев выполнял обязанности шифровальщика. Он научился работать на шифровальной машине. Все с благодарностью отмечали готовность Авни работать сверхурочно или подменить заболевшего шифровальщика. Вскоре шпиону удалось получить и передать «хозяевам» коды, с помощью которых КГБ начал читать всю секретную переписку МИД с дипломатами, а также разведчиками, работавшими под дипломатическим прикрытием.

Харел, который постоянно наблюдал за работой

службы безопасности, человек с врожденным контрразведывательным инстинктом, обратил внимание на Авни и его энтузиазм. Он связал несколько странное поведение этого дипломата в Белграде с провалами израильской разведки.

Харел придумал предлог для того, чтобы в апреле 1956 года отозвать Авни в Тель-Авив. Ничего не подозревавший Авни вылетел в Израиль и по прибытии был арестован «Шин Бет». В ходе допросов Авни во всем признался, и контрразведка получила от него очень важные сведения.

Авни вышел на свободу через 10 лет и отправился в Швейцарию, где прошло его детство, но вскоре вернулся в Израиль. По согласованию с комитетом «Вараш» он еще раз сменил имя и фамилию, поселился в киббуце к северу от Тель-Авива и даже какое-то время работал в израильской армии в качестве психолога.

Примерно к тому же периоду относится разоблачение журналистки Мэри Фрэнсис Хаген.

Американка Мэри Хаген работала на несколько печатных изданий и телерадиоканалов в нью-йоркской штаб-квартире ООН. У нее было много друзей среди арабских делегатов; личные отношения стали основой вербовки — по просьбе своего жениха, сирийского дипломата Галаба аль-Хейли, она согласилась заниматься шпионажем против Израиля.

В 1956 году она приехала как журналистка в Израиль и, работая в интересах сирийской разведки, стала проявлять повышенный интерес к границам Израиля и его военным объектам. Такое поведение для американской журналистки, специализирующейся по совсем другим вопросам, было явно необычным, и «Шин Бет» установила за ней круглосуточное наблюдение, а затем и арестовала Хаген.

Она была предана суду на закрытом заседании, на которое ее коллеги-журналисты не были допущены.

27 августа 1956 г. она была признана виновной в шпионаже и провела 8 месяцев в израильской тюрьме. Подробности процесса не разглашали, известно только, что Мэри только в ходе допроса и суда осознала, что выполнение «просьб» жениха являлось просто шпионажем. Несколько обогатив свой личный опыт, но, видимо, все еще наивная Мэри Хаген вернулась в Нью-Йорк — но, к ее удивлению, ее «жених», аль-Хейли, отказался с ней встретиться.

Усилия разведок арабских стран по проникновению в Израиль в те годы отличались примитивизмом. Специалисты «Шин Бет» отмечали, что у арабов не хватало ни знаний, ни профессиональных навыков, ни терпения, которые были необходимы для осуществления долгосрочных разведывательных операций. Положение несколько изменилось, когда спецслужбы ОАР и отдельных стран стали больше сотрудничать с советской разведкой. В результате ими было осуществлено несколько удачных агентурных операций.

Глава 25. НЕИЗВЕСТНАЯ УДАЧА «ШИН БЕТ»

В том же году была осуществлена операция, которая резко повысила престиж «Моссад» и во многом оказалась важным переломным моментом в отношениях с ЦРУ. Эта операция — получение полного текста доклада Н. С. Хрущева XX съезду КПСС.

По всем данным, заслуга здесь принадлежит именно «Шин Бет». Второй человек в «Шин Бет», которого называли номинальным главой контрразведки, но который был ее фактическим руководителем, Амос Манор, знает это точно — хотя прямых высказываний до сих пор он не делал. Он вообще большую часть своей профессиональной карьеры оставался как бы в тени. Пройдя (с чрезвычайной легкостью) все ступени слу-

жебной лестницы, Манор в течение 11 лет возглавлял «Шин Бет», вплоть до своей отставки в 1964 году, — и все эти годы он очень редко говорил с журналистами. «Я никогда не обсуждал свою работу и не вижу причин отступить от этого правила», — заявлял Манор даже после отставки, когда на протяжении четверти века занимался бизнесом, входил в совет директоров различных компаний.

И все же есть все основания полагать, что получение текста секретного доклада Хрущева действительно было одним из его и «Шин Бет» выдающихся достижений.

У Манора были отличные источники в Восточной Европе, в задачу которых входило осуществление контроля за соблюдением американского эмбарго и выявление попыток внедрения агентуры советского блока в Израиль — настоящая контрразведка становится эффективной, когда она не ограничивается действиями на своей территории.

Канва событий такова: один из агентов Манора в Варшаве сумел получить оригинальный русский текст доклада Хрущева и во второй половине апреля 1956 года направил его в штаб-квартиру «Шин Бет», располагавшуюся в окрестностях Тель-Авива, в Яффе. Манор (эмигрант из Венгрии, он не знал русского языка) поручил одному из своих близких помощников, выходцу из Советского Союза, перевести брошюру с текстом доклада на иврит, а ведущим экспертам «Шин Бет» по Советскому Союзу поручил внимательно изучить текст и дать заключение о его подлинности¹⁸¹.

13 апреля, в пятницу, укороченный рабочий день, предшествовавший праздничной субботе, шеф израильской контрразведки прочел речь Хрущева. Он уже несколько недель слышал о том, что это было какое-то очень важное выступление и что за этим текстом гонялись американцы. Манор сразу понял, что это был действительно важный документ и сильное выступле-

ние, раскрывавшее глаза на многое, что было скрыто непроницаемой завесой в Советском Союзе.

Закончив чтение, Манор взял текст (на иврите) и единогласное заключение экспертов о подлинности этого документа и отправился прямо домой к Бен-Гуриону.

В субботу Бен-Гурион и Манор встретились снова, и когда премьер окончательно убедился в подлинности документа, он приказал немедленно передать его американцам. Только после этого Манор отправился домой к Харелу и, не раскрывая источник, ознакомил его с полученным документом.

Израильтяне всегда стремились использовать каждый шанс для того, чтобы произвести впечатление на американцев, и уже через два дня после того, как Бен-Гурион принял решение, в Вашингтон к Джеймсу Энглгону¹⁸² вылетел курьер израильской разведки с докладом Хрущева.

Премьер инстинктивно почувствовал, что это может стать прорывом, который сделает Израиль уважаемым стратегическим союзником Соединенных Штатов. Бен-Гурион также справедливо полагал, что если Израиль сам предаст огласке текст доклада, то это еще больше осложнит и так уже достаточно напряженные к тому времени отношения между Израилем и ранее поддерживавшим его Советским Союзом.

Доклад Хрущева не только прочли с интересом в ЦРУ. Американцы дали утечку в «Нью-Йорк таймс», а затем полный текст доклада был передан по радио на всех языках через радиостанцию «Радио «Свободная Европа» и «Радио «Свобода». Брошюры с текстом даже забрасывались с помощью воздушных шаров в страны за «железным занавесом».

Даже в 1970-е годы Манор не собирался раскрывать имя героя, стоявшего на другом конце информационного канала. Однако известно, что Манор был недоволен попытками Харела присвоить эту заслугу «Моссаду». ¹⁸³ Секретный доклад Хрущева добыл не «Моссад»,

а «Шин Бет», но кто направил «Шин Бет» этот доклад из Европы? В мире шпионажа ответы всегда порождают новые вопросы.

Следы ведут в Польшу, к Стефану Стажевскому. В 1950-х годах он был партийным руководителем в Варшаве и в 1980-х годах сам признался, что именно он снял покров секретности с речи Хрущева.

Стажевский рассказывает, что текст речи был направлен нескольким лидерам компартий Восточной Европы. Один экземпляр речи – 58 страниц на русском языке – курьер доставил Эдуарду Охабу, первому секретарю ПОРП. Тот не присутствовал на съезде и был шокирован прочитанным – полным подтверждением всего худшего, что когда-либо говорилось о Сталине. Охаб ознакомил с текстом некоторых польских партийных лидеров. Сначала им приходилось всем читать единственный экземпляр, который Охаб держал в своем сейфе. Потом Охаб приказал перевести доклад на польский язык и отпечатать строго ограниченное число экземпляров, которые были разосланы местным партийным руководителям, в том числе и Стажевскому. Секретарь Варшавского горкома, по его словам, решил, что речь заслуживает более широкой огласки, и приказал размножить ее «для партактива». Одновременно был размножен (о технических деталях этого подробностей не приводится, весьма вероятно, что это было сделано без ведома Э. Охаба, который к тому времени больше контролировал конфиденциальность распространения переводного, чем сохранность оригинального текста) и исходник, русский текст, – и Стажевский утверждает, что сам он лично передал этот текст журналисту по имени Филип Бен¹⁸⁴.

Уроженец Лодзи, польский еврей Норберт Нижевский уже в юношеские годы занимался журналистикой. В 1939 году он в возрасте 26 лет был призван в польскую армию. После разгрома Польши вместе с остатками польской армии бежал в Советский Союз, а затем

южным путем с армией генерала Андерса оказался на Ближнем Востоке. Нижевский в 1943 году осел в Палестине и вновь занялся журналистикой. Он сменил польское имя: Норберт Нижевский стал Филипом Беном — «бен» на иврите означает «сын», а отца Норберта звали Филипом.

Бен больше писал о международных событиях, чем о внутренних проблемах и ближневосточном кризисе. Он был одаренным международным обозревателем и в 1952 году стал работать корреспондентом французской газеты «Монд», особо специализируясь на проблемах Восточной Европы. Бен обладал широким кругом источников, и его репутации мог позавидовать любой журналист. Бывший посол Израиля в Польше Моше Авидан вспоминает, что иностранные дипломаты часто обращались в израильское посольство за информацией, ссылаясь на то, что «ваш молодой журналист все знает». Они имели в виду Бена¹⁸⁵. Филип Бен мог быть агентом Манора в Восточной Европе: глазами и ушами «Шин Бет» в самом сердце коммунистического блока.

Бен, в то время уже женатый человек, сумел нелегально вывезти свою любовницу-польку, красавицу Франку Торончик, за рубеж. Сестра Бена, Ханна Тикчинская, вспоминает: «Он всегда был окружен ореолом таинственности». С этим согласна Франка Торончик, связавшая с Беном свою последующую жизнь. «Он умел хранить секреты и почти никогда мне ничего не рассказывал». Бен много лет был корреспондентом при ООН в Нью-Йорке и умер в 1978 году. Для публики он написал много, но еще больше нерассказанного унес с собой в могилу.

Одна из таких нерассказанных историй касалась его роли в публикации секретной речи Хрущева.

Один из давних коллег Бена по газете «Маарив» считает «вполне возможным и даже естественным», что Бен делился со службами безопасности своей страны информацией, которую он собирал во время посеще-

ния различных городов. Если бы Стажевский дал Бену речь Хрущева, она вполне могла попасть в израильскую разведку и оттуда в ЦРУ.

Повторим, полной уверенности в том, что именно Бен был тем «источником в Восточной Европе», который так послужил «Шин Бет», нет — но вероятность весьма велика.

ГЛАВА 26. «ШИН БЕТ» И ПРЕССА

Контрразведка, прежде всего с «подачи» очень политизированного Харела, активно вмешивалась в деятельность прессы. В начале пятидесятых им была инспирирована «битва журналов», которая по сей день воспринимается в Израиле со смехом.

Издававшийся на иврите популярный журнал «Этот мир» представлял, по мнению Харела, явную угрозу премьер-министру, партии «Мапай» и всей системе.

Журнал, выпускаемый талантливым коллективом, давал довольно нетрадиционную картину жизни современного Израиля. Подход был, в общем, в типичной манере журналов для широкого круга читателей — публиковалась пестрая смесь сплетен, криминальной хроники, сексуальных скандалов и детективов. Общее направление было не более чем либеральным, но политические ориентиры выставлялись отчетливо. Журнал выступал за примирение с палестинскими арабами. Его главный редактор Ури Авнери открыто призывал Бен-Гуриона проявить благородство и согласиться на создание палестинского государства сразу после победы в Войне за независимость.

Сейчас это реальность политики, но в начале 1950-х годов это звучало как настоящая ересь.

Сам Бен-Гурион и его авторитарные методы руководства были естественной мишенью для отравленных перьев журналистов. В порядке взаимности правящая

партия откровенно ненавидела Авнери. Руководимый «Мапай» политический истеблишмент организовал бойкот журнала, но изданию удалось сохранить и даже увеличить тираж. А когда в 1956 году на обложке журнала появилась информация о коррумпированности шефа полиции Тель-Авива, журнал буквально рвали из рук. Шеф полиции был не кем иным, как сыном Бен-Гуриона, Амосом.

Авнери также позволял себе прямые нападки на «Шин Бет», чем приводил Харела в ярость, так как в то время вообще никто не смел писать о спецслужбах. Саму «Шин Бет» Авнери называл не иначе как «орудием тьмы», характеризовал как монстра, беспардонно нарушающего права граждан, и вообще возлагал на «Шин Бет» вину за все плохое, что было в Израиле.

Официальный глава «Шин Бет», Амос Манор, обвинил журнал в «провокационной лжи» и установил за сотрудниками журнала слежку с целью сбора компромата.

Еженедельник ответил на выпад «Шин Бет» в жанре детективной журналистики, что было довольно рискованно, так как по закону в то время было запрещено упоминать в печати имена сотрудников спецслужб. Но до суда дело так и не дошло. Иссер Харел решил применить нестандартное оружие — соперничающее издание. «Шин Бет» с 1 августа 1956 г. начала издавать свой собственный журнал (естественно, без указания его «ведомственной принадлежности») под названием «Гранат». Но Харел напрасно пытался зашифровать связь этого журнала со спецслужбами — журналисты что в Израиле, что во всем мире не самый сдержанный на язык народ, да и в самой «Шин Бет» не все поддерживали «Мапай».

Что касается творческой стороны, то это издание было в лучшем случае просто зеркальное отражение «Этого мира», но зеркало оказалось тусклым и неровным. Вместо критического подхода журнала Авнери к

освещению текущих событий «Гранат» стал проводить официальную линию вперемешку со сплетнями, рассчитанными на то, чтобы поднять тираж. Однако эта имитация не могла сравниться с уровнем оригинала — творческий уровень «проверенных» и «благонадежных» журналистов по вполне понятным причинам оказался заметно ниже.

Проигрывая в качестве подачи, «Гранат» попытался сыграть на остроте материалов, развязал яростную словесную войну против «Этого мира» — но и это не привело к росту тиража.

Манор никогда не одобрял журнального проекта Харела, но никто не мог переубедить «мемунеха», пока наконец красноречивое падение продаж не сказало само за себя. После яростной кампании журнальной войны, взаимных обвинений и обливания друг друга грязью, ослабление позиций «Граната» стало очевидным. Спецслужбы проиграли войну тиражей. Три года убытков заставили «Шин Бет» прекратить публикацию «Граната».

Глава 27. ПРАВЫЕ В «ШИН БЕТ»

В 1955 году Харел убедил Бен-Гуриона в целесообразности привлечения на работу в разведку наиболее способных членов бывшей подпольной организации «Лехи», известной еще как «банда «Штерн». Несмотря на свою неприязнь к ним, Бен-Гурион согласился.

В обстановке политической напряженности и подозрительности, которая в тот период существовала в Израиле, это был беспрецедентно смелый шаг. До того времени члены этой правой террористической группировки не принимались на правительственную службу как лица, представляющие угрозу безопасности. Харел долго присматривался к ним и пришел к выводу, что они¹⁸⁶ уже не представляли реальной угрозы внутри

государства и поэтому их конспиративный опыт может быть использован.

В числе таких новобранцев, пришедших в «Шин Бет» и «Моссад» из рядов «Лехи», был один из бывших ее руководителей — Ицхак Ереницки¹⁸⁷.

Ехошуа Коэн, принимавший участие в убийстве в 1948 году посредника ООН, шведского графа Фолька Бернадотта, стал начальником личной охраны Бен-Гуриона.

Некоторые члены «Лехи» вошли в состав других разведслужб Израиля.

Яааков Элиав был направлен в Испанию.

Шаалтиель Бен-Яир, которого еще четыре года назад подозревали в том, что он пытался подложить бомбу одному из министров, отправился в Египет и стал одним из самых удачливых разведчиков Израиля.

Давид Шомрон был направлен в парижскую резидентуру «Моссада», а Элияху Бен-Элиссар работал в Европе с агентурой в арабских странах.

Эти правые экстремисты были вечно благодарны Харелу за то, что он помог им выйти из карантина и дал возможность доказать свою полезность для Израиля.

Что же касается лично Ицхака Шамира, то ему очень трудно давался переход от подпольной работы, которой он занимался еще до создания израильского государства, к мирной жизни. Еще в то время, когда он возглавлял «банду «Штерн», которая вела борьбу с англичанами и арабами, а также в период своих продолжительных командировок по линии «Моссада» в Европе,¹⁸⁸ Шамир привык относиться ко всему с подозрением, вести аскетический образ жизни и работать с большим напряжением.

«Шамир был интровертом, исключительно преданным своему делу и очень трудолюбивым», — вспоминал один из его коллег в «Моссаде».

На него всегда можно было положиться, хотя, по

словам некоторых его сослуживцев, «он никогда не выдвигал особо блестящих идей». Но служением своему делу и своей стране он занимался с полной самоотдачей; характерно, что его дочь Гилада тоже работала в разведке, а сын Яир стал военным летчиком, завершил карьеру в звании полковника ВВС.

Во время преобразований, произошедших после смены руководства и прихода в «Моссад» Меира Ами-та, Ицхак Шамир, возглавлявший европейский отдел «Моссада», подал в отставку и открыл собственное дело, но его фабрика прогорела. Ему не оставалось ничего, как в довольно почтенном возрасте (52 года) пойти в политику. Этот человек, всегда привыкший держаться в тени, стал публичным деятелем, — но даже став премьер-министром, Шамир всегда с теплотой вспоминал напряженную и полную драматизма работу в разведке.

«Мои дни в «Моссаде» были счастливейшим периодом жизни. Никакая политика и даже пост премьера не могут с этим сравниться», — вспоминал Шамир.

Глава 28. «ШИН БЕТ» ПРОТИВ АРАБСКОЙ РАЗВЕДКИ

Египетская и сирийская разведки никогда не считались достаточно сильными, но они тоже предпринимали активную агентурную работу против Израиля. Им удалось завербовать нескольких израильских арабов — далеко не идеальный выбор, так как все они находились под «колпаком» Шин Бет и достаточно скоро были выявлены и арестованы, — а также время от времени направлять свою агентуру в Израиль под видом туристов.

Наиболее дерзкие операции арабов были зеркальным отражением действий Израиля. Арабские агенты учились выдавать себя за евреев и направлялись в Из-

раиль под видом иммигрантов, которые в потоке новых переселенцев не привлекали особого внимания.

Кобрук Яковян, армянин, работавший в Египте, сумел освоить эту хитрость. Под именем Ицхака Кошука он в декабре 1961 года въехал в Израиль из Бразилии. Израильское консульство в Рио-де-Жанейро, первый «фильтр», приняло его за настоящего еврея, стремящегося к возвращению на библейскую родину, и выдало въездную визу.

В действительности египетская разведка завербовала Кошука, когда он находился в каирской тюрьме за малозначительное правонарушение. Чтобы замаскировать Кошука под еврея, ему даже сделали обрезание.

В Израиле Кошук, как большинство новоприбывших, некоторое время работал в киббуце под Ашкелоном, а затем поступил в израильскую армию. Специальная подготовка, полученная в Египте, была направлена на внедрение разведчика в бронетанковые части. И действительно, Кошуку очень хотелось попасть в танковые части — это стремление нашло отражение в досье, которое вела «Шин Бет», но до своего ареста в декабре 1963 года он так и не продвинулся дальше небольшого транспортно-подразделения. Доказательства агентурной деятельности были собраны бесспорные, да и сам разведчик на допросах дал полные признания. Кошуку повезло, так как в Израиле нет смертной казни за шпионаж. Он провел несколько лет в тюрьме и был выслан (в обмен на агента «Моссад») в Египет.

Возможно, самой удачной из «расшифрованных» операций египетской разведки стали действия шпиона, ставшего известным как Жак Битон. В конце 1960-х годов он — один из самых лучших агентов, по свидетельству египтян, — документировался в Тель-Авиве. Он тоже выдавал себя за еврея и также подвергся обрезанию.

«Жак Битон» открыл туристское агентство на улице

Бреннера в Тель-Авиве и неплохо использовал возможности общения с израильскими туристами и теми, кто посещал страну, в том числе и в целях совершения паломничества. Постоянное общение с приезжающими и уезжающими также облегчали возможности связи с Каиром. В отличие от Кошука, его поймать не удалось — при первых признаках опасности «Жак Битон» скрылся, даже его настоящее имя осталось контрразведчикам неизвестным.

В 1988 году египетское телевидение показало боевик, снятый по мотивам истории Битона. Сначала израильцы заявили, что это арабская выдумка, но после того, как стали известны детали, вынуждены были признать, что у них под носом действительно работал арабский шпион, которому удалось уйти. Тем не менее израильцы настаивают, что ущерб, причиненный этим агентом, был минимальным — слишком многие в Израиле твердо убеждены, что египтяне просто неспособны ни на что дельное.

А египетский разведчик получил редкую для шпиона возможность спокойно уйти в отставку. Через некоторое время по возвращению в Каир ему предоставили новую легенду и разрешили уехать в Западную Германию, где он жил с семьей до конца своих дней.

Глава 29. «ШИН БЕТ» И ЯДЕРНЫЕ СЕКРЕТЫ

О деятельности охранных служб по защите святынь Израиля, его ядерных секретов, будет отдельный рассказ в соответствующем разделе. Здесь мы приведем только один эпизод, в котором непосредственное участие принимала «Шин Бет».

...Курт Ситта — его считали гением математики — получил образование в Праге. Он был женат на еврейке — и во время войны фашисты сочли это достаточным поводом для отправки молодого ученого в Бухенвальд.

Ситта выжил и после войны изучал ядерную физику в Великобритании, а затем преподавал этот же предмет в университете штата Нью-Йорк, в Сиракузах.

ФБР, подозревая в нем коммунистического агента (это был период «охоты на ведьм»), подвергло его допросу и попыталось завербовать в качестве двойного агента. Курт не дал признаний и не поддался на вербовку, но счел свое дальнейшее пребывание в США излишним и в 1953 году выехал в Бразилию.

Спустя два года его пригласили прочесть курс лекций в «Технионе» в Хайфе, израильском эквиваленте американского Массачусетского технологического института.

Курту понравилась страна, понравились люди, понравилась работа, — по крайней мере, так он говорил, когда принял пост директора департамента физики. Работал он очень успешно; столь же успешно, как оказалось, снабжал секретной информацией резидента чехословацкой разведки, работавшего под прикрытием посольства ЧССР.

Значительные успехи, которых нееврей Ситта сумел достичь в Израиле, открывали большие возможности для чехов. «Шин Бет» потребовалось 5 лет, чтобы выйти на эту секретную операцию. И только 16 июня 1960 г. был произведен арест и предъявлено обвинение в шпионаже. Ситта был арестован за два дня до того, как первый израильский экспериментальный реактор в Нахаль Сорек был запущен на полную мощность.

Этот арест явился шоком для его друзей, коллег и студентов в «Технионе», а также в политических кругах Израиля.

В ходе судебного заседания был назван примерно ущерб, который Ситта нанес Израилю. Аналитики сравнивают его деятельность с тем, что сделали Розенберги в США и Клаус Фукс в Великобритании. Конечно, это явное преувеличение. В те годы Израиль просто не располагал разработками в этой области, которые бы

значительно опережали советские или американские. Даже сторона обвинения проговаривалась, что передаваемая Куртом информация была второстепенной и не имела стратегического значения. Косвенным признанием этого может служить и то, что Ситта был приговорен к пяти годам лишения свободы, но вскоре вышел на свободу, без помех выехал из страны и начал новую научную карьеру в Западной Германии.

Суд учел и мотив действий Курта Ситты – его шантажировали спецслужбы Чехословакии, угрожая расправиться с его престарелым отцом-пражанином.

Глава 30. «ШИН БЕТ» В БОЛЬШОМ СТРОЮ

Совместно с «Шин Бет» «Моссад» установил связи с большим количеством иностранных спецслужб, став членом «Киловатта», секретного объединения представителей различных спецслужб, занимающихся борьбой с международным терроризмом. В этом объединении были представлены разведслужбы Италии, Бельгии, Западной Германии, Великобритании, Голландии, Швейцарии, Дании, Франции, Канады, Ирландии, Норвегии и, конечно, Израиля. «Моссад» также имел связи с некоторыми другими европейскими странами, в частности с Португалией, Испанией и Австрией. В большинстве из этих стран «Моссад» имел свои зарубежные резидентуры.

ЦРУ, алия и «Шин Бет»

Штаб-квартира ЦРУ в Лэнгли всегда рассматривала сотни тысяч переехавших в Израиль американских евреев как потенциальный резерв агентов. Однако их сдерживало то, что эти евреи переселились в Израиль по религиозным соображениям либо в силу привержен-

ности сионизму и их лояльность к Израилю в конечном счете может одержать верх над их прошлыми связями с Америкой. Израильские спецслужбы всегда исходили из того, что в потоке иммигрантов из Советского Союза должна быть советская агентура, но они никогда всерьез не подозревали, что ЦРУ может делать то же самое. Сотрудники «Шин Бет» считали, что в жизни все возможно, но они не верили, что среди американцев могут быть какие-то американские «кроты», вывезенные в Израиль.

С другой стороны, американцы принимали как факт то, что среди израильтян, приезжавших в США на учебу или с деловыми целями, были израильские шпионы. И действительно, как могла страна, считающая себя находящейся в состоянии войны, не посылать шпионов туда, где можно было найти ценную информацию?

Деятельность израильской разведки в США действительно была широкомасштабной, но она не была такой уж четко организованной и такой зловещей, как это могло представляться ФБР и другим ксенофобам. Израильтян, выезжавших за границу, иногда просили проявлять внимание к какой-то проблеме, особенно если они были учеными, работавшими по проектам, имевшим значение для обороны Израиля. Но они формально не вербовались «Моссадом» или «Аманом», и им не выплачивалось вознаграждение. Многие из этих «путешественников» видели свой патриотический долг в том, чтобы посылать домой информацию, которая может помочь Израилю. Большинство израильтян в Америке, конечно, не занимались ничем подобным, к тому же им на глаза не попадалось ничего, что могло бы представить интерес для шпиона. Но от тех немногих, кто помогал, израильская разведка — иногда через институты и компании, имевшие представительства за границей, — получала пользу.

Во всяком случае в тайных операциях на террито-

рии США «Моссад» избегал использовать сотрудников своей резидентуры в Вашингтоне — точно так же, как американцы поступали в Израиле. Когда израильский агент направлялся с заданием в Америку, вашингтонская резидентура «Моссада» об этом не информировалась. Если израильская разведка должна была платить агенту за информацию, следуя американскому рецепту, она старалась использовать «флаг» какой-то другой страны или, что еще лучше, представлять дело так, что речь будто бы идет о каком-то безобидном промышленном шпионаже другой американской компании.

Глава 31. «ШИН БЕТ» – НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Триумфальное завершение «шестидневной войны», о котором уже не раз было сказано в этой книге, стало водоразделом в истории Израиля, и разведывательное сообщество тоже не миновали радикальные перемены, последовавшие за этой победой.

1 января 1967 года Йозеф Хармелин сменил Амоса Манора на посту директора «Шин Бет»¹⁸⁹.

Но перемены произошли не только в руководстве: время потребовало выполнения совершенно новых задач, сосредоточения усилий на тех направлениях, которые еще недавно казались второстепенными.

Прежде всего это касалось отношений с палестинцами в целом и Организацией Освобождения Палестины (ООП) в частности.

С момента создания в 1964 году эта партизанская организация стала важным объектом внимания израильской разведки.

Вот цитата из брошюры, которая распространялась на Западном берегу: «Мы должны организовать подпольную борьбу на каждой улице, в каждом квартале, в каждой деревне. Каждый должен бороться с врагом.

Сбрасывайте большие камни со склонов гор и блокируйте ими дороги. Поджигайте автомашины противника. Мы должны бойкотировать все экономические и культурные учреждения оккупационных властей». Эти призывы завершались инструкцией по изготовлению «коктейля Молотова», зажигательной смеси.

Лидеры ООП надеялись сразу же поднять «национально-освободительную борьбу» в духе Мао Цзэдуна и Фиделя Кастро. ООП позаимствовало у Кубы, Китая, Вьетнама и Алжира не только общую концепцию, но и тактику. Палестинцам активно помогал полковник Ахмед Суэдани, руководитель сирийской военной разведки, который был горячим сторонником «народной борьбы» на Ближнем Востоке, но, разумеется, не в самой Сирии.

Группировки ООП направляли десятки боевиков, вооруженных автоматами, гранатами и взрывчатыми веществами, на оккупированные территории для создания боевых ячеек. Ясир Арафат¹⁹⁰, лидер ООП, лично подбирал людей для боевых операций и утверждал их мельчайшие детали. Боевые группы нападали на военные патрули и автомашины, устраивали засады на узких улицах поселений Западного берега.

В самом Израиле палестинцы взрывали бомбы на рынках, автобусных остановках, в кинотеатрах и ресторанах, не щадя ни военных, ни гражданских. Они, возможно, были убеждены, что ведут честную вооруженную борьбу, но по сути тогдашняя тактика ООП имела одно название: терроризм.

В числе важных задач «Шин Бет», естественно, были попытки схватить или уничтожить проявленных лидеров ООП и палестинского сопротивления в целом. В частности, операции против Арафата предпринимались более десяти раз. Однажды от поимки отделяли считанные минуты: когда оперативники ворвались в трехэтажную виллу в Рамаллахе на Западном берегу реки Иордан, кровать была еще теплой, простыни и

одеяла разбросаны по комнате, в чайнике кипела вода и чай в чашках был еще горячим, но человека по имени Абу Аммар в доме уже не было. Он выпрыгнул из окна второго этажа и спрятался в припаркованном вблизи автомобиле...

Несмотря на неудачу с Арафатом, «Шин Бет» могла многим гордиться в 1967 году. Прежде всего, «Шин Бет» удалось сорвать попытку ООП поднять «народное восстание».

В то время служба внутренней безопасности была довольно небольшой замкнутой организацией, работавшей в обстановке абсолютной секретности. Само название «Шин Бет» было неизвестно широкой публике, цензура не пропускала ни малейшего упоминания об этой организации, и закон запрещал раскрывать имена сотрудников «Шин Бет». Общая численность сотрудников агентства не превышала 500 человек. Внутри организации царила почти родственная атмосфера, все знали друг друга. «Семейные секреты», то, что происходило внутри службы, никогда не раскрывались посторонним.

Вместе с тем это была весьма мало признанная в обществе организация, которая всегда стояла в тени «Моссада» и «Амана». Лишь изредка на долю «Шин Бет» перепадали какие-то крохи признания, главным образом благодаря деятельности оперативного департамента, который был общим с «Моссадом». Репутация «Шин Бет», как, впрочем, соответствующих служб во всех странах, была весьма невысока.

Сейчас, в новых условиях, на службу безопасности возлагалась, помимо всего прежнего, новая, масштабная и ответственная задача: непосредственное участие в решении «палестинского вопроса».

Всего за год до Шестидневной войны правительство Израиля ликвидировало военную администрацию, существовавшую в арабских поселках и деревнях с момента окончания Войны за независимость 1948 года¹⁹¹.

Израильтяне арабского происхождения всегда имели право голосовать на выборах в кнессет, но их повседневная жизнь управлялась совсем не так, как у еврейского населения. Кроме того, в районах с преобладающим арабским населением, особенно в Галилее, на севере Израиля, все жители находились под неусыпным наблюдением «Шин Бет».

Задача «Шин Бет» заключалась в том, чтобы не допустить превращения арабов в пятую колонну, которая будет действовать в интересах «своих братьев по ту сторону границы». Отмена военной администрации, по мнению «Шин Бет», способствовала бы интеграции арабов в израильское общество, внесла бы успокоение в этот сектор общества и способствовала изоляции экстремистов, недовольных жизнью в Израиле.

Это знаменовало собой внесение существенных коррективов в работу «Шин Бет», с которых, собственно, и началась эра Хармелина.

До того времени, когда ему предложили заменить Манора, Йозеф Хармелин возглавлял в «Шин Бет» службу контрразведки. Теперь он перенес свой опыт на всю организацию работы «Шин Бет».

«Новый шеф, — вспоминает один из его бывших подчиненных, — любил профессию контрразведчика. Достижение успеха на этом направлении требовало особой изощренности, а допросы подозреваемых — немало интеллектуального напряжения. Чтобы выявить слабые места у подозреваемого, нужно было вообще хорошо знать человеческие слабости».

У высокого, статного Йозефа Хармелина было абсолютно бесстрастное лицо. Умение скрывать свои чувства — очень полезное качество для разведчика, и он, видимо, был наделен им от рождения.

Йозеф Хармелин появился на свет в Вене в 1923 году. После аншлюса 1938 года, когда Австрия была включена в состав нацистского рейха, родители

Хармелина успели уехать в Мексику и тем самым избежали приближавшегося Холокоста. Некоторое время спустя юный Йозеф отправился в Палестину, где учился в сельскохозяйственной школе Бен Шемен, из которой вышли будущий премьер Шимон Перес и будущий шпион Вольфганг Лотц. Какое-то время Хармелин работал в киббуце, а потом поступил в британскую армию.

После окончания Второй мировой войны он вступил в «Хагану», где познакомился с Харелом, а когда Израиль обрел независимость, стал сотрудником «Шин Бет» и постепенно достиг высшего поста в этой организации.

Леви Эшкол, премьер-министр, по устоявшейся структуре подчиненности служб отвечавший за деятельность «Моссада» и «Шин Бет», стремился к тесным и даже дружеским отношениям с Хармелиным, которого считал безукоризненно честным и искренним человеком. Но в то же время Хармелин был, видимо, слишком скучен для Эшкола, изоциренного политика, мастера партийных интриг и в то же время веселого обаятельного человека, любителя шуток и хохм на идише. Рассказывают, например, такой эпизод из их взаимоотношений: сразу после гибели президента США Дж. Ф. Кеннеди Хармелин, в обязанности которого в тот период входила организация охраны премьер-министра, заявил Эшколу (а премьеру неоднократно угрожали), что теперь у него будет два круглосуточных телохранителя вместо одного.

— Но это люди, которые строжайше соблюдают секреты. Вы можете быть совершенно спокойны, — добавил будущий шеф «Шин Бет», намекая на куртуазные развлечения нестарого вдовца Эшкола. — Если у вас будут интимные встречи — они не проронят ни слова.

Эшкол с типичным для него юмором ответил:

– Наоборот. Пусть рассказывают.
Но Хармелин даже не улыбнулся этой шутке...

Передача «Шин Бет» ответственности за поддержание порядка на оккупированных территориях¹⁹² произошла через неделю после окончания Шестидневной войны, 19 июня 1967 г., на заседании «Вараш» — комитета начальников разведслужб Израиля.

По традиции комитета «Вараш», на заседании председательствовал руководитель «Моссада»; в заседании участвовали руководители «Амана» и «Шин Бет» — соответственно Аарон Ярив и Йозеф Хармелин, а также начальник национальной полиции и генеральный директор министерства иностранных дел.

Надеясь вбить клин между большинством палестинцев и воинствующим меньшинством, руководители разведсообщества решили, что жителям будет позволено вести нормальную жизнь. Одновременно было предписано неотвратимо и строго наказывать тех, кто будет участвовать в подрывных или насильственных действиях. Палестинцы, помогающие повстанцам, будут наказываться тюремным заключением и уничтожением домов — обычно путем подрыва их динамитом. Эти громкие взрывы должны были служить предостережением всем остальным. В качестве первого шага оперативники Хармелина, с помощью военной разведки, стали распространять слухи о том, каким строгим будет оккупационный режим. Эти слухи (а их охотно подхватывали и в соседних арабских странах, и в отдалении — например, в СССР) были не столь верны, сколь устрашающи.

Потеря дома для каждой семьи была, конечно, большим несчастьем, и такая угроза заставляла многих очень серьезно задуматься; но самым суровым наказанием, которое могла применить и применяла «Шин Бет», было изгнание. С первых же недель управления тем, что Израиль называл «административными терри-

ториями», арабы, подозреваемые в связях с ООП, выдворялись в Иорданию без права возвращения.

Практическая реализация всего комплекса охранно-профилактических мероприятий была непростой задачей, и агенты «Шин Бет» не были к этому готовы. Для них новые территории были «терра инкогнита» — незнакомый и чуждый мир, где агентство не имело ни своих сотрудников, ни агентуры, и все надо было начинать с нуля.

Задачу предотвращения палестинских восстаний и борьбы с терроризмом Хармелин поручил Аврахаму Ахитуву, возглавлявшему небольшой (в тот период) арабский департамент «Шин Бет».

Ахитув по образованию был юристом и работал с той методичностью, которой требовала его профессия. Однако его работа имела довольно сомнительную правовую базу, хотя все коллеги по «Шин Бет» отмечали его заслуги в создании на оккупированных землях разветвленной сети осведомителей в среде израильских арабов¹⁹³.

Опыт у него был немалый. В 1956 году во время кратковременной оккупации Израилем сектора Газа Ахитув отвечал за проведение в этом районе операций «Шин Бет». В 1967 году ему было предложено использовать свои способности и добиться на всех оккупированных территориях того же результата, какого он в тот период достиг в арабском секторе Газа.

Самым ценным помощником Ахитува был Иегуда Арбел, невысокого роста человек с преждевременной сединой и гипнотическим взглядом. Его ярко-голубые глаза, казалось, излучали леденящий холод. По воспоминаниям некоторых друзей и коллег, в неслужебное время это был романтик и эстет, любивший музыку, искусство, хорошее вино и красивых женщин. Те же, кто оказывался его оппонентом — точнее, немногие, согласившиеся поделиться воспоминаниями о столкно-

вениях с ним, — почему-то не отмечают ни романтики, ни эстетства.

Биография Арбела была очень похожа на биографии других сотрудников разведки.

Он родился в Трансильвании, бывшей в то время частью Венгрии, а позже вошедшей в состав Румынии; уехал в Палестину; служил в британской армии; участвовал в Войне за независимость 1948 года; служил полицейским и, наконец, в 1955 году пришел в «Шин Бет».

К началу войны 1967 года он возглавлял небольшое районное отделение «Шин Бет» в Западном секторе Иерусалима. Это был спокойный район, не доставлявший особенных хлопот. Тогда в районе было очень мало арабов и Арбелу приходилось заниматься главным образом контрразведкой и наблюдением за иностранными дипломатами.

После завершения Шестидневной войны скучать не пришлось. Арбел находился в постоянном движении, ездил от одной деревни на Западном берегу к другой, вербовал осведомителей, координировал работу по проникновению в ячейки сопротивления. И активная работа принесла результаты. В кратчайший срок «Шин Бет» удалось справиться с главной проблемой на оккупированных территориях. «Шин Бет» стала получать превосходную информацию, а это было главной предпосылкой успешной борьбы с оппозиционным подпольем — палестинцы были практически лишены возможности поднять восстание, «Шин Бет» получала предупреждение обо всех планах серьезных акций ООП.

Ахитув и Арбел сумели покрыть весь Западный берег и сектор Газа густой сетью осведомителей и тайных агентов. Большинство из них были арабами, работавшими за деньги или из чувства страха, но среди них также встречались израильтяне, свободно говорившие по-арабски. Информаторы снабжали «Шин Бет» предупреждающей информацией о готовящихся акциях парти-

зан. Именно этот непрерывный поток сведений позволил «Шин Бет» в декабрьскую ночь 1967 года так близко подойти к вилле Арафата в Рамаллахе.

По наводкам информаторов оперативникам «Шин Бет» нередко удавалось арестовывать участников тайных сходов или захватывать палестинских боевиков в момент подготовки ими террористических актов. Эта система работы, получившая название «превентивной разведки», является пределом мечтаний любого сотрудника службы внутренней безопасности, призванного вести борьбу с насилием и терроризмом: предотвращение преступления.

К декабрю 1967 года «Шин Бет» имела внушительные достижения: большинство палестинских групп сопротивления было разгромлено, и их штаб-квартира на Западном берегу вынуждена была эвакуироваться в Иорданию. Около 200 палестинцев было убито в стычках с армейскими подразделениями и оперативными группами «Шин Бет», более тысячи — арестовано.

Успехам контрразведки способствовали и тактические просчеты ООП.

В тот период в больших формированиях бойцы знали друг друга и своих начальников. Сам Арафат и его старшие командиры, вопреки требованиям конспирации, знали большинство членов подпольных ячеек. Система связи была примитивной, коды — ненадежными, маршруты отхода не предусматривались. Конспиративные квартиры часто были расшифрованы. Члены подпольных групп также не были готовы к допросам в случае задержания, и сразу же после ареста они во всем признавались. «Фидайны не умеют держать язык за зубами», — такая характеристика из уст оперативника «Шин Бет» кочевала по страницам газет. В результате подпольные ячейки сыпались, как костяшки домино. Коды раскрывались, секретные сообщения перехватывались и расшифровывались, явки проваливались, оружие и взрывчатка изымались «Шин Бет».

Исключительно важным фактором, предопределившим, по большому счету, неуспех партизанской войны в Палестине, была слишком ограниченная поддержка населения. Поставленное перед выбором «кнута и пряника», получая возможность для вхождения в экономически более благополучное общество, местное население предпочитало мир, спокойствие и процветание сотрудничеству с подпольем.

...Оперативники Ахитува стали известны как «короли территорий».

Почти как во времена феодализма, каждый оперативник получал свой «надел», обычно деревню или группу деревень, и там он должен был стать глазами и ушами Израиля, быть в курсе всего, что происходило в его владении. Он должен был знать всех жителей «своей» деревни по именам, в то время как они звали его только по псевдониму. Административные порядки тоже напоминали о временах феодализма. Если палестинец хотел получить разрешение на строительство дома, военной администрации вменялось в обязанность согласовать этот вопрос с оперработником «Шин Бет». Торговец-араб, пожелавший вывезти свой урожай цитрусовых за пределы сектора Газа или оливковое масло за пределы Западного берега, мог получить экспортную лицензию только с согласия «Шин Бет». Практически вся повседневная жизнь палестинцев находилась под контролем «Шин Бет». Получалось так, что за возможность нормальной жизни арабы были вынуждены поддерживать хорошие отношения с «Шин Бет», предоставляли контрразведке информацию — а взамен действительно получали безопасность и некоторые блага. Оппозиция, по большому счету, была раздавлена и только через несколько десятилетий сложились новые исторические условия, которые позволяют говорить о создании палестинского государства.

...Но к тому времени имидж Израиля в мире стал в значительной степени определяться политикой, проводимой на оккупированных территориях. А она, формально говоря, была такова, что отношение к Израилю в мире изменилось. Израиль превратился в отвратительное, осуждаемое всеми государство. Практически все хорошее, чего добился Израиль за два десятилетия, было всерьез дискредитировано в глазах мировой общественности. Вызывавший сочувствие и подвергавшийся угрозам до 1967 года, он вдруг превратился в жестокого оккупанта чужих земель. Отношения Израиля со многими странами значительно ухудшились...

Глава 32. ПЕРЕМЕНЫ В «ШИН БЕТ»

Все разведывательные службы отражают этику, мораль и ценности своего общества. Изменился Израиль, изменилась и «Шин Бет». До Шестидневной войны сотрудники агентства представляли собой большую семью, происходившую от общих корней: практически все они служили в британской армии, состояли в «Хагане» и были «ашкенази» — выходцами из европейской ветви еврейства. Объединяла их общая благородная задача: они защищали свой большой дом, свою в борьбе и страданиях обретенную большую семью.

После 1967 года «Шин Бет» трансформировалась в орган подавления, играющий главную роль в управлении оккупированными территориями. «Шин Бет» стала службой безопасности оккупационной державы, самоуверенной и даже наглой. Значительное расширение масштабов деятельности отрицательно сказалось на профессиональном уровне, безупречность и тщательность в работе уступили место импровизациям, серьезно изменился и подход к кадрам.

Для обеспечения нужд значительно расширившейся разведывательной сети нужно было срочно увеличи-

вать штаты организации. В северной части Иерусалима была построена новая штаб-квартира «Шин Бет» взамен скромной в Яффе.

Совершенно определенно снизились требования к кадрам. Острая потребность в сотрудниках, владевших арабским языком, заставляла обращаться к «сефардской», то есть восточной и африканской части еврейского населения. У «сефардов», выходцев из слаборазвитых стран, репутация в Израиле не слишком высока, особенно в те годы. Были, конечно, исключения, но в целом этот сектор еврейского общества был значительно менее образован и продвигался в жизни не за счет своих мозгов, а за счет мускулов. Практика деятельности «сефардов» в «Шин Бет» свидетельствует о том, что действовали они весьма грубо, хотя зачастую решительно и эффективно.

Все делалось в спешке, и это привело к падению социального престижа организации. До сих пор большинство сотрудников проходило через элитные боевые подразделения израильской армии.¹⁹⁴ «Шин Бет» в погоне за кадровым пополнением стала больше ориентироваться на вспомогательные подразделения, где не уделялось такого внимания тонкостям этики и морали, «воспитанию». Результаты не преминули сказаться. В частности, Йосси Джиноссар, «герой» двух самых громких скандалов в истории израильского разведсообщества, был призван в ряды «Шин Бет» из адъютантов, был штабистом, который всегда отсиживался в тылу и никогда не бывал на фронте.

Глава 33. «СИСТЕМА»

Борьба с ООП переросла в особую войну. Тысячи арабов задерживались для допросов, чуть ли не ежедневно проводились специальные операции, а в то же время на улицах израильских городов взрывались зами-

нированные автомобили, отели в самой стране и за ее пределами, представительства и авиалинии становились объектами террористических актов; от «Шин Бет» требовались срочные действия. Фактор времени становился решающим элементом стратегии «превентивной разведки».

Быстрота требовала жестокости и не оставляла времени для размышлений. Сейчас уже как сентиментальный анекдот вспоминали, что в начале карьеры Йозеф Хармелин уволил молодого следователя за то, что тот отвесил допрашиваемому палестинцу оплеуху. Хармелин по-прежнему считал, что можно обойтись без физического насилия, — но уже допускал, что высокое мастерство интеллектуального допроса и психологического воздействия доступно не каждому следователю. Новые условия диктовали свои правила. Оперативники «Шин Бет» стали осознавать, что такое поддержание режима жесткой оккупационной политики. Они делали грязную работу ради, как им казалось, благородного дела.

Фактически терроризм удалось победить путем введения метода, который сотрудники ведомства называли «Системой».

Методы работы службы безопасности действительно создавали систему двойного стандарта в соблюдении гражданских прав и отправлении правосудия. Один — демократический — применялся к гражданам Израиля; другой — весьма далекий от демократии, включающий попросту запрещенные в цивилизованных странах методы, — применялся к палестинским «смутьянам» и подозреваемым на оккупированных территориях.

«Система» с ее двойным стандартом создала новую страну «Шин Бет» с ее особыми границами.

В стране «Шин Бет» были свои тюрьмы, отличные от тюрем для израильских граждан. Арестованные палестинцы помещались в специальные блоки в местах заключения. Полиция и администрация никогда не заглядывали в эти блоки.

Арабы, обвиненные в терроризме, подвергались жестоким допросам. Банальные избиения были редкостью, но зато применялись другие пытки, не оставлявшие следов. Когда за арестованным палестинцем захлопывались ворота тюрьмы, ему обычно надевали на голову черный мешок и оставляли на палящем израильском солнце или в ледящую стужу ожидать допроса. Допрос мог продолжаться несколько часов. Арестованным обычно не давали спать и часто обливали холодной водой.

Не всем сотрудникам «Шин Бет» нравилось то, что им приходилось делать, но в своем большинстве они видели в этом часть борьбы за национальное спасение. Они верили, что защищают страну от угрозы терроризма.

«Чего ждут от нас террористы, которые убивают женщин и детей? Что мы будем стучаться к ним в дверь и приглашать их на чашку кофе?» — спрашивал ветеран «Шин Бет», который в течение многих лет возглавлял отдел допросов...

«Шин Бет» и демография

Был один экзотический проект, в котором «Шин Бет» сотрудничала с «Аманом» и «Моссадом», — большая операция, направленная на решение «демографической проблемы». Он отражал обеспокоенность израильских властей тем, что, в силу гораздо более высокого уровня рождаемости, к концу XX века численность арабов в Израиле и на оккупированных территориях превысит численность евреев.

Разведсообщество получило задание поощрять палестинцев к эмиграции. Была создана специальная подставная израильская фирма в Европе, которая покупала землю в Бразилии, Парагвае, Португалии и Ливии для арабов Западного берега и сектора Газа, выражавших желание эмигрировать. В ходе операции по стиму-

ляции переселения палестинцев с Западного Берега реки Иордан и из сектора Газа, эмигрировало около 20 тыс. жителей. Около 1 тыс. палестинцев получили деньги из секретного переселенческого фонда. Однако операция была прекращена и в связи с осложнениями, которые возникли в Ливии и Парагвае¹⁹⁵, и в связи с тем, что масштабы эмиграции реально оказывались в сущности совсем небольшими по сравнению с общей численностью населения. Подавляющее большинство палестинцев осталось на своих землях и научилось жить в условиях оккупации. Некоторые остались для того, чтобы бороться, хотя достаточно скоро самым горячим головам пришлось признать, что традиционными методами реально противостоять объединенным силам «Шин Бет» и израильской армии не удалось и шансов на подъем народного восстания очень мало.

По слухам, которые время от времени появлялись в печати, ученые работали и над «генетическим оружием» — чтобы обеспечить избирательное поражение арабов. Очень сомнительно, чтобы эти слухи имели основания — не в силу этических соображений, а в силу чрезвычайной генетической близости семито-хамитов. Вот в ЮАР или в США это куда более вероятно. Так что слухи эти если не сознательная дезинформация, то часть «дымовой завесы», за которой пряталась совсем другая спецслужба и другая страна...

«Шин Бет» и палестинский терроризм

Уже упоминалось, что после очевидной неудачи плана подъема «народного восстания» в радикальных кругах ООП сделали ставку на террор. Причем объектами нападения стали люди и имущество Израиля в самых различных странах.

Сведения об активизации палестинских эмиссаров и их контактах с радикальными группами в ряде европейских стран стали поступать от различных европей-

ских спецслужб. Основным вербовщиком выступал Жорж Хабаш, возглавлявший марксистско-ленинское крыло ООП, известное под названием Народный фронт освобождения Палестины (НФОП).

Эмиссары палестинских лидеров использовали идеологические аргументы и материальные стимулы для привлечения молодых радикалов на Ближний Восток для борьбы с «сионистскими оккупантами» и их «империалистическими союзниками». Десятки молодых идеалистов из самых разных стран откликнулись на этот призыв ООП и оказались в тренировочных партизанских лагерях в Иордании и Ливане.

Однако налетами на территорию Израиля дело не ограничивалось.

23 июля 1968 г. Хармелин информировал премьера Леви Эшкола: «Самолет компании «Эль-Ал» «Боинг-707», следовавший рейсом из Рима в Тель-Авив, захвачен воздушными пиратами и совершил посадку в Алжире».

Захват авиалайнера был осуществлен тремя арабами. Народный фронт освобождения Палестины начал широкомасштабную кампанию террора.

«Шин Бет» и «Моссад» оказались не готовы принять срочные и решительные меры; оставалось только наблюдать за развитием событий. Пассажиры и экипаж в течение трех недель были пленниками в Алжире, и только после выхода на свободу дюжины раненых палестинских партизан, воздушные пираты отпустили заложников. Произошла унижительная для страны и создающая опасный прецедент капитуляция перед бандитами.

Израильское руководство поставило задачу: исключить подобные случаи в будущем. И этот случай действительно стал последним успешным захватом израильского лайнера. Попытки террористических нападений продолжали предприниматься с пугающей частотой¹⁹⁶, но теперь встречали все более жесткое сопротивление.

Основным приоритетом «Шин Бет» стало создание обороны против террористов. Йозеф Хармелин говорил, вспоминая начальный период схватки: «Мы были на грани отчаяния. Борьба с терроризмом, особенно воздушным, казалась нам невозможной».

Но это не означало капитуляцию. «Шин Бет» начал прорабатывать все возможные направления противодействия боевикам. Например, как только по разведанным происходил выезд экстремистов ООП за границу, «Шин Бет» немедленно посылала оперативников за ними следом.

«Моссад» вынужден был согласиться с тем, что «Шин Бет» обязана расширить сферу своих действий и начать преследование террористов за рубежом. Агенты «Шин Бет» стали направляться в посольства Израиля за рубежом, прикомандировываться к резидентурам «Моссада» или действовать самостоятельно. Разгорелась настоящая подпольная война между разведчиками и террористами, война, в которой было позволено все.

В считанные месяцы практически с нуля была создана изоциренная система защиты посольств, банков, туристских бюро, представительств национальной авиакомпании. Посольства и консульства были превращены в настоящие крепости: толстые стальные двери защищали вход, телевизионные камеры осматривали каждого посетителя, сами здания по периметру были оснащены электронными датчиками, сотрудники «Шин Бет» несли круглосуточную охрану.

Были укреплены пункты регистрации пассажиров; впервые было применено новшество, позже подхваченное во всем мире: на каждом рейсе под видом пассажира летел вооруженный охранник. К этому были привлечены люди, прошедшие подготовку в элитных частях и виртуозно владевшие оружием. Официально они числились служащими авиалинии, но «Шин Бет» готовила их и определяла тактику действий. Комплекс мероприятий обошелся в несколько сотен миллионов

долларов, но авиалиния «Эль-Ал» стала самой безопасной в мире.

В феврале 1969 года система сопровождения сработала: охранник Мордехай Рахамин застрелил одного и ранил еще троих боевиков. Дальше вмешалась швейцарская полиция, Рахамин и трое раненых террористов были арестованы. Охранник провел несколько месяцев в тюрьме и вернулся в Израиль в ореоле славы. Поскольку в результате инцидента он был расшифрован, «Шин Бет» назначила его личным телохранителем премьер-министра Голды Меир — работа, не требовавшая анонимности¹⁹⁷.

Глава 34. «МОССАД» И «ШИН БЕТ» ПРОТИВ ТЕРРОРИСТОВ

Первые эпизоды борьбы, несомненно, существенно обострили напряженность отношений с НФОП и радикальными крыльями ООП — против Израиля развернулась настоящая террористическая война. Чисто защитные меры, предпринимаемые «Шин Бет», в разгорающейся войне были явно недостаточны. Вся израильская разведка, привлекая по мере необходимости армию и другие структуры, перешла к наступательным действиям и акциям возмездия против террористов.

После захвата израильского самолета в аэропорту Афин 26 декабря 1968 г. премьер-министр Эшкол провел специальное совещание руководителей министерства обороны и разведывательных служб, на котором заявил: «Мы просто не можем оставлять это без ответа». Было решено предпринять военную карательную акцию против Бейрута, откуда террористы выехали в Афины. И через два дня, 28 декабря, в 21.15, подразделение специальных войск Израиля высадилось с вертолета в международном аэропорту к югу от ливанской

столицы и завязало бой с охраной аэропорта, а также уничтожило 13 самолетов, принадлежавших авиакомпании Ливана и авиакомпаниям других арабских стран. Мир осудил Израиль за этот акт государственного терроризма — но и восхищался его решительностью.

Операцией командовал бригадный генерал парашютно-десантных войск Рафаэль (Рафуль) Эйтан, а выполняли силы специального назначения «сайерет»¹⁹⁸.

Почти каждый сектор израильских вооруженных сил имеет свой «сайерет». Такие подразделения есть в десантных войсках, в пехоте и на флоте. Кроме того, есть еще один «сайерет» — элита элит, — известный как «сайерет маткал»¹⁹⁹, подразделение, непосредственно подчиненное начальнику генерального штаба. Сыновья высокопоставленных чиновников и знаменитостей при наличии соответствующих данных часто идут служить в «сайерет». Один из таких примеров — племянник генерала Моше Даяна полковник Узи Даян, принимавший участие в рейде на бейрутский аэропорт. Несмотря на полученное еще до службы в армии ранение, он сумел попасть в это элитное подразделение.

В действительности «сайерет маткал» выполняет задания как начальника генерального штаба, так и руководителя «Амана». Это разведывательно-диверсионное подразделение было создано в 1960 году для проведения специальных акций в тылу противника, то есть на территории соседних стран. Его создатель и первый командир — старший офицер «Амана» генерал Аврахам Арнан, который лично отобрал наиболее храбрых и способных солдат и офицеров.

Обычно они действовали небольшой группой по три-четыре человека: неслышно переходили границу для установления наблюдательного поста, подключения к телефонной сети арабской страны, для похищения или уничтожения какого-то человека или военного объекта.

Во время войны, когда в ходе артиллерийских дуэ-

лей были убиты сотни израильтян и тысячи египтян, спецназ провел дерзкую акцию: ночью 26 декабря 1969 г. они на двух вертолетах подняли новейший радар советского производства, установленный на Суэце, — машину весом 7 тонн — и перенесли его на израильскую территорию. «Сайерет маткал»²⁰⁰ стал первым спецназом, который успешно использовал вертолеты для проведения операций на чужой территории.

Радар был немедленно переправлен на секретную военную базу, где специалисты подробно изучили этот замечательный трофей, который мог сравниться только с самолетом «МИГ-21», полученным три года назад. Израиль поделился информацией об этом радаре с ЦРУ и разведкой ВВС США.

8 мая 1972 г. палестинцы захватили бельгийский авиалайнер. Рейс авиакомпании «Сабена» № 571 направлялся из Брюсселя в Тель-Авив и приземлился по расписанию в аэропорту Лод. Там террористы, угрожая оружием, задержали пассажиров «Боинга-707» и потребовали освобождения 317 арестованных палестинцев.

Начальник «Амана» генерал Аарон Ярив лично вел переговоры с двумя мужчинами и двумя женщинами, захватившими самолет, в то время как спецназовцы готовили настоящий ответ. 9 мая, в 16.22, в дело включилось специальное подразделение «сайерет», обученное штурму самолетов и освобождению заложников. Одетые в форму служащих аэродрома, десантники ворвались в самолет одновременно с разных сторон, застрелили обоих мужчин-террористов, ранили двух женщин и освободили 97 заложников. В перестрелке был убит один пассажир.

Жестокие схватки с террористами продолжались. 30 мая три боевика из японской «Красной армии» убили 27 пассажиров, большинство из них — христианские паломники из Пуэрто-Рико, которые только что прибыли в аэропорт Лод. Охрана аэропорта открыла огонь, убила двух террористов и захватила живым Кей-

дзо Окамото. На суде Окамото заявил, что он и его сообщники предприняли массовое убийство паломников в качестве реванша за неудавшуюся три недели назад попытку захвата самолета компании «Сабена» и действовали из чувства солидарности с Народным фронтом освобождения Палестины.

По примеру Израиля другие государства стали создавать у себя антитеррористические подразделения. ФРГ, Великобритания и другие страны направляли в Израиль на выучку своих специалистов.

Многие создали свои собственные специальные отряды по израильской модели. В Великобритании — это «САС», или «Специальная авиационная служба», в Германии — это «ГСГ-9».

Ответный удар «Моссада» был осуществлен в традициях «посылочных бомб», которые направлялись египетским чиновникам в 1950-х годах, а также немецким ученым в начале 1960-х годов. Бейрутский поэт, член НФОП, Хасан Канафани, спланировавший резню в аэропорту Лод, был убит поступившим по почте взрывным устройством. Спустя два дня такое же устройство взорвалось в руках другого функционера НФОП, Бассема Абу Шарифа, который потерял один глаз и несколько пальцев.

Следующий виток насилия произошел во время Олимпийских игр в Мюнхене 5 сентября 1972 г. Семь арабских террористов подпольной организации «Черный сентябрь»²⁰¹ захватили в Олимпийской деревне 11 израильских спортсменов.

Как и в ходе всех предыдущих террористических актов, палестинцы потребовали освобождения из израильских тюрем 250 своих товарищей. Израильское правительство ответило отказом, а премьер-министр Голда Меир поручила освобождение заложников шефу «Моссада» Цви Замиру. Он немедленно вылетел в Мюнхен и начал переговоры с немецкими коллегами.

Замир просил разрешить ему пустить в дело изра-

ильских спецназовцев. Но по конституции окончательное решение оставалось не за разведчиками и даже не за канцлером, а за местными властями, которые ответили отказом. Замир бессильно наблюдал из диспетчерской мюнхенского аэропорта, как плохо подготовленные парашютисты не смогли убить всех террористов первым залпом. Трое оставшихся в живых палестинцев расстреляли и забросали гранатами находившихся в вертолетах скованных наручниками спортсменов.

За этой трагедией наблюдали миллионы телезрителей. Многие наконец-то стали сознавать, что терроризм выходит из-под контроля и необходимо принимать срочные и жесткие меры.

Голда Меир создала новый пост «советника премьер-министра по вопросам контртерроризма» и назначила на него генерала Аарона Ярива, многолетнего директора «Амана» и одного из героев Шестидневной войны 1967 года.

А на передышку нельзя было рассчитывать, причем следующий удар был направлен непосредственно против разведчиков. Спустя пять дней после резни в Мюнхене араб с марокканским паспортом в упор расстрелял сотрудника посольства Израиля в Брюсселе²⁰² Задока Офира в кафе «Принс». Офир, сотрудник «Моссада», действовавший под прикрытием должности первого секретаря посольства, был тяжело ранен, но выжил. Оказалось, что араб-террорист был двойным агентом и находился у него на связи.

Впервые действующий израильский разведчик за рубежом стал объектом террористического нападения...

Израильский кабинет создал специальный секретный комитет (его точный состав неизвестен) под председательством Голды Меир и Моше Даяна, который должен дать террористам ответ за Мюнхен. Секретный комитет фигурировал просто как «Комитет «Икс»», и даже не все члены кабинета министров знали о его существовании. Именно «Комитет «Икс»» принял ре-

шение уничтожить всех членов «Черного сентября», прямо или косвенно связанных с резней в Мюнхене.

Задача была поставлена предельно четко: пленных не брать. Это был откровенный акт мести: террор против террора. Исполнение было поручено «Моссаду». Команду возглавил Майк Харари²⁰³, который лично отобрал оперативников, мужчин и женщин, и открыл командный пост в Париже. Планирование операции осуществлялась самим Харари и сотрудником «Моссада» Аврахамом Гехмером, работавшим под прикрытием должности первого секретаря посольства Израиля в Париже.

Прежде всего были выявлены по оперативным каналам все, принимавшие участие в мюнхенском теракте. Потом опергруппа приступила к розыску террористов, которые осели в разных европейских странах, занимаясь как легальной, так и нелегальной деятельностью. Каждый раз, когда Харари и его люди были готовы нанести удар, запрашивался «Комитет «Икс». Премьер-министр и ее тайный комитет давали согласие на каждое убийство.

И вскоре загремели выстрелы и взрывы. В октябре 1972 года был убит Адель Ваель Звейтар, интеллектуал, который работал на «Черный сентябрь» в Риме. За последующие 10 месяцев команда Харари уничтожила еще 12 палестинцев. В Риме, Париже и Никосии их убивали из пистолетов с глушителями из проезжающих автомобилей или с мотоциклов и с помощью дистанционно управляемых взрывных устройств.

Вскоре последовал и ответ «Черного сентября»: 13 ноября 1972 г. в Париже был застрелен Хедер Кану, израильский агент. 26 января 1973 г. на пороге своего дома на Гран виа в Мадриде был застрелен Барух Коэн, прибывший из Брюсселя по заданию израильской разведки.

Один из его братьев, Меир Коэн, был председателем кнессета. Барух до войны 1967 года работал в

арабском департаменте Аврахама Ахитува, оперативником в Галилее. После войны был губернатором Наблуса и в июле 1967 года едва не поймал Арафата, который бежал, переодевшись в женскую одежду с традиционной арабской чадрой.

В 1972 году ему удалось выявить еврейско-арабскую шпионскую группу сирийской разведки. Потом Коэн был направлен в Европу для работы с агентурной сетью из молодых палестинцев. Один из его агентов оказался двойником, работавшим на «Черный сентябрь», он и застрелил Коэна.

В «Моссаде» и «Шин Бет» попытались проанализировать причины трагедии. Так, было установлено, что за несколько месяцев до этого убийства арабские газеты писали, что «Черный сентябрь» приговорил к смерти одного израильского агента. Это должно было насторожить разведку — эта газета, равно как прочие арабские издания, прочитывалась и анализировалась; аналитики в обзоре указывали вероятность того, что над каким-то агентом нависла конкретная опасность, и можно было выявить наиболее угрожаемых агентов, возможно, перепланировать операции — например, Баруха Коэна не следовало посылать в Мадрид, произвести «рокировку» в последний момент и поручить аналогичное задание в другой стране. Еще большую тревогу вызывало то, что подстраховывавшие Коэна агенты, опасаясь то ли собственной расшифровки, то ли за свою безопасность, не ответили на выстрел террориста. Такое было отнюдь не в традиции оперативников и свидетельствовало, что боевой дух агентов начинает снижаться. Кроме того, смерть Коэна послужила предупреждением о том, что палестинцы проникли в центр израильских разведывательных операций в Европе. Разведсообществу следовало связать воедино убийство Коэна, покушение на Офира и убийство двойного агента Кану.

Возможно, «утечка» шла не прямо в ООП, а через

посредство какой-то другой разведки, скажем ГРУ или Штази, у которой в «Моссаде» или группе Харари был «двойник», — но такое предположение было высказано только спустя годы. Тогда же ответом «Моссад» стал второй рейд израильской разведки в Бейрут за последние четыре с половиной года.

Он проходил под кодовым названием «Весна молодости». Спецназовцы, действовавшие под руководством опергруппы «Моссада», ночью высадились с вертолета на ливанском пляже. На берегу их ждали арендованные «мерседесы»; заранее, благодаря агентурной работе, были известны адреса и особенности квартир намеченных жертв. И ночью 10 апреля 1973 г. два командира «Черного сентября» — Мухаммад Нажжар и Камаль Адван, а также пресс-офицер ООП Камаль Насер, — были застрелены в своих квартирах в Бейруте. Эвакуация отряда специального назначения также прошла благополучно.

В числе участников этой операции были молодые офицеры, Ехуд Барак²⁰⁴ и Амнон Липкин-Шахак, которые впоследствии займут высокое положение в разведывательном сообществе.

Но следующая операция стала черным пятном на «Моссад».

В норвежском городке Лиллехаммер в июле 1973 года опергруппа Майкла Харари продемонстрировала все просчеты, которые только случаются с шпионами. Трудно сказать, что стало причиной: излишняя ли самонадеянность, чувство ли превосходства, которое, увы, не раз отмечалось у израильтян, пренебрежение к «провинциальной» полиции, неудачное стечение обстоятельств, снижение внутренних норм, принятых разведчиками (похоже, не все в группе боролись «за идею», некоторые воспринимали работу как авантюру), или все вместе взятое, — но провал был оглушительный. Западные спецслужбы сочувствовали «Моссаду», многие предшествующие операции были «заметены под

ковер», но эта вызвала не столько сочувствие, сколько разочарование. Единственное, что хоть как-то снижало вину самого Майкла Харари, было привлечение в опергруппу нескольких новых людей, которые были «своими» в Норвегии, но крайне слабыми оперативниками. Дилетанты, которые скорее всего сражались не за идею, а из романтико-авантюристических побуждений и, возможно, жажды славы.

Группа охотилась за «Красным принцем», Али Хасаном Саламехом, оперативником «Черного сентября» в Европе. Именно он спланировал акцию в Мюнхене и убийство Баруха Коэна в Мадриде. Саламех был сыном крупного командира ООП и возглавлял «подразделение 17» — спецслужбу ООП, отвечавшую за охрану Ясира Арафата²⁰⁵. Он, как выяснилось позже, также поддерживал тайные связи между ООП и ЦРУ.

Сам Али Саламех был неплохим конспиратором и несколько раз выскальзывал из ловушек. Несколько раз ему удалось оторваться от погони и затеряться «где-то в Европе». И вот после очередного исчезновения и нескольких месяцев поисков его вроде бы опознали в далеком Лиллехаммере.

Опергруппа Харари — прежде всего «новобранцы», успешнее других акклиматизированные в Норвегии, — установила слежку и вроде бы убедилась в идентичности подозреваемого с Саламехом. Тогда в страну въехали ликвидаторы, и вечером 21 июля прошла заключительная часть акции. Затем исполнители немедленно (и благополучно) покинули Норвегию, а прочие агенты укрылись на конспиративных квартирах.

Наутро стало известно, что произошла недопустимая ошибка — убит ни в чем не повинный марокканец Ахмад Бучики, женатый на норвежке²⁰⁶, кстати, даже не слишком уж похожий на Саламеха, человек с безупречным и легко проверяемым постоянным проживанием в Норвегии.

Полиция расследовала дело в считанные дни. Ока-

залось, что агенты хваленого «Моссада» ездили по Лиллехаммеру на автомобилях, арендованных на их подлинные имена. Наружное наблюдение за Бучики велось чуть ли не демонстративно, не соблюдая никаких правил конспирации. Два израильских оперативника, Дан Эрт и Марианна Гладникофф, арестованные в момент, когда возвращали арендованную машину, сразу же признались, что работают на разведку, и сообщили адрес конспиративной квартиры «Моссада». На квартире полиция задержала еще двоих членов опергруппы. Тут же была провалена и вторая конспиративная квартира. Самому Харари удалось скрыться, но Аврахам Гехмер и еще пятеро оперативников были арестованы.

Дан Эрт, который страдал клаустрофобией и мигром «раскололся» после темной одиночки, в знак благодарности за то, что его перевели в большую камеру, рассказал все, причем не только об операции в Лиллехаммере, но также о перевозке в 1968 году в Израиль целого судна с урановой рудой — это именно он по заданию «Моссада» купил старый пароход под названием «Шеерсберг А», на котором были перевезены вокруг Европы и благополучно переданы возле Крита на «нужный» борт знаменитые 560 металлических бочек.

Что касается дней нынешних, то после допросов Эрта спецслужбы выявили, каким образом Израиль направлял группы боевиков в европейские страны, как он использовал временно привлеченных лиц для обеспечения наблюдения и обслуживания основной оперативной группы.

При разработке других арестованных были получены доказательства причастности Израиля еще к нескольким нераскрытым убийствам палестинцев.

У одного из агентов «Моссада» оказались с собой ключи от парижской квартиры, в которой французская контрразведка нашла ключи от других конспиративных квартир, используемых «Моссадом».

В числе арестованных была также Сильвия Рафаэль, которая путешествовала как канадский фотограф с фальшивым паспортом на имя Патриции Рохбро.

Рафаэль родилась в Южной Африке и была завербована «Моссадом» после того, как поработала в киббуце; в лиллекхаммерском деле и ее судьбе произошел мелодраматический поворот — она влюбилась в норвежского адвоката и после непродолжительного заключения²⁰⁷ в норвежской тюрьме вышла за него замуж.

...А с «настоящим» Саламехом удалось расквитаться только спустя пять с половиной лет. Небольшая оперативная группа въехала в Ливан с канадскими паспортами. 22 января 1979 г. они запарковали автомашину, начиненную взрывчаткой, на обочине дороги в Бейруте и взорвали ее в тот момент, когда мимо проезжал «Красный принц».

Воспоминания о провале в Норвегии еще долго преследовали Израиль. Многие разведчики до сих пор вспоминают о Лиллекхаммере как о «лей-ла-ха-мар», то есть как о «горькой ночи».

Развалив «Черный сентябрь», спецслужбы решили разделаться с лидером НФОП Жоржем Хабашем. 10 августа 1973 г. израильские истребители перехватили ливанский гражданский самолет и заставили его приземлиться на израильской авиабазе. Пассажиров вывели поодиночке и допросили, но террориста среди них не оказалось. «Наводка» от самого ценного агента в среде палестинских партизан, женщины по имени Амина аль-Муфти, на этот раз оказалась неверной.

Этот инцидент заметно подорвал репутацию «Моссада», хотя следующая операция, «чудо в Энтеббе», стала всемирно знаменитой и весьма серьезно подняла авторитет разведывательного сообщества Израиля.

Французский аэробус авиакомпании «Эр франс» выполнял рейс из Тель-Авива в Париж, имея на борту 250 пассажиров. Вооруженные до зубов налетчики, два террориста из Народного фронта освобождения Пале-

стины и два — из печально известной немецкой банды Баадер-Майнхоф, посадили самолет 27 июня 1976 г. в угандийском аэропорту Энтеббе. Террористы взяли в заложники только израильских граждан, отпустив всех других иностранцев. Ситуация выглядела как абсолютно проигрышная — ее усложняло еще и то, что Иди Амин, который три года назад пришел к власти в результате военного переворота, организованного с помощью израильских военных советников, бывший боксер и сержант английской армии, безумный убийца, бросавший своих политических противников на съедение крокодилам, к тому времени переориентировался в сторону арабского мира. Сейчас он не только не препятствовал террористам, но даже предоставил отряд солдат в помощь группе палестинцев, которая заранее прибыла в страну для поддержки воздушных пиратов.

Израиль с самого начала отверг требование террористов об освобождении 40 арестованных палестинцев и сделал ставку на силовую операцию.

Ключевую роль в подготовке этой операции сыграл Брюс Маккензи, британский фермер и бизнесмен, осевший в Кении. Он был другом кенийского президента Джомо Кениаты и единственным белым членом кенийского кабинета. Маккензи, резидент британской МИ-6, помогал кенийцам в организации системы обороны и безопасности и одновременно сотрудничал (с ведома «МИ-6») с «Моссад». У израильской разведки в Кении также были хорошие позиции — Кения считалась одним из трех стратегических опорных пунктов израильской разведки в Африке.

18 января 1976 г. кенийская полиция арестовала в окрестностях столичного аэропорта трех палестинцев, вооруженных портативными советскими зенитными ракетами — террористы намеревались сбить заходящий на посадку рейсовый пассажирский самолет со 110 пассажирами на борту. Палестинцев и их сообщников, двух немцев, Томаса Ройтера и Бригитту Шульц, не-

гласно выдали «Моссаду». В Израиле они были преданы суду и приговорены к длительному сроку лишения свободы.

Когда началась спецоперация по освобождению заложников в Энтеббе, Маккензи договорился с президентом Кении, Джомо Кениатой, о предоставлении израильской разведке базы для спецоперации. Уже через несколько часов в Найроби прибыли первые 10 агентов «Моссада» и «Амана», затем еще два десятка. Кто под прикрытием легенды туристов, кто — бизнесменов, а кто просто нелегально переправившись через озеро Виктория, они проникли в Уганду, в район аэропорта Энтеббе для рекогносцировки и изучения систем охраны аэропорта, путей подхода и отхода. Кения также разрешила израильскому «крылатому госпиталю» совершить посадку на своей территории после успешного завершения операции. Тайные связи «Моссада» на этот раз полностью себя оправдали.

В ночь на 3 июля 1976 г. израильские ВВС перебросили несколько групп «сайерет» за 2 тыс. миль в Уганду. Им удалось обмануть бдительность контрольной вышки аэропорта Энтеббе и бесшумно посадить несколько самолетов типа «Геркулес» с десантниками, вооружением и даже полевым госпиталем.

Особая группа десантников в черном «мерседесе», точной копии лимузина Иди Амина, ворвалась в старое здание аэровокзала и в течение нескольких минут уничтожила семерых террористов и 45 угандийских солдат. Три других члена НФОП были тайно захвачены в плен израильянами. Десантники освободили более сотни заложников, хотя двое мирных людей погибли под перекрестным огнем. С израильской стороны была одна единственная жертва — подполковник Ионатан Нетанияху, командир одной из элитных групп, сраженный снайперским выстрелом с контрольной вышки. Можно сказать, что в этой операции сработало все лучшее, что было наработано спецслужбами, начиная от грамотного

планирования, привлечения партнерских связей с разведслужбами и правительствами третьей стороны, использования современных технических средств и до мастерства и решимости штурмовых подразделений. Возможно, элемент везения все-таки присутствовал — но будем считать, что за него заплачено кровью командира «сайерет».

Печальный итог

Но если говорить в целом, то следует признать, что последствия не только этих провалов и неудач, а всей антитеррористической «войны» операции отрицательно сказались на израильской разведке. Силы «Моссада» и «Шин Бет» были практически полностью завязаны на поиске террористов в ущерб другим задачам разведки; даже другим ветвям разведывательного сообщества выпала излишняя нагрузка. В самом деле, представьте только объем и сложность такой работы — выслеживать чуть ли не по всему миру многие десятки хорошо подготовленных, знакомых с конспирацией, умеющих маскироваться, искусных и решительных боевиков, не всех из которых даже знали как следует.

И при всей отвратительности терроризма вообще, и при действительной, жизненной необходимости многих операций, таких как освобождение заложников, в данном случае Израиль сильно преувеличивал опасность палестинского терроризма, поскольку в конечном счете угроза самому существованию Израиля исходила не с этой стороны. История показала, что пути решения этого лежали не в сражениях и убийствах боевиков и не в охоте за палестинскими лидерами; но на пути к конструктивному диалогу было еще много крови и много горя.

Кроме того, применение террористических методов в борьбе с врагами оказывает определенное деморализующее воздействие на тех, кто к этому прибегает.

Есть определенная разница между фанатиком-террористом, который идет на смерть ради идеи — пусть неправильной, пусть отвергнутой историей идеи, — и между профессиональными сообществами, которые становятся на путь кровавых и жестоких преступлений, рискуя, но не жертвуя жизнями своих исполнителей.

Все пять с половиной лет, пока Цви Замир стоял во главе «Моссада», основной упор израильская разведка делала на борьбу с терроризмом. Это была стратегическая ошибка. Не стоило тратить столько сил, времени и средств на погоню за Саламахом или Хабашем, а следовало придавать более серьезное значение угрозе со стороны арабских стран. Но израильские лидеры оставались глухи к нарастающей угрозе.

Глава 35. ОГЛЯНИСЬ НА ДОМ СВОЙ, АНГЕЛ

После войны 1967 года никто еще не осознавал, что действительную наибольшую угрозу внутренней безопасности представляли группировки ультраправого толка²⁰⁸. У них появился какой-то мессианский комплекс: религиозный фанатизм, крайний национализм, замешанный на непримиримой ненависти к палестинцам. Так, политическая платформа партии «Ках», преемницы созданной в США раввином Меиром Кахане «Лиги защиты евреев», сводилась к изгнанию всех арабов из Израиля и с оккупированных территорий. Только со временем наиболее прозорливые аналитики разведывательного сообщества стали рекомендовать предпринимать меры по борьбе с этим явлением.

Агенты «Шин Бет» проникли в партию Кахане и стали регулярно сообщать обо всех планах и своевременно предупреждали о готовящихся экстремистских действиях, например, политических убийствах, и на основе агентурной информации производились аресты.

За решетку попадали и члены других праворадикальных группировок, в частности те, кто планировал взрывы мечетей²⁰⁹ и других мусульманских святынь в Иерусалиме.

Но ряд фактов указывал, что в некоторых терактах против арабов участвуют не только полулюбители-ортодоксы. В частности, покушение на трех мэров городов Западного берега не походило на действия самоучек-«твердолобых». Высокий технический уровень взрывных устройств, а также отсутствие отпечатков пальцев и других материальных следов заставляли достаточно серьезно относиться к подпольной группировке, организовавшей взрывы, — это был вызов системе. Главными подозреваемыми были киббуцники — ультранационалисты из числа поселенцев имели и средства, и мотивы для организации такого покушения. Но «Шин Бет» встретила с немалыми трудностями, когда дело дошло до «разработки» поселенцев, которые считались трудолюбивыми патриотами, чуть ли не символом Израиля — а многие еще и имели тесные связи с Бегином и партией «Ликуд». Премьер-министр запретил внедрять агентов в среду поселенцев Западного берега. Профессиональные стандарты безопасности и разведки были принесены в жертву политическим соображениям. Сейчас кажется несомненным, что Ахитув мог и должен был принять самостоятельное решение о создании осведомительной сети среди еврейских поселенцев на Западном побережье. А так «Шин Бет» и вооруженные силы не могли предпринять серьезных шагов по пресечению насильственных действий со стороны «еврейского подполья». В июле 1983 года несколько киббуцников с Западного берега, переодевшись в арабскую одежду, ворвались на территорию Исламского университета в Хеброне и расстреляли троих палестинцев. В мае 1984 года полиция обнаружила сразу 12 бомб, подложенных в арабские автобусы в Восточном Иерусалиме, в которых находились женщины и дети. Чудом

удалось избежать кровавой бойни, и на этот раз «Шин Бет» смогла нанести ответный удар. Армейская взрывчатка в зарядах указывала на связь террористов с солдатами или резервистами, имеющими доступ к арсеналам. К этому времени агентура, все-таки внедренная в «еврейское подполье», уже начала давать отдачу, и «Шин Бет» знала, кого надо арестовывать. Не удерживал «Шин Бет» и Бегин, который в 1983 году ушел в отставку. Новый шеф «Шин Бет» Аврахам Шалом, бывший заместитель Ахитува, довел расследование до конца.

Было установлено, что террористическая организация насчитывала в своих рядах около двух десятков киббуцников, ставивших целью уничтожение палестинцев. «Шин Бет» обращалась с арестованными евреями мягче, чем с арабскими террористами, но тем не менее все они признались в совершенных преступлениях, были преданы суду и приговорены к тюремному заключению.

Работа по ограничению или пресечению деятельности крайне правых, склонных к терроризму еврейских группировок, которые всемерно противились объективной исторической тенденции к созданию арабской палестинской государственности и в конечном счете примирению народов, обреченных на жизнь по соседству друг с другом, стала парадигмой деятельности спецслужб и полиции в девяностые годы. Но говорить о преодолении «внутреннего экстремизма» никак нельзя — как в связи с недостаточной жесткостью и масштабностью этой борьбы, так и в связи со значительной базой этих движений, опирающихся на общество, перенасыщенное религиозно-национальным экстремизмом.

Фанатики, проникнутые крайними воззрениями, есть во всех структурах государства, и их немало. В 1996 году «весь Израиль» был потрясен убийством премьер-министра страны Ицхака Рабина (опытнейшего разведчика и политика, и отнюдь не «голубя мира»),

совершенным его охранником Игалом Амиром. Кадры, запечатлевшие тысячи людей, которые плачут и воздевают в гору руки на площадях и улицах, обошли телеэкраны всего мира — как и изображения весьма уверенного в своей правоте убийцы. Было выявлено, что Амир, религиозно-националистический радикал, помимо основных своих обязанностей по линии «Шин Бет», с которыми он так своеобразно справился, являлся сотрудником службы «Натива», о которой ранее общественность ничего не знала. Штаб-квартира этой организации расположена в уютном домике в бывшей немецкой колонии Сарон в Тель-Авиве.

Сейчас, когда создание палестинского государства стало реальностью, задача борьбы с экстремизмом (с обеих — и еврейской, и арабской — сторон) стала, по видимому, важнейшей и не предполагает скорой победы: слишком большой заряд взаимной ненависти накоплен в этом уголке мира.

Глава 36. БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ «ШИН БЕТ»

13 апреля 1984 г., палестинскими террористами был захвачен рейсовый автобус Тель-Авив — Ашкелон в момент отхода автобуса с центрального автовокзала. Военная цензура запретила все публикации о ситуации с заложниками, но сам факт захвата автобуса нельзя было долго хранить в секрете и вскоре об этом узнали десятки репортеров и фотографов, освещавших работу проходившего в тот день съезда «Ликуда».

Тем временем солдаты на одном из пикетов сумели прострелить шины автобуса, и он остановился в секторе Газа в шести милях от границы с Египтом. Автобус был окружен большим количеством солдат и сотрудников «Шин Бет». На место прибыл сам Аврахам Шалом.

Аврахам Шалом (Вендор) родился в 1929 году в Германии. Его семье процветающих бизнесменов уда-

лось выехать в Палестину после прихода Гитлера к власти. В Тель-Авиве, как и в Берлине, родители постарались дать Абрахаму респектабельное буржуазное образование, но юный Шалом-Вендор предпочел социалистические ценности и вступил в киббуц. В 1948 году он оказался в армии, где его заметил Иссер Харел и завербовал в «Шин Бет». Шалом свободно владел английским и немецким, был сдержан, аскетичен и хладнокровен и отличался чрезвычайной добросовестностью.

За 35 лет работы в «Шин Бет» Шалом принимал участие во всех крупных операциях, в том числе в совместной с «Моссадом» операции по похищению в Аргентине Эйхмана. Шалом всегда оставался оперативным работником. Он установил тесные деловые и дружеские отношения с Иегудой Арбелом, и вместе они провели немало операций против палестинских террористов. На посту директора «Шин Бет» он сменил Аврахама Ахитува.

На месте происшествия находились, помимо Шалома, несколько старших армейских офицеров и министр обороны Моше Аренс, но обстановку практически никто не контролировал. Это была типичная для Израиля ситуация: слишком много людей, пытающихся включиться в работу, обстановка уверенности и даже бравады, при отсутствии четкого плана действий. Автобус с пассажирами, захваченный четырьмя вооруженными террористами, стоял, залитый светом нескольких прожекторов. Кроме военных и оперативников службы безопасности, неподалеку находились более десятка фотокорреспондентов и добрая сотня любопытных.

Когда с помощью приборов ночного видения и подслушивающих устройств были собраны полные данные о террористах, стало ясно, что это дилетанты, вооруженные только пистолетами. Начался штурм. Солдаты «сайерет», которые сотни раз проделывали

подобное на учениях, разбили окна и в считанные секунды проникли в автобус, открыли огонь и мгновенно убили двух террористов и ранили двух других. Заложники были освобождены, хотя в ходе операции одна молодая женщина была убита и один пассажир легко ранен. Спецназовцы завершили еще одну блестящую операцию по освобождению заложников — после двух дюжин подобных операций, проведенных начиная с 1967 года, — внешне легкую и элегантную, но почти неосуществимую для других стран.

Двух раненых террористов передали представителям армии и следователям «Шин Бет». Несколько фотокорреспондентов засняли, как палестинцев, награждая тумачами, загоняют в фургон. В первоначальном официальном заявлении армейской пресс-службы говорилось, что 2 террориста были убиты и 2 ранены. Спустя час это заявление было исправлено, и теперь говорилось, что все 4 террориста были убиты.

Тем временем пресс-секретарь Аренса, Нахман Шай, попросил военную цензуру не пропускать ни одного сообщения о возникшем противоречии. Кроме того, Шай предупредил все газеты, что любая статья о захвате автобуса должна пройти цензуру. В качестве причины запрета указывали, что любой намек на то, что двое террористов были захвачены живыми, а потом убиты, может повлечь смерть израильтян, находящихся в плену у палестинцев.

Но газета «Хадашот» опубликовала фотоснимки своего фотокорра Либака, сделанные на месте происшествия, с короткой сопроводительной подписью о том, что министерство обороны создало специальную комиссию для расследования этого инцидента. Следуя примеру «Хадашот», другие газеты также стали раскрывать детали происшествия.

Реакция министра обороны была быстрой и суровой. Пользуясь предоставленными ему полномочиями, он закрыл «Хадашот» на 4 дня²¹⁰ и заявил, что инци-

дент будет тщательно расследован. Это был первый случай закрытия газеты, издававшейся на иврите, со времени закрытия в 1952 году газеты коммунистической партии «Коль Хаам».

24 мая 1984 г. комиссия Зореа представила секретный доклад, в котором четко заявила, что двое террористов были взяты живыми. Доклад был разослан в управление криминальной полиции, министру юстиции, в прокуратуру и военную полицию.

Сотрудники «Шин Бет» заявили следователям комиссии Зореа, что они получили двух террористов от представителей армии так жестоко избитыми, что даже не могли допросить их. По этой версии «Шин Бет», террористы вскоре скончались от побоев, и таким образом вина за убийство возлагалась на армию. Работавшая параллельно группа следователей прокурора Ионы Блатмана была склонна поддерживать версию «Шин Бет». Примерно такую версию оперативники, которые уводили террористов, изложили на дисциплинарном суде «Шин Бет»²¹¹.

«Шин Бет» считал священным принципом постулат о том, что, несмотря на то что сама природа работы разведчика и контрразведчика требует лжи внешнему миру, своим руководителям оперативные работники должны говорить только правду. Рано или поздно человек, которому разрешили солгать в одних условиях, станет лгать и в других. Именно это и произошло с тремя старшими руководителями «Шин Бет»: заместителем Шалом Рувеном Хазак, руководителем службы безопасности Пелегом Радаи и Рафи Малкой.

Шалом приказал им всем дать дисциплинарному суду «Шин Бет» ложные показания и представить фальсифицированные меморандумы. Они это сделали — но вскоре начали жаловаться на Шалом и даже требовать его отставки. В отставку отправили их — и тогда три офицера «Шин Бет» в конце 1985 года обратились к министру юстиции генералу Замиру и сообщили ему

новые сногшибательные подробности лжесвидетельства и попыток замять этот скандал, а Рафи Малка обратился с иском в Верховный суд, обвинив Шалома в том, что тот неправомерно отстранил его от должности, и потребовал восстановления.

Ицхак Замир заявил премьер-министру Пересу, что намерен передать все материалы, включая документы и свидетельские показания, в полицию для официального расследования. Речь шла не просто о том, как надо обращаться с захваченными террористами. Это был вопрос об ответственности руководства, о морали и доверии. Единственным вариантом прекращения огласки Замир считал немедленную отставку Шалома. Перес срочно посоветовался с «клубом премьеров», Шамиром, вице-премьером, и министром обороны Ицхаком Рабином. «Клуб премьеров» пришел к выводу, что надо как можно скорее отправить в отставку Замира. Но министр юстиции решил пока не уходить, а закончить расследование дела «Шин Бет», и 18 мая официально передал материалы в полицию.

Государственное телевидение передало краткое (изуродованное цензурой) сообщение о расследовании, затрагивающем «Шин Бет». Но американское телевидение, пренебрегая запретом, сообщило, что Аврахама Шалома подозревают в том, что он лично отдал приказ об убийстве двух террористов и что правительство пытается спустить это дело на тормозах, несмотря на протесты собственного министра юстиции.

23 июня Шалом инициировал тайное ночное заседание всего кабинета министров. Правительство приняло беспрецедентное решение: глава «Шин Бет» и 3 «бунтовщика» будут отправлены в отставку, а 11 сотрудников «Шин Бет», в той или иной мере связанных с этим делом, будут прощены, и им не надо будет представлять перед судом. Кабинет также создал правительственную комиссию из трех прокуроров для расследования дела «Шин Бет». Комиссия установила, что

глава «Шин Бет» лгал, приказывал лгать своим подчиненным и обманывал тех, кто проводил предыдущие расследования. Приказ об убийстве террористов отдал не кто иной, как сам Шалом. Раненые террористы были отправлены в штаб-квартиру «Шин Бет» для допроса и потом убиты. Шалом утверждал, что он просто действовал в рамках властных полномочий, предоставленных ему премьер-министром. Шамир признал факт разговора с Шаломом, но отрицал приписываемое ему указание «не брать пленных».

В докладе отмечалось, что представитель «Шин Бет» в комиссии Зореа, Йосси Джиноссар, был «тройным конем» Шалома, информировавшим своего босса о направлениях расследования и оказывающим влияние на заключение комиссии в пользу шефа «Шин Бет». Джиноссар изменял некоторые показания, скрывал свидетельства и документы. Перед каждым заседанием комиссии он инструктировал сотрудников «Шин Бет», которые должны были выступить перед комиссией, чтобы их показания не противоречили другим.

Доклад потряс общественность²¹² и пошатнул веру в разведсообщество. Граждане почувствовали, что глава службы безопасности демократической страны руководил этой службой в худших традициях диктаторских режимов. «Шин Бет» стала пугалом, которым родители страшили непослушных детей. Были случаи, когда люди, арестованные по ошибке или за чистую уголовщину, признавались во всем чем угодно только от угрозы, что их передадут в «Шин Бет» на дальнейшую «разработку».

Аврахам Шалом был отправлен в отставку и устроился (даже возвратив старую фамилию Вендор) в Нью-Йорке в компании, торгующей оружием израильского производства. Но и там были проблемы: например, портовая администрация Нью-Йорка и Нью-Джерси, узнав, с кем имеет дело, аннулировала контракт с ним на сумму 75 тыс. долларов.

Если отбросить моральные соображения, само по себе это убийство — не более чем хладнокровный профессиональный ход, вполне приемлемый в условиях войны. Террористы, захватившие автобус, были дилетантами, действовавшими по своей собственной инициативе, и не могли сообщить никаких сведений об организациях противника. Не обладая информацией, они не представляли никакого интереса для «Шин Бет». Их даже не стоило предавать суду. Но войны в Израиле не было — просто сказалось отрицательное влияние ливанской авантюры 1982—1985 годов на «Шин Бет».

Ливан был для «Шин Бет» «диким Западом». В Ливане царила настоящая анархия и военный беспредел, и приобретенные там привычки распространились потом и на оккупированные земли. Вот маленькая история времен вторжения в Ливан.

...В чистеньком и процветающем городке Кафр Кама в горах около Тивериады проживало самое маленькое израильское национальное меньшинство: несколько тысяч черкесов, выходцев с советского Кавказа. Как многие молодые черкесы, Нафсу записался добровольцем в израильскую армию и дослужился до звания лейтенанта. В 1976 году, задолго до вторжения Израиля в Ливан в 1978 и 1982 годах, его направили служить на юг Ливана — примерно в 30 милях от Кафр Кама, но за границей. Это были первые дни израильского присутствия в том регионе. В задачу юного лейтенанта входило снабжение оружием, боеприпасами и медикаментами христиан и мусульман-шиитов, которые выступали против палестинцев.

Нафсу называл Ливан, раздираемый религиозными и межклановыми распрями, «местом, которое разрушает души». Он писал в дневнике: «Здесь мне легче ликвидировать человека, чем мафии в Нью-Йорке. Меня окружают джунгли беззакония и жестокости. Везде мы видели то, что, по нашим понятиям, было совершенно

немыслимым: убийства и месть. Человеческая жизнь стоила очень дешево».

В декабре 1979 года Нафсу женился, а 4 января 1980 года был вызван — якобы для выполнения секретного задания в Ливане, — привезен в Хайфу и арестован «Шин Бет». Допросы — главным аргументом Джониссара служили побои и угроза публично объявить Нафсу гомиком, «завербованным» любовниками из ООП, невыносимое обвинение для молодого черкеса, — продолжались сорок дней, и наконец невинный «сломался» и признался во всем, в чем его обвиняли, включая измену и шпионаж против Израиля в контакте с ООП.

На суде военного трибунала он отказался от своих показаний, заявив, что его «признания» были следствием побоев и угроз. Сотрудники «Шин Бет», естественно, это опровергали, и судья, как это обычно бывало в случаях, затрагивающих национальную безопасность, поверил им. Нафсу был признан виновным, разжалован в рядовые и приговорен к 18 годам тюрьмы. Только 24 мая 1987 г., после настойчивых апелляций и под влиянием скандала с Шаломом и Джониссаром, Верховный суд Израиля снял с него обвинения в шпионаже и измене и отменил приговор. Неоднократно всплывали случаи «выколачивания» показаний и даже смертельных истязаний — причем по крайней мере однажды это было «покрыто» фальсификацией результатов вскрытия в уважаемом, пользующемся хорошей репутацией правительственном Институте патологической медицины.

«Следует воздерживаться от оказания чрезмерного давления на допрашиваемых лиц. Это давление не должно достигать такой стадии, когда причиняются физические страдания, когда в отношении человека проявляется жестокость, когда страдает его честь и достоинство как личности. Степень применения этих мер должна соотноситься со степенью предполагаемой опасности. Это

означает, что степень психологического и физического давления должна быть определена заранее. Руководители должны решительно и остро реагировать на любые отступления от этого правила».

(Из резолюции Комиссии Ландау
по расследованию работы «Шин Бет»)

Глава 37. СРЕДСТВО ПРОТИВ МЕТОДА, ИЛИ ИНТИФАДА

Интифада, по-арабски «восстание», стала самым наглядным свидетельством кризиса разведывательного сообщества Израиля, да, впрочем, и всего комплекса отношений с палестинцами и режима оккупации. То, что происходило в период интифады, несет на себе отчетливый отпечаток системного кризиса, который если и преодолен в конце концов, то стал основанием новых реалий на Ближнем Востоке. Восстание было не просто социальным протестом против оккупации, но кампанией, направленной на свержение военного режима правления. Протестующие хотели и в конечном счете в общих чертах смогли создать альтернативную систему управления во главе с арабами, которая стала бы основой инфраструктуры будущего палестинского государства.

Восстание было как раз тем, чего «Шин Бет» не должна была допускать. Но почти никто в разведсообществе и в целом в Израиле не мог поверить в массовое восстание палестинцев. Все уже привыкли, что большинство жителей в полной мере приняли навязанные им стандарты существования и тем самым обеспечивали себе более или менее нормальную жизнь.

Интифада началась 9 декабря 1987 года как разрозненная цепь действий, которые позже стали координироваться Объединенным национальным руководством

через листовки, подпольные радиопередачи из Сирии и через устные инструкции.

Поводом к началу выступлений стала маленькая трагедия в секторе Газа 8 декабря, когда водитель израильского грузовика врезался в толпу палестинцев, убив четверых и ранив семерых человек. Полиция со, скажем, не стопроцентными основаниями квалифицировала инцидент как дорожно-транспортное происшествие. Но жители сектора Газа восприняли это как убийство и сигнал к бунту, который зрел два десятилетия. На следующее утро жители вышли на улицы, движение протеста перекинулось на Западный берег. Коллаборационисты стали главным объектом интифады, но были случаи сведения личных счетов с помощью ножа или пули. Под лозунгом «очищения Палестины», убивали торговцев наркотиками, обычных преступников и проституток. За первые три года восстания было убито более 700 палестинцев и 60 израильтян. И около 300 палестинцев были обвинены в сотрудничестве с «Шин Бет» или израильской армией и «наказаны» в соответствии с обстоятельствами. В отдельные недели больше арабов было убито самими арабами, чем израильтянами.

Если коллаборационисты были все-таки, что называется, на виду, то тайных информаторов вроде бы не полагалось засвечивать. Но в маленьких поселениях, где секреты почти невозможно сохранить, информаторов «Шин Бет» нередко знали. Среди более миллиона палестинцев Западного берега и сектора Газа их были всего только пару тысяч — и практически все они были либо убиты, либо прошли через разного рода «воспитательные процедуры» и прекратили сотрудничество с «Шин Бет», — и это при том, что Объединенное национальное руководство призывало жителей Западного берега и сектора Газа не убивать своих соседей, если только они не были приговорены к смерти «судами интифады».

Руководитель «Шин Бет» Хармелин вынужден был сообщить, что осведомительная сеть агентства разваливается.

Совершенно уверенно можно сказать, что службы безопасности, полностью уверенные в своих способностях сохранить порядок, допустили стратегические просчеты. «Шин Бет», на счету которого было несколько случаев убийства арестованных (не считая жертв в ходе боевых операций и вооруженных столкновений), тем не менее выступал против применения смертной казни, считая, что неотвратимость смерти лишь заставит «фидаинов» драться еще ожесточеннее, причиняя еще большие потери, в то время как в иных условиях они могли бы сдаться. Одним из следствий этой, несомненно правильной позиции стало то, что тюрьмы переполнились пленными «фидаинами». Многие из них освобождались в результате обмена, проводившегося, несмотря на официальную риторику против сделок с террористами. В результате этого к 1985 году на Западном берегу собралось около 600 закаленных политических активистов и боевиков. После нескольких лет идеологической обработки в тюрьмах «фидаины» на свободе создавали всякого рода группы и кружки, начиная от изучения марксизма и кончая тактикой ведения допросов, изучали тактику противодействия «Шин Бет» под самым носом у этого агентства.

Но в то время как десятки тысяч арабов ежедневно выезжали в Израиль, где мирным трудом зарабатывали себе на жизнь — и вкладом в экономику уже обеспечивали влияние, — израильтяне не позаботились о том, чтобы создать реальное влияние (а не только сеть «стукачей») в секторе Газа и на Западном берегу.

В среде палестинцев было несколько тысяч осведомителей во всех слоях, от рабочих до интеллигентов. Но «Шин Бет» сосредоточилась на предотвращении террористических актов. Информаторы получали особенно большие премии за сведения о деятельности

групп, ориентирующихся на применение насильственных методов. В результате на оккупированных территориях практически не было серьезных террористических проявлений. Какое-нибудь ординарное покушение на поселенца на Западном берегу раскрывалось «Шин Бет» достаточно быстро благодаря информации, поступавшей от агентов, внедренных в террористические группы, просто купленной «на улице» или полученной в результате жестких допросов десятков «подозреваемых», захваченных в облавах в районе инцидента.

На оккупированных территориях сложилась особая система отношений. Оперативники «Шин Бет» знали, что их ненавидят. Они также знали, что самое худшее, что могут сделать политическому активисту Западного берега, так это прикинуться его другом, например, зайти в его дом и выйти оттуда с улыбкой на лице или приветствовать его на улице. Арест мог сделать молодого активиста героем, а намек на дружбу с ним мог означать его конец. Настоящих информаторов израильтяне снабжали специальными пропусками «Шин Бет» для прохода через военные кордоны без обысков и допросов, давали оружие и платили, обычно ежемесячно. Но «Шин Бет» концентрировалась на сборе информации, а не на ее анализе. Сообщения об акциях протеста приводили к арестам и допросам, которые давали новую информацию о поселках, лагерях беженцев и лицах, которые требовали расследования. Но общая картина ускользала.

Агенты «Шин Бет» в целом верно определяли направления проникновения, в частности в среду религиозных экстремистов, но и здесь были существенные просчеты: «Шин Бет» временами стимулировала фундаменталистские группы, надеясь, что они станут полезной альтернативной ООП. Но во время интифады мечети тоже выступили против «Шин Бет», призывая коллаборационистов «сдаться и покаяться», а экстремистская религиозная группа «Хамас» за свои действия была вообще запрещена израильтянами.

С большими трудностями столкнулась и армия, спешно брошенная на «умиротворение» территорий. Армейские подразделения не были подготовлены к специфическим действиям против массовых выступлений. Когда палестинцы перешли от изолированных террористических акций с небольшим числом участников к менее насильственным, но более массовым акциям, оказалось, что они могут успешно противостоять военной мощи Израиля. А государство в своем демократическом развитии уже перешло ту стадию, когда на людей, кидающих камни и поджигающих автопокрышки, бросают танки и артиллерию.

В стычках между подразделениями израильской армии и повстанцами, вооруженными в основном камнями и бутылками, в первый год интифады погибло более 300 арабов и примерно столько же в следующем, 1989 году. Десятки убитых и раненых были и в армейских подразделениях. В конце концов высшие руководители признали²¹³, что «Шин Бет» и армии не удастся подавить восстание — а оно уже, например, заставило госсекретаря США Джорджа Шульца прилететь на Ближний Восток с планами открытия мирных переговоров. Но системный кризис заставлял Израиль цепляться за старые рецепты; на помощь были призваны все ветви разведсообщества.

Стало известно, что лидеры ООП, находящиеся за пределами этих территорий, организуют акт солидарности с восставшими — демонстративное возвращение части изгнанников и вынужденных эмигрантов. Предполагалось, что с борта парома «Аль-Авада»²¹⁴ («Возвращение») высадится на побережье Израиля 131 палестинец. Акция была «обречена» на пропагандистский успех — и было решено ее сорвать традиционными средствами «Моссада».

Директор «Моссада» Адмони организовал тщательное наблюдение за подготовкой рейса. Пассажиры уже собирались в Афинах, и было известно, что в располо-

женном неподалеку порту Пирей их будет ждать судно. Но пока «Аль-Авада» стояла не в Пирее, а в Лимассоле на Кипре. Люди «Моссада» составили полный список потенциальных пассажиров. В это плавание отправились, помимо ветеранов палестинского сопротивления, десятки журналистов и телевизионных репортеров, и даже один член кнессета. Это был страховой полис ООП, гарантия того, что ВМС не потопят паром. Идти на крупный скандал разведчики не хотели — и было решено потопить судно еще до того, как на нем появятся пассажиры. Шеф «Моссада» представил план уничтожения судна премьер-министру Шамиру. Премьер-министру доложили, что операция будет проведена так, чтобы избежать человеческих жертв, но одновременно попросили санкционировать убийство²¹⁵ ответственного представителя ООП, 35-летнего подполковника Мохаммеда Султана Тамими, активиста по прозвищу «Хамди».

Хамди был создателем ответвления ООП под названием «Джихад ислами»²¹⁶ (Исламская священная война), которое должно было привлечь на сторону ООП религиозных мусульман.

«Моссад» знал от агента в близком окружении Хамди, что палестинский подполковник намерен 13 февраля 1988 г. вылететь из Афин на Кипр. 14 февраля 1988 г. была получена точная информация о том, что Тамими поедет на машине вместе с Марваном Кайяли, офицером ООП, который готовил «Аль-Аваду» к выходу в море. Агенты «Моссада» заложили мощное радиоуправляемое взрывное устройство в зеленый «фольксваген» Кайяли. Третим в автомобиль сел Мохаммед Хассан Бухеис, известный также как Абу Хассан, еще один активист департамента оккупированных территорий ООП. С точки зрения «Моссад» — вполне достойная цель. Сигнал был послан, и «фольксваген» разнесло на куски. Все трое палестинцев погибли. На следующее утро в порту Лимассол прогремел еще один взрыв и

паром оказался непригодным для плавания. На этот раз жертв не было. Кипрская полиция определила, что водолазы прикрепили магнитную мину к корпусу «Аль-Авады». Это была чистая работа. Взрыв уничтожил все следы, которые могли бы привести к установлению изготовителя мины. Практически не имелось никаких шансов найти подводных диверсантов.

Шамир и его разведка победили — будущие пассажиры устали ждать и покинули Грецию. Мировая пресса утратила интерес к происшедшему; но на ход интифады это практически не повлияло — разве что только спровоцировало ООП на ответную операцию. Халил эль-Вазир, более известный как Абу Джихад («отец Священной войны»), военный советник Ясира Арафата, направил троих боевиков в Египет, где они взяли из тайников оружие и через Синайскую пустыню перешли в Израиль. Затем боевики «Фатх» пробрались с Синайского полуострова в пустыню Негев и захватили рейсовый служебный автобус, перевозивший служащих из Беер-шебы к сверхсекретному реактору в Димоне. Это было косвенное нападение на самый защищенный израильский объект.

Автобус был перехвачен полицией, остановлен и взят штурмом, в ходе которого всех троих террористов убили. Однако вместе с ними погибли трое пассажиров-работников ядерного центра. Арафат заявил, что жертвы были связаны с секретным израильским центром по производству ядерного оружия — «самой опасной военной целью на Ближнем Востоке». Эта акция ООП вызвала горячий отклик у участников интифады.

В ответ, руководствуясь той же кризисной логикой, министр обороны Ицхак Рабин предложил шефу «Моссада» Адмони изучить возможность убийства Абу Джихада, которого тоже никак нельзя было считать лидером маленькой авторитарной группы — во многих вопросах он был фактически вторым человеком в ООП. Но предложение премьера — это приказ, и вскоре Ад-

мони информировал своих коллег, руководителей других разведслужб, что за 30 дней «Моссад» при поддержке вооруженных сил сможет провести точечную акцию по уничтожению Абу Джихада. Комитет «Вараш» одобрил идею, и подготовка началась.

Некоторые министры²¹⁷ уже тогда понимали, что главный реальный мотив убийства Абу Джихада — попытка поднять моральный дух израильской общественности, достаточно сильно подорванный неспособностью властей подавить восстание палестинцев. Но Малый кабинет в целом дал «Моссаду» и армии «добро» на подготовку операции — убийство палестинского лидера должно было произойти в Тунисе, почти в полутора тысячах миль от Тель-Авива. Подготовка была поручена двум высшим израильским генералам, начальнику штаба Шомрону и его заместителю Ехуду Бараку.

Барак был очень опытным человеком в вопросах разведки и военного дела, 15 лет назад он сам принимал участие в рейде на Бейрут. Теперь ему снова предстояло работать с разведчиками, и задача заключалась в том, чтобы повторить успех 1973 года, хотя на этот раз дистанция была в 15 раз длиннее.

Исходя из представлений о спецоперации разведки, все было произведено на высоком уровне. «Моссад», «Шин Бет» и временами «Аман» в течение нескольких лет следили за Абу Джихадом. Агентура и осведомители в арабских странах регулярно сообщали в Тель-Авив о его передвижениях. О самом Вазире тоже знали много. В досье «Моссада» имелась информация о том, что в 1954 году в возрасте 19 лет он уже был задержан египетской армией за установку мин на Синайском полуострове. После создания израильского государства семья Вазиров оставила Палестину и поселилась в секторе Газа, которым в то время управлял Египет. В 1955 году молодой Вазир получил боевое крещение в ходе нападения на станцию водоснабжения на израильской стороне. Спустя несколько лет он по-

знакомился с Арафатом, и в 1959 году в Кувейте они создали «Фатх», на первых порах небольшую организацию, которая в конце концов взяла под свой контроль всю ООП.

Резидентура в Тунисе предоставила точные данные о месте проживания Вазира, его доме, даже о системе охраны и оповещения. Затем двое мужчин и одна женщина, которые использовали ливанские паспорта и совершенно свободно говорили по-арабски с ливанским произношением, прилетели в Тунис разными рейсами под видом туристов и арендовали два микроавтобуса — «фольксваген» и «пежо-универсал». Спецназ ВМС — «сайерет-13» — обеспечил доставку (на ракетном катере) группы армейского спецназа. В ночь на 15 апреля ракетный катер высадил десант из 30 бойцов «сайерет маткал». Диверсанты глубокой ночью высадились на туристском пляже с резиновых лодок. На берегу их встретили агенты «Моссада». От пляжа Руад было совсем недалеко до пригорода Сиди Бусаид, в котором Абу Джихад проживал со своей женой, тоже активистом ООП, и двумя детьми: 14-летней дочерью и 2-летним сыном. Связь и руководство осуществлялось с борта «Боинга-707», который пролетал над Средиземным морем в 30 милях от побережья Туниса в рамках пассажирского коридора, известного под названием «Блю-21». Генералы Барак и Шахак находились на борту авиалайнера и поддерживали прямую радиотелефонную связь с диверсантами.

Около часа ночи 16 апреля в квартале от этой виллы диверсанты вскрыли заранее выявленный агентом «Моссада» телефонный распределительный ящик и вывели из строя телефонный кабель. К дому Вазира подъехал микроавтобус с восемью боевиками, за рулем которого сидела женщина. Разделившись на 2 группы по 4 человека, они ринулись на штурм²¹⁸ виллы. Из пистолетов с глушителями убили водителя Вазира и находившегося в подвале палестинского охранника.

Другая группа взломала дверь, застрелила тунисского охранника и, проникнув в дом, увидела Абу Джихада с пистолетом в руке на лестнице, ведущей со второго этажа. Выстрелить Вазир не успел — четыре ствола буквально изрешетили его автоматным огнем, вогнав в него 70 пуль. Больше убивать никого не стали. Жена партизанского лидера, которая называла себя Умм Джихад — «мать Джихада», — встала и повернулась лицом к стене, ожидая, что ее тоже расстреляют. Вместо этого один из израильтян приказал ее дочери по-арабски: «Позаботься о своей матери». С этими словами боевики покинули дом, сели в микроавтобус и на большой скорости скрылись. Среди нападавших была оперативник-женщина, которая снимала убийство на видеокамеру. Тунисские власти обнаружили только 3 покинутые автомашины и следы людей на пляже в 10 милях от дома Вазира.

Официальные израильские источники представили американской телевизионной компании «Эй-Би-Си» и газете «Вашингтон пост» довольно полную информацию о том, что сделали «Моссад» и армия, хотя единодушия в руководстве уже не было. Министр Эзер Вейцман публично заявил репортерам: «Это не будет способствовать успеху борьбы с терроризмом, отдалит мирный процесс и обострит обстановку. Это также делает нас более уязвимыми в мире». Хотя большинство израильтян одобряли действия разведки и вооруженных сил, но скоро поняли, что смерть Абу Джихада ничего не изменила, скорее наоборот — его похороны (хоронили Вазира в Сирии) стали для палестинцев поводом для едва ли не самых грандиозных и неуправляемых протестов в секторе Газа и на Западном берегу. Реакция Израиля была прежней — в тот день солдаты убили 5 человек и несколько десятков ранили; тут же имена убитых и раненых стали повторяться в листовках Объединенного национального руководства как имена мучеников и героев, толпы стали их скандировать и,

естественно, начинались новые забастовки, демонстрации и другие формы протеста.

Разведывательные службы старались применять все более решительные меры, но результаты оказывались плачевны. Так, радиопеленгаторы «Амана» установили, что радиостанция «Радио аль-Кудс», оперативно информирующая жителей оккупированных земель и весь мир о ходе интифады, находится на юге Сирии и действует с очевидного одобрения властей Дамаска в интересах радикальной группировки ООП. Но распространение этой информации в среде палестинцев дало нулевой эффект. Ничем закончилась и мера, предпринятая от бессилия «Шин Бет», — печать фальшивых листовок от имени Объединенного национального фронта. Это была попытка организовать «встречный пал» — распространяли дезинформацию относительно времени забастовок и места акций протеста, рекомендовали более «приемлемые» с точки зрения Израиля, ощущающего существенный экономический ущерб, формы борьбы. Одна из таких фальшивых листовок призывала арабов протестовать, но не нарушать работу предприятий; другая — к непрерывной семидневной забастовке; это предполагало, что арабы побоятся потерять заработок на столь долгий срок и это подорвет их веру в организаторов восстания. Истинных же производителей листовок и прокламаций старательно вылавливали и как большие победы подавали сообщения об аресте то двух парней, которые перевозили готовые листовки, то — какво! — целого ротапринта в арабском секторе Иерусалима.

Стоит ли удивляться, что все больше людей в стране и в мире воспринимали это как абсурд, тем более что листовки — все более талантливо и квалифицированно написанные — продолжали регулярно появляться в городах и деревнях. В ноябре 1988 года они призвали палестинцев выйти на улицы в поддержку решения Национального совета Палестины о создании незави-

сисого государства. Израиль пошел на то, чтобы отключить электричество на всей территории сектора Газа и на Западном берегу и ввести комендантский час, — и израильские солдаты гонялись по улицам за мальчишками, размахивавшими черно-красно-зелеными палестинскими флагами, взрывавшими петарды, пытавшимися танцевать и петь.

Разведсообщество прибегло к использованию секретных военных подразделений. Было сформировано два армейских подразделения — «Самсон» и «Вишня», в которые вошли евреи, владевшие арабским языком. В гражданской одежде они направлялись в сектор Газа и на Западный берег, где смешивались с местными палестинцами — а затем при случае хладнокровно расстреливали активистов интифады. Власти Израиля, естественно, это категорически отрицали. Были случаи, когда «Шин Бет» производила аресты и, возможно, ликвидации, прикрываясь названиями зарубежных телекомпаний, например «Эй-Би-Си»²¹⁹, которые пользовались большой симпатией палестинцев. На Западном берегу и в секторе Газа иностранные корреспонденты имели практически свободный доступ в арабские деревни, особенно американцы, которым стремились понравиться как израильтяне, так и палестинцы. «Шин Бет» нередко вели слежку в арабских районах из машин с надписью «Иностранная пресса». В августе 1989 года группа израильских солдат, замаскированная под туристов, с фотокамерами и туристскими рюкзаками, открыла огонь по группе арабов, бросавших в них камни. В сентябре солдаты, переодетые в арабскую одежду, в клетчатых платках, ворвались в дом и попытались произвести арест. Хозяин, опознав чужаков, выпрыгнул из окна третьего этажа, получил многочисленные переломы и в состоянии комы был арестован... — но в конечном итоге «победа» над восстанием отодвигалась все дальше и дальше. Средство победило все традиционные методы. В долгой борьбе, в ходе которой отчетливо был

осознан системный кризис и общества, и разведывательных служб, сформировались новые реалии жизни в ближневосточном регионе.

Сложная, напряженная, взрывоопасная обстановка во всей зоне, где существуют национал-террористические режимы вроде иракского, продолжают конфликты в целом ряде африканских и азиатских стран, где расширяется террористический религиозный экстремизм, необходимость развитых и эффективных разведывательных служб не уменьшилась; но методы их действий уже определяются реалиями нового тысячелетия. Когда-нибудь придет время для рассказа о них.

Годы действительных успехов и целенаправленных утечек о «славных делах» разведки были одновременно и годами очевидных провалов, проявлений жестокости, самодовольства, дилетантизма, наглости, ошибочной стратегии и соперничества между различными службами.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ

¹ «Шай» — сокращение от слов «Шерут Едиот» — на иврите означает «Информационная служба».

² Прозвище Давида Бен-Гуриона, сверхпопулярного первого премьер-министра Израиля, который в тот период одновременно занимал пост министра обороны и руководил военными действиями.

³ Сейчас, по прошествию полувека — уже вполне исторического периода, — можно с уверенностью сказать, что это был не только правильный, но и единственный выход. Небольшое государство в окружении не просто враждебных, но и открыто агрессивных соседей, государство, не имеющее (кстати, доселе) реального военного прикрытия типа НАТО или ОВД, просто не могло больше ни на что рассчитывать, кроме как на получение устойчивого военного преимущества благодаря эффективной разведке. Известно, что хороший разведчик в тылу врага стоит дивизии на фронте; израильские разведчики, как можно убедиться и из истории, и со страниц этой книги, стоили целых армий.

⁴ Иссер Беери (Биренцвейг) родился в 1901 году в Польше. В возрасте двадцати лет прибыл с семьей в Палестину в числе первых израильских переселенцев. Он выбрал, в числе многих ветеранов освоения Земли Обетованной, себе имя на иврите, однокоренное с «немецкой» фамилией, как символ разрыва со своими европейскими корнями. Некоторое время прожил в Хайфе, пытался заниматься собственным бизнесом, но обанкротился. На

несколько лет Беери вернулся в Польшу, но затем окончательно приехал в Палестину и с 1938 года активно участвовал в подпольном движении. В рядах «Хагана» и «Шаи» он показал себя фанатиком борьбы с коррупцией, которую просто не переносил. По его глубокому убеждению, Израиль мог и должен был стать идеальным обществом.

⁵ Внешностью Харел напоминал Беери, но был ниже ростом, более смуглым, темноволосым, с большими ушами; прозвище его было «Маленький Иссер». В молодости, когда в первые годы после приезда в Палестину (из Латвии) он работал в киббуце, его прозывали «Стаханович» — за прилежный труд. В последующие годы его называли «Наполеоном» и «Иссером Грозным» за чрезвычайную активность и жесткость руководства — это уже относилось к годам его работы в разведсообществе. О них более подробно в соответствующих разделах.

⁶ Когда «Хагана» в 1937 году создавала эту организацию, ей дали название «Алия-Бет» (бет — вторая буква алфавита иврита), чтобы отличить ее от легальной иммиграционной британской службы — «алии», — которая позволяла въехать в Палестину лишь немногим евреям-счастливицам. Вскоре после исторического «учредительного совещания» 1948 года выяснилось, что решение о полной «легализации» службы иммиграции принято несколько поспешно — на практике во все последующее время организация алии в ряде стран (хотя и не во всех) встречала политические препятствия, которые далеко не всегда удавалось преодолевать нормальными дипломатическими средствами.

⁷ Как уже упоминалось, это было неофициальное еврейское правительство в период, предшествовавший достижению независимости Израиля.

⁸ Подобный анекдот рассказывают и об Иссере Хареле, и о руководителях разведки других стран. Это уже стало частью фольклора спецслужб.

⁹ От слова «шалия», что на иврите означает «посланник», «эмиссар».

¹⁰ Ряд достижений Р. Шилоя (и в политическом, и в

организационном плане) по традиции приписывались Иссеру Маленькому. В частности, разработка и воплощение «периферийной философии», а также сотрудничество с другими (прежде всего западными) разведками.

¹¹ Весьма сложные отношения, которые за недостатком места в этой книге не обсуждаются слишком подробно. Сейчас большинство историков, в том числе английские, склоняются к мысли, что политика Великобритании в предвоенный период в отношении Палестины, эмиграционных процессов и вообще отношений с ВСО была ошибочной и стала одной из причин такого масштаба Холокоста. Ишув же (еврейская община в Палестине) был враждебен к «оккупационному» или «колониальному» режиму. Достаточно сказать только, что дело доходило до острой вооруженной борьбы, террора, попыток разоружения «Хаганы»; хотя и бывали периоды сотрудничества.

¹² Использование этнических особенностей евреев, связанных с многовековым «рассеянием», проживанием в разных регионах, в среде разных этносов, стало одним из долгосрочных залогов успехов «Моссад».

¹³ Он просил позволить написать письмо Бен-Гуриону, с которым, как большинство офицеров «Хаганы», был знаком, и письмо сыну. «Я прослужил в «Хагане» двадцать два года. Разрешите мне хотя бы написать письмо сыну»...

¹⁴ Официальная комиссия оправдала капитана, и его вдове была выплачена компенсация, а затем назначена пожизненная пенсия. Тубянски был реабилитирован посмертно, восстановлен в звании капитана и похоронен со всеми почестями на военном кладбище. Считается, что он пал жертвой шпионмании. Справедливость вроде бы восторжествовала; единственное, что вызывает определенное смущение, так это то, что с июля 1948 года артиллерия иорданцев стала намного менее точной — хотя с того времени наступил общий перелом в Первой войне и Трансиорданский легион был оттеснен от Иерусалима.

¹⁵ Только в 1964 году министерство обороны согласилось выплатить Амстеру финансовую компенсацию.

¹⁶ По свидетельству того же бывшего помощника премьера, то, что Бен-Гурион узнал об этой фабрикации,

стало одним из решающих аргументов для отстранения Беери.

¹⁷ По израильским обычаям ночевать в тюрьме считалось большим позором.

¹⁸ Первый президент Израиля Хаим Вейцман через некоторое время помиловал старого боевого соратника с формулировкой «в знак признания заслуг перед Израилем», но о восстановлении на службе речь больше никогда не шла.

¹⁹ Хаим Герцог (род. в 1918 г. в Польше) последовательно возглавлял «Шин-Бет» (1947–1948 гг.), военную разведку (1948–1950, 1959–1962 гг.), был постоянным представителем Израиля при ООН (1975–1978 гг.). В 1983 году был избран президентом Израиля.

²⁰ Информации об этом крайне немного, однако ясно, что сравнительно немногочисленные подразделения Шин-Бет не могли обходиться без помощи полиции в организации оперативных и силовых контрразведывательных операций.

²¹ Организационно МАТАМ состоит из четырех подразделений: разведывательного (осуществляет агентурное проникновение в подрывные организации и сбор информации), государственной безопасности (борьба с государственными преступлениями), общего (борьба с организованной преступностью), отдела национальных меньшинств. Особый отдел специальных расследований располагает самой современной системой обработки и накопления информации, услугами которой пользуются все секретные службы страны и Национальная полиция

²² «Мы собираем информацию о собственности арабских стран и экономических связях между арабами и Европой», — сообщалось в докладной записке на имя премьер-министра.

²³ Сейчас, на рубеже тысячелетий, Швейцария несколько «приоткрывает» завесу секретности вкладов. До полного расследования судьбы всех вкладов, сделанных в годы войны, еще далеко, но есть основания полагать, что одно из давних подозрений будет расшифровано. Кстати, уже понятно, что сами швейцарцы в историях с «еврейс-

ким золотом» далеко не безгрешны — первые же попытки расследования и первые разоблачения вызвали в Швейцарии всплеск антисемитизма. Наглядное проявление «комплекса вины».

²⁴ Аскет Харел недолюбливал политический департамент за мотовство, а как весьма внимательный, до придирчивости, руководитель не мог не отмечать его слабую реальную «отдачу».

²⁵ 2 марта 1951 г.

²⁶ Сама возможность такого «бунта» — специфически израильское явление, связанное с весьма бережным отношением в стране к своим гражданам, особенно в тот период. Несложно представить, как бы отреагировали на подобный «бунт» в ведомстве Лаврентия Павловича или в ЦРУ и что бы случилось с «бунтарями».

²⁷ Тот быстро создал в составе военной разведки специальное «подразделение 131» с задачей вывода агентов в арабские страны. Функции этого «отдела особых поручений» постоянно расширялись и совершенствовались.

²⁸ Некоторое время эта служба называлась «Центральный институт по координации», потом — «Центральный институт разведки и безопасности». «Моссад», по сути, с самого своего создания стал органом не столько представительным, сколько оперативно-исполнительным, выполняющим практически все функции не прямо военной разведки. Специфика отражена и в названии — это аббревиатура на иврите от «Институт разведки и специальных задач».

²⁹ «Маген» или «Мохен» в переводе с иврита означает «щит».

³⁰ Многие работники распущенного политического департамента не верили, что Маген-Кросс предал Израиль. Выступая на суде, Борис Гуриель заявил, что дело Магена было сфальсифицировано «Моссадом» для того, чтобы скомпрометировать политический департамент.

³¹ К тому времени «Моссад» было только десять месяцев, и совершенно естественно, что его организационная структура и иерархия были практически никому не известны.

³² Тель-Авив направил в Багдад шифровку о его прибытии. Но знал об этом только резидент, которого Франк должен был заменить.

³³ Термин американских спецслужб, означающий порядок разграничения доступа сотрудников к секретной информации. В последующие годы «Моссад» этот принцип соблюдал неукоснительно.

³⁴ Ни один тайный израильский агент не может пользоваться паспортом, который обнаруживает его связь с Израилем.

³⁵ Помимо обычной оплаты портово-транспортных услуг, огромные взятки выплачивались полицейским и портовым чиновникам, правительственным служащим и судовладельцам. Израильские тайные агенты особенно отличались на черных рынках Франции, Греции, Италии, Австрии и других стран.

³⁶ Официальное прикрытие этих офицеров — посольства в Вашингтоне и Тель-Авиве, где они числятся советниками или атташе.

³⁷ Олдфилд, реальный шеф «МИ-6», является прототипом героев знаменитых «шпионских» сериалов: «М» — у Яна Флеминга, и Джорджа Смайли — у Дж. Ле Карре.

³⁸ Шилой, после ухода из «Моссада», оставался советником Бен-Гуриона по вопросам международной и региональной стратегии.

³⁹ Подобные процессы продолжались и в последующие годы; современные режимы в Ливии, Ираке и Иране занимают жесткую антиамериканскую позицию.

⁴⁰ В первые годы существования Израиля подобные комиссии формировались не на межпартийной парламентской основе, а состояли исключительно из представителей правящей партии «Мапай». Такой подход гарантировал, что ничего скандального, особенно если это касалось вопросов разведки, не выйдет за пределы «семьи».

⁴¹ МАПАМ, аббревиатура от «Мифлагет полей Меухдет», левосоциалистическая партия, образованная в 1948 году в результате слияния трех организаций, включая упомянутую. Лидер — М. Яари. Позже, уже взрослым человеком, Харел изменил свое отношение к этой партии и был

глубоко предан Бен-Гуриону, перенося свою привязанность, естественно, и на партию «Мапай».

⁴² Военная цензура перлюстрировала письмо солдата из гарнизона в пустыне Негев к матери, Мадлен Фрей, в Брюссель. В письме солдат спрашивал — вне контекста: «Как там поживает малыш?»

⁴³ Из-за окружающей это дело секретности мотив убийства или хотя бы повод для трагической ссоры (Мотке настаивает именно на версии ссоры) до сих пор не установлены.

⁴⁴ В последние же десятилетия вообще этот вопрос не столь остр в связи с громадными миграционными процессами в Европе (гастарбайтеры, легальные и нелегальные мигранты из Азии, Африки, стран бывшего Восточного блока).

⁴⁵ Одним из немногих исключений среди них был Эли Коэн, который спустя десятилетие стал «лучшим шпионом» Израйля.

⁴⁶ В первые годы после ухода англичан Египет широко прибегал к помощи советников и специалистов из Германии, затем из Советского Союза. Подробнее об этом в последующих разделах.

⁴⁷ В ГДР усилиями КГБ и «Штази» такая чистка была проведена в первые же послевоенные годы.

⁴⁸ Вдова Беннета считает, что во всей операции вообще было много дилетантизма.

⁴⁹ В то время в руководстве египетской охраны были «признанные мастера» — бывший шеф варшавского гестапо Леопольд Глейм (в Египте — Али Нашер), советник Гимmlера Бернхард Бендер (в Египте — полковник Ибн Салем), руководитель гестапо в Дюссельдорфе Иоахим Дэмлинг и еще несколько выкормышей нацизма.

⁵⁰ Группа ЛЕХИ откололась от «Иргун» в 1940 году и постоянно оставалась на антибританских позициях. Первый руководитель ЛЕХИ, Абрам Штерн, был схвачен и расстрелян англичанами в феврале 1942 года. Новый руководитель, Шамир, привлек к боевому сотрудничеству немалое число бойцов из «Иргуна», хотя в целом руководство «Иргуна» не поддерживало «совместной с ЛЕХИ борьбы против британских захватчиков».

⁵¹ О сотрудничестве разведки с правыми экстремистами и политиками см. в отдельной главе.

⁵² Э. Бейт Зари и Э. Хаким застрелили в Каире Государственного Министра Великобритании по Ближнему Востоку лорда Мойна, ярого противника деколонизации Палестины. На суде террористы заявили, что в лице лорда Мойна они мстили британскому правительству, которое обрекло на смерть в нацистских концлагерях тысячи и тысячи евреев, не позволив им вовремя уехать в Палестину.

Приговор — смертная казнь через повешение, — который представлялся излишне суровым даже многим британцам, был приведен в исполнение 22 марта 1945 г. Элияху Коэн присутствовал на казни и пел гимн «Хатиква», с которым молодые люди взойшли на эшафот.

⁵³ Режим секретности таков, что лишь в исключительных случаях — например, если «засветка» уже произошла, — становятся известны имена работников среднего звена.

⁵⁴ Такой человек, Камилль Таабес, эмигрант-ливанец, действительно существовал и с 1947 по 1950 годы жил в Аргентине, затем выехал в Европу.

⁵⁵ Сирийцы больше, чем любые другие арабы, подозрительно относятся к чужакам. Даже советские советники, которые в свое время были в большом числе приглашены Асадом аль-Хафезом, избегали контактов с людьми, которые буквально в каждом «чужом» видели врага.

⁵⁶ К тому времени «подразделение 131» вслед за переходом в «Моссад» Меира Амита стало частью этой службы.

⁵⁷ На иврите означает «конь».

⁵⁸ Есть данные, что «немецкую легенду» прикрывала служба Гелена. Весьма упорно поговаривают, с подачи английского историка Кокриджа, что Вальтрауд Нойман была Лотцу «подставлена» БНД, разведкой ФРГ.

⁵⁹ Лотц был дважды разведен и на момент встречи с Вальтрауд состоял в третьем браке с израильтянкой.

⁶⁰ Особо дружественные отношения с СССР тем не менее не помешали Москве прекратить или ограничить в 1958 году поставку вооружений Египту, когда Каир начал испытывать серьезные проблемы с расчетами.

⁶¹ Сведения о его биографии и вербовке не разглашаются.

⁶² «Ханокмин», или «Карающие ангелы» (иврит, из Ветхого завета).

⁶³ Угроза расправы сама по себе оказывала существенное воздействие, и это широко применялось структурами, осуществляющими возмездие, даже если по тем или иным причинам официальная информация держится в секрете. Так, оперативные группы «Моссада» уже через много лет после войны уничтожили трех восточноевропейцев, которые сотрудничали с нацистами во время Второй мировой войны. Один из них, поляк, был охранником в концентрационном лагере. «Моссад» позаботился о том, чтобы родственники «объектов» узнали подлинную причину их гибели и распространили эту устрашающую информацию в среде военных преступников. Преступления Холокоста не имеют срока давности.

⁶⁴ Элром не был кадровым разведчиком, но обладал большим опытом работы в английской и израильской полиции. Учитывались и личные качества: «арийская» внешность, свободное владение немецким и глубокая ненависть к нацистам — почти вся семья Элрома погибла в концлагере.

⁶⁵ Проведенная израильтянами проверка показала, что Менгеле съехал с этой квартиры за две недели до похищения Эйхмана. Врач-преступник уехал в Парагвай, а потом в Бразилию. Розыск Менгеле продолжался. Досье на Менгеле и других нацистов вела Ехудит Нисияху, возглавлявшая подразделение по розыску нацистских преступников. Когда в 1985 году бразильские власти сообщили о смерти Менгеле, «Моссад» тайно направил в Бразилию своего судебно-медицинского эксперта, который обследовал труп и подтвердил, что это действительно труп человека, долгое время возглавлявшего список разыскиваемых преступников.

⁶⁶ Видный израильский дипломат и член правительства Абба Эбан был совершенно не в курсе операции «Моссада» и впоследствии долгие годы возражал против «расшифровки» эпизода и, в частности, использования

этого самолета; книга И. Харела «Дом на улице Гарибальди», в которой были освещены подробности операции, была опубликована в Лондоне только через 15 лет после события.

⁶⁷ Часть специалистов-историков поддерживает версию о том, что Борман был убит в 1945 году в Берлине при попытке бегства из Германии. В Израиле уверены, что Борман был жив еще в начале шестидесятых, о чем, кстати, свидетельствует и перехваченная (но со стопроцентной уверенностью не атрибутированная) переписка с Де Грелем, и ряд косвенных свидетельств. Предполагают, что организация «ОДЕССА» Скорцени вывезла Бормана из Европы. Есть и более экзотические версии — будто «наци номер два» окончил жизнь в России.

⁶⁸ Классический случай — дело сотрудника Канадской королевской конной полиции (РСМП) Роя Гуиндона. РСМП выполняет функции контрразведки. В 1959 году Рой Гуиндон был направлен в Москву. В московском дипкорпусе Гуиндон скоро приобрел репутацию ловеласа. Когда сотрудницы его собственного посольства отвергли его домогательства, об этом стало известно КГБ. Русская контрразведка устроила ему классическую ловушку. В качестве наживки была использована молодая и красивая агентесса Лариса Федоровна Дубанова. По преднамеренной случайности Гуиндон оказался рядом с Дубановой на балете в Большом театре. По «счастливному совпадению» она превосходно говорила по-английски. Роман продолжался несколько месяцев, пока, наконец, очаровательная дама не объявила, что она беременна. КГБ организовал им тайное бракосочетание, и теперь Гуиндон был в их власти. Под угрозой разлуки с возлюбленной, Гуиндон передал советской контрразведке канадские дипломатические коды и установил «жучки» в канадском посольстве.

Позже Гуиндон был переведен в Вашингтон и продолжал сотрудничество с КГБ. Его жена так и не родила ребенка, сказав, что сделала аборт. Чтобы поддерживать заинтересованность Гуиндона в сотрудничестве с советской разведкой, советские власти разрешали ей посещать его в Вашингтоне.

Предательство Гуиндона было разоблачено только в начале 1960-х годов, когда он был переведен в канадское посольство в Тель-Авиве. Его телефон, как и телефоны всех иностранных дипломатов, был взят под контроль. Вскоре «Шин Бет» зафиксировала его неосторожный телефонный разговор с советским представителем. Израильская разведка информировала «МИ-6». Англичане информировали РСМП, и канадцы под благовидным предлогом вызвали его в Лондон, затем забрали его с собой в Оттаву, где он быстро во всем признался.

⁶⁹ Бен-Гурион и Моше Даян тогда отправлялись в Севр для секретных переговоров об участии в военных действиях на Синае и приобретении ядерного реактора.

⁷⁰ И, естественно, находящемуся под наблюдением.

⁷¹ Ветеран разведки, впоследствии многие годы был мэром Иерусалима.

⁷² Эту страницу своей жизни Филби скрыл, поступая на службу в английскую разведку.

⁷³ В тюрьме он категорически отказался от своих признаний, сделанных перед судом.

⁷⁴ Харел разделял вывод послевоенного трибунала о том, что Скорцени был солдатом, а не военным преступником.

⁷⁵ Подробнее о Бламберге и его «Лакаме» в соответствующих главах.

⁷⁶ За несколько недель до этого в ФРГ около дома ученого-ракетчика были арестованы еще два агента «Моссада». Благодаря хорошим отношениям с БНД удалось быстро добиться освобождения агентов и их отправки в Израиль.

⁷⁷ Он был установлен в Нахаль Сорек, в десяти милях к югу от Тель-Авива.

⁷⁸ Министром обороны в те годы являлся премьер-министр Бен-Гурион.

⁷⁹ Министр иностранных дел, затем премьер-министр Израиля.

⁸⁰ Он возглавлял фирму «Ред Си Инкода», которая осуществляла поставку «кошерного» мяса в Израиль из Эфиопии.

⁸¹ Бывший офицер подпольной «Хаганы». После окончания войны 1948–1949 годов он поступил в «Шин Бет», которая назначила его офицером безопасности министерства обороны.

⁸² Французский шпион, выступавший под личиной священника, расспросил мэра Беер-шебы о том, что происходило в пустыне Негев. Мэр с гордостью рассказал о строящемся по соседству атомном реакторе. «Священник»-шпион направил весьма критическое донесение...

⁸³ Многочисленные французские специалисты и контрразведчики в Димоне вполне четко составили представление о реальных усилиях и намерениях партнеров.

⁸⁴ О таком эпизоде — в главе «Средство против метода».

⁸⁵ Шапиро родился в 1921 году в американском городе Кантон, штат Огайо. Его отец был ортодоксальным раввином в Литве, многие родственники погибли в ходе Холокоста, да и сам он сталкивался с проявлениями антисемитизма. Аналитики считают, что он оказывал содействие Израилю сознательно, по убеждениям.

⁸⁶ Один из резидентов «Моссад» и участник операции, датский бизнесмен, чья фамилия фигурировала в легальных торговых сделках. Был впоследствии арестован после провальной операции в Лиллехаммере и дал показания об афере с «Шеерсбергом», доселе покрытой завесой молчания.

⁸⁷ Альфред (Ал) Швиммер, уроженец США. Квалифицированный пилот и авиаинженер, а также удачливый предприниматель (в тридцатые годы организовал небольшую фирму по поставкам авиазапчастей). Работал инженером в компаниях «Локхид» и «Транс уорлд эйруэйз», служил в военно-воздушных силах США и после Второй мировой войны стал активно работать на благо еще не созданного еврейского государства. Он стал кем-то вроде секретного агента в Чехословакии, где приобретал у западных и советских представителей большое количество оружия, а затем его собственная грузовая авиакомпания перевозила это оружие в Израиль до получения им в 1948 году независимости.

В 1949 году он возвратился в Соединенные Штаты — и подвергся судебному преследованию. Американские власти обвинили его в нелегальном экспорте самолетов и запасных частей в Израиль, Чехословакию, Италию и Панаму. ФБР подозревало, что в ответ на разрешение использовать чешский аэродром в Затеке Швиммер передал ЧССР учебный самолет и секретный американский радар. В 1950 году Швиммер и его компания были признаны виновными. Швиммер перебрался в Израиль, где организовал авиаремонтное предприятие, которое стало основой для крупного государственного авиастроительного и авиаремонтного предприятия.

После ухода в отставку в 1984 году с государственной службы Швиммер стал специальным советником Переса.

⁸⁸ Принять участие в Шестидневной войне они не успели — не была закончена установка вооружений.

⁸⁹ Действительно, оно поступило только 6 января; на газетные же публикации и телевизионные новости все как один чиновники не отреагировали.

⁹⁰ Эйтан постоянно оказывался в состоянии конфронтации с «Моссадом», когда начинал выступать в своей второй роли — советника премьер-министра по антитерроризму.

⁹¹ Каспар Уайнбергер, тогдашний министр обороны США, достаточно сдержанно относящийся к «стратегическому союзнику».

⁹² Каким образом к Штерну попала «наводка» на диссидента из американской разведки, не озвучивалось ни в прессе, ни на судебном процессе. Скорее всего, Поллард успел не раз и не два в «своем» кругу сболтнуть лишнего, сведения об этом распространились по каналам израильской разведки и он был признан перспективным кандидатом для вербовки.

⁹³ Типичный пример. В тот период Израиль получал ценную технологическую информацию и оборудование от Ричарда Смита, владельца корпорации «Милко» в Калифорнии. С представителями «Лакама» его свел в свое время израильский антрепренер в Голливуде. Сотрудничество шло настолько живо, что Смит в мае 1985 года был официально

обвинен федеральным судом присяжных в том, что он контрабандным образом вывез в Израиль 810 криотронов — электронных устройств, которые могут быть использованы в качестве детонаторов ядерных бомб. Для экспорта этих приборов требовалась специальная лицензия, в которой отказывали на основании того, что Израиль не подписал международный договор о нераспространении ядерного оружия. Расследование ФБР установило, что начиная с 1973 года 80% бизнеса «Милко» вела с Израилем. Смит был освобожден под залог в 100 тыс. долларов, но через 3 месяца в суде не появился. Он просто исчез, хотя позже его видели в Великобритании и Израиле.

⁹⁴ Член сенатского комитета США по разведке сенатор Дэвид Дюренбергер проговорился, что по крайней мере в одном случае, во время израильского вторжения в Ливан в 1982 году, американцы использовали на агентурной основе израильского солдата.

⁹⁵ Сразу же после ареста Полларда министр обороны Ицхак Рабин заявил, что в конце 1970-х и начале 1980-х годов Израиль выявил 5 американских шпионов в чувствительных областях промышленности, в частности в ядерной сфере. Один из них был занят сбором информации в принадлежавшей государству компании «Рафаэль» в районе Хайфы. Другим был американский ученый, работавший по программе научного обмена на ядерном исследовательском реакторе в Нахаль Сорек. Использовались они «под чужим флагом» — американские оперативники приезжали в Израиль из третьих стран. Выявленные шпионы были выдворены из страны.

⁹⁶ Опасаясь утечки сведений о методах и технических возможностях американской космической разведки, американцы обычно отклоняли израильские запросы о предоставлении спутниковых фотографий или же рассматривали эти запросы так долго, что вопрос утрачивал актуальность. США также отложили на неопределенное время рассмотрение просьбы Израиля о том, чтобы ему была предоставлена наземная приемная станция, позволяющая принимать и расшифровывать сигналы с американских спутников. В конце концов Израиль пошел на боль-

шие затраты, осуществив в 90-х годах собственный космический прорыв — запуск спутников, в том числе и разведывательных.

⁹⁷ Опергруппа «Лакама» в этом случае не просто выбрала распространенное еврейское имя. Новоиспеченный американский агент Израиля уже выражал свое восхищение выдающимся агентом Эли Коэном. Теперь он в любое время мог приехать в Израиль как анонимный, но реальный герой.

⁹⁸ Квартира-фотолаборатория была куплена на имя Гарольда Катца, американского еврея, занимавшегося в Израиле адвокатской практикой. Катц, по видимости, не знал, что его вашингтонская квартира будет использоваться министерством обороны. В квартире было так много высокоскоростной и высококачественной копировальной техники, что пришлось установить специальную систему электронной защиты, чтобы подавить электромагнитные помехи, которые могли быть замечены на экранах телевизоров соседей.

⁹⁹ Американские следователи видели в этом прямое доказательство существования еще одного израильского шпиона в верхних эшелонах Министерства обороны США или разведсообщества, может быть, более важного, чем Поллард.

¹⁰⁰ В интервью американскому журналисту Вольфу Блитцеру.

¹⁰¹ Ничего не меняло и маловероятное предположение о том, что в Вашингтоне вдруг раздобрились и, не извещая своих «стратегических партнеров», поделились через «Лакам» важной разведывательной информацией.

¹⁰² В отличие от случая с Вануну, где очень похоже на предоставление «Лакаму» злоковарной помощи.

¹⁰³ В 1986 году в телефонной будке в Западной Германии курьер израильской разведки потерял восемь фальшивых британских паспортов. В сумке, забытой в телефонной будке, был обнаружен его настоящий израильский паспорт и другие документы, связывающие его с посольством Израиля в Бонне. Британское правительство заявило решительный протест и получило извинения Израиля.

¹⁰⁴ Эта съемочная бригада сама попала на видеопленку «Санди таймс» — камеры зафиксировали некоего высокого парня, который, по его словам, снимал пикет для студенческого союза; его небритый партнер молчал.

¹⁰⁵ По данным журналистского расследования «Санди таймс», проведенного после исчезновения Вануну, роль искусительницы «Синди» сыграла американка Черил Чанин Бен-Тов, жена капитана военной разведки «Аман». Синтией (Синди) звали ее сестру, проживающую во Флориде.

¹⁰⁶ «Санди таймс» писала, что Вануну был похищен в Великобритании и в ящике под видом дипломатического багажа вывезен в Израиль.

¹⁰⁷ Итальянский следователь Д. Сика отметил, что надпись сделана «слишком грамотно и разборчиво», как бы человеком, который безукоризненно знает английский и вполне компетентен в семиотике.

¹⁰⁸ Политический спектр может быть весьма разнообразным, от «голубей», мечтающих о всемирном искоренении ядерного зла, через экологов, потрясенных произошедшим в том же году взрывом в Чернобыле, до «ястребов», недоброльных пост-Кемпдэвидским процессом.

¹⁰⁹ Не он один — многие израильские дипломаты также распространяли молитвенные книги, Библию, израильские газеты, книги на иврите, хотя они отлично понимали, что советские власти считали это «антигосударственной пропагандой». Но что делать? В то время в СССР не существовало никаких еврейских обществ, а поддерживать связи с трехмиллионной «диаспорой» считалось и было необходимо. Никто из таких израильских «миссионеров» всерьез не пострадал, кроме как в случае, о котором будет рассказано ниже.

¹¹⁰ Объектами таких операций становились даже важные персоны. Реакция их была разной: президент Индонезии Сукарно, увидев снимки своих утех с подставленной ему агентессой КГБ, и бровью не повел. По словам свидетелей, он только сказал: «Отпечатайте мне 6 этих фотографий и 12 — тех».

¹¹¹ После Шестидневной войны в СССР ходил попу-

лярный анекдот. Выгнали Абрама из партии за идейную неустойчивость. Идет он и мечтает: произошла война, побеждает Израиль. Подходят танки к Москве. Бледный Брежнев выносит ключи от города. С головного танка сходит Моше Даян и говорит: «Леня, на фиг мне твои ключи, верни Абраму партбилет».

¹¹² В 1981 году остался в Великобритании.

¹¹³ С 1980-х годов Ирак работал над созданием бактериологического оружия; биологические лаборатории и запасы этого оружия массового уничтожения были объектами поисков нескольких комиссий после операции «Буря в пустыне». Тревожные опасения не сняты до сих пор — точно так же как и опасения, что по этому преступному пути шел или мог пойти Израиль; для снятия этих опасений и предназначалась миссия Клинберга.

¹¹⁴ Известно, что Калманович «подкармливал» его не напрямую, а, например, пригласил этого бывшего командира «сайерет» посетить за его счет Сьерра-Леоне под предлогом какой-то консультативной работы в области безопасности.

¹¹⁵ Один из последних по времени арестованных в Москве (1995 г.) — резидент «Моссада» Реувен Динель.

¹¹⁶ «Дело врачей» в последний год жизни Сталина, XX съезд КПСС, который развеял некоторые иллюзии, реальные элементы государственного антисемитизма, в том числе дискриминация по национальному признаку в получении образования и трудоустройстве. Жесткие меры по ограничению эмиграции, поддержка арабского национализма и т. д.

¹¹⁷ Президент Египта Насер заявил, что еврейские эмигранты немедленно становятся солдатами и начинают убивать арабов, и потребовал от всех арабских стран запретить еврейскую эмиграцию.

¹¹⁸ Многие исследователи полагают, что поддержкой «алии» генералиссимус Франко старался «реабилитироваться» за связи с Гитлером и Муссолини, а также за изгнание испанских евреев в 1942 году.

¹¹⁹ Лапидот несет личную ответственность за участие в убийстве, совершенном группой боевиков в апреле 1948

года — тогда погибло более 200 мирных жителей арабской деревни Деир-Ясин неподалеку от Иерусалима.

¹²⁰ Угрозы террористов и реакция некоторых арабских стран заставляли Израиль держать в секрете точное число иммигрантов и маршруты, по которым они прибывали.

¹²¹ В результате в Северной Африке появились два страных союза: Эфиопию в 1977 году поддерживали Советский Союз, ГДР и Израиль, в то время как Сомали пользовалась поддержкой США, Саудовской Аравии и Египта.

¹²² На это требовалось согласие Нимейри, чьи войска должны были брать аэропорт под охрану, с тем чтобы никто не мог зафиксировать эти внеплановые полеты. По просьбе Израйля США пообещали Нимейри дополнительную помощь в сумме 200 млн. долларов за его разрешение на прямые рейсы из Хартума. Наиболее деликатные переговоры вел Джордж Вебер из американского посольства в Хартуме, выступавший под официальным прикрытием поста «координатора по беженцам».

¹²³ Вскоре, меньше чем через полгода, Нимейри был свергнут и заочно предан суду по обвинению в коррупции, получении взяток от «Моссада» и ЦРУ, сотрудничестве с врагом. Получил убежище в Египте.

¹²⁴ Однако на первых порах Амит занимал фактически два поста; подробнее об этом в разделе, посвященном «Шин Бет».

¹²⁵ Через несколько лет Харел даже вернулся на пост руководителя «Моссад», но ненадолго. Теперь уже очевидно, что его отставка, на поверхности связанная с относительными неудачами и существенно осложнившимися отношениями его с руководством страны, отражала глубинные тенденции исторического развития. Наибольшую ценность в разведке приобретали новые способы и подходы, развитию которых, по большому счету, Харел мешал и мешал тем больше, чем успешней действовал «традиционными» методами.

¹²⁶ Основные резидентуры «Моссад» в Европе были во Франции, под прикрытием посольства и Отдела военных закупок, Италии, в Бонне под прикрытием «Комиссии по

репарациям», возглавляемой Леваном Нахимья («Ахасом»), Вене, где действовали организации «Палестина-Амт» и «Хиас», а также представительство «Джойнта», в Лондоне — под прикрытием посольства, и в Западном Берлине, где достаточно долго резидентуру покрывала киностудия «Фортуна», руководимая А. Шлезингером. По воспоминаниям, Толедано и его коллеги взвешивали возможность коллективного ухода в отставку, но ограничились резкой телеграммой.

¹²⁷ Ш. Толедано позже признался, что у него была мечта возглавить «Моссад», однако ему пришлось довольствоваться постом советника по арабским проблемам. Для «марокканца» Толедано это было вполне подходящее дело, но после разведки работа советника была скучноватой.

¹²⁸ Сейчас большая часть служб «Моссада», на американский манер, размещается в предместьях Тель-Авива.

¹²⁹ Редфа был ошеломлен осведомленностью израильтян о военно-воздушных силах Ирака. Они знали имена иракских пилотов и их советских инструкторов. Разведчики в деталях описывали ему аэродромы, командные посты и жилые помещения иракских летчиков.

¹³⁰ В «неспособности» персонала одной из иорданских РЛС вовремя засечь самолет и помочь иорданским летчикам выполнить просьбу иракских союзников о перехвате, был элемент умысла или, точнее, задания «Моссад»; для «покрытия» умышленной слепоты персонала иорданской РЛС несколько лет распространялась информация о том, что «МИГ» в сопровождении американской эскадрильи летел через Турцию и даже дозаправлялся на американской авиабазе.

¹³¹ СССР начал поставлять эту модель в Сирию еще в 1973 году, но самолет угонщика имел некоторые интересные модификации, сказавшиеся на возможностях этой машины в воздушном бою и бомбардировочных миссиях. «Аман» охотно предоставил американским ВВС и ЦРУ возможность изучить самолет.

¹³² Амит до сих пор с горечью отмечает, что если бы его поездка в Египет состоялась, то она могла бы предотвратить войну 1967 года.

¹³³ «Аман» как часть генерального штаба подчинялся начальнику генштаба и, следовательно, министру обороны.

¹³⁴ Успех в Шестидневной войне 1967 года в немалой степени объяснялся оперативным перехватом арабских линий связи, в том числе телефонных переговоров между президентом Египта Насером и иорданским королем Хусейном, и быстрым доведением этой информации до израильских генералов.

¹³⁵ ВМФ и ВВС также имеют свои собственные небольшие разведывательные и контрразведывательные подразделения.

¹³⁶ Всего «Моссад» получил более 400 сообщений, в том числе и конкретные планы военных операций Египта и Сирии; сообщения передавались в «Аман», но не повлияли на позицию руководства.

¹³⁷ В кнессете и правительстве Израиля требовали создания независимой комиссии для анализа этого просчета, но вместо этого «Аман» создал свою внутреннюю комиссию под руководством бригадного генерала Иоеля Бен-Пората, руководителя подразделения радиоперехвата. Выводы такой комиссии заранее предсказуемы...

¹³⁸ Смерть Насера также использовалась в пропагандистских целях: распускался (спецслужбами) слух о причастности «Моссад» к этому, говорили, что завербованный массажист втирал президенту некую таинственную мазь, которая вызвала смерть, — в общем, нечто весьма похожее на слухи и пропагандистские действия, которые некогда распространялись в СССР в связи с «делом врачей».

¹³⁹ Совсем незадолго до наступления, в обращении к народу в третью годовщину смерти Насера, 28 сентября, Садат заявил: «Мы не пожалеем сил и жертв для достижения наших целей. Я не стану раскрывать деталей, но освобождение наших земель есть первая и главная из стоящих перед нами задач».

¹⁴⁰ Замира обвиняют в том, что он, поняв «неизбежность» близкой войны, просто сообщил об этом Зейре по телефону, а к премьер-министру направил своего помощника. Помощник решил, что от него требовалось всего

лишь сообщить эту информацию по телефону в аппарат премьер-министра, но не смог дозвониться до нужного чиновника.

¹⁴¹ За два дня до начала войны из Лэнгли пришло прямое предупреждение: «По нашим сведениям, арабы собираются напасть на вас» — и на него был дан вежливый, но скептический ответ. Замдиректора ЦРУ в сердцах бросил: «В конце концов, это их дело. Они считают, что знают, о чем говорят». Когда война разразилась, три офицера из руководства ЦРУ были отправлены в отставку.

¹⁴² Народ можно понять — это ведь была первая действительно большая победа за тысячелетия...

¹⁴³ Первый израильский храм был разрушен вавилонянами в 586 году до нашей эры, второй — римлянами в 70 году нашей эры. Третьим храмом считается сам Израиль.

¹⁴⁴ Иордания, несмотря на открытые призывы к возвращению Западного берега, в войне 1973 года не участвовала.

¹⁴⁵ Хусейн встретился с Рабином в мае 1975 года в пограничной пустыне на Аравийской равнине. Это была не первая встреча иорданского короля с руководством «вражеского» государства — впервые встреча состоялась в 1963 году.

¹⁴⁶ На иврите «сабра» означает «кактусовый плод». Так называют евреев, родившихся в Палестине.

¹⁴⁷ Хасан Али потом писал, что не знал истинной цели поездки; переговоры вели Хофи, которого он не знал в лицо, и Тохами, а ему сказали, что тайная эта встреча — с французами и речь идет о закупке оружия. Только по возвращению в Каир Анвар Садат раскрыл своему шпиону суть происходящего.

¹⁴⁸ «Объединение» или «единство» (иврит).

¹⁴⁹ После Суэцкой кампании 1956 года командиры четырех батальонов парашютной бригады выдвинули обвинение в трусости полковнику Ариелю Шарону, который «никогда не водил своих людей в атаку, а предпочитал отсиживаться в тылу». Лидером «бунтовщиков» был подполковник Ицхак Хофи.

¹⁵⁰ О том, что из этого получилось и как, благодаря усилиям внешних и внутренних врагов, «Лакам» рухнул, мы уже писали.

¹⁵¹ Был в разведке еще в сороковых годах, в рядах «Палмах». После войны 1948 года служил рядовым оперработником в «Амане». В 1956 году израильская разведка направила его в Тегеран, где он работал как на «Моссад», так и на «Аман» в начальный период развития «периферийной» стратегии. Он сыграл ключевую роль в достижении соглашения о продаже Ирану израильского оружия на сумму 250 млн. долларов в год.

¹⁵² Кашоги помог Нимроди получить секретный «План Фахда», в котором впервые говорилось о возможности саудовского признания Израиля как государства. Саудовцы в обмен на мир и взаимное признание арабов и израильтян добивались лишь права поднимать саудовский государственный флаг над святыми местами в Восточном Иерусалиме как символ ответственности Саудовской Аравии за охрану святых мест — как это делалось в Мекке и Медине.

¹⁵³ Сохранилась фотография, на которой улыбающийся крупнотелый министр обороны Израиля любезничает с Нимейри и Кашоги, представителями официально враждебных стран.

¹⁵⁴ Вообще работа в Африке считалась прерогативой «Моссада».

¹⁵⁵ Подлинное имя эмиссара тщательно сохраняется в тайне.

¹⁵⁶ Аналитики «Амана» сообщали, что полученное фалангистами от Израиля оружие нередко оказывалось у палестинцев. Некоторые христианские лидеры вели подпольную торговлю оружием и наркотиками. «Аман» также выступал против военных операций, которые могли привести израильскую армию в прямое соприкосновение с сирийскими силами в Ливане.

¹⁵⁷ За несколько дней до фактического вступления в должность он в Израиле встретился с премьером Бегинном; 12 сентября Шарон навел Джемалея в его доме под Бейрутом. На 15 сентября была назначена встреча Джемалея с министром иностранных дел Ицхаком Шамиром.

¹⁵⁸ Боевые отряды ООП к тому времени уже давно покинули эти лагеря.

¹⁵⁹ Сотрудничество в военно-морской области было «расшифровано» в начале 1982 года после ареста Дитера Герхарда, офицера стратегической базы Саймонстаун недалеко от Кейптауна и агента советской разведки. Именно с базы в Саймонстауне в сентябре 1979 года вышла группа кораблей и произвела испытание южноафриканской ядерной бомбы, созданной при содействии Израиля, — вспышку зафиксировал спутник «Велла» АНБ. Считают, что это — компактное и на удивление «чистое» устройство, которое практически не дает радиоактивных осадков. Имеются также данные о совместных работах по созданию ракетной техники, а истребители ЮАР повторяют «израильские».

¹⁶⁰ Отставной генерал располагал официальным мандатом от министерства обороны на поиск путей реализации оружия; правда, в документе указывалось, что владелец не имеет права на ведение окончательных переговоров и заключение сделок.

¹⁶¹ Нельзя сказать, что контакты, точно так же как и поставки оружия, были полностью прекращены — просто объемы их были невелики, в основном касались политики нового режима в отношении не слишком многочисленной еврейской общины, а продажа оружия ограничивалась небольшими партиями того, что мог поставить сам Израиль, и не включала сложные виды военной техники.

¹⁶² Концепция «трех рядов» политиков и религиозных деятелей, ожидающих своей очереди, соперничающих между собой в борьбе за власть и ожидающих смерти аятоллы.

¹⁶³ Пост советника премьер-министра по антитерроризму, как уже упоминалось, был создан Голдой Меир после мюнхенской трагедии с убийством спортсменов-олимпийцев.

¹⁶⁴ Нир обманом заманил старшего адъютанта Переса полковника Азриеля Нево в казино и там же показал Горбанифару фотографии в газете, на которой были запечатлены Нево и Перес, которого Манучар, естественно,

знал в лицо. Теперь Нево был с Ниром — выходит, по логике, принятой Горбанифаром, что Нир человек Переса.

¹⁶⁵ Нир лично ввел Буша в курс переговоров с Ираном. Об этом новый президент не собирался рассказывать.

¹⁶⁶ Он арендовал самолет на имя «Пэта Уэбера».

¹⁶⁷ Харари родился в 1927 году в Тель-Авиве в семье служащего таможи. Его карьера была типичной для сотрудников разведки того поколения. Он служил в «Палмах» и «Шай», а после создания еврейского государства пришел на работу в разведку.

¹⁶⁸ В нем участвовали Соединенные Штаты и Канада.

¹⁶⁹ А современные спутниковые системы почти со стопроцентной гарантией обнаружат ее еще задолго до выстрела, разве только что будут применены чрезвычайные средства маскировки.

¹⁷⁰ Задолго до космической эры массированным налетом авиации союзников была уничтожена гитлеровская «многоножка», гигантская пушка, которая строилась для осуществления обстрела территории Англии.

¹⁷¹ «Спейс рисерч корпорейшн».

¹⁷² Барад работал с палестинским агентом, Баширом Самарой, который также входил в состав лондонской группы «Форс-17».

¹⁷³ Контрразведка ФРГ получила предупреждение от офицера связи «Моссада». Предполагают, что в окружении Далкармони действует израильский агент.

¹⁷⁴ Некоторые данные были получены 11 декабря в ходе кровопролитного рейда «сайерет» на оперативную базу НФОП-ГК в Ниамее близ Бейрута. Но сведений о конкретном рейсе, на который будет совершен теракт, не было. Тем не менее особо жесткие меры безопасности и контроль за европейскими оперативниками НФОП-ГК, возможно, и предотвратили бы катастрофу.

¹⁷⁵ Новой и трудно поддающейся описанию национальности, не сформировавшейся окончательно и в наши

дни, национальности, реально складывающейся из представителей элиты, в которую Манор стремился войти.

¹⁷⁶ В 1957 году Бен-Гурион даже создал для него специальный титул. В кнессете, парламенте Израиля, Бен-Гурион называл его «мемунех», то есть руководитель всех секретных служб.

¹⁷⁷ Впоследствии — премьер-министр Израиля, до конца своей политической карьеры сохранивший определенную двойственность: серьезные политические, по сути, миротворческие успехи сочетались с лихими и, как уже отмечалось, далеко не всегда целесообразными авантюрами. Ушел в отставку добровольно — «устал»...

¹⁷⁸ В последующие годы проблемы с религиозными ортодоксами возникали постоянно, не исчезли они и до сих пор. Малопонятное за пределами Израиля, но очень болезненное в свое время «дело Йоселе» в своей основе имело столкновение с ортодоксией.

¹⁷⁹ В этот еврейский день отдыха, в порядке компромисса между партией «Мапай» и религиозными политическими деятелями, было запрещено движение автобусов.

¹⁸⁰ Сам Гольдштейн уверял, что его больше привлекала не суета в правительственных коридорах и кабинетах, а простая трудовая жизнь в киббуце.

¹⁸¹ К этому времени за КГБ уже установилась (и далеко небезосновательно) репутация службы, часто прибегавшей к фабрикации дезинформационных документов.

¹⁸² Джеймс Джизиус Энглтон, который поддерживал сотрудничество американских и израильских спецслужб, был наиболее подходящим лицом для передачи «горячего» и ответственного материала.

¹⁸³ Подтверждая роль Израиля в получении этого доклада и называя это огромным успехом, Харел, тем не менее, не раскрывает, кто и как получил этот доклад. Харел, оказывается, сам не знал этого.

¹⁸⁴ Стажевский упоминает еще одного журналиста, которому якобы был передан текст, но тот и позднее его

жена категорически отрицали этот факт. Не исключено, что в свое время просто не поверили Стажевскому, а потом предпочли «забыть» о своей промашке.

¹⁸⁵ В октябре 1956 года польские власти выдворили Бена из страны за репортажи о рабочей забастовке в Познани, опубликованные в «Монд» и израильской «Маарив». Интересная формулировка: его выслали как «агента израильской и американской разведок».

¹⁸⁶ Имелись в виду конкретно эти люди, чуть более десяти человек. Опасность правого терроризма как такового ощущалась и тогда, и в последующие годы; в 1996 году произошло одно из самых громких преступлений — правым террористом был убит премьер-министр Ицхак Рабин, под руководством которого было сделано очень много для урегулирования палестинской проблемы.

¹⁸⁷ Сменил фамилию на «Шамир». Впоследствии стал премьер-министром Израиля.

¹⁸⁸ Он самостоятельно выучил французский язык.

¹⁸⁹ Манор был разочарован тем, что в 1963 году ему не удалось занять место Харела, а также понимал, что он не может соперничать с действующим шефом «Моссада», заслуженно считающимся одним из ведущих «соучастников» победы, за внимание премьера Леви Эшкола.

¹⁹⁰ Настоящее имя Абу Аммар. В последние годы участвует в конструктивном диалоге с правительством Израиля, возглавляет палестинскую автономию. Лауреат Нобелевской премии мира.

¹⁹¹ Рекомендация об отмене военной администрации в конкретных районах Израиля была высказана в 1966 году бывшим работником «Моссада» Шмуэлем Толедано, который в тот период был советником Эшкола по арабским делам.

¹⁹² Это серьезный политический акт: фактически это означало распространение юрисдикции службы внутренней безопасности за пределы официальных границ Израиля.

¹⁹³ Секретный доклад ЦРУ характеризовал Ахитува как «исключительно способного, трудолюбивого и амбициозного», но он также назывался и «упрямым, желчным и даже наглым».

¹⁹⁴ В отличие от других стран, где солдаты и офицеры специальных подразделений считаются наиболее грубыми и кровожадными представителями вооруженных сил, в Израиле придавалось большое значение воспитанию членов этих подразделений в духе высокой морали.

¹⁹⁵ В Ливии произошел государственный переворот и к власти пришел решительный враг Израиля полковник Каддафи. А в Парагвае операция была прекращена после кровавого инцидента: 4 мая 1970 г. два араба ворвались в израильское посольство и потребовали встречи с послом, а затем убили сотрудницу посольства. Это был акт мести со стороны палестинцев, которых переселили в Южную Америку. Полиция Асунсьона установила одного из убийц: Талала ибн-Димасси, уроженца сектора Газа. Он и его сообщник жили в лагере беженцев в Джабалае. Были инциденты и в других странах.

¹⁹⁶ 26 декабря 1968 г. боевики НФОП забросали гранатами и обстреляли израильский авиалайнер в аэропорту Афин, убив пассажира и двух стюардесс. 18 февраля 1969 г. в аэропорту Цюриха четверо боевиков НФОП убили израильского пилота и ранили пятерых пассажиров. Самолеты иностранных авиакомпаний, совершавших рейсы в Израиль, также стали объектами террористических акций.

¹⁹⁷ Голда Меир стала премьер-министром в марте 1969 года после внезапной смерти Леви Эшкола:

¹⁹⁸ «Рекогносцировка», полевая разведка (иврит). Солдаты этих подразделений, помимо наблюдения, проходят очень серьезную десантную подготовку, включающую ночной рукопашный бой и использование различных видов огнестрельного оружия.

¹⁹⁹ «Маткал» — Главный штаб, Генеральный штаб (иврит). Сам факт существования «сайерет маткал» или «группы 269», является секретом, и военная цензура запрещает любые упоминания об этом подразделении.

²⁰⁰ «Сайерет маткал», как уже упоминалось, систематически «обслуживает» не только военную разведку «Аман», но в целом все разведсообщество. Отношение спецназовцев с разведчиками сложились тесные: ветера-

ны «сайерет» после службы часто приходят на работу в «Шин Бет» или «Моссад».

²⁰¹ Название было взято в память о сентябре 1970 года, когда иорданская армия разгромила организации палестинцев. Первоначальной целью организации «Черный сентябрь», которая являлась тайным ответвлением ООП, была месть иорданскому королю Хусейну. Вначале совершались нападения на иорданские объекты, но вскоре пришел черед израильских целей.

²⁰² Посольство Израиля в Брюсселе в тот период стало важнейшим центром израильской разведки после того, как за убийство Бен-Барки де Голль выдворил «Моссад» из Парижа.

²⁰³ Он действовал под именем французского бизнесмена Эдуарда Станисласа Ласкье.

²⁰⁴ Нынешний премьер-министр Израиля.

²⁰⁵ От телефонного номера «17», который был установлен в помещении этой службы в штаб-квартире ООП в Бейруте. Когда функции подразделения были расширены, стало чаще употребляться название «Форс-17».

²⁰⁶ Его беременная жена-норвежка стала свидетельницей убийства.

²⁰⁷ Власти Норвегии через два года выпустили всех арестованных и осужденных агентов на свободу.

²⁰⁸ В «Шин Бет» всегда считали, что левацкие группировки находятся если не под руководством, то под влиянием советской разведки.

²⁰⁹ Ортодоксы полагают, что к приходу Мессии все мусульманские мечети должны быть разрушены, потому что он построит «третий Святой храм» на месте мечетей Омар и эль-Акса и только после этого начнет спасать мир.

²¹⁰ Аренс действительно приказал произвести расследование, поручив его комиссии во главе с генерал-майором запаса Меиром Зореа.

²¹¹ В таких судах заседали трое: представитель «Шин Бет», «Моссада» и доверенный гражданский судья.

²¹² В массе считали, что Шалома можно было оправдать, если бы речь шла «только» об убийстве двух пале-

стинских террористов, но попытка скрыть это преступление выходила за рамки того, с чем граждане могли смириться.

²¹³ Когда восстание началось, высшие чины армии и разведки не придали этому событию особого значения. Министр обороны Ицхак Рабин не прервал свой визит в Вашингтон. Премьер-министр Шамир и начальник штаба армии генерал Дэн Шомрон отнеслись к выступлениям на оккупированных территориях как к чему-то мало-значительному и пообещали, что беспорядки легко могут быть подавлены.

²¹⁴ Первоначальное название парома — «Сол Прайн», в 1982 году он был одним из судов, вывозивших палестинских боевиков из Бейрута после вторжения Израиля в Ливан, а незадолго до акции куплен ООП у греческого судовладельца.

²¹⁵ Бригадный генерал Гидеон Маханайми в 1985 году сформулировал концепцию, что только лидеры мелких террористических групп могли рассматриваться как законные цели. В небольших организациях, руководимых одним человеком, устранение лидера дает какой-то осязаемый результат. Хамди никак не соответствовал этой концепции.

²¹⁶ В тот период «Джихад ислами» уже совершил несколько терактов с большими жертвами среди военных и гражданского населения; наиболее драматичный — взрывы осколочных гранат во время церемонии принятия присяги новобранцами у Стены плача в Иерусалиме.

²¹⁷ Лейбористы, входившие в коалиционное правительство, высказывались за оставление оккупированных территорий в обмен на мир. Против убийства были Шимон Перес и еще два министра, бывший командующий ВВС Эзер Вайцман и бывший президент Израиля, министр образования Ицхак Навон.

²¹⁸ Боевики долго тренировались на аналогичной вилле — тренировка на моделях целей, часто специально построенных, считается в Израиле абсолютно необходимым элементом подготовки сложных операций за рубежом.

²¹⁹ Телекс компании «Эй-Би-Си» премьер-министру Шамиру: «Службы безопасности Израиля использовали прикрытие «Эй-Би-Си Ньюз» в ходе ареста палестинского араба. Компания «Эй-Би-Си Ньюз» этим очень обеспокоена и требует проведения немедленного расследования с целью установления лиц, отдавших такое распоряжение».

העמותה לקליטת עליה בחיפה

רח'י. ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

5715

מס'

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления	
В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО «ШАИ»	3

Часть 1

Это было недавно...

Глава 1. Время разбрасывать камни	8
Военная разведка	11
Служба внутренней безопасности	12
Служба внешней разведки	13
Институт «Алия-Бет»	13
Глава 2. Посланник небес	15
Падение Большого Иссера	21
Первое пришествие Герцога	25
Глава 3. Комитет «ВАРАШ» – с тех пор и навсегда	26
Красавчики и бунтари	28
Глава 4. «Моссад», великий и ужасный	34
Первый директор. Успехи Рувена	36
Просчеты Рувена	37
Поспешность Рувена	45
Большой замысел Шилоя: стратегические союзы	48
Свой человек в Вашингтоне	51
Практика взаимодействий	54
Стратегические союзы-2	57
Стратегические союзы-3. «Трайидент»	59
Эпитафия Вестнику	63
Глава 5. Второй, но самый знаменитый	
директор «Моссад»	64
Большая тень Маленького Иссера	65
«Тигр» прыгает для премьеры	71

Знаете, каким он парнем был... ..	73
«Паршивая овца» израильской разведки Мордехай (Мотке) Кедар	74

Часть 2

Без имени и, в общем, без судьбы

Глава 6. Агентурная разведка: успехи и провалы	78
Предпосылки	80
Живущему в стеклянном доме нельзя швыряться камнями... ..	84
Под немецкой «крышей»	90
Бен-Яир	96
Джек Леон Томас	99
Элиаху (Эли) Коэн	103
Вольфганг Лотц	113
Барух Мизрахи	121
Агент Амина аль-Муфти	122
Глава 7. «Моссад» против нацистских преступников	124
Глава 8. «Мемунех» на пороге шестидесятых	134
Первый исход Харела. Оглянись во гневе... ..	142

Часть 3

«Моссад» и «Лакам»

Глава 9. Бомба для Даяна	146
Время собирать камни: «Лакам»	154
Оружие Судного дня	162
Спрячь за забором «Мираж» от «Лакама», выкрадет вместе с забором. Вагон чертежей	169
Большой Шербурский зонтик, или катера от «Лакама» ...	175
«Лакам»: Смена вторая и последняя	181
Дело Полларда	184
«Дело Вануну»	200
Глава 10. Игры «Шин Бет», «Моссада» и КГБ с отступлением от хронологии	214
Глава 11. Это память путями далекими... «Моссад» и алия ...	223
Магрибские тайны	228
Чувство семьи единой	230
Поклон Балкис-Македе	233

Часть 4

Время разбрасывать камни

Глава 12. Перестройка «Моссад» при М. Амите	238
Кадры решают все	247

Пра-пра... внуки Юдифи	248
В постели со шпионом	250
На крыльях любви	252
Спустя год появилась новая подходящая цель	255
Глава 13. Спецслужбы перед Шестидневной войной	260
Политические акции и агенты влияния	262
Цена головы	269
Харел. Последняя попытка	272
Глава 14. Жаркое лето 1967 года	273
Глава 15. Смена директоров «Моссад»	277
Глава 16. Крыло распростертое	279

Часть 5

Мы с тобой два берега...

Глава 17. На пути к лагерю Давидову	292
Дружить хоть с чертом, по старым злым рецептам... ..	298
Глава 18. Длинные-длинные руки маленькой-маленькой страны. Авантюры	300
«Беби-шах»	303
«Фантомы» над Багдадом за пятнадцать лет до «Бури в пустыне».....	307
Вторжение в Ливан.....	310
Глава 19. Горе и оружие	317
Там, за океаном... ..	329
Глава 20. Излом веков – «Моссад» готов	331

Часть 6

Несокрушимая и легендарная «Шин Бет»

Глава 21. Структура и дела «Шин Бет»	344
Глава 22. Человек из Освенцима	347
Глава 23. «Шин Бет». Контрразведка как инструмент внутриполитической борьбы	350
Глава 24. «Шин Бет» занимается своим делом	354
Глава 25. Неизвестная удача «Шин Бет»	357
Глава 26. «Шин Бет» и пресса	362
Глава 27. Правые в «Шин Бет»	364
Глава 28. «Шин Бет» против арабской разведки	366
Глава 29. «Шин Бет» и ядерные секреты	368
Глава 30. «Шин Бет» в большом строю	370
ЦРУ, алия и Шин Бет	370
Глава 31. «Шин Бет» – новые времена	372
Глава 32. Перемены в «Шин Бет»	382
Глава 33. «Система»	383

«Шин Бет» и демография	385
«Шин Бет» и палестинский терроризм	386
Глава 34. «Моссад» и «Шин Бет» против террористов	389
Печальный итог	402
Глава 35. Оглянись на дом свой, ангел	403
Глава 36. Большая ложь «Шин Бет»	406
Глава 37. Средство против метода, или Интифада	414
Примечания к тексту	427

*Литературно-художественное издание
Серия «Тайны XX века»*

Иосиф Дайчман

**«МОССАД». ИСТОРИЯ ЛУЧШЕЙ
В МИРЕ РАЗВЕДКИ**

Ответственный редактор *А. В. Бушуев*
Художественный редактор *П. П. Трофимов*
Технический редактор *С. В. Лишанков*
Корректор *Г. В. Петрова*

Подписано в печать 28.11.2000. Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. псч. л. 24,36.
Уч.-изд. л. 18,88. Тираж 11 000 экз. Заказ 2968.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.600.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432 от 29.04.1997.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Миринда».
Лицензия ЛВ 273 от 29.04.98.
220056, Минск, ул. Садовая, д. 1.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

OCR Давид Титиевский, август 2021 г., Хаїфа

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ
КНИЖНУЮ СЕРИЮ

ТАЙНЫ XX ВЕКА

Твердый целлофанированный переплет,
формат (84×108, 1/32), в среднем объеме
одной книги 400–600 стр.

«ТАЙНЫ XX ВЕКА» — серия документально-публицистических книг, рассказывающих о наиболее загадочных и драматических событиях и явлениях бурного XX века. В рамках серии публикуются мемуары, исторические исследования и сборники очерков, авторами которых являются писатели и политики, журналисты и военные.

Главная задача «ТАЙН XX ВЕКА» — освещение таких тем и сюжетов, которые в силу разных причин оказались закрытыми для читателя: тайн сильных мир сего, военных разведок, спецслужб, преступных сообществ, кланов и так далее.

«ТАЙНЫ XX ВЕКА» — это сенсационные разоблачения, политические скандалы, разгадки запутанных событий, ответы на вопрос «Кто есть кто?» и многое-многое другое.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУСИЧ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ
КНИЖНУЮ СЕРИЮ

ТАЙНЫ XX ВЕКА

Твердый целлофанированный переплет,
формат (84×108, 1/32), в среднем объем
одной книги 400–600 стр.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДУТ В СВЕТ:

- Э. Соммерс «Тайная жизнь Эдгара Гувера»
- С. де Грамон «История шпионажа»
- Г. Куманев «Рядом со Сталиным»

Издательство «РУСИЧ» высылает книги по почте.
Цены издательские. Оплата наложенным платежом.
Каталог прилагается бесплатно.

Наш адрес: 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7. Тел.: (08122) 9-15-96

«МОССАД»

Самый известный из директоров «Моссада» Иссер Харел всегда гордился тем, что его агентство в отличие от других западных разведывательных служб полагается прежде всего на агентурные источники. Специалисты признавали, что разведка Израиля обладает лучшим в мире агентурным аппаратом. Харел свято верил в силу человеческих инстинктов. Сам он, несомненно, обладал превосходно развитыми инстинктами и отдавал предпочтение трудно поддающемуся объяснению вдохновению по сравнению с холодным расчетом и чистой технологией

ISBN 5-8138-0223-1

9 785813 802232